

А. Бугаев

Очерки истории гражданской войны на Дону

февраль 1917 г. – февраль 1918 г.

А. Бугаев

**Очерки истории
гражданской войны на Дону**

(февраль 1917 г. – февраль 1918 г.)

УДК 94(47)
ББК 63.3
Б90

Б 90 **Бугаев А.**
Очерки истории гражданской войны на Дону (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.). – Ростов н/Д, 2010. – 400 с.

ISBN 978-5-87257-183-6

История скучна и мертва, лишь когда она тенденциозна, урезана и неполна. Но стоит подойти к ней объективно и непредвзято, история завораживает, куда сильнее приключенческого романа.

Эта книга о самых первых днях и первых боях гражданской войны. О неизвестных бойцах «внутреннего фронта», чьи имена в большинстве стёрлись из памяти. О значимых событиях и свершениях, ныне незаслуженно забытых. О невыдуманном, не искусственно созданном, но обыденном фронтовом героизме. О солдатских эшелонах, устремившихся к границам Дона и о донской молодёжи, вышедшей им навстречу. О казаках, оставшихся поначалу в стороне, и о добровольцах, державших фронт под Таганрогом. И о том, что всё было тогда совсем непросто...

Насколько тема гражданской войны востребована и интересна сейчас, судить читателю...

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-87257-183-6

© А. Бугаев, 2010

*Сергею Леонидовичу Маркову и всем,
погибшим на «внутреннем фронте»,
посвящается*

– Вы помните, юнкер, рождественский бал, где ёлка сверкала огнями, Букеты, шарады, большой карнавал, младых гимназисток с цветами, Девичьего смеха задорный вокал, ораторов дерзких мечтанья, И первых надежд неизбежный накал, и сладостной неги страданья?

– Открою заветный, быть может, секрет. Узнайте, приходит мгновенье, И вот уж для Вас ничего в мире нет, лишь только в бою упоенье. Завидев врага, позабыть обо всём. Вперёд, за Россию, без страха! Сродниться с прикладом, ударить штыком. Атака! Атака! Атака!

– Скажите, поручик, ужели забыть успели вы карие очи, Успели забыть, как умели любить в январские лунные ночи, Как трепетно падали тени на снег, даже пурга не помеха. И новым успехом сменялся успех, и новой утехой утеха...

– Прервите, прошу Вас, поток лишних слов...

В степях полыхают зарницы.
С последней надеждой оставлен Ростов. Поднялись донские станицы...
Пусть от победы ещё далеки, судьбе мы в ответ улыбнёмся.
Клянусь Вам, невзгодам любым вопреки,
Вернёмся. Вернёмся. Вернёмся.

– Прошу Вас, полковник, меня извинить. Я помню, и это отрада, Дворцовую площадь сумела пленить тяжёлая поступь парада. Там вскачь проносились казачьи полки, лихие как встарь неизменно, И шли гренадёры, уставив штыки, равнение держа непременно...

– Не время, мой друг, предаваться мечтам, пропета походная песня. Самую судьбою приказано нам Отчизну спасти от бесчестья. Быть может, немногим понять нас дано, стоим, как на лезвии тонком. Но смотрим в глаза без стыда всё равно Потомкам! Потомкам! Потомкам!

Содержание

От автора	6
Вступление. Область войска Донского	9
1. От февраля к октябрю	15
1.1. Февральская революция	15
1.2. Февраль на Дону	19
1.3. Войсковой круг в Новочеркасске. Избрание Каледина Войсковым атаманом. Голубов	32
1.4. Развал армии. Борьба большевиков за власть	37
1.5. Корниловское выступление. Петроградская армия Крымова. Быхов	47
1.6. Отзвуки Корниловского выступления на Дону. Вой- сковой круг 2-го созыва	64
2. Октябрь на Дону	71
2.1. Октябрьские дни	71
2.2. Бегство Керенского. Краснов под Петроградом	78
2.3. Октябрь на Дону	103
2.4. Прибытие Алексеева в Новочеркасск. Начало форми- рования Алексеевской организации	115
2.5. Конец Ставки. Бегство «быховцев» на Дон	126
3. Первые стычки	140
3.1. Бои за Ростов	140
3.2. Войсковой круг 3-го созыва. Волнения в Александр- овске-Грушевском. Есаул Чернецов	158
3.3. Корнилов в Новочеркасске. Триумвират. Добровольче- ская армия. Экспедиции. Национальные формирова- ния	175
3.4. Паритетное правительство. Съезд неказачьего насе- ления Области	206

4. Эшелонная война	217
4.1. Стратегический план наступления. Выход советских войск на границы Области	217
4.2. Первое наступление Сиверса. Ясиновский рудник. Пе- редышка	236
4.3. Налёт Чернецова на Дебальцево. Наступление Саб- лина	246
4.4. Продвижение Петрова. Каменский ревком	260
4.5. Второе наступление Сиверса. Восстание в Таганроге	285
4.6. Последний рейд Чернецова. Голубов и Подтёлков. По- сле Чернецова	299
5. Падение Дона	333
5.1. Смерть Каледина	333
5.2. Атаман Назаров. Войсковой круг 4-го созыва	351
5.3. Падение Новочеркаска	361
5.4. Последние бои. Батайск	373
5.5. Падение Ростова	384
Эпилог	395
Список карт	396
Список использованной литературы	397

ОТ АВТОРА

Любая война страшна. Страшны оставленные пустые города и станицы, толпы беженцев, бредущие куда-то по обочинам дорог. Страшны мёртвые тела тут же у обочин. Страшна чужая речь чужих солдат, чужая техника, чужие патрули... Страшна разом наступившая неустроенность, неуверенность в завтрашнем дне. Разруха, бедствия, лишения. Страшен голод... Страшна обыденность смерти, но куда страшнее привыкание к этой обыденности...

Гражданская война страшна вдвойне. Втройне... Во много раз страшнее. В ней линия фронта проходит не по хуторам, не по балкам и оврагам. По душам людей. В ней быстро сходят со сцены равнодушные, сторонние... В ней все причастны, все знают, с кем и за что. В ней никто не сомневается. Ни в правоте своей, ни в праве за эту правоту убивать. Сомневающиеся погибают первыми... В ней затронуты коренные, глубинные интересы. В неё втягиваются постепенно целые слои, огромные социальные группы, многие миллионы. И начинается она с негромкого спора, а кончается всегда ожесточением. Расстрелами у околиц и в подворотнях домов. Виселицами и посечёнными саблями, изуродованными пулемётным огнём в упор, телами пленных. И брат без раздумий хватается за горло брата, и сын стреляет отцу в спину...

В жизни мало что бывает случайного. Столь масштабные события и свершения имеют, конечно же, свои истоки. И исход их во многом предопределён. Будто травы, будто ковыль, волнуемый непостоянным степным ветром, склонялось то в одну, то в другую сторону донское казачество. Многие тысячи обученных, подготовленных, прошедших войну рубак то отсиживались по домам, а то вдруг сбивались в лихие конные сотни и поднимались в поход. И в зависимости от их настроений, от симпатий, от готовности драться за дедовскую землю и родные курени, удача попеременно сопутствовала то красным, то белым... Три года схватывались, сшибались в рубке, гнали то белых на юг, то красных на север. Подавались и сами... И наступление вдруг

сменялось паническим бегством, а почти уже добытая победа оборачивалась разгромом и гибелью.

А люди... Люди всегда остаются людьми. Слабые – покорно плывут по течению вместе со всеми. Сильные духом, уверенные в своей правоте, отбросив сомнения, идут наперекор судьбе. И ведут за собой...

И в дни, когда будущее решается на десятилетия вперёд, когда всё рушится, громыхает, трещит по швам, когда нет пути назад, и неизвестно ещё, что прорастёт из-под обломков, безнадёжные их потуги вдруг приобретают значимость и неожиданную мощь. И гнут, ломают, переворачивают самой многовековой историей предопределённые события... И другие, глядя на них, стряхивают апатию и оцепенение, и идут вослед. И судьба, удивляясь, подаётся... Вот только, потом, справившись с недолгой растерянностью, мстит обидчикам жестоко. Требует за уступчивость свою расплатиться по полной...

Сколько их, беззаветных бойцов, красногвардейцев... добровольцев, казаков, в эшелонах, впереди пехотных цепей, в конной, сметающей врага лаве прошли, проскакали, пронесли по Донской земле. Сколько полегло их в степи уже и в то время самых первых боёв и дней, когда не было ещё ни белых, ни красных... Товарищи наскоро вырыли могилы, постояли молча, находя слова прощания. Пошли, забросив на плечи винтовки с примкнутыми штыками, унося с собой вечную память... И не разглядеть в лучах заходящего солнца, в фуражках, или в папах, в погонах, или без...

Автор должен быть беспристрастен и не может открыто принять чью-то сторону по определению. Если, конечно, скрывать свои симпатии ему удаётся... Автор не может позволить и не позволяет себе давать оценку происшедшего, а лишь старается выявить причинно-следственную связь.

Автор не пытается вступать в идеологическую дискуссию, не навязывает свою точку зрения читателю, оставляя право на выводы исключительно за ним самим. Лишь иногда делится впечатлениями... Единственный критерий – факты, достоверность которых подкреплена предшествующими исследованиями

ми и, в большей степени, воспоминаниями участников и очевидцев событий, без которых никогда не была бы создана эта книга.

Гражданская война страшна... Но куда страшнее забыть о ней, о сотнях тысяч погибших. Куда страшнее не знать, не интересоваться ни историей своей, полной трагизма и героики, ни судьбами и свершениями сильных, смелых людей, которых давно уже нет на свете. Не думать об их мечтах, разговорах. О скудном солдатском пайке, об армейском братстве. О том, что вело их на смерть и позволяло совершать невозможное. О том, как оно всё было тогда... Не так уж и давно...

Автор не ставит целью воссоздать столь масштабные события. Лишь обозначить контуры, лишь напомнить... Лишь пробудить угасающий интерес.

Автор не претендует на полноту изложения, тема слишком важна, глубока и мало проработана. Это наброски, размышления, попытки систематизации. Но, возможно, они покажутся кому-то интересными. А, возможно, и послужат для дальнейших, куда более серьёзных и подготовленных разработок.

Автор не может ограничиться временными рамками и границами региона. Логика событий, попытка выявить случайные факторы и объективные закономерности безоговорочно вынуждают смотреть на вещи куда шире...

Автор заранее извиняется за возможные неточности и недоработки и с благодарностью готов воспринять любые уточнения и замечания. Ведь только в непрерывном споре, в сопоставлении мнений и идей можем мы приблизиться к истине.

ВСТУПЛЕНИЕ. Область войска Донского

Отношения Донского казачества с Русским государством складывались далеко не так просто и однозначно, как принято считать. Многие в них определяло постоянно менявшееся соотношение сил. Во времена Грозного царское правительство, по рукам и ногам связанное чередой серьёзных военных конфликтов, вынуждено было закрывать глаза на существование буквально «под боком» вольной казачьей республики. В смутное время сами казаки принимали деятельное участие в судьбах обескровленного Русского государства. Воевали за кого угодно, за Болотникова, за обоих Лжедмитриев, за Ополчения, за Ляпунова и Заруцкого, даже и за гетманов, но куда реже за центральную московскую власть. Причём, надо признать, в известные периоды казачьи отряды бывали куда эффективнее в вооружённой борьбе, нежели стрелецкие полки, либо даже дворянское ополчение.

Говорить о какой-либо определённой политической линии казачества относительно этого времени и вовсе не приходится. Вряд ли можно говорить и о централизованной власти на казачьих территориях. Складывающаяся казачья верхушка постепенно прибирала к рукам бразды правления, но власть эта, особенно в мирное время, была чрезвычайно ограниченной и затрагивала в основном вопросы повседневной жизни. Раз за разом, и раньше, и много позже, сами собой, по инициативе снизу собирались вооружённые отряды и возглавляемые лихим предприимчивым атаманом направлялись «за зипунами» куда им вздумается. Воспрепятствовать этому не было, конечно, никакой возможности.

Таким образом, Москва на первых порах согласна была терпеть казачьи вольности, так как в обмен получала более-менее надёжный заслон от турецкой экспансии и татарских набегов на южных рубежах. Часть казачьей элиты видимо была не прочь пойти под руку Русского государства, но вынуждена была считаться с волей широких казачьих масс, таковых устремлений не проявляющих.

К середине XVII в. ситуация изменилась. Русское государство, пережив глубочайший кризис, шло на подъём. Мощь его, в том числе, и военная, усилилась многократно. Донское казачество в силу ряда причин, главная из которых – отсутствие установившейся государственности¹, в своём экономическом и социальном развитии от него отставало. Азовское сидение 1637–41 гг. наглядно продемонстрировало неспособность казачества в новых условиях противостоять сложившимся централизованным государствам – России и Порте. После вынужденного оставления Азова и ответного турецкого наступления само существование донских казаков оказалось под угрозой.

В этих условиях вхождение казачьих территорий в состав Русского государства становилось лишь делом времени. Стороны искали компромисс, но прийти к нему всё не могли. Ситуацию разрешило выступление Степана Разина. Вместе с ним в значительной степени разгромлены были и сторонники казачьей независимости. Дон был занят царскими войсками, и в 1671 г. казачество принесло присягу на верность российским государям. Процесс встраивания «вольного» донского казачества в структуры Российского государства начался.

Можно говорить о достигнутом негласном соглашении. Казаки стали нести государственную военную службу, государство же в свою очередь признавало за ними право на завоеванные их предками земли. Впрочем, правительство со временем оформило его законодательно.

Постепенно рудименты казачьих вольностей отсекались один за другим. Пётр после подавления восстания Кондратия Булавина уже назначал атаманов, игнорируя решения казачьего Круга. А в 1721 г. подчинил казаков Военной коллегии, практически уравнивая их с другими «служилыми людьми». К этому же времени относится запрет на приём беглых, отмена векового принципа – «с Дона выдачи нет», на что ранее государство практически закрывало глаза.

¹ Можно, видимо, говорить о зачатках государственности внутри донской казачьей вольницы. Однако, в любом случае, речь может идти лишь о предпосылках формирования государственного аппарата. В любом случае, данный вопрос требует специального исследования и не может быть раскрыт на страницах этой книги.

Согласно Указу от 4² марта 1738 г. атаман стал чином, жалующимся властями. Иными словами зафиксировано было, что назначение на эту должность переходило в исключительную компетенцию царского правительства. В 1775 г. после подавления восстания Емельяна Пугачёва Дон вновь был занят царскими войсками, а Войсковой Круг ликвидирован.

Самую суть правительственных устремлений по отношению к казачеству выразил закон Екатерины II от 24 мая 1793 г. Согласно этому документу, в основе своей определившему статус донского казачества вплоть до февральской революции 1917 г., все донские земли были переданы Войску Донскому за его военные заслуги. Передача земли сопровождалась предоставлением права на беспошлинную торговлю, исключительного права на рыбную ловлю, добычу соли на р. Маньч и т.д. Казаков освободили от государственных податей и повинностей. Тем самым утрата демократических прав и автономии была компенсирована существенными социально-экономическими привилегиями.

В итоге рядовой казак за службу приобретал немалые льготы и узаконивал своё право на землю. Верхушка казачества вливалась в состав российской элиты и на равных основаниях получала доступ к культурным достижениям просвещённого государства. В свою очередь, Российская Империя обрела крепко сбитый, хорошо подготовленный, кровно заинтересованный в её защите немалый воинский контингент, значительно укрепивший вооружённые силы страны.

В 1798 году казачьи воинские звания были приравнены к армейским: войсковой старшина соответствовал майору, есаул – ротмистру, сотник – поручику, хорунжий – корнету. Казачья старшина получила в 1798–1800 права русского дворянства. Ещё ранее, в 1796 г. она начала обзаводиться крепостными.

В 1802 территория Донского казачьего войска была разделена на 7 округов. Было введено положение о военной службе Донского казачьего войска, установившее для казака 30-летний срок службы со своим оружием и 2 конями. Впервые был определен войсковой комплект – 80 пятисотенных полков, Лейб-

² Здесь и далее, до 31.01.1918 г., даты – по старому стилю.

Гвардии Казачий полк, тысячный (во время похода) Войска Донского Атаманский полк и две конно-артиллерийские роты. В последующем количество выставляемых донскими казаками частей неоднократно менялась. За казачьими территориями постепенно утвердилось название – «Земля войска Донского».

В 1805 г. атаманом М.И. Платовым был основан г. Новочеркасск, ставший с 1806 г. новым административным центром Земли войска Донского вместо Черкаска (ныне ст. Старочеркасская).

В 1806 в особый калмыцкий округ в составе Донского казачьего войска вошло калмыцкое войско.

Согласно положению 1838 г. всё мужское казачье население должно было нести службу с 18 до 43 лет, за что получало в постоянное пользование соответствующий чину надел свободной войсковой земли. При этом вся земля в пределах Земли войска Донского продолжала считаться войсковой собственностью, а ее покупка-продажа могла осуществляться только среди казаков. Офицеры получали права потомственного дворянства, в том числе, права на землю и на крепостных. Селиться на территории казачьего войска посторонним лицам запрещалось. Подтверждался статус донского казачества, как замкнутого военного сословия, пожизненная принадлежность к которому распространялась и на все потомство.

Однако отмена крепостного права в 1861 г. незамедлительно внесла свои коррективы. Бывшие крепостные выкупали помещичью землю и селились тут же, по соседству с казачьими станицами. Уже в 1868 г. на Дону было разрешено постоянное проживание лицам неказачьих сословий. Иногородние получили возможность приобретать недвижимое имущество, чем многие тут же воспользовались. В свою очередь казакам было разрешено выходить из войскового сословия.

Быстрый переход страны на капиталистические рельсы сказался и на жизни самого казачества. Казачью верхушку, крепких, зажиточных казаков не могла не раздражать неопределённость с собственностью на землю, которая продолжала считаться войсковой. Постепенно земельные наделы закреплялись за конкретными владельцами практически в собствен-

ность с правом передачи по наследству. Начался процесс расслоения некогда монолитного казачества по имущественному признаку.

Следует также учесть, что казачье сельское производство оказалось вдруг в проигрышном положении в сравнении с крестьянским. Крестьяне призывались на общих основаниях и за счёт государства. Казак, напротив, снаряжение, обмундирование, вооружение, лошадей для службы традиционно приобретал за свой счёт. Естественно, это ставило казачьи хозяйства в заведомо невыгодное положение, способствовало дальнейшему расслоению казачества и росту у казаков ксенофобии по отношению как к пришлому элементу, так и к новым политико-экономическим реалиям...

С 1875 г. земли донских казаков стали называться «Областью войска Донского». А в 1887 г. к Области были присоединены Таганрогское градоначальство и Ростовский уезд Екатеринославской губернии. В том же году были образованы шесть управлений окружных атаманов, осуществляющих военное и гражданское управление. Общественные дела полностью перешли в руки станичных властей.

По переписи 1897 г. на территории области проживало 2779705 человек, в том числе лиц войскового сословия, то есть казаков 1184522 человека. В административном плане она делилась на семь военных округов и два гражданских (Ростовский и Таганрогский). Всего в области насчитывалось 134 станицы, 1728 хуторов.

Военные округа формировали казачьи части:

Хоперский округ (со штаб-квартирой в станице Урюпинской) выставял конные полки: 1-й, 13-й, 14-й, 18-й, 30-й, 31-й, 47-й, 48-й; отдельные сотни: 4-ю, 25-ю, 26-ю, 27-ю, 28-ю, 29-ю, 30-ю; запасные сотни: 1-ю, 13-ю, 14-ю и штаб 3-й льготной дивизии;

1-й Донской округ (со штаб-квартирой в станице Константиновской) – конные полки: 2-й, 8-й, 9-й, 19-й, 25-й, 26-й, 36-й, 42-й, 43-й; отдельные сотни: 1-ю, 6-ю, 10-ю, 11-ю, 12-ю, 13-ю и запасные сотни: 2-ю, 8-ю, 9-ю;

Усть-Медведицкий округ (со штаб-квартирой в станице Усть-Медведицкой) – конные полки: 3-й, 15-й, 17-й, 20-й, 32-й,

34-й, 49-й, 51-й; отдельные сотни: 5-ю, 19-ю, 20-ю, 21-ю, 22-ю, 23-ю, 24-ю; запасные сотни: 3-ю, 15-ю, 17-ю;

2-й Донской округ (со штаб-квартирой в станице Нижне-Чирской) – конные полки: 4-й, 5-й, 6-й, 21-й, 22-й, 23-й, 38-й, 39-й, 40-й; отдельные сотни: 2-ю, 14-ю, 15-ю, 16-ю, 17-ю, 18-ю и запасные сотни: 4-ю, 5-ю, 6-ю;

Черкасский округ (со штаб-квартирой в г. Новочеркасске) – конные полки: 7-й, 16-й, 24-й, 33-й, 41-й, 50-й; запасные сотни: 7-ю, 16-ю и штаб 4-й льготной дивизии;

Донецкий округ (со штаб-квартирой в станице Каменской) – конные полки: 10-й, 11-й, 12-й, 27-й, 28-й, 29-й, 44-й, 45-й, 46-й; отдельные сотни: 3-ю, 7-ю, 8-ю, 9-ю, 31-ю, 32-ю, 33-ю, 34-ю, 35-ю, 36-ю; запасные сотни: 10-ю, 11-ю, 12-ю и штаб 5-й льготной дивизии;

Сальский округ (со штаб-квартирой в станице Великокняжеской) – части 1-го и 2-го Донских округов.

Всё Войско комплектовало первоочередные Лейб-Гвардии Казачий полк (Донецкий округ), Лейб-Гвардии Атаманский полк (Усть-Медведицкий округ), 6-ю Лейб-Гвардии Донскую казачью батарею (Черкасский округ), 52-й полк, штабы казачьих дивизий, все казачьи батареи и остальные отдельные и запасные сотни.

Во время Первой мировой³ войны 1914–18 гг. Донское казачье войско выставило 60 конных полков, 136 отдельных сотен и полусотен, 6 пеших батальонов, 33 батареи и 5 запасных полков (всего свыше 100 тыс. чел.). Население Дона к 1917 составляло 3.53 млн чел., из них 42.3 % казаков и 25.5 % «коренных» крестьян. Остальные являлись иногородними.

Область войска Донского имела 134 станицы (в том числе 13 калмыцких – 30.6 тыс. чел.) и 163 крестьянские волости.

Нетрудно заметить, что казаки к тому времени уже не составляли большинства населения. При этом 64.5 % земли принадлежало казакам, 3.8 % – калмыкам, 15 % – помещикам, 3.9 % – крестьянам и 12.8 % составлял войсковой запас.

В горнозаводской промышленности было занято до 140 тыс. рабочих.

³ В России современники называли её Великой войной.

1. ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

1.1. Февральская революция

Тяжёлым катком прокатилась по России война. Переломала всё, изогнула, искорёжила. Страна держалась, как могла. Но за три почти года подъём сменился недоумением, недоумение – растерянностью, растерянность – апатией.

Царский режим, знавший за свою 300-летнюю историю впечатляющие взлёты и серьёзные успехи, имевший, несомненно, немалый запас прочности, к марту 1917 г. полностью его утратил. Он не мог пережить войну. Такую войну...

Сохранявшаяся социальная и культурная архаичность строя неизбежно оборачивались отсталостью военной. Десятимиллионная армия воевала. Иногда даже, рванувшись вперёд, гнала перед собой врага. Но все усилия, всё самопожертвование сводилось на нет коррупцией и некомпетентностью ставших привычными атрибутами высшей власти. Взятые из ближайшего окружения, как из колоды карт, царские чиновники сменяли друг друга, но ситуация не менялась.

Достаточно вспомнить, что планировалось завершить войну в течение четырёх первых месяцев. Соответственно и объёмы производства всего необходимого для действующей армии определялись, исходя из этого же срока. К зиме 1915 г. война не закончилась, закончились боеприпасы, снаряжение, медикаменты. Очень скоро остро стала ощущаться нехватка подготовленных офицерских кадров. Да и обстрелянных, втянувшихся в окопную жизнь, солдат оставалось всё меньше.

Но, прежде всего, не хватало, конечно, снарядов. «Снарядный голод», подорвавший веру в возможность победы и проявившееся превосходство немецкой тяжёлой артиллерии во многом и предопределили военную катастрофу и отступление армии.

Во главе военного ведомства с марта 1911 г. находился Сухоминов, впоследствии признанный виновным в череде поражений. Его бездействие, неумение или нежелание наладить нормальное снабжение, создать хоть намёк на запасы, попросту подготовиться, его равнодушие, его несоответствие зани-

маемой должности, представляются бесспорными. Но... сама атмосфера, сама структура власти выдвигала и способствовала карьере людей, от жизни и нужд фронта далёких. В лучшем случае, невежественных, в худшем – ловких, циничных дельцов, делавших на крови состояния. И отстранить их было невозможно. Попытки критики были пресечены в самом начале введением жёсткой военной цензуры. Сама чиновничья среда была таковой, порядочные, знающие, честные люди в ней не приживались.

К концу 1916 г. часть оборонных заказов была передана в руки буржуазии⁴, и в какой-то мере выправило положение со снабжением, но было уже поздно...

На третий год войны, лишённое значительной части наиболее трудоспособного мужского населения, хозяйство окончательно пришло в упадок. Транспорт работал с хроническими перебоями. Фронт недополучал зачастую не только боеприпасы и снаряжение, но даже и продовольствие.

Расстроенный тыл, дороговизна, вакханалия хищений, роскошь, без стеснения выстроенная на костях фронта, по соседству с нищетой... Распутин, сменявшие один другого его «назначенцы», само поведение членов царской семьи, провоцирующее ненужные слухи... Всё это, конечно, не способствовало нормализации обстановки. Раздражение во всех слоях общества сдерживалось до поры, но никуда не исчезало, накапливалось, и вскоре уже готово было вырваться наружу.

Страна напрягала последние силы, и в какой-то момент их просто не осталось. Хлебные бунты в столице явились лишь детонатором взрыва... На самом деле царизм пал потому, что к началу двадцатого века изжил себя и уже не смог парировать вызовы, неизбежно бросаемые ему историей. Не смог, да, наверное, и не мог адаптироваться к тяжким условиям военного времени. И когда, 23 февраля, началось в Петрограде, вдруг выяснилось, что режим просто некому защищать. Полиция, несколько десятков офицеров...

⁴ На Дону был создан Донской военно-промышленный комитет, оплот либеральной буржуазии, к февралю 1917 г. контролировавший всю экономику области.

Против этой горстки выступило почти всё взрослое население столицы и перешедшие на его сторону части гарнизона. Казачьи полки, объявив о нейтралитете, в события не вмешивались.

Власть в столице была сметена в считанные дни. 24 февраля бастовало 90 тысяч человек. 25-го забастовка стала всеобщей, в ней приняло участие до 240 тысяч рабочих. Полиция не могла уже противодействовать многочисленным митингам и демонстрациям. Петроград был объявлен на осадном положении, царским указом заседания Государственной Думы и Государственного Совета были приостановлены до 1 апреля 1917 г. Николай II приказал силами армии подавить выступления рабочих в Петрограде, но это лишь ускорило развязку. 26 февраля колонны демонстрантов с разных сторон двинулись к центру города. Выведенные на улицы войска стрелять в людей отказались. Ожесточенное сопротивление оказала лишь полиция, которой к вечеру удалось даже очистить центр столицы. Но 27-го рано утром началось восстание солдат гарнизона. Первыми к рабочим присоединились 600 человек Волынского полка. Вскоре их примеру последовали солдаты Литовского и Преображенского полков. Восставшие солдаты строем направились в центр города. По дороге был захвачен Арсенал – Петроградский артиллерийский склад. Рабочие получили в свои руки 40 тыс. винтовок и 30 тыс. револьверов. Была захвачена городская тюрьма «Кресты», выпущены все заключенные. Был сожжён Городской суд. Восставшие солдаты и рабочие заняли важнейшие пункты города, правительственные здания и арестовывали министров. Приблизительно к 14 часам тысячи солдат пришли к Таврическому дворцу, в котором заседала Государственная Дума, и заняли все ее коридоры и прилегающую территорию. Стихийное выступление рабочих и солдат приняло такой размах, достигло таких успехов, что не могло уже обходиться без политического руководства.

И, начиная с 27 февраля власть, вначале с оглядкой, затем, всё смелее, стала прибираться к рукам Государственная Дума. Депутаты решили формально подчиниться указу царя о своём роспуске. Но решением частного собрания создали около 17 часов

Временный комитет Государственной Думы под председательством октябриста М.В. Родзянко путем кооптирования 2-х депутатов от каждой фракции. В ночь на 28 февраля Временный комитет объявил, что берет власть в свои руки.

Тем временем депутаты левых фракций Госдумы и представители профсоюзов создали в Таврическом дворце Временный исполком Петроградского Совета рабочих депутатов. Вслед за этим по заводам и солдатским частям были распространены листовки с призывом выбирать своих депутатов и присылать их к 19 часам в Таврический дворец по 1 депутату от каждой тысячи рабочих и от каждой роты частей гарнизона. В 21 час в левом крыле Таврического дворца открылись заседания рабочих депутатов и был создан Петроградский Совет рабочих депутатов⁵ во главе с меньшевиком Н.С. Чхеидзе и заместителем председателя исполкома трудовиком А.Ф. Керенским⁶. В Петроградский Совет вошли представители социалистических партий (меньшевиков, большевиков и эсеров), профсоюзов и беспартийных рабочих и солдат. Определяющую роль в Совете играли меньшевики и эсеры, большевики оказались в меньшинстве. Петроградский совет рабочих депутатов принял решение поддержать Временный комитет Госдумы в создании Временного правительства, но в нём не участвовать.

В воюющей, разорённой стране сразу же обозначилось двоевластие, в последствии её и погубившее. Официальная власть находилась в руках Временного комитета, затем, Временного правительства. Фактическая же в Петрограде – в руках Совета⁷.

28 февраля Родзянко уже вёл переговоры с царём, подводя его к осознанию необходимости отставки, и параллельно с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М.В. Алексеевым о поддержке Временного комитета армией.

2 марта Николай Романов за себя и своего сына отрёкся от престола в пользу брата Михаила Александровича.

⁵ 1 марта 1917 г. переименовал себя в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

⁶ 1 марта 1917 г. Керенский вступил в партию эсеров.

⁷ С конца февраля 1917 г. располагался в Таврическом дворце, с августа 1917 г. – в здании Смольного института благородных девиц.

Исполком Петроградского Совета вступил в переговоры с Комитетом Думы и предложил ему образовать Временное правительство. К вечеру 2 марта Временный комитет Государственной Думы назначил министров первого общественного кабинета министров. Всего в него вошли 11 министров во главе с Председателем Совета министров и министром внутренних дел князем Г.Е. Львовым.

3 марта Михаил Романов, не располагая никакой реальной силой, также отрёкся от своих прав на престол. Он передал всю полноту власти Временному правительству вплоть до созыва Учредительного собрания, которое и должно было определить форму правления в России.

1.2. Февраль на Дону

Официальное сообщение о событиях в Петрограде и отречении Николая II от престола поступили на Дон в ночь на 2 марта 1917 г. И хотя о случившемся к тому времени знали уже многие, первоначально оно носило секретный характер. Как и всегда в подобных случаях, местные власти не спешили принять ту или иную сторону, и, во всяком случае, стремились удержать ситуацию под контролем.

Наказной атаман граф М.Н. Граббе⁸ срочно созвал совещание. Характерно, что кроме городского головы Новочеркаска А.С. Дронова и нескольких присяжных поверенных, на него были приглашены представители разных политических течений. В частности, председатель Союза общественных деятелей А.И. Петровский и даже эсер Г. Л. Корякин. Обсудив полученные от Родзянко телеграммы, совещание приняло решение не допустить возможные беспорядки.

Но власть уже ускользала из рук наказного атамана. В тот же день в Новочеркасске состоялось заседание президиума Донского военно-промышленного комитета. В 23 часа было провозглашено создание Донского исполнительного комитета

⁸ Назначен на должность ещё царским правительством 8 мая 1916 г. Получил телеграмму «о свершившемся перевороте» за подписью члена Временного правительства Некрасова.

(ДИК⁹), тут же объявившего себя полномочным представителем Временного правительства на Дону. В его составе было около 200 человек. Любопытно, что председателем комитета был избран всё тот же А.И. Петровский, лидер донских кадетов.

На следующий день ДИК взял под контроль почту и телеграф. Протесты Граббе, и коменданта Новочеркаска Брызгалина, по существу, остались без внимания. Реальной властью, в том числе, и военной, Наказной атаман уже не обладал. Надо сказать, что ДИК в лице председателя и войскового старшины Е.А. Волошинова¹⁰ предложили Граббе «совместную работу в направлении, диктуемом совершившимся переворотом», однако атаман отказался. Вскоре в печати появились статьи с угрозами в его адрес. Стремясь разрядить обстановку и не допустить насилия 8 марта ДИК отстранил Граббе от должности и подверг его аресту. На следующий день Граббе под конвоем Голубова и казака Сохранова в сопровождении самого Петровского был препровождён на Ростовский вокзал, откуда и отбыл вместе со следовавшим в Ставку великим князем Николаем Николаевичем Романовым, назначенным накануне Верховным Главнокомандующим. ДИК временно возложил обязанности Наказного Донского атамана на Волошинова, который успел проявить себя, как деятельный и энергичный офицер.

Началось массовое смещение с должностей, в том числе и военных, лиц, связанных со старой администрацией. В частности, вынуждены были уйти в отставку начальник Войскового штаба генерал Ф.Ф. Абрамов, старший помощник Наказного атамана генерал М.А. Туроверов, начальник Атаманской канце-

⁹ Донской (Областной) Исполнительный Комитет расположился позже в Атаманском дворце, Военный отдел при ДИК в здании Областного правления.

¹⁰ Возглавлял военный отдел при ДИК. Функции военного отдела ограничивались «правом контроля и направления деятельности всех военных учреждений и воинских частей, расположенных в Области». В час ночи 3 марта Наказной Атаман Граббе принял делегатов ДИК Петровского, войскового старшины Волошинова, городского головы Дронова и есаула Голубова, прибывших с целью «осведомления Атамана об образовании Комитета». В ответ Граббе заявил, что образование ДИК он полагает явлением незаконным, указаний из Центра не получил, а потому, как должностное лицо, считает вмешательство Комитета в деятельность Донской власти недопустимым.

лярии И.М. Кузнецов, Окружной атаман Черкасского округа генерал Смирнов и др. Попытались сместить и начальника Новочеркасского юнкерского училища генерала П.Х. Попова. Однако представители от юнкеров твёрдо заявили, что в их внутренние дела они просят Областной Исполнительный Комитет не вмешиваться, «а если тронут генерала Попова, то юнкера будут защищать его с оружием в руках». По настоянию Волошинова, испытывавшего недостаток в опытных кадрах, «оставили в покое» и штат Атаманского штаба.

Трения между Военным отделом ДИК¹¹ и Войсковым штабом неизбежно усиливались. Однако и здесь комитетчики получили должный отпор. Когда комиссар Рябцов в сопровождении Голубова прибыли в штаб с целью подчинить его ДИК в связи «с контрреволюционной деятельностью», им было предложено удалиться. Военный же отдел предупредили, что при повторном визите комиссаров, «они из штаба в двери не выйдут».

Суть конфликта была, конечно, куда более глубокой. Политическая жизнь кипела в крупных городах, Новочеркасске, Ростове, Таганроге. Втянутыми в неё оказались различные слои, но казаки – едва ли не в последнюю очередь. Почти половина населения Области, владеющая большей частью земли и несущая воинскую повинность не могла оставаться без оформленного органа власти, представляющего её интересы. Был и чисто практический стимул, заставивший казаков подумать о самоорганизации. Войсковая земля не давала покоя многим. Право собственности на неё необходимо было подтвердить и защитить, не теряя времени.

Исполняющий обязанности Атамана Волошинов не мог в полной мере обеспечить участие казаков в политической жизни Области, так как с самого начала был тесно связан с Донским комитетом, к этому совершенно не стремившимся. Постепенно

¹¹ Непостижимым образом на офицерском гарнизонном собрании было принято постановление «принимать в состав Комитета представителей армии в неограниченном количестве». В результате Военный отдел вскоре разросся до размеров, превышающих всю остальную часть Комитета. Заправляли всем быстрее других успевшие сориентироваться в обстановке председатель отдела прапорщик Арнаутов и есаул, впоследствии, войсковой старшина Голубов. Казачьи голоса пока ещё были не слышны.

на первый план выдвинулся Войсковой штаб. Началась открытая, к счастью, бескровная, борьба. В Комитете нашлось немало людей, своего негативного отношения к казакам и казачеству не скрывающих. Развернулась активная пропаганда, направленная на ликвидацию Штаба и даже арест его чинов. Более того, раздавались отдельные голоса, призывающие ликвидировать Новочеркасск, как культурно-духовный центр Области, со всеми вытекающими из этого последствиями.

В этих условиях перешёл от обороны к наступлению и Войсковой штаб. Группа его чинов, вместе с примкнувшими сочувствующими, решила в противовес ДИК организовать орган казачьего самоуправления в виде Казачьего Союза». Инициативная группа, состоявшая в основном из офицеров Новочеркасского гарнизона, приступила к подготовительным мероприятиям.

Предпринятые действия в ДИК встречены были недоброжелательно. Военный же отдел в ультимативной форме потребовал прекращения «контрреволюционных офицерских выступлений» и ареста их организаторов. Дальше угроз дело, конечно же, не дошло.

14 марта в 5 часов вечера в помещении Станичного правления станицы Новочеркасской, предоставленного Волошиновым, состоялось «собрание всех казаков, проживающих в Новочеркасске». В извещении указывалось, что казаки приглашаются на собрание в целях объединения и организации «Казачьего Союза», во имя защиты казачьих интересов от всяких на них посягательств, с чьей бы стороны они не исходили.

Заседание открылось докладом инициативной группы, изложившей своё видение обстановки, сложившейся в городе и Области. Выступления ряда ораторов, призывающих «сплотиться плечо к плечу, стремя к стремени» и создать Казачий Союз, встретило единодушную поддержку казаков. После прерыва вкратце были изложены: организационная часть и ближайшие задачи союза – сохранение донского казачества, как единой общности, свободной от какой-либо партийности, обеспечение казачьего самоуправления и традиционных основ жизненного уклада. Выступили в поддержку инициативной

группы прибывшие представители казачьих частей Новочеркасского гарнизона и учреждений, мужской гимназии, реального и юнкерского училищ. После обмена мнениями собрание приняло «Положение о Казачьем Союзе». На этом же заседании состоялись и выборы правления «Союза».

А 17 марта создание Казачьего Союза стало свершившимся фактом. На следующий день на заседании Союза было решено направить к Волошинову делегацию с требованием созвать не Областной, а Войсковой съезд, и не в октябре, а в апреле¹². Волошинов откровенно заявил, что поддерживает создание Союза и вполне согласен с постановлением о созыве именно *Войскового* съезда.

– Я постараюсь всё сделать, дабы ваше мнение восторжествовало, – говорил он членам делегации. – Но я связан по рукам и ногам Областным Исполнительным Комитетом...¹³

Однако на конфронтацию никто идти не хотел. И, несмотря на противодействие Военного отдела¹⁴, Комитет изменил свою первоначальную позицию и назначил на апрель созыв *Войскового* съезда. Это была решающая победа Казачьего Союза. Он сумел добиться юридического закрепления будущих основ казачьего самоуправления. Всё оставшееся до апреля время было посвящено подготовке в комиссиях материалов по следующим

¹² ДИК объявил о созыве в октябре 1917 г. Областного съезда депутатов Донской области, который и должен был определиться с вопросами о власти и о земле. Лидеры ДИК рассчитывали, что казачьи представители окажутся на форуме представителей всего населения Области в явном меньшинстве и не смогут играть на нём главенствующую роль.

¹³ Волошинов находился в состоянии постоянной конфронтации с Военным отделом при ДИК. Поводом послужил приказ Отдела о запрещении отдания воинской чести вне строя. Атаман, рассматривая его, как ведущий к подрыву дисциплины и развалу армии, приказ своей властью отменил. В ответ Военный отдел выразил недоверие Войсковому атаману и потребовал его отставки. Впоследствии конфликт разрешил Войсковой съезд.

¹⁴ 25 марта Голубов прибыл на заседание Союза. Попросив слова, он выступил с резкой критикой его деятельности и сказал следующее:

– Помните, граждане. Если не разойдётесь и не прекратите ваших контрреволюционных сборищ – разгоним... Не забывайте, что у нас 16000 штыков.

– Что ж, – отвечал ему один из лидеров Союза С.И. Бояринов, – предайте от нас тем, кто вас послал, что мы пересчитаем, сколько у нас шашек...

И это были не пустые слова.

вопросам, предлагаемым к рассмотрению будущего Съезда:

1. Самоуправление.
2. Выборы на Войсковой Круг.
3. Порядок и условия прохождения казаками военной службы.
4. Городское самоуправление в Области.
5. Организация общеобразовательных курсов для казаков.
6. Взаимоотношения казаков и иногородних в будущем политическом строительстве Дона.

Тем временем по всей области начали создаваться гражданские и общественные комитеты, как местные органы Временного правительства, а также, многочисленные партийные, профсоюзные, фабричные комитеты и другие общественные организации, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всех уровней.

В ночь со 2 на 3 марта в Ростове сформировался Временный революционный комитет, который тут же приступил к подготовке выборов в Совет рабочих депутатов, в первое время, выполняя его функции¹⁵. 4 марта был создан Ростово-Нахичеванский совет рабочих депутатов.

5 марта – Совет офицерских и солдатских депутатов в составе 100 человек солдат и офицеров гарнизона¹⁶. С 10 марта

¹⁵ Вот выдержка из прокламации Временного революционного комитета: «Для организации Совета рабочих депутатов представителями организованного ростово-нахичеванского пролетариата... в ночь со 2 на 3 марта избран Временный революционный комитет, взявший на себя временно выполнение задач Совета рабочих депутатов.

Временный рабочий революционный комитет, ставший, в настоящее время в центре рабочего движения в Ростове, призывает вас, товарищи, к организации, к немедленному созданию заводских и фабричных комитетов, которые установили бы прочную связь между революционным комитетом и широкими массами рабочих, и к выборам представителей в Совет рабочих депутатов. О порядке выборов в Совет рабочих депутатов немедленно будет выпущено особое воззвание...»

¹⁶ Часто употреблялась и другая аббревиатура – «Комитет офицерских и солдатских депутатов». Председателем был избран ефрейтор 255-го запасного полка Мельситов, человек, по отзывам современников, корректный и разумный. Помощником председателя – заместитель начальника 39-й пехотной запасной бригады подполковник Скудре. Любопытны их должностные взаимоотношения. Как помощник председателя Совета Скудре был подчинённым Мельситова, как заместитель командира запасной бригады – его начальником.

начали функционировать во всех запасных полках полковые и ротные комитеты. С этого момента о субординации можно было забыть. Дисциплина резко упала. Началось разложение, с неизменными его атрибутами и последствиями. Офицеры перестали являться на службу, ввиду её свёртывания. Солдаты прибывали лишь ко времени приёма пищи. Учения не проводились, караульная служба отсутствовала напрочь. Чины всех рангов всё в больших объёмах и совершенно безнаказанно распродавали воинское имущество. Солдаты устраивались подёнщиками, носильщиками на вокзале. Толпами ходили по бульвару. Вскоре проблемой стала отправка на фронт маршевых рот. Назначение оспаривалось комитетами всех уровней. В итоге, к месту назначения прибывало 20–25 % посылаемых. Остальные рассеивались на ближайших станциях.

С созданием комитетов воинская служба оказалась парализованной. Не имевшие реальной власти Солдатские комитеты не давали возможности функционировать и официальным военным властям в лице Атамана, исполняющего приказы Главковерха Действующей армии, подчинённых ему, коменданта, начальника гарнизона, начальника 39-й запасной бригады (полковник Стельницкий), командиров полков¹⁷.

Если распоряжение не находило сочувствия в солдатской массе, оно тут же баллотировалось через комитеты и исполнению не подлежало. Военным властям приходилось выезжать на митинги и заниматься «уговариванием» частей и подразделений. В исключительных случаях, когда речь шла о боевых приказах из Ставки, приходилось обращаться за помощью к Областному комитету.

Так, согласно приказу, полученному из штаба Действующей армии, из состава Ростовского гарнизона требовалось направить на фронт 187-й и 255-й запасные полки. Однако, солдаты обоих полков вынесли постановление приказ не исполнять и оставаться в Ростове. Большинство из них по понятным причинам отказались от мирной устроенной жизни оказалось не

¹⁷ В Ростове была расквартирована 39-я запасная бригада в составе 187-го, 249-го, 252-го и 255-го запасных пехотных полков.

готово. После десятидневного «уговаривания» 187-й полк согласился следовать на фронт. Но 255-й не тронулся с места, несмотря на увещания и угрозы представителей ДИК и Военного комитета. Взысканий в итоге так и не последовало.

В начале марта на собрании офицеров Ростовского гарнизона был избран начальник гарнизона генерал-майор Чернояров и образован Офицерский комитет под председательством полковника Краузе. Но было уже поздно. Авторитет офицера падал в казарме с каждым днём. И это лишь усиливало неразбериху и вело к углублению розни между офицером и солдатом и дальнейшему разложению запасных полков.

Доходило до нелепостей. Ростовский гарнизон не присягал Временному правительству сразу после февральских событий. Ввиду чего Атаман Волошинов отдал приказ о приведении к присяге войсковых частей, расквартированных в Области и ещё не присягавших. Начальник гарнизона Чернояров, чтобы провести это распоряжение в жизнь, прибыл заранее на заседание Совета офицерских и солдатских депутатов и сообщил о намерении привести части гарнизона к присяге. Возражений со стороны депутатов Совета не последовало. Чернояров собрал у себя начальника бригады и командиров полков. Был выработан план мероприятия, согласованы порядок проведения и сроки.

Однако накануне к Черноярову прибыл подполковник Скудре и сообщил, что присяга Комитетом солдатских и офицерских депутатов отменена. Чернояров немедленно направился на заседание Комитета и потребовал отмены этого постановления. Однако председатель Совета ефрейтор Мельтисов заявил ему, что на запрос о проведении присяги нет ответа из Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов, которому одному лишь он подчинялся. Ответ в срок так и не пришёл. Пришлось от проведения присяги в оговоренные сроки отказаться, тем более, что начальник дивизии полковник Стельницкий, также проинформированный Скудре, не поставив в известность начальника гарнизона, сразу же сообщил во вверенные ему полки об отмене мероприятия.

Следует отметить, что Атаман Волошинов прилагал все

усилия, чтобы поднять дисциплину в войсках. Он устраивал инспекционные поездки, беседовал с солдатами, осматривал помещения, но всё было бесполезно. В стрелковых запасных частях Ростовского гарнизона дисциплины, как таковой к середине лета уже не существовало.

Возвращаясь на вокзал после объезда полков, не выполнивших приказа о присяге Временному правительству, находясь под впечатлением встреч с комитетчиками, которые обвинили его «в натравливании солдат на рабочих», Атаман сказал на прощание сопровождавшему его Черноярову буквально следующее:

«Я удивляюсь, как вы можете служить и работать при подобной обстановке. Я бы дня не мог прожить...»

В Области, как и на фронте, как и по всей стране, происходил интенсивный развал военной структуры. В то же время, донские казачьи части, набранные по иному принципу, дисциплину, устойчивость и боеспособность сохранили, куда в большей степени, нежели запасные стрелковые.

ДИК, как высший орган власти Донской области, представляющий Временное правительство, поспешил назначить своих представителей в качестве контролеров во все областные структуры и округа. В городах и крупных населенных пунктах новые органы власти и общественные структуры возглавили в своем большинстве умеренные либеральные демократы и социалисты – эсеры и меньшевики. Влияние большевиков почти не ощущалось. Даже и в советах, за исключением Ростово-Нахичеванского, их были единицы.

В Ростове-на-Дону, как и по всей стране, сложилось несколько ветвей власти, которые были объединены созданием коалиционного общественного комитета, составленного по определенной норме представительства. 10 марта постановлением Ростово-Нахичеванского общественного комитета Ростовская и Нахичеванская думы были распущены. Председатель комитета меньшевик П.С. Петренко сообщил в Петроград, что «задачи, лежащие на городских самоуправлениях, взял на себя объединенный общественный комитет».

Временное правительство не одобрило роспуск дум, и Ростовский общественный комитет был вынужден согласиться с решением правительства и начал подготовку выборов.

9 июня 1917 г. при большой активности избирателей прошли выборы в городские думы Ростова-на-Дону и Нахичевани. В Ростовскую думу было избрано 109 гласных¹⁸, в Нахичеванскую – 60. Большинство мест получили социалистические партии, что обусловило и руководящий состав городских властей. Ростовскую городскую думу возглавил меньшевик Б.С. Васильев, городским головой Ростова стал А.А. Николаев. Председателем Нахичеванской городской Думы был избран эсер Г.М. Ратнер, городским головой Нахичевани – меньшевик А.И. Лиманов.

После выборов все функции органов самоуправления перешли от Ростовского общественного комитета к вновь избранным представительным и исполнительным органам, срок полномочий которых был установлен до 1 января 1919 г.

Таким образом, весной 1917 г. в Области войска Донского формировались следующие, во многом, независимые друг от друга органы власти и управления:

1. Донской исполнительный комитет (городские, окружные, станичные, сельские и поселковые исполкомы).
2. Представители Временного правительства на местах: областной комиссар и комиссары 9 округов Дона. Функции их во многом оставались неопределёнными.
3. Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов всех уровней (в Ростове и Таганроге, в городах и посёлках Донецкого бассейна).
4. Органы власти и управления казачества.
5. Городское самоуправление – городские Думы и их исполнительные органы.

Какое-то время в Области, как и по всей стране, царил эйфория. Отмечались и эксцессы. Так, в центре Нахичевани толпой был разгромлен памятник Екатерине II.

Вскоре, однако, настроение масс кардинально изменилось. Разруха, развал экономики никуда не исчезли. Быстрее других,

¹⁸ Депутаты, имеющие право голоса.

разобравшись, что к чему, занимать доходные места устремились самые разные люди. Коррупция лишь усиливалась, а иллюзии быстро рассеивались.

Ближе к апрелю со всей остротой в Области встал вопрос о земле. Казаки, составлявшие около 42 % населения Дона, владели до 80 % земли. Малоземельные коренные крестьяне и безземельные иногородние считали, что самое время её «справедливо» поделить. Казаки расценивали подобные устремления, как посягательство на кровью завоёванные привилегии. Страсти постепенно накалились, особенно на юге Области, в Приазовье и на Нижнем Дону. Непонимание быстро перерастало в неприязнь и откровенную вражду. Между казаками и крестьянским населением пролегла глубокая борозда. Любопытно, что Временное правительство встало на сторону казаков. Было заявлено, что земельный вопрос, как и многие другие, разрешит Учредительное собрание.

Атаманская власть в подавляющем большинстве казачьих поселений оказалось нетронутой. Возникшие кое-где советы поддержкой и влиянием не пользовались. Напротив, повсюду создавались союзы казаков, казачьих офицеров и т.д. Казаки спланивались для сохранения войсковой земли и своего верховенствующего положения в Области.

23–29 марта 1917 г. в Петрограде прошёл I Общеказачий съезд представителей от 11 казачьих войск. Он выразил поддержку Временному правительству, осудил использование казаков при подавлении народных волнений. Но, вместе с тем, объявил все казачьи земли с их недрами, лесами, рыбными и прочими угодьями историческим достоянием казачества и его неприкосновенной собственностью. Съезд также учредил Союз казачьих войск¹⁹, который, как мыслилось, должен был противостоять разлагающему влиянию различных комитетов в казачьих частях и провозгласил выборность атаманов.

¹⁹ Была сформирована комиссия для работ по созданию Союза казачьих войск, получившая название «Временный совет Союза казачьих войск» под председательством члена Государственной думы от Донского казачьего войска А.П. Савватеева. Одним из товарищей (помощников) председателя стал А.И. Дутов.

16–17 апреля в Новочеркасске прошёл Войсковой казачий съезд войска Донского²⁰. Из 136 станиц (по 5 представителей), от полков, отдельных сотен, команд, военных школ и училищ на съезд прибыло свыше 750 делегатов.

Военный министр Временного правительства А.И. Гучков в послании попытался ограничить полномочия съезда и Атамана строгими рамками внутривойсковых дел, указал на безусловное подчинение ДИК.

Съезд одобрил решения Общеказачьего съезда. Поддержал Временное правительство, высказавшись за «войну до победного конца». Осудил ещё не успевшие войти в систему, случаи выборности командиров в частях и подразделениях, потребовал финансирования службы казаков во время войны за счет государства. Рекомендовал предстоящему Учредительному собранию удовлетворить требования коренных крестьян за счет частновладельческих земель, но в то же время, сохранить казачьи земли как общевойсковую собственность, но с пользованием на личном праве.

Под влиянием лидеров съезда историка М.П. Богаевского²¹, инженера С.Г. Платонцева и других делегаты поддержали курс на обособление казачества от остального населения Области и на постепенный захват им власти в ней, но демократическим путем. Возникшие иные властные структуры всех уровней Съезд квалифицировал как временные общественные организации.

Съезд избрал казачий исполком в составе 35 человек и деле-

²⁰ За день до открытия Войскового съезда Казачий Союз провёл «ударное заседание», в котором приняло участие значительное число делегатов Съезда. Было принято решение поддержать Волошинова, а Областному Исполнительному Комитету «указать его место» и добиться в кратчайший срок созыва Войскового круга.

²¹ Митрофан Петрович Богаевский после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета преподавал в Новочеркасской гимназии (с 1914 г. директор гимназии в ст. Каменской). Был широко известен как исследователь истории донского казачества. Выступал за восстановление казачьих традиций, сохранение самобытной культуры и развитие местного самоуправления. Отличался выдающимися ораторскими способностями, за что прозван был даже «Донским златоустом» и «Донским баяном» и пользовался авторитетом как у казаков, так и среди неказачьего населения области. Был председателем и на I Общеказачьем съезде.

гировал его целиком в состав ДИК с контрольными функциями. Там они вскоре возглавили Военный отдел и преобразовали его в Войсковой совет, создав внутри ДИК мощное казачье лобби. Но, главное, Съезд возродил Войсковой круг и определил порядок выбора в него делегатов.

Развернулась острая политическая борьба за власть. Руководство ДИК, разобравшись в замыслах и действиях казачьих лидеров, предприняло меры по их нейтрализации. Президиум ДИК создал в своем составе секции по 3 представителя в каждой и перенес решение вопросов из ДИК на их уровень. В результате казачьи представители в нем оказались отстранёнными от реального влияния, что вызвало новое недовольство казачьих верхов, и остроту в отношениях не сгладило.

До предела обострил их и Областной съезд крестьян (900 делегатов, Новочеркасск, 14–25 мая 1917 г.), который высказался за отмену частной собственности на землю. Становилось очевидным, если казаки хотят сохранить за собой Войсковые земли и свои привилегии, им необходимо бороться за политическую власть.

И казачьи лидеры прекрасно это понимали и не собирались сидеть, сложа руки.

Ростовская большевистская организация, вышедшая из подполья в начале марта, насчитывала всего несколько десятков человек. В их числе И.Д. Ченцов²², И.В. Решетков, К.Д. Щел-

²² Иван Дмитриевич Ченцов вступил в ряды РСДРП (б) в 1904 г. в возрасте 19 лет. Участвовал в ноябрьской стачке 1902 г. Председатель Союза металлистов. В 1905 г. во время Декабрьского восстания руководил десятком боевой дружины. Обеспечил разгрузку прибывшего из Батайска вагона с оружием и боеприпасами. Участвовал в захвате вокзала, разоружении жандармов и оборонительных баррикадных боях. После подавления восстания проводил партийную работу в подполье. 16 мая 1906 г. был арестован вместе с Васильченко на явочной квартире. 20 декабря 1907 г. был приговорён к 4 годам тюремного заключения. Содержался в Новочеркасской тюрьме до 20 декабря 1911 г. 11 раз объявлял голодовку, дважды пытался бежать, но был схвачен. По освобождению сразу же включился в партийную работу. В Ростов вернулся в конце 1915 г. и вновь был избран председателем восстановленного профсоюза металлистов. После февральских событий был избран в Совет рабочих и солдатских депутатов и членом его исполкома. В 1937 г. объявлен «врагом народа» и расстрелян.

кунова. 4 марта был воссоздан Ростово-Нахичеванский комитет РСДРП (б). В марте – начале апреля из ссылки вернулись в Ростов такие известные организаторы и функционеры, как С.Ф. Васильченко²³, П.Г. Соколов, С.С. Турло²⁴, М.П. Жаков²⁵. Вместе с присланным из Петербурга С.И. Сырцовым, они вошли в комитет и возглавили его работу. О серьёзном влиянии большевиков говорить пока не приходилось. В Ростове доминирующее положение занимала партия меньшевиков. Её членами являлись, как большинство должностных лиц (Председатель городской Думы Б.Н. Васильев, товарищ Городского Головы Петренко, Плесков), так и лидеры солдатских комитетов (Нудельман, Литов, Мельситов, Сарычев).

На общем собрании меньшевики предложили «ленинцам» создать единую социал-демократическую организацию, однако последние объединить усилия отказались, сохранили свой комитет и собрание покинули.

1.3. Войсковой круг в Новочеркасске.

Избрание Каледина Войсковым атаманом. Голубов

Вслед за ухудшением экономической ситуации, ввиду неизбежного политического кризиса ряд регионов страны в той или иной форме начал обозначать своё стремление к автономии. Но на Дону дело обстоит поначалу совершенно иначе. Донское казачество, традиционно играющее в Области главенствующую

²³ Областной комитет РСДРП(б), созданный в 1916 г. и восстановленный в начале марта 1917 г. возглавлял С.Ф. Васильченко, член партии с 1901 г., член штаба боевой дружины по проведению Декабрьского вооружённого восстания 1905 г. в г. Ростове-на-Дону, основатель и главный редактор первой легальной большевистской газеты на Дону «Наше знамя». Васильченко также был избран в Ростово-Нахичеванский Совет рабочих депутатов, где руководил партийной группой из нескольких человек. В 1923 году подписал «Заявление 46-ти». Репрессирован, как троцкист, и в 1938 г. расстрелян.

²⁴ Вместе с Жаковым сотрудничал в большевистской газете «Наше Знамя». Будущий председатель Ростовской ЧК (с апреля 1918 г.).

²⁵ Секретарь Ростовского комитета РСДРП(б). Член партии большевиков с 1911 г. Как и Васильченко, подписал в 1923 году «Заявление 46-ти». Репрессирован, и в 1936 г. расстрелян.

роль, отодвинутое Февралём на задворки политической сцены, организовалось, наконец, и в полный голос заявило о своих правах.

26 мая 668 делегатов (в том числе, 444 от станиц) съехались в Новочеркасск на I Большой войсковой круг. М.П. Богаевский, избранный председателем, провозгласил: «После перерыва в 196 лет, объявляю заседание... открытым». Без обиняков съезд сразу же заявил о своем верховенстве на Дону, чем противопоставил себя ДИК и Советам.

Он высказался за новую Россию как неделимую республику с широким самоуправлением отдельных частей страны и за законодательное право войска Донского по всем местным вопросам. Подтверждая исключительное право казаков на свои земли, делегаты признавали право крестьянских обществ лишь на земли, принадлежащие самим крестьянам и помещикам. Но оговаривалось: если при перераспределении этих земель результат превысит установленные в данной местности трудовые нормы, это превышение подлежит причислению к фонду Войска. Устанавливался предел частного землевладения в 35 десятин. Круг и выборный Атаман объявлялись верховной властью на Дону. Все леса, недра, земли, водные хранилища, рыбное хозяйство становились владением войска.

18 июня, в последний день работы, круг избрал Атамана войска Донского. Им стал коренной донской казак, генерал от кавалерии А.М. Каледин. Член Войскового круга Н.Д. Дувакин, обладавший сильным голосом, прочитал с трибуны следующее:

«Грамота от Первого Войскового круга всего Великого войска Донского избранному вольными голосами Войсковому Атаману, нашему природному казаку, генералу и Георгиевскому кавалеру Алексею Максимовичу Каледину.

По праву древней обыкновённости избрания Войсковых Атаманов, нарушенному волею царя Петра I в лето 1721-е и ныне восстановленному избрали мы тебя нашим Войсковым Атаманом.

Подтверждая сею грамотою нашу волю, вручаем тебе знаки Атаманской власти и поручаем управление Великим войском

Донским в полном единении с членами Войскового правительства, выбранными также вольными голосами Войскового круга. Руководством к законному управлению в Войске нашем должны служить тебе, Атаман наш, постановления, утверждённые Войсковым кругом, в соответствии с общегосударственными законами...»

А.М. Каледин

Алексей Максимович Каледин, уроженец станицы Усть-Хопёрской, герой Луцкого (Брусиловского) прорыва, не принял революции 1917 г. Его настораживала не столько смена государственного строя, сколько «демократизация» и неизбежный развал армии. Будучи высоко порядочным, ответственным человеком, лучше других знавшим настроения в среде казаков, безусловно умевшим просчитать развитие событий, с тяжёлым сердцем ехал он на круг.

Вот как характеризовал вновь избранного Атамана его помощник и ближайший соратник М.П. Богаевский: «Он получил не только голоса станиц, но огромная часть фронтовых голосовала за него. Ему поверили оттого, что это был не только генерал с громкой боевой славой, но и, безусловно, умный и безукоризненно честный человек. Его программа не могла, конечно, иначе определиться, как программа старого казака, да к тому же и военнотруженика. Но он был образованным и умным человеком, и потому в нем обнаружился высокосоциальный гражданин и народный патриот, прежде всего России, а потом уже Дона».

Одним из претендентов на пост Атамана был Голубов. Об этом человеке следует сказать особо, так как роль его в последующих событиях велика и символична.

Николай Матвеевич Голубов родился в Новочеркасске в 1881 г. Окончил Донской кадетский корпус. В 1902 г. из Михайловского артиллерийского училища выпущен в чине хорунжего в 3-ю Донскую казачью батарею. В начале русско-японской вой-

ны перевелся в 19-й Донской казачий полк и добровольцем ушел на фронт. Это был человек, безусловно, неординарный. Храбрый до дерзости. Не без позёрства и сантиментов, не чуждый авантюризма. Непременный участник многочисленных скандалов, лишь увеличивающих его популярность. Главной же отличительной чертой его характера являлось непомерное честолюбие. О нём заговорили и в Петербурге, и в Новочеркасске, но этого было уже мало. В 1905 г. Голубов уволился из армии²⁶ и поступил в Томский политехнический университет. Не закончив обучения, отправился на Балканы, где волонтером записался в Болгарскую армию. В Балканской войне, командуя батареей, вновь проявил себя с самой лучшей стороны. Летом 1914 г. сотник 27-го Донского полка Голубов был уже на фронте. И вновь показал себя человеком отчаянной храбрости. Имел 16 ранений. Февральскую революцию встретил в Новочеркасске, где находился на излечении. Свержение самодержавия воспринял, как открывшуюся вдруг реальную перспективу воплощения в жизнь самых смелых своих чаяний. А мечтал он, судя по всему, об Атаманской булаве. Шансов конкурировать с Калединым или Богаевским у него не было. Именно это заставило войскового старшину взять резко влево²⁷.

²⁶ По слухам Голубов вынужден был уволиться после того, как в расписке в получении боевого ордена указал: «Орден в память поражения русских армий японцами получил».

²⁷ Вот какую характеристику дал Голубову Г.П. Янов: «Есаул Голубов, не стесняясь приёмами и средствами, разлагал не только солдатскую массу, но и казачий запасный артиллерийский дивизион. Выступив перед солдатами на Хотунке, он сорвал с себя погоны и, топчя их ногами, истерически кричал, что стыдится своего офицерского звания и что те из офицеров, кто будет носить погоны, явные контрреволюционеры. И хотя он сам казак, но за солдат и крестьян даже в борьбе с казаками готов отдать последнюю каплю крови. Солдаты улюлюкали, и ревом выражал ему свой восторг. Казаков Голубов разделил на «трудовых» и «нетрудовых». С его лёгкой руки новое казачье звание, подхваченное Лапиным, Агеевым, Дудаковым, Подтёлковым и компанией, спрягалось и склонялось на все лады на Войсковых кругах Калединского периода... Срывая погоны, Голубов всё-таки не переставал носить их и не отказался от запаздавшего производства в войсковые старшины...» Всё же, думается, фигура Голубова представляется куда более многогранной. Этот амбициозный человек был жизнерадостен и смел. Заигрывал с солдатами, но оставался отличным казачьим командиром. Балагурил на митингах, но мог организовать любое дело. Беспринципный демагог, в то же время, безусловно, имевший, пусть и своё, понятие о казачьих традициях и офицерской чести.

Популярностью Голубов пользовался огромной, особенно у фронтового казачества. Успевал везде. Успешно агитировал за себя на митингах, был своим как в казармах запасного пехотного полка, так и в казачьей секции при ДИК. Однако расклад сил был пока ещё не в его пользу. Казачью верхушку, избегавшую крутых поворотов, своим радикализмом и непредсказуемостью Голубов от себя оттолкнул. Атаманом в июне казаки избрали Каледина²⁸, что войскового старшину, не привыкшего отступать от задуманного, до крайности уязвило. С этого момента Голубов стал в непримиримую оппозицию к Атаманской власти.

Так, или иначе, исполнительные органы Казачьего круга (Донской атаман и Войсковое правительство²⁹) уже существовали. При том влиянии, которым традиционно пользовалось казачество на Дону, при той его силе, в том числе и военной, при сплочённости казаков, обусловленной, не в последнюю очередь, нескрываемыми уже претензиями неказачьего населения Области на Войсковые земли, не составляло труда предположить, что казаки будут претендовать если и не на всю полноту власти, то на значительную её часть.

ДИК сразу же обвинил Круг в перевороте и деятельности, ведущей к расколу населения и социальной розни. В его резолюции «Об отношении к Войсковому кругу» указывалось, что казачество, составляя меньшинство в области, пытается подчинить ее общие интересы «специальным интересам казачества», что «является грубым нарушением прав остального населения и идет в разрез с основными требованиями трудового революционного народа». В ходатайстве перед Временным правительством о назначении особого командующего войсками Области подчеркивалось, что он должен работать совместно с ДИК, поскольку последний и состоит из казаков и солдат.

²⁸ Из 700 членов Круга за Каледина проголосовало свыше 600 человек.

²⁹ Войсковое правительство состояло из 14 старшин, избираемых по два от каждого округа, Атамана – председателя правительства, и его помощника (товарища) – члена правительства. Надо было обладать незаурядными организационными способностями, чтобы с этими, честными и порядочными, в общем-то, но далёкими от политики, не объединёнными общей идеей людьми, осуществлять управление и проводить в жизнь принятые решения. По счастью, и Каледин, и Богаевский своему положению соответствовали.

Однако атаманская власть твёрдо вела свою линию, и жизнь на Дону складывалась в соответствии с программой действий, вскоре разработанной Калединым. Укреплялась, по мере возможности, конечно, дисциплина в войсках, запрещались митинги и собрания, упразднялись успевшие возникнуть воинские советы и комитеты, устанавливалось единоначалие. Облегчались воинские тяготы казаков. Создавалось самоуправление – войсковые круги в округах, сборы в станицах и хуторах. Было провозглашено вхождение Донской области в единую Российскую Республику на правах субъекта Федерации.

1.4. Развал армии.

Борьба большевиков за власть

1-го марта Советом рабочих и солдатских депутатов был отдан приказ № 1, сыгравший едва ли не ключевую роль в последующем развале армии. Во всяком случае, приказ задал вполне определённый вектор, в строгом соответствии с которым развивались последующие трагические события.

Вот его текст.

ПРИКАЗ № 1

1 марта 1917 года

По гарнизону Петроградского округа, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота – для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда – для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

- 1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота – немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.
- 2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, – которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра, 2-го сего марта.

- 3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.
- 4) Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.
- 5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, – должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в каком случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.
- 6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

- 7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности, обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Петроградский Совет
Рабочих и Солдатских Депутатов.

Понятно, что люди, опубликовавшие приказ, стремились заручиться и дальнейшей поддержкой сил, приведших их к власти и способных эту власть защищать – солдат гарнизона. Понятно их желание оставаться во власти как можно дольше...

Осознавали они, во что выльется в самом ближайшем будущем их инициатива? Возможно, и нет...

А предугадать роковое развитие событий было несложно. Согласно приказу в армии узаконивалось создание комитетов с самыми широкими контролирующими полномочиями. По сути, допускалась политическая деятельность. Выборность командиров подрывала стеновой хребет армии – принцип единоначалия. На практике неизбежно устранялась субординация.

Устройство армии выстроено таким образом, что обеспечивает беспрекословное выполнение приказов вышестоящего командира сверху донизу. Дисциплина, субординация, принцип единоначалия и назначения командного состава сверху – это всего лишь средства, необходимые условия для нормального функционирования сложного, непонятного постороннему армейского организма. Стоит убрать одно лишь из этих условий, и армии не станет. В России в марте 1917 г. убрали все.

Власть в армии на всех уровнях от командного состава неизбежно перетекала к выборным солдатским комитетам. В конечном итоге решения стали принимать не командиры и начальники, и даже не комитеты, а те, кого было больше. Молодые деревенские парни в серых шинелях, не успевшие ещё толком разобраться в жизни, но с трёхлинеечками за плечами. И с простым и понятным желанием: вырваться при первой возможности из осточертевших окопов домой. В условиях войны с сильнейшим противником всё это не могло не закончиться катастрофой.

Следует отметить, что большевики к приказу №1 не имели ни малейшего отношения. Они лишь позже умело воспользовались трагическими его последствиями.

Временное правительство необходимой твёрдости не проявило. Была лишь попытка разъяснения, что приказ относится исключительно к войскам Петроградского гарнизона. На деле приказ №1 получил распространение по всей армии. Более того, 5 мая А.Ф. Керенский, став военным министром, подтвердил все положения этого приказа в Приказе по армии и флоту, названном потом «Декларацией прав солдата».

Уже 1–4 марта балтийскими матросами в результате са-

мосудов были убиты Командующий флотом вице-адмирал А.И. Непенин, начальник 2-й бригады линейных кораблей контр-адмирал А.К. Небольсин, командир линкора «Император Александр II» капитан 1-го ранга Н.И. Повалишин, начальник Учебного минного отряда Балтийского флота контр-адмирал Н.Г. Рейн, командир Свеаборгского порта генерал-лейтенант флота В.Н. Протопопов, командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор Н.В. Стронский, командир крейсера «Аврора» капитан 1-го ранга М.И. Никольский, генерал-майор по Адмиралтейству А.К. Гирс, начальник Школы юнг в Кронштадте капитан 1-го ранга К.И. Степанов.

Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта, герой обороны Порт-Артура адмирал Р.Н. Вирен был заколот штыками на Якорной площади. Начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал А.Г. Бутаков – расстрелян у памятника адмиралу Макарову. Командира учебного судна «Африка» старшего лейтенанта Н.Н. Ивкова живым спустили под лед...

Всего в эти дни было убито или доведено до самоубийства 95 офицеров, адмиралов и генералов флота и более 20 кондукторов. До 600 человек были избиты и арестованы³⁰.

Та пропасть, которая отделяла морских офицеров от матросов, те противоречия, многими десятилетиями копившиеся между кают-компанией и кубриком, выплеснулись вдруг в одночасье мутной волной, потряхнув и искалечив флот не хуже жестокого морского сражения.

Всё это, конечно, представляется, бессмысленной, не поддающейся объяснению жестокостью. В то же время становится понятным, почему «братишки» без раздумий пошли потом с большевиками. И воевали на всех фронтах не за страх, а за совесть.

Обратный путь был им заказан...

В армии, в окопах разница между офицером и солдатом была куда менее заметна. Поэтому и массовых убийств офицеров нижними чинами удалось избежать, во всяком случае, в

³⁰ Подобные трагические события происходили и на Черноморском флоте. Так, в ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. в Севастополе на Малаховом кургане были расстреляны 32 морских офицера.

первые дни. Но, как известно, стоит только начать, потом уже не остановишь. Не сразу, не в один день исчезла субординация в многомиллионной русской армии, но разложение, поразив часть, неизбежно и всё быстрее распространялось по всему организму.

Определённая дистанция между командным составом и солдатами превратилась в пропасть. Офицеры, кадровые и произведённые в прапорщики, в массе своей готовы были сражаться и вести за собой солдат. Солдаты начинали задумываться, нужна ли им эта затянувшаяся, беспросветная война. Комитеты и комиссары, пока ещё не большевистские, подсказывали им что-то своё и только лишь убеждали: нет, не нужна. Большевики после апреля высказывались определённо, чем и завоевали в итоге солдатские сердца.

Уже к лету армию наводнили эти самые комитеты и комиссии. Партийные агитаторы всех мастей вели свою работу прямо в казармах. Ни один приказ не мог быть выполнен, ни одно назначение не могло состояться без согласования с солдатским комитетом того или иного уровня.

Уничтожение основ армии: единоначалия, субординации, отстранённости от политики окончательно подорвало дисциплину и саму управляемость. Окончательное разложение армейского организма становилось лишь вопросом времени.

Но были в армии, конечно, и здоровые силы. Офицеры, в большинстве своём, унтер-офицеры, солдаты, отвоевавшие с самого начала, составляли вполне боеспособное ядро, которое могло бы сплотить и удержать возле себя колеблющихся... И возможно вооружённые силы не разложились бы так скоро и так бесповоротно, не разверни в них, наряду с подрывной работой противника, настойчивую, целенаправленную агитацию представители левых партий.

Временное правительство, представленное в основном либерально-демократическими буржуазными партиями, изначально провозгласило, что разрешение всех ключевых, судьбоносных вопросов откладывается вплоть до созыва Учредительного собрания. В то же время, созывать его не спешило, опасаясь

усилить нестабильность в воюющей, напрягающей последние силы стране. Вместо того чтобы попытаться отремонтировать покалеченный бурей, тонущий уже, корабль, оно упорно вело его к далёкой, совершенно неизведанной гавани, без лощи и проложенного курса. К чести Временного правительства следует подчеркнуть, что со дня создания и до последней минуты, при любых перестановках декларировалась «война до победного конца» и верность союзным обязательствам. Что, в конечном счёте, Временное правительство и погубило.

В свою очередь Совет, сформированный левыми, социалистическими партиями, вовсе не стремился взять власть (и ответственность) в свои руки. Заявлено было, что Совет создан, прежде всего, для контроля за деятельностью правительства.

Вследствие этого судьбоносные для страны вопросы, требующие немедленного разрешения, повисли в воздухе. Политические кризисы следовали один за другим. Разрешались они перестановкой в правительстве и не более того. Страна подходила к краю пропасти. Правительство из-за своего бездействия утрачивало популярность с каждым днём. Партии, делегирующие своих представителей во власть, также раздражали население. И к лету это касалось практически всех умеренных политических партий.

На их апатичном фоне деятельная, прагматичная и целеустремлённая позиция большевиков смотрелась куда привлекательней. Вернувшийся в Россию Ленин сумел увидеть главное. В стране разруха. Большинство населения как в городах, так, куда в большей степени, и в деревне, не просто недовольны, но поставлены на грань существования. Прекрасно понимая, что успех в борьбе за политическую власть определяет предпочтение большинства, он и повёл энергичную борьбу за симпатии обездоленных, люмпенизированных людей. Которых становилось с каждым днём всё больше и больше. И которым уже нечего было терять.

Верой своей, неукротимой энергией, авторитетом Ленин сумел убедить партийную верхушку, сплотить и направить деятельность партии в нужное ему русло. Благодушные настрое-

ния были забыты. В массы брошены простые, понятные, притягательные лозунги. Суть их заключалась в перераспределении собственности от имущих классов в пользу неимущих. То, что подобные шаги могли привести не только к социальной розни, но и к гражданской войне верхушку РСДРП(б) мало волновало. Как и всегда, излишней чистоплотностью в выборе средств, Владимир Ильич не отличался. Цель, ещё недавно казавшаяся призрачной, вдруг приблизилась вплотную и приобрела зримые очертания. Ленин никогда не простил бы себе,пусти он этот шанс.

Между тем, события нарастали. Компромиссное решение о предоставлении широкой автономии Центральной Раде вызвало очередной политический кризис. Министры-кадеты в знак протеста 2 июля вышли из состава правительства и подали в отставку.

Накопившееся недовольство населения выплеснулось, наконец, в полном объёме. 3 июля в Петрограде начались стихийные масштабные демонстрации. Их инициировали солдаты 1-го пулемётного полка, находившиеся под влиянием, в том числе и анархистов. Большевики оказались застигнутыми врасплох и какое-то время не могли определить своего отношения к происходящему. Однако к вечеру к демонстрантам присоединились некоторые части гарнизона, рабочие Путиловского и многих других заводов. Любопытно, что ВЦИК всеми силами старался не допустить выступлений, но предотвратить их было уже невозможно. Не могли оставаться в стороне и большевики. ЦК РСДРП(б) совместно с Петроградским комитетом партии и Военной организацией в ночь на 4 июля постановили возглавить движение, придав ему организованный мирный характер. 4 июля около 12 час. началась 500-тысячная демонстрация рабочих, солдат и прибывших матросов Балтийского флота под лозунгом «Вся власть Советам!» 90 представителей от 54 крупнейших предприятий предложили объединённому заседанию ВЦИК Советов взять власть в свои руки. Более того, часть вооружённых демонстрантов ворвалась в Таврический дворец и потребовала сделать это немедленно. Эсеро-меньшевистский ВЦИК вовсе не собирался брать ответственность на себя, объявил демонстрацию «большевистским заговором» и высказался

в том смысле, что единственным законным органом власти является только лишь Временное правительство.

Во второй половине дня правительству удалось стянуть к центру города верные части, в том числе, и казахи³¹. И когда наиболее радикальная часть демонстрантов двинулась к Зимнему дворцу, произошли вооружённые столкновения. В которых убито было 56 человек, раненых до 500. Прибывший накануне из Кронштадта вооружённый отряд матросов совместно с

³¹ 3 июля в 6 часов вечера Командующий войсками Петроградского военного округа Половцев проинформировал Совет Союза казачьих войск, что «рабочие фабрик подняли восстание... что на улицах появились автомобили с неизвестными лицами, останавливаются у казарм войсковых частей и приглашают их примкнуть к вооружённому выступлению». В связи с этим Половцев запрашивал можно ли вполне положиться на казаков. Председатель Совета войсковой старшина А.И. Дутов ответил ему, что «1-й полк вполне благонадежен, что же касается 4-го, то он внушает некоторое недоверие, но Совет надеется, что и он не решится, не исполнить приказа, раз таковое последует». Сразу же было проведено заседание Совета и от него были командированы: в 1-й Донской казачий полк – А.Н. Греков, в 4-й – сотник Калмыков. Вечером полусотня 4-го полка была направлена на защиту Зимнего дворца. В 10 утра 4 июля, когда на улицах стали трамваи и к демонстрантам присоединились Гренадерский и Пулемётный полки, на дворцовую площадь были выведены 5-я сотня 4-го полка, сотня 1-го полка и два орудия 6-й Донской Гвардейской батареи. Ранее прибывшая к Дворцу полусотня 1-го полка была направлена к Аничковскому дворцу. Во второй половине дня 5 июля к Зимнему дворцу были стянуты остальные сотни 1-го полка. Все три, расквартированных в столице, казачьих полка, 1-й, 4-й и 14-й (отозван в Петроград с фронта), остались верны Временному правительству. Однако основной напор демонстрантов пришлось выдержать казакам 1-го Донского.

Имели место и вооружённые столкновения. Высланная сотня, свернув с Невского к Литейному мосту наткнулась на заставу при двух орудиях, выставленную одним из пехотных полков. Сотня в конном строю атаковала заставу и загнала её под мост. При этом сотня потеряла убитыми 5 и ранеными 9 человек (на следующий день скончался от тяжёлого ранения сотник Хохлачёв). Позже отряд казаков, двигавшийся от Зимнего дворца к Литейному мосту, попал в засаду, был обстрелян из пулемётов и открыл ответный огонь. В стычке 4 казака (два казака 4-го полка и два 6-й Гвардейской батареи) были убиты и 11 ранены. К этому времени, Гвардейские полки уже получили сведения о выступлении казаков, и перешли на сторону Временного правительства. С этого момента демонстрации пошли на убыль. Различными организациями города в виде пожертвований в пользу семей погибших казаков была собрана огромная сумма, до 800 тысяч рублей. Общественное мнение, да и многие в правительстве, главную роль в подавлении выступления отводило именно Донским казачьим полкам.

солдатами 1-го пулемётного полка занял дворец Кшесинской и Петропавловскую крепость, и приготовился к самообороне.

Большевики решали, что делать дальше. Вполне резонно предположить, если бы демонстрантам удалось прорваться к резиденции Правительства и изолировать членов кабинета, Ленин подобрал «упавшую» власть. Но у Временного правительства нашлись защитники. Да и солдаты гарнизона в большинстве своём участвовать в вооружённых столкновениях вовсе не желали. В сложившихся обстоятельствах шансы на успех выглядели весьма сомнительными. А главное, перейди власть к ВЦИК, большевики от этого мало что выиграли. Ведь в Петроградском эсеро-меньшевицком Совете они были в безусловном меньшинстве.

Время ещё не пришло. И уже было, что терять. Ленин и тут проявил прозорливость. Глубокой ночью 4 июля после острых дискуссий было принято решение о прекращении демонстраций. 5 июля ЦК РСДРП(б) опубликовал соответствующее обращение и начал переговоры с ВЦИК.

Временное правительство и даже лидеры социалистических партий увидели в июльских демонстрациях реальную угрозу, которую уже невозможно было оставлять без последствий. Против большевиков властями были предприняты репрессивные действия. 6 июля правительственные войска заняли Петропавловскую крепость и дворец Кшесинской, в котором разгромлены помещения ЦК и ПК РСДРП(б). Матросы были разоружены и вернулись в Кронштадт. Вынуждены были сдать оружие и пулемётчики. Ленин³² и Зиновьев, обвинённые в попытке государственного переворота и шпионаже, были объявлены в розыск. Троцкий, Каменев, Крыленко, Раскольников, Дыбенко, Сиверс и немалое число других партийных организаторов и функционеров – арестованы.

7 июля Председатель правительства князь Львов ушёл в отставку. 8 июля А.Ф. Керенский был утверждён министром-председателем с сохранением за собой постов военного и морского министра.

³² 11 июля Ленин вынужден был покинуть Петроград. Скрывался вместе с Зиновьевым на станции Разлив. Вначале на чердаке сарая. Затем – в шалаше неподалёку. В конце июля был переправлен в Финляндию.

Дон июльские события если и затронули, то незначительно. В то время как в Москве, Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве, Нижнем Новгороде, Красноярске, Томске и некоторых других городах также прошли антиправительственные выступления, в Ростове обошлось без заметных выступлений. Особых репрессий после июльских событий против донских большевиков также развёрнуто не было. Областная большевистская организация располагалась в Ротонде³³ Ростовского Городского парка, до июльских демонстраций мирно соседствуя с другими левыми партиями – меньшевиками и эсерами. Потом, видимо демонстрируя всю глубину расхождения в политических взглядах, демократические партии покинули здание, и большевики заняли павильон целиком. Тут же, в парке они устраивали импровизированные митинги среди отдыхающих. Популярность ленинцев, хотя и возрастала, но в городском Совете они оставались пока ещё в явном меньшинстве. И это не случайно. Богатый, купеческий город с трудом воспринимал идеи слома государства и передела собственности.

Ещё в июне 1917 г. большевики приступили к формированию вооруженных отрядов. Ростово-Нахичеванский комитет 8 июня принял решение организовать добровольческие дружины из рабочих, а еще через восемь дней рабочие чугунолитейного завода «Лели» создали отряд Красной гвардии под руководством И. Д. Ченцова и приступили к военному обучению красногвардейцев. К августу в Ростове насчитывалось около 300 членов партии большевиков. Но это было, конечно же, ещё не то... По сути, деятельность Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП (б) сводилась к агитации среди рабочих железнодорожных мастерских и солдат запасных пехотных полков³⁴. Впрочем, и тут они были пока ещё далеко не на первых ролях.

Тем не менее, власти вполне трезво оценивали их потенциал. На объединенном заседании Войскового правительства, представителей ДИК, советов рабочих и крестьянских депу-

³³ Большое круглое здание (не сохранившееся) в конце главной аллеи, в котором ранее располагался коммерческий клуб.

³⁴ В предместьи Новочеркаска Хотунке были расквартированы 272-й и 273-й запасные пехотные (неказачьи) полки. 276-й полк стоял в ст. Каменской.

татов Каледин предостерег: «...большевизм страшно опасен... Казак слишком развит, чтобы поверить в несбыточные обещания Ленина и Троцкого...», но он «...слишком притягателен для масс...»

Вполне уместно, пожалуй, было бы добавить. По мере ухудшения положения этих масс, притягательность Ленинских идей неизбежно возрастёт многократно.

1.5. Корниловское выступление. Петроградская армия Крымова. Быхов

Великая война, между тем, шла своим чередом. Предпринятые союзниками в конце марта – начале мая удары имели определённый успех. Но перелома, конечно же, добиться не удалось. Фронт, чуть откатившись на восток, вновь стабилизировался. Противники стояли друг против друга, совершенно истощённые, не способные к решительным наступательным действиям.

Вновь союзники ожидали активизации от России. Масштабное наступление планировалось на начало мая, и по замыслу Ставки должно было развёрнуться одновременно на всех фронтах. Однако разложение поразило уже армию. Дело доходило до того, что комитеты разных уровней на бесконечных заседаниях голосовали то за наступление, то против. Дивизии и целые корпуса, выступавшие против наступления, отказывались вести подготовительные работы и даже выдвигаться в первую линию. В результате, решено было наступать разновременно, по мере готовности фронтов.

Первыми, 16 июня, начали армии казавшегося наиболее боеспособным Юго-Западного фронта. Следует отметить, что здесь, как и на других фронтах, значительное численное превосходство было на нашей стороне. Ни о каком «снарядном голоде» не было уже и речи. Напротив, на острие ударов, удалось сосредоточить небывалое до того времени количество тяжёлой артиллерии.

После двухдневной артиллерийской подготовки ударные корпуса 7-й и 11-й армий двинулись вперёд. Поначалу наступле-

ние развивалось успешно. Затем противник, подтянув резервы, стабилизировал фронт. Затяжные бои, проходившие с переменным успехом, не давали преимущество ни одной из сторон, пока немцы 6 июля не нанесли сильный контрудар по 11-й армии. Фронт был прорван, и тут сказалась психологическая неустойчивость разложенных уже наполовину войск. Стихийное чувство самосохранения охватило солдатские массы и, ничем не компенсируемое, повлекло их назад. Корпуса начали отход, превратившийся вскоре в паническое бегство. Обнажившиеся фланги заставили спешно отступить в исходное положение и других.

При значительном превосходстве войска фронта откатывались перед тем же самым, неоднократно битым ими противником. И удивляться не приходится. Управления, как такового уже не существовало. Случалось, части выдвигаемые на помощь атакуемому соседу, собирались на митинг и решали не выступать. Целые подразделения снимались с фронта и уходили, самостоятельно выбирая маршрут отхода. Самое нелепое, что всё это было фактически узаконено, и оставалось безнаказанным. Там и тут, прикрывая бегущих, гибли в заслонах офицеры и преданные им солдаты. Но их была малая горсть, и кроме морального примера, ничего иного не могли дать они остальным. К 21 июля войска Юго-Западного фронта очистили Галицию и Буковину и отошли к границе. Разгром был полным.

7 июля перешли в наступление войска Западного фронта. Превосходство в силах и даже средствах было значительным, но войска вперёд просто не пошли. После артиллерийской подготовки заняли первую линию окопов противника... и самовольно вернулись в исходное положение.

То же повторилось и на Северном фронте 8 июля.

Румынский фронт, который не успел ещё разложиться в такой степени в силу удалённости от политических центров и наличия сохранивших дисциплину румынских войск атаковал противника 9 июля. Но здесь решающего превосходства не было. Более того, германское командование само готовило операцию по овладению Бессарабией и Молдавией. В результате упорные бои не дали решительной победы ни одной из сторон.

А 19 августа немцы развернули наступление на Ригу, и уже через день взяли город. К 25 августа совершенно дезорганизованные войска 12-й армии Северного фронта, потеряв соприкосновение с противником, остановились, наконец, на «венденских позициях».

Фронт стабилизировался. Стало очевидным, что Русская армия в нынешнем её состоянии на наступательные действия уже не способна. Под вопросом была и способность войск к обороне. То, что противник не двинулся вслед за бегущими в панике корпусами вглубь страны, объясняется лишь одним. Судьба войны решалась на Западе. Центральные державы, не опасаясь за некогда грозный для них Восточный фронт, предполагали нанести решающее поражение союзникам, а потом уже добить Россию.

Так или иначе, но «демократизированная» армия предстала абсолютно небоеспособной. Необходимо было что-то предпринимать и срочно. В этих условиях и произошло выдвижение на первые роли генерала Л.Г. Корнилова. Именно ему суждено было впоследствии возглавить белое движение на Юге России. И нельзя проследивать дальнейшие события в отрыве от августовского «корниловского выступления» равно как и без попытки понять побудительные стимулы этого человека.

Корнилов за годы войны зарекомендовал себя смелым, решительным, совершенно независимым и целеустремлённым военачальником. Отличавшийся личной храбростью и несомненным бескорыстием, он, в то же время, вполне ориентировался в политике, соотносил возможность достижения цели с наличием средств и складывающейся обстановкой. Современники отмечают постоянную заботу Корнилова о солдатах и офицерах, понимание их чаяний и нужд. В то же время, генерал не оста-

Л.Г. Корнилов

навливался перед решительными мерами, когда считал необходимым, бывал жёсток и крут. А главное, был человеком действия. В любых обстоятельствах брал инициативу на себя и мог увлечь за собой остальных.

Войну встретил командиром 48-й пехотной дивизии в Карпатах. В апреле 1915 года, прикрывая отход Брусилова силами одной своей «Стальной» дивизии, в момент её гибели взял на себя командование одним из батальонов. При попытке пробиться к своим после упорного штыкового боя в числе семи уцелевших, раненный в руку и ногу попал в австрийский плен. В июле 1916 года бежал. В феврале 1917 года командовал XXV корпусом. 2 марта 1917 года на первом заседании Временного правительства был назначен командующим войсками Петроградского военного округа³⁵. В июньском наступлении был командующим 8-й армии Юго-Западного фронта. С ней наступал, с ней пережил разгром. 8 июля, в критический момент, стал командующим фронтом³⁶. Головокружительная карьера Корнилова объясняется просто. В обстановке хаоса он решительно и небезуспешно наводил в войсках элементарный порядок, мало считаясь с мнением, как комиссаров Временного правительства, так и комитетчиков. Не стеснялся говорить с Правительством прямо и твёрдо. 11 июля отправил в Правительство и Ставку телеграмму, в которой требовал остановки любых наступательных действий и немедленной реорганизации армии на основе строжайшей дисциплины и единоначалия. По своей инициативе запретил проведение на передовой митингов и приступил к формированию ударных батальонов из добровольцев и юнкеров для борьбы с наводнившими тыл бандами дезертиров.

³⁵ Вступил в должность 5 марта. Покинул пост в конце апреля по собственной инициативе не в последнюю очередь в связи с отставкой А.И. Гучкова и назначением на должность военного министра А.Ф. Керенского.

³⁶ Против назначений Корнилова и на армию, и на фронт публично выступал генерал Алексеев. Мотивировка была одна – молодость Корнилова. Алексееву приписывали характеристику Корнилова, как командира «с сердцем льва, но головой барана». По мнению Алексеева, нужно было дожидаться «своей очереди». Всё это конечно не способствовало установлению дружеских отношений между ними и сказало ещё впоследствии.

Здесь следует хотя бы вкратце остановиться на истории возникновения Корниловского полка, ставшего впоследствии ядром Добровольческой армии. В начале мая помощник старшего адъютанта Разведывательного отделения 8-й армии Юго-Западного фронта капитан М.О. Неженцев³⁷ обратился к командованию с докладной запиской. В ней он предлагал создать ударный отряд, который при ожидающемся наступлении, действуя на ключевых направлениях, стал бы примером для всей армии. Корнилов отнёсся к предложению Неженцева с пониманием и приказом по армии от 19 мая 1917 г. разрешил формирование «1-го Ударного отряда»³⁸ при 8-й армии». Предполагалось, что отряд будет сплошь офицерским, но Неженцеву удалось вызвать с фронта лишь шестерых опытных офицеров-добровольцев. Костяк же отряда составили только что окончившие обучение прапорщики. Первоначально отряд состоял из двух пехотных батальонов по тысяче штыков в каждом, трёх пулемётных команд, команды пеших разведчиков (набранных из пленных чехов-добровольцев) и конной казачей разведки.

10 июня отряд получил шефство генерала Корнилова и знамя³⁹, а уже 25 июня принял боевое крещение у деревни Павеле-

³⁷ Перед тем, как перейти на штабную работу, Неженцев успел повоевать в строю. В течение 11 месяцев командовал на фронте ротой, затем, батальоном. Имел награды, также, был награждён Георгиевским оружием («Донская волна» №25 от 2 декабря 1918 г.)

³⁸ Командовать отрядом был назначен сам Неженцев. Его заместителями в период развёртывания подразделения стали сослуживцы по работе в штабе 8-й армии капитан К.И. Леонтьев и поручик Н.П. Ухтомский.

³⁹ Эмблема отряда, нашивка на левом рукаве, представляла собой белый череп со скрещенными костями между двух также перекрещенных мечей на фоне синего, овальной формы щита с разрывающейся красной гранатой снизу и надписью полукругом «Корниловцы» сверху. Атрибуты эмблемы самими «корниловцами» толковались следующим образом: «череп с костями и мечами – бессмертие посредством оружия, граната – отличительный признак гренадёра (роты отряда предполагались все гренадёрскими), надпись «корниловцы», чтобы напоминать каждому солдату, что шефом отряда, его патроном является генерал Корнилов.

Однако в армейских комитетах смысл эмблемы трактовали совершенно иначе, с явным предубеждением и не в пользу «корниловцев». В результате, многие первоначально записавшиеся в отряд нижние чины, вскоре его покинули.

Более того, после неудачи корниловского выступления Неженцев вынуж-

чье. В бою проявил себя с лучшей стороны, прорвал австрийские позиции, в немалой степени содействуя взятию частями 8-й армии Калуща. При отступлении командование использовало отряд на наиболее угрожаемых участках.

22 июля отряд стал на отдых в г. Проскурове, где 11 августа был развернут в Корниловский ударный полк четырех батальонного состава, общей численностью до 3-х тысяч бойцов. С середины августа Корниловский полк был расквартирован в Ставке и совместно с Георгиевским полком обеспечивал её охрану.

Постепенно и правительство, и даже лидеры революционной демократии стали видеть в Корнилове последнюю надежду на выход из создавшейся тяжелейшей ситуации.

16 июля в Могилёве прошло заседание Ставки с участием

ден был распорядиться снять эмблемы с рукавов гимнастёрки и шинелей. Корнилов писал ему из Быхова: «...Я знаю, что полк наш снял эмблемы, которые служили видимой связью между им и мною, мне тяжело было слышать об этом, но я понимаю, что при настоящих условиях другого выхода не было. Думаю, однако, что связь внутренняя не утратилась и что все вы по духу остались теми же «корниловцами», какими я знал вас в славные дни Станислава и Галича, – грозными и могучими борцами за родину, за её счастье и свободу, за честь и славу нашей армии...»

«...Я приказал снять эмблемы, – отвечал Неженцев, – так как был бессилён в борьбе с тёмной солдатской массой, разжигаемой безответственными гнусными агитаторами, заполняющими все железнодорожные станции и подобно кликушам, выкрикивающими с надрывом голосовых связок против вас и полка, носящего ваше имя.

Я не мог допустить, чтобы грязные руки изменников долга и чести... прикасались к нашей святой эмблеме и служили лишним испытанием для тех лиц, которые ещё *послужат нашей родине*.

...я прошу вас... быть твёрдо уверенным, что заветы полка, на основе которых он зародился, пока я команду полком, я никому и ни за что не позволю колебать».

Автору эмблема в создавшейся обстановке нарастания розни между солдатами и офицерами также представляется не слишком удачной и весьма неоднозначной для восприятия.

Не меньших кривотолков и недоумения вызывало и знамя отряда, составленное по длине из двух полотнищ, чёрного и красного, с нашитым белым черепом со скрещенными костями, «выработанное соответственно девизу отряда: «Лучше смерть, чем рабство».

По мнению автора, смерть не лучшим образом сочетается с надеждой на светлое будущее.

Керенского⁴⁰ и высших военачальников. Лейтмотивом его были всё те же требования немедленной реорганизации армии, ограничение деятельности всевозможных комиссаров и комитетов. И уже 19 июля Брусилов был снят с поста, и Верховным главнокомандующим назначен генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов.

После июльских демонстраций маятник качнулся вправо. Керенский делал ставку на Корнилова, так как видел в нём человека, способного предотвратить окончательный развал армии и нейтрализовать возможные выступления большевиков. Однако он недооценил генерала. Корнилов не был диктатором, судя по всему, не задумывался о личной власти, но, в то же время, не был и человеком полумер. Всегда готов был идти и шёл до конца.

Вступив в должность, он сразу же развернул жёсткую борьбу с большевистским влиянием на фронте и в прифронтовой полосе. Но не только, и даже пока ещё не столько в большевиках было дело. В докладной записке «О реорганизации армии» Верховный предлагал правительству следующее:

- восстановление дисциплинарной власти военных начальников (с неизбежным возвращением к принципу единоначалия и субординации);
- ограничение деятельности армейских комитетов всех уровней до минимума, ответственность их перед законом;
- подчинение работы оборонных предприятий и железнодорожных служб законам военного времени, установление в их отношении той же «железной дисциплины», что и для армий фронта;
- введения в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военных судов с применением смертной казни за наиболее тяжкие, преимущественно военные, преступления.

---

⁴⁰ Александр Фёдорович Керенский, эсер. 2 марта 1917 года занял пост министра юстиции во Временном правительстве. 5 мая в связи с созданием коалиционного правительства получил портфель военного и морского министра. 8 июля сменил князя Г.Е. Львова на посту министра-председателя, сохранив при этом за собой пост военного и морского министра.

Очевидным было, что реализация предложений Корнилова неизбежно затрагивала интересы очень и очень многих. В частях Петроградского гарнизона прекрасно осознавали, что Корниловская программа означает для них скорое отправление на фронт. Солдаты, между тем, успели обжиться в столице. Многие забросили службу, подыскивали работу, и воевать вовсе не желали. Представляя, в то же время, пусть разболтанную, но многочисленную вооружённую силу, они определяли политику Совета. Не удивительно, что «записка» Верховного сразу же была принята в штыки.

Правые в Правительстве поддержали указанные меры и требовали их немедленного воплощения в жизнь. Керенский постепенно склонялся на сторону Корнилова. Он понимал, что борьба с Советами возможна лишь при опоре на Ставку. В то же время было очевидным, одно лишь рассмотрение соответствующих законодательных инициатив вызовет серьёзное, вполне возможно, вооружённое сопротивление. В итоге вызревало постепенное решение: распоряжением Правительства объявить Петроград на военном положении, ввести в столицу для его осуществления корпус с фронта, нейтрализовать возможные выступления частей гарнизона и тогда уже огласить соответствующий законопроект.

Однако дальше слов дело не шло. Керенский не говорил определённо, ни «да», ни «нет». Совещания заканчивались ничем. Уже 8 августа Корнилов открыто говорил, что дальнейшие переговоры «о записке» ни к чему не приведут. 12–15 августа прошло Московское государственное совещание, на котором представители военного руководства вновь высказали свои требования немедленно восстановить дисциплину в армии. Совещание прошло, но инициатив, направленных на изменение военной и государственной политики, от правительства не исходило.

Верховный решил действовать самостоятельно. Из частей Северного фронта создавалась так называемая Петроградская армия во главе с генералом А.М. Крымовым. Формально армия развёртывалась для прикрытия столицы от возможного десан-

та противника. На деле, должна была в нужный момент разружить части гарнизона, покончить «с Кронштадтским мятежным гнездом» и разогнать Советы. О структуре будущей власти ни Корнилов, ни Крымов⁴¹ особо не задумывались. Всё ставилось в зависимость от позиции Временного правительства. Не исключалась, впрочем, и диктатура.

Безрезультатные переговоры с Керенским всё продолжались, но Ставка стягивала войска. Всё делалось наспех и сбивалось из того, что оказалось под рукой. Представлялось, что даже и небольшой, но крепко сколоченной части вполне по силам поставленная задача. Подразумевалось также, что, наведя порядок в столице, можно будет сделать то же самое и по всей стране, а также, и на фронте. В итоге к выдвиганию в Петроград были назначены 3-й конный корпус и Туземная дивизия. 26 августа Крымов выехал в Могилёв к войскам.

И тут, когда всё было уже подготовлено и, как считали в Ставке, согласовано, Керенский вдруг заявил, что Корнилов через члена Государственной Думы В.И. Львова якобы обратился к нему с ультимативным требованием передать всю полноту военной и гражданской власти. Несмотря на то, что В.И. Львов, всё это категорически отрицал, вечером 26 августа на заседании правительства Керенский квалифицировал действия Верховного главнокомандующего как мятеж. Предоставив министру-председателю чрезвычайные полномочия, кабинет подал в отставку.

27 августа Керенский выступил в прессе с обвинением Корнилова в мятеже и государственной измене. В ответном воззвании Корнилов заявил: «Вынужденный выступить открыто – я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевицкого большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального

⁴¹ Непосредственно в планы Корнилова были посвящены также начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.С. Лукомский, командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант А.И. Деникин, начальник штаба армий Юго-Западного фронта генерал-лейтенант С.Л. Марков, генерал-квартирмейстер при штабе Верховного главнокомандующего генерал-майор И.П. Романовский и др.

штаба⁴², и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри...» Этот неосторожный, недальновидный⁴³, сделанный в горячности выпад, оттолкнул от Верховного сочувствующих и нейтральных членов кабинета и сплотил в борьбе против него всех. Керенского, Савинкова⁴⁴, Советы, революционную демократию и... большевиков.

Этим же утром в Ставке была получена телеграмма без номера, за подписью Керенского с требованием к Верховному сдать должность начальнику штаба генералу Лукомскому и прибыть в Петроград. Корнилов не подчинился. Лукомский принять командование отказался и открыто обвинил Керенского в провокации. Крымов отдал приказ частям корпуса двигаться на Петроград.

Можно лишь гадать, что толкнуло Керенского на открытую конфронтацию с Корниловым. Нелишне вспомнить негативное впечатление, оставшееся у Александра Фёдоровича после визита в Киев. Там его, председателя Правительства, во время парада «украинских» войск унижительно поставили перед фактом «автономизации» Украины. Там он воочию убедился, что настают времена, когда чины и звания мало что значат в сравнении с военной силой.

Можно даже представить, что министр-председатель оценивал шансы Советов, как более весомые...

Но вернее всего, Керенский, до конца надеявшийся, что до серьёзных действий дело не дойдёт, и всё как-то устроится едва ли не само собой, понял вдруг, что ошибся. Корнилов на полумерах не остановился и от слов перешёл к делу.

⁴² Чего, конечно же, не было. Можно в чём угодно обвинять Временное правительство, но только не в сотрудничестве с немцами.

⁴³ Деникин писал, что негативное влияние оказало весьма сомнительное окружение Верховного. Люди, типа ординарца Корнилова, прапорщика Завойко возможно и были лично преданы Верховному, но само их участие в серьёзных государственных делах в качестве «политических консультантов» придавало выступлению характер авантюры.

⁴⁴ С июля – товарищ военного министра. 27 августа был назначен военным губернатором Петрограда и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа.

И когда Крымов выступил, министр-председатель вдруг отчётливо осознал, введение верных Ставке и лично Корнилову частей в Петроград по существу означает переход реальной власти в руки военных и отход его на задний план. Заманчивая перспектива покончить, наконец, с Советом, избавиться от тяготившего Правительством гарнизона оборачивалась вполне возможным отстранением его лично от власти... Вполне вероятно, именно это обстоятельство и сыграло решающую роль. Влияние Совета, частей гарнизона, членов правительства, правых и революционных партий, даже и личная неприязнь, которую давно испытывали друг к другу Керенский и Корнилов, интересы армии и страны, в конце концов, всё это не шло, ни в какое сравнение с перспективой утраты личной власти.

Так или иначе, но Керенский вновь круто повернул и устремился в противоположную сторону. Выбирая с кем идти, с Корниловым против Советов или с Советами против Корнилова, Керенский, в конце концов, отдал предпочтение Советам. Этим он подписал Временному правительству смертный приговор и открыл «ленинцам» путь к власти.

Между тем войска Крымова продвигались постепенно к Петрограду. Но занять столицу им было не суждено. И удивляться не приходится. Это были части той же Русской армии, в значительной степени разложенные уже Приказом №1, с комитетами, выборным командным составом, не желающие воевать ни с немцами, ни, тем более, с тыловыми гарнизонами. Пока они выполняли приказ Верховного, эшелоны кое-как двигались ещё к цели. Едва лишь большевистские агитаторы, действовавшие смело и решительно, довели до солдат и казаков, что Корнилов – мятежник, будущий диктатор, а главное, «за продолжение войны», всё стало. Сыграло свою роль и противодействие, организованное Временным правительством, Советами, «Викжелем», всевозможными комитетами на местах, но основная причина почти предопределённой неудачи выступления кроется в «качестве» привлечённых войск. Предопределённой потому, что других, за исключением Корниловского ударного, уже и не было.

Возникает вопрос, почему же Корнилов, поставивший всё на карту, лично не встал во главе войск и не двинул на Петроград надёжные, преданные Верховному Текинский и Корниловский полки. Последующие головокружительные успехи первопоходников и «дроздовцев» дают основание предположить, что даже и небольшая, но крепко сбита, дисциплинированная, направляемая твёрдым, уверенным в себе командиром часть, вполне могла бы рассчитывать на успех. Ответ, видимо, следует искать в отличительных чертах личности генерала Корнилова. Конечно же, он не хотел подвергать смертельной опасности преданных ему солдат и офицеров. Вероятно, уже не верил в счастливый исход «дела». Но вполне резонно предположить, Верховный чувствовал всю двусмысленность своего положения. И колебания его определялись нежеланием выступить с оружием в руках против «законной» власти, пусть даже олицетворяемой Керенским. А главное, нежеланием развязать гражданскую войну, без которой, не уступи он, в конце концов, было бы уже не обойтись...

Так или иначе, предприятие провалилось. Эшелоны 3-го конного и Туземной дивизии безнадежно застряли. Распропагандированные казаки митинговали, смешавшись с Лужским гарнизоном и продвигаться к Петрограду вовсе не стремились. Офицерские организации в столице оказались неподготовленными, а скорее даже, несостоятельными.

28 августа Керенский отдал приказание о прекращении выдвижения войск на Петроград. Корнилов отказался выполнить это распоряжение и в свою очередь приказал Крымову «оказать давление на правительство». К этому времени связь с Крымовым уже была прервана, восстановить её так и не удалось. Только лишь в этот день в Могилёв прибыл назначенный ещё 24 августа командиром 3-го конного корпуса генерал П.Н. Краснов. Получив предписание, он направился к войскам и следующим утром прибыл на станцию Дно.

Между тем, в конце дня 28 августа авангард Туземной дивизии, 3-я бригада под командой князя Гагарина, двигаясь в эшелонах по железной дороге, достигла станции Вырицы, где

наткнулась на разобранные пути и остановилась. Бригада в составе двух полков, Чеченского и Ингушского, выгрузилась и пошла походным порядком на Павловск и Царское Село. У станции Семрино их встретили огнём выдвинувшиеся навстречу части Петроградского гарнизона. В перестрелке никто не пострадал, но дальнейшее продвижение на столицу в составе восьми неполных конных кавказских сотен было немыслимо. Основные силы Туземной дивизии стояли в эшелонах на станции Дно. Командир дивизии князь Багратион, имевший беседу с Красновым, выгрузиться и пойти на помощь своей 3-й бригаде так и не рискнул. Да и настроение у горцев и солдат было уже не то.

Около 14 часов на станцию прибыли два эшелона Приморского драгунского полка. Солдаты, уже имея на руках воззвание Керенского, собрались за путями и принялись обсуждать, кто изменник, Корнилов или Керенский. Командир полка полковник Шипунов представился Краснову и попросил его выступить перед драгунами. В ответ на призыв генерала исполнить свой долг и выполнить приказ Верховного главнокомандующего «без всяких рассуждений», подпрапорщик, вахмистр со многими крестами на груди высказался от имени солдат в том смысле, что они готовы выполнить приказ и о долге помнят, но нужно сперва разобраться, чей приказ выполнять, кто – изменник... Краснов проследовал в Псков, в штаб Северного фронта. Вот, что напишет он позже в своих мемуарах. «Приверженцы Керенского пустили по железным дорогам тысячи агитаторов, и ни одного не было от Корнилова.

Какая страшная драма разыгрывалась в темной душе солдата в эти дни? Какие ужасные мысли медленно ползли и копошились в его мозгу? Начальники с верховным главнокомандующим ген. Корниловым вели солдат против Временного правительства, того Временного правительства, которое дало им неслыханную свободу, которое попустительствовало им в их преступлениях против начальников и, не отказываясь на словах, отказалось на деле от войны, потому что лето – период упорных сражений – проходило тихо, если не считать двух неу-

давшихся наступлений, – июньского на юго-западном фронте и июльского – на северном, сорванных солдатами, оставшимися совершенно безнаказанными».

В этот же день Керенский отдал приказ об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» генерала Корнилова⁴⁵ и старших его сподвижников. Уже к вечеру депутации от казаков и от Туземной дивизии прибыли в Петроград, чтобы убедить в отсутствии немецкого десанта. Десант, конечно, обнаружен ими не был...

30 августа Краснов прибыл в штаб Северного фронта, где и был задержан⁴⁶. Генерал Алексеев после определённых колебаний принял предложение министра-председателя занять пост начальника штаба у «Главковерха» Керенского⁴⁷. В этот же день к Крымову прибыл помощник начальника правительственного

⁴⁵ Должность Верховного главнокомандующего Александр Фёдорович оставил за собой.

⁴⁶ Был отпущен сразу же после Корниловского выступления, так как сделать ничего не успел. «Невиновность» и непричастность к выступлению Краснова были настолько очевидными, что за генералом сохранили даже должность командира корпуса. Более того, получил от Керенского тот же самый, «корниловский», приказ – выдвинуть (теперь уже к 6 сентября) части корпуса поближе к столице «ввиду возможности высадки немцев в Финляндии и беспорядков там». Любопытно, что на этот раз, выдвижению частей корпуса на ближние подступы к Петрограду, в район Павловск-Царское-Гатчина-Петергоф никто не препятствовал. Верхушка большевиков в отсутствие Ленина с планами на будущее ещё не определилась.

Будто ружьё, размещённое драматургом у всех на виду и этим предопределённое к выстрелу, мелькнуло в строчках донесений имя Пётра Николаевича Краснова. Его возвращение на политическую сцену также было неизбежно и обусловлено следующими обстоятельствами. Безусловным авторитетом, которым генерал пользовался в казачьих полках. Готовностью, вовсе, кстати, не без его осмысления, но беспрекословно выполнить приказ, сколь бы трудным и даже безнадежным не казалось дело. Умением вдохновить и повести за собой подчинённых.

Сыграло, конечно, свою роль и то, что ядро 3-го конного корпуса оставалось в зоне досягаемости по отношению к столице. Когда началось, не пришлось, как Крымову, растратить всю энергию и страсть на разбег.

⁴⁷ Впоследствии он оправдывал это решение желанием «спасти корниловцев». По свидетельству Лукомского Корнилов при аресте высказал в лицо Алексееву следующее: «Помните, Ваше превосходительство, что Вы идёте по опасному пути; Вы идёте по грани, отделяющей честного человека от бесчестного».

кабинета полковник Самарин, который, будучи другом генерала, убедил его в том, что положение Корнилова безнадежно. Что якобы Ставка и Керенский договорились о прекращении противостояния со сглаживанием негативных последствий. В заключение генералу было предложено оставить войска и выехать в Петроград. Своему другу Самарину Крымов поверил и решил ехать.

Ранним утром 31 августа в вагоне поезда Крымов имел с глазу на глаз беседу с Алексеевым, которая лишь убедила его в том, что дело окончательно проиграно. Алексеев уехал арестовывать Верховного Корнилова, Крымов направился к министру-председателю. В тот же день, после разговора с не скрывающим торжества и открыто злорадствующим Керенским, обманутый⁴⁸ генерал Крымов выстрелил себе в сердце. Он жил ещё несколько часов в Николаевском военном госпитале. Похороны разрешено было произвести лишь не позже 6 часов утра и в присутствии не более 9 человек.

Ещё не родившись, Добровольческая армия потеряла одного из лучших своих командиров...

1 сентября Корнилов прекратил борьбу. Никто из участников выступления сопротивления не оказал. К чести Алексеева он предпринял всё возможное, чтобы предотвратить самосуд и кровопролитие. Часть «корниловцев» была арестована в Ставке, в Могилёве⁴⁹, иные – в Бердичеве.

Подавленный Корнилов не вышел к полкам, простившись с солдатами в лице их командиров. При этом капитан Неженцев плакал, как ребёнок. Выступление было проиграно, так толком и не разогнавшись, не развернувшись...

Керенский победил, но победа эта дорого обошлась министру-председателю. Маятник вновь качнулся и на этот раз резко влево. Влияние большевиков, без которых и речи не мог-

⁴⁸ 4 сентября полковник Самарин за отличие по службе был произведен в генерал-майоры и назначен командующим войсками Иркутского военного округа.

⁴⁹ Алексеев сумел настоять, чтобы охрана арестованных была возложена на преданный Корнилову Текинский полк. Явно тяготясь своей ролью, Алексеев пробыл в Ставке ещё несколько дней, потом, ушёл в отставку. Начальником штаба Верховного главнокомандующего, фактически Верховным, был назначен начальник штаба армий Западного фронта генерал-лейтенант Н.Н. Духонин.

ло идти о пресечении Корниловского выступления, возросло многократно.

4 сентября из-под ареста под залог был освобождён Троцкий, что наглядно продемонстрировало переориентацию вектора внутренней политики правительства. 9 сентября исполком Петросовета, в котором преобладали меньшевики и эсеры, оказался в меньшинстве. Его председателем как раз и был избран 20 сентября Троцкий. Днём ранее исполком Московского Совета рабочих депутатов возглавил большевик В.П. Ногин. Большевизация советов шла полным ходом. За первую неделю сентября большевистскую резолюцию о передаче власти Советам поддержали советы 80 крупных городов. В отрядах Красной гвардии, легализовавшихся после Корниловского выступления, влияние большевиков также было определяющим. С РСДРП(б) были практически сняты обвинения «в пособничестве Германскому командованию».

Деникин пишет: «Победа Керенского означала победу советов, в среде которых большевики стали занимать преобладающее положение, упрочила позицию самочинно возникших левых боевых организаций, в виде военно-революционных комитетов... Керенский окончательно оттолкнул от себя и Временного правительства те либеральные элементы, которые, пережив период паники, не могли потом простить ему своего ослепления; оттолкнул окончательно и офицерство – единственный элемент – ...сохранивший еще способность и стремление к борьбе...»

В Быховскую тюрьму⁵⁰ были препровождены: генералы Корнилов, Деникин, Эрдели, Ванновский, Эльснер, Лукомский, Романовский, Кисляков, Марков, Орлов; подполковники Новосильцев, Пронин, Соотс; капитаны Ряснянский, Роженко, Брагин; есаул Родионов; штабс-капитан Чунихин и др. Вина большинства заключалась в том, что в момент выступления они публично высказались в поддержку Верховного. Иные лишь добросовестно выполняли приказы. Были и такие, которые никакого отношения к «мятежу» не имели.

Немалое число «быховцев» впоследствии стали организато-

⁵⁰ Под тюрьму было переоборудовано здание Женской гимназии.

рами и командирами Добровольческой армии. Многие к белому движению не примкнули...

Для расследования произошедшего была назначена Следственная комиссия под председательством Главного военноморского прокурора Шабловского. И тут вдруг выяснилось, что Россия, находящаяся на краю пропасти, оставалась демократической страной. Керенский и Советы требовали военного полевых суда над Корниловым и его сторонниками, однако Комиссия проявила лояльность к «корниловцам», подошла к делу объективно и, в частности, посчитала, что роль самого Керенского в августовских событиях, по меньшей мере, неоднозначна. Расследование затягивалось.

9 сентября 1917 года подали в отставку в знак солидарности с генералом Корниловым министры-кадеты. Общественное мнение также в значительной мере было на стороне «корниловцев». Условия содержания «быховцев» были вполне сносными. Им доставляли прессу, да и сношения с внешним миром, мягко говоря, не пресекались.

Была даже обнаружена так называемая «Корниловская программа»:

1. Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций – впредь до Учредительного собрания.
2. Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.
3. Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.
4. Создание боеспособной армии и организованного тыла – без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.
5. Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6. Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного Собрания.

Впоследствии она оставалась и программой белого движения на Юге России, его идеологией.

Между тем, Комиссия, явно симпатизировавшая арестованным, постепенно освобождала «быховцев» одного за другим. К 27 октября стены тюрьмы покинула половина заключённых. К 18 ноября их оставалось лишь пятеро: Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский, Марков. Корнилов вовсе не отказался от дальнейшей борьбы. И покинуть Быхов, при охране из преданных ему «текинцев», не составляло особого труда. Просто бежать было пока ещё некуда. И время ещё не пришло...

1.6. Отзвуки Корниловского выступления на Дону. Войсковой круг 2-го созыва

С 7 по 18 июня в Петрограде проходил II (Учредительный) казачий съезд от 12 войск (включая вновь образованное Уссурийское казачье войско), который солидаризировался с позицией правых. Съезд потребовал создания в стране «единой сильной власти», обещал Временному правительству помощь в закреплении свободы и в борьбе с анархией и со сторонниками сепаратного мира и избрал Совет Союза казачьих войск во главе с войсковым старшиной А.И. Дутовым из Оренбургского казачьего войска. Но среди казаков наметился раскол. Меньшинство, левая часть съезда обвинила его организаторов в организованном подборе состава съезда, осудила принятые им решения, в том числе по аграрному вопросу⁵¹, считая, что в нём не учтены интересы не только крестьян, но и всего государства, потребовала созыва съезда рядового казачества.

Общеказачья конференция, состоявшаяся в Новочеркасске 27–28 июля, выразила безусловную поддержку Верховному командующему Корнилову, высказалась за создание сильного правительства с диктаторскими полномочиями, способного покончить с анархией, потребовала от Временного прави-

⁵¹ Съезд вновь продекларировал права казаков на Войсковые земли.

тельства прекратить аграрную реформу и другие социально-экономические преобразования до Учредительного собрания.

Малый донской войсковой круг, заседавший со 2 по 7 августа, заключил блок с кадетами⁵², запретил вывозить хлеб из области и создавать земельные комитеты, предусмотренные Временным правительством. Позиция Войскового правительства оставалась неизменной. Поддержка Корнилова и разрешение земельного вопроса исключительно Учредительным собранием.

На Московском Всероссийском государственном совещании Атаман войска Донского Каледин, представлявший все казачьи войска, в своём выступлении высказался предельно откровенно. Вот какие требования выдвинул генерал Временному правительству:

- «1. Армия должна быть вне политики, полное запрещение митингов и собраний с их партийной борьбой и распрями.
2. Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу.
3. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.
4. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.
5. Тыл и фронт – единое целое, обеспечивающие боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.
6. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены, вождам армии должна быть предоставлена полная мощь!»

Именно эта речь, произнесённая с самой высокой трибуны, и послужила потом основанием для преследования Каледина, как соучастника выступления. Донскому атаману инкриминировалось участие в мятеже и желание(!) занять донскими частями железнодорожные узлы Юга России с целью отрезать Донецкий бассейн от Центра. Был отдан приказ об отстранении Каледина от должности, аресте и предании суду.

⁵² Что вызвало серьёзное недовольство и спровоцировало рост недоверия казаков-фронтовиков к Каледину и Богаевскому.

II Большой войсковой круг (Войсковой круг 2-го созыва), созванный Донским правительством в Новочеркасске в период с 5 по 17 сентября, на первом же заседании рассматривал вопрос «о мятеже Каледина». Круг, далеко уже не единый, тем не менее «запретил» Каледину⁵³ выехать в Могилёв в распоряжение Следственной комиссии и предложил органам дознания самим прибыть в Новочеркасск для допроса. Круг встретил выступление своего Атамана овацией и, более того, постановил заслушать его речь стоя. Затеять конфликт с Доном Центр позволить себе уже не мог. Не было ни сил, ни времени, ни, главное, решимости. Всё рушилось⁵⁴...

Сейчас, по прошествии стольких лет трудно определённо утверждать участвовал ли Атаман в «заговоре». Каких-либо серьёзных фактов, уличающих Каледина в причастности к выступлению, как известно, предъявлено не было. Каждый, конечно, волен думать по-своему, но стоит обратить внимание вот на что. Каледин, генерал Русской армии, прошедший Великую войну, вне всякого сомнения, считал себя патриотом своей страны – России. Но одновременно он был и донским казаком, Войсковым атаманом, взявшим на себя вместе с должностью и ответственность за судьбу жителей Области, за благополучие Родины малой. В этом, видимо, и следует искать причины некоторой двойственности поступков и политических взглядов Каледина.

⁵³ Постановление не выдавать Атамана Временному правительству, было принято на предварительном совещании Большого войскового круга 3 сентября. Сам Каледин выражал желание предстать перед следствием и лично доказать свою непричастность к выступлению. Он высказался в том смысле, что «никакого участия в выступлении генерала Корнилова не принимал и о нём не знал, но если бы знал, то в интересах Родины всемерно поддержал бы Корнилова, и готов нести ответственность, как идейный соучастник».

⁵⁴ Предпринимались попытки задержать Каледина во время его инспекционной поездки по северу Области, для чего из Царицына направлены по железной дороге солдаты гарнизона. Была даже объявлена мобилизация двух военных округов, Московского и Казанского. Но дальше этого дело, конечно, не пошло. К Керенскому Кругом была направлена казачья депутация. 17 октября министр-председатель назвал эпизод с Калединским «мятежом» «тяжёлым и печальным недоразумением». Официально Атаман реабилитирован так и не был. Очевидно, просто не успели.

Весьма вероятно, Атаман догадывался о возможности Корниловского выступления. И в любом случае, удайся оно, поддержал бы Верховного уже не только на словах, но и на деле, «обеспечив» Южное направление. В то же время, вне всякого сомнения, к решительным действиям он перешёл бы, лишь убедившись, что дело удалось. Поскольку выступление провалилось, едва начавшись, Каледин предпринять ничего просто не успел. В этом смысле, «невиновность» его сомнению не подлежит.

И тут произошла просто фантастическая история. Прямо на заседании Круга войсковой старшина Голубов по собственному почину, ссылаясь на приказ Временного правительства, попытался арестовать генерала Каледина. Вполне вероятно, он предполагал, что вслед за этим Круг вынужден будет переизбрать нового Атамана, и у него появятся шансы. Это была, конечно, чистейшая авантюра, но сам факт происшедшего говорит о многом. Голубов тут же был арестован сам. Круг теперь вынужден был заняться и «делом Голубова». По ходатайству Каледина войсковой старшина был отпущен⁵⁵.

Поражение Корнилова многое изменило, в том числе, и на Дону. Выходка Голубова была лишь вершиной айсберга. Многие не замечали этого, ещё большее число замечать не хотело. Каледин, один из немногих, кто отдавал себе трезвый отчёт о происходящих событиях. Общество резко полевело. Более того, к недовольным рабочим, солдатам и крестьянам всё в большем количестве присоединялись и недовольные казаки. На общих митингах звучали требования прекращения войны, освобождения арестованных в июле большевиков, передачи помещичьих и даже войсковых земель казакам и крестьянам, национализации крупной промышленности, разгона Государственной Думы, Государственного Совета... Упорное нежелание Временного правительства разрешать жизненно важные

⁵⁵ Высказывались даже предложения лишить Голубова казачьего звания. Однако, учитывая его боевое прошлое, Круг делать этого не стал. Позднее, уже в Ростове по приказу помощника Атамана Богаевского Голубов был арестован командующим Ростовским округом Области войска Донского генералом Потоцким за «антиправительственную пропаганду» и препровождён на Новочеркасскую гауптвахту.

вопросы до созыва Учредительного собрания популярности ему не прибавляли.

Раскол внутри самого казачества давно уже стал свершившимся фактом. Левая казачья оппозиция настолько окрепла, что смогла на Круге добиться расторжения блока с кадетами. Тем не менее, Круг выразил доверие Донскому правительству и поручил ему составить списки кандидатов в Учредительное собрание.

12 сентября Круг отклонил приглашение ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов о посылке в «демократическое совещание» одного депутата от войска. Тем самым давалось понять, что в качестве законной власти Донское казачество признаёт исключительно Временное правительство и в узкопартийных, неправительственных предприятиях, направленных на размывание государственной власти, участия принимать не станет. К тому же казаки были оскорблены предоставлением войску всего лишь одного голоса, что явно не соответствовало его «удельному весу».

Учитывая взрывоопасность по существу уже предреволюционной ситуации, Круг сделал всё возможное, чтобы урегулировать взаимоотношения казачества и крестьянства. Правительству было поручено:

1. Войти в сношение с *организованным* крестьянством по общим для обеих групп вопросам;
2. Выработать новое положение о принятии «иногородних» (не казаков) в казачье сословие⁵⁶.

В завершение работы Круг выработал постановление о посылке депутации к Временному правительству с требованием прекратить применение казачьих частей для несения полицейской службы, а в связи с этим отменить посылку двух казачьих полков и батареи для водворения порядка в Хиве.

Как видно, вся работа Круга сопровождалась борьбой Донских властей и левой оппозиции. Стороны пока ещё находили компромиссы и пытались мирно договориться о дальнейшем сосуществовании с ДИК и «организованным крестьянством».

22 октября в Киеве собрался съезд фронтового казачества. Однако после октябрьских событий Рада, не желавшая обо-

⁵⁶ Нелишне напомнить, что принятый в казачье сословие, брал на себя все тяготы несения военной службы, но взамен получал права на земельный надел.

строить отношения с большевиками, потребовала от казаков покинуть её территорию. Атаман Каледин предложил съезду перебраться в Новочеркасск, где готов был предоставить всё необходимое для продолжения его работы. Общевоинской казачий съезд возобновил свои заседания в столице Области войска Донского 6 ноября.

Активизировал свою деятельность и областной комитет РСДРП(б)⁵⁷. Уже не только в Ростове, но и в промышленных городах Области формировались всё новые отряды Красной гвардии⁵⁸. Неудача Корниловского выступления и резкое обострение экономического и политического кризиса способствовали росту влияния «ленинцев». Изменилось само отношение местных большевиков к Донскому правительству. Если раньше, они ограничивались популяризацией ленинских идей, то теперь становились в открытую и подкреплённую реальными политическими действиями оппозицию к властям.

В конце сентября был получен приказ о направлении на фронт маршевых рот из состава запасных пехотных полков, расквартированных в Донской области. Ростово-Нахичеванский комитет большевиков постановил бойкотировать отправку резервов на фронт и развернул в частях, в том числе, даже и в казачьих полках, агитацию. 29 сентября солдаты 225-го запасного полка, расквартированного в Ростове, отказались выделить из своего состава маршевые роты. В полк прибыли комендант города генерал Ф.Н. Чернояров и помощник войскового атамана М.П. Богаевский. Однако призвать солдат к порядку они не смогли и вынуждены были покинуть импровизированный митинг. Начальник гарнизона приказал разоружить караульную роту, но и это сделать не удалось, так как у оружейной солдатой был выставлен усиленный караул.

Представители других частей гарнизона заявили о полной поддержке 225-го полка. На 1 октября большевики наметили проведение демонстрации протеста «против войны». Прави-

⁵⁷ Делегаты съезда от Донской области были проинформированы Свердловым о неизбежном курсе на вооружённое восстание и нацелены на активные действия.

⁵⁸ 6 сентября в Ростове был образован центральный штаб Красной гвардии во главе с И.Д. Ченцовым.

тельство пыталось противодействовать. В ночь на 1 октября Черноярлов распорядился вооружить верные Правительству части гарнизона, но утром двинуть их против демонстрантов не решился. На улицы Ростова вышел весь гарнизон, в том числе и выделенные комендантом для предотвращения выступления «надёжные» роты. К ним присоединились в немалом количестве рабочие заводов и железнодорожных мастерских. Среди экономических и социальных требований преобладали политические. В том числе и главный ленинский лозунг, вновь вставший на повестку дня: «Вся власть Советам!»

7 октября состоялись перевыборы Советов, давшие возможность «ленинцам» вплотную подойти к их большевизации и занять ключевые позиции. Так председателем Ростово-Нахичеванского Совета стал направленный на Дон из Петрограда член РСДРП(б) С.И. Сырцов⁵⁹, председателем Совета в г. Гуково – казак-большевик В.С. Ковалёв. В октябре в ст. Каменской собрался Донецкий окружной съезд Советов. Все пять делегатов, направленных на II съезд Советов в Петроград были большевиками: В.С. Ковалёв, Е.И. Щаденко⁶⁰, С.И. Кудинов, К.Ф. Гроднер⁶¹ и Басов⁶².

Всё это убедительно свидетельствовало о серьёзном усилении влияния большевиков в Области. Меншевики и эсеры ещё удерживали иллюзорное превосходство в большинстве выборных органах власти. Но инициативу на Дону, как и по всей стране, они упустили безвозвратно. Кадеты, ассоциирующиеся с Корниловским выступлением, достаточной популярностью среди широких слоёв населения не пользовались.

Но, если в центральных районах страны противостоять большевикам было почти уже некому, то на Дону функционировала, как представлялось, устойчивая, пользующаяся поддержкой населения, обладавшая значительной военной силой, атаманская власть.

⁵⁹ Был обвинён в правом уклонизме, репрессирован и 10 сентября 1937 г. расстрелян.

⁶⁰ С февраля 1917 г. был председателем Каменского комитета РСДРП(б).

⁶¹ Член Александровско-Грушевского Совета рабочих депутатов.

⁶² От Ростово-Нахичеванского Совета рабочих депутатов на съезд был направлен М.П. Жаков.

2. ОКТЯБРЬ НА ДОНУ

2.1. Октябрьские дни

Нет нужды подробно описывать октябрьские события в Петрограде. Они общеизвестны.

Керенский, сосредоточивший в своих руках диктаторские полномочия, остался один. Пустота, вакуум обступали со всех сторон. Большевизация Советов лишила его свободы манёвра и означала одно, скорое выступление «ленинцев». Попытки пойти на компромисс, создание Предпарламента, могли лишь оттянуть время, но не решали главного. Социальная база, на которую мог бы опереться министр-председатель, сжалась, как шагреновая кожа. И последнюю значимую силу, которая способна была ещё сражаться против большевиков с ним, и за него, Александр Фёдорович оттолкнул от себя сам.

То, что Временное правительство пало лишь 25 октября, а не гораздо раньше, объясняется вовсе не его устойчивым положением, а исключительно разногласиями среди большевистской верхушки. Большинство, впад в эйфорию от невиданных успехов, невиданной популярности и роста рядов, считало, что власть упадёт к ним в руки и сама.

Ленин подобной наивности позволить себе не мог. Он прекрасно понимал, жизнь скоротечна и переменчива. Шансы, такие шансы предоставляет нечасто. И тот, кто их не использует, очень скоро, потеряв в одночасье всё, только лишь вспоминает об упущенных возможностях, укоряя себя за нерешительность...

Всю жизнь Владимир Ильич мог только мечтать о власти. И вдруг, волею обстоятельств, она оказалась рядом. И промедление действительно было смерти подобно. Не захвати большевики власть до созыва Учредительного собрания, они бы проиграли. Случись заключённый без их участия мир, они бы проиграли. Окажись в столице часть, вроде Корниловского ударного, спаянная единой целью, направляемая твёрдым, знающим, чего он хочет, командиром, *они могли бы проиграть...* Пойди в

начале сентября меньшевики и эсеры на создание единого блока с «ленинцами», могло бы ещё случиться, что угодно...

Вряд ли Ленин опасался чего-то конкретного. Гениальность его в том, что свой звёздный час, раз в жизни случающийся, он не пропустил. И он был кем угодно, но только не трусом.

15 сентября Ленин обратился в ЦК РСДРП(б), Петроградский и Московский комитеты с призывом к вооруженному восстанию. Однако члены ЦК своего лидера не поддержали. Все были уверены, что условия для восстания еще не созрели, и что только съезд Советов может придать новому правительству законный характер. Две недели спустя Ленин прибегнул к ультиматуму: он пригрозил выйти из ЦК, оставив за собой свободу агитации в партийных низах на съезде партии. Твёрдость и настойчивость Ленина, как и всегда мобилизующе действовали на его сторонников, большинство из которых пересмотрели свою позицию. В ночь с 6 на 7 октября Владимир Ильич нелегально прибыл в Петроград.

7 октября после заявления Троцкого о контрреволюционном характере Временного правительства и Предпарламента большевики покинули последний. Уход большевиков из Предпарламента означал, что в борьбе за передачу власти Советам они порывают с другими социалистическими партиями, и станут действовать с позиции силы. Окончательный курс на вооруженный захват власти был принят на заседаниях ЦК большевиков 10 и 15 октября после острейших дискуссий. Против восстания выступили Л.Б. Каменев и Г.В. Зиновьев, которые утверждали, что власть следует брать мирным путем, используя выборы в Учредительное собрание, с опорой на большевизированные Советы⁶³. Не имея возможности опубликовать свои взгляды в большевистской прессе, они поместили свою статью, осуж-

⁶³ Им их доводы казались неоспоримыми. Зачем, получив так много, рисковать всем? Зачем затевать вооружённое восстание, исход которого всегда не определён, если и так власть можно будет получить без особого риска и в спокойной обстановке. Они не обладали гением Ленина, не понимали, что РСДРП(б) – не парламентская партия, а партия кризиса. И все успехи, всё влияние большевиков – следствие лишь того, что кризис назрел. И если уж сейчас не взять власть, если повести себя, как и все остальные, позже, очень скоро, вся сила их, вся популярность улетучатся вмиг, как лёгкая дымка.

дающую идею вооруженного восстания, на страницах «Новой жизни». Выступление Каменева и Зиновьева в прессе, конечно, подтвердило косвенно информацию о подготовке переворота, но курс «ленинцев» на вооружённое восстание давно уже, с первых чисел октября не был ни для кого секретом. Ленин назвал Каменева и Зиновьева предателями и потребовал исключения обоих из партии. ЦК ограничился тем, что запретил им публично выступать против решений центрального органа. Нравы были ещё более чем мягкими...

Временное правительство, ВЦИК, руководство различных политических партий непрерывно пытались предотвратить готовящееся восстание. Но противостоять большевикам они были уже не в силах.

Кадеты даже пробовали в противовес рабочей Красной гвардии организовать вооруженные формирования, раздавая револьверы студентам и банковским служащим, но рассчитывать на такие «отряды» не приходилось. Большевики-интернационалисты и левые эсеры провели 24 октября на заседании Предпарламента резолюцию, в которой потребовали от Временного правительства немедленно заявить о начале мирных переговоров с Германией и о передаче земли крестьянам. Керенский резолюцию проигнорировал. Надо отдать должное Александру Фёдоровичу. В этом вопросе у него хватило мужества пойти до конца. Вместе с тем, министр-председатель совершил 9 октября одну из последних своих ошибок, которая действительно стала роковой. Керенский отдал приказ отправить наиболее ненадежные части Петроградского гарнизона на фронт, чем окончательно оттолкнул от себя солдат. Видимо он совершенно не ориентировался в ситуации и даже не представлял, или не хотел представить, насколько изменилось в сравнении с августом соотношение сил. Полковые гарнизонные комитеты подчиниться приказу Верховного отказались и заявили о своей поддержке Советов и недоверии правительству.

12 октября Петроградский Совет создал Военно-революционный комитет (ВРК), состоявший из большевиков и левых

эсеров⁶⁴ и ставший штабом по подготовке вооруженного восстания. 20 октября ВРК направил во все воинские части Петроградского гарнизона своих комиссаров. Не подписанные ими приказы объявлялись недействительными. 22 октября Временное правительство окончательно потеряло контроль над войсками. Верность ему сохранили лишь немногочисленные части юнкеров, казаков и ударников. Да и те, прекрасно помнившие, как министр-председатель обошёлся с Корниловым, особого рвения защищать Временное правительство не проявляли.

Керенский, надо вновь отдать ему должное, не побоялся выступить первым. В ночь с 23 на 24 октября он отдал приказ закрыть большевистские газеты «Солдат» и «Рабочий путь», занять Смольный институт и арестовать членов Петроградского ВРК.

На рассвете 24 октября отряд юнкеров занял и разгромил типографию газеты «Рабочий путь». Собственно, это и послужило сигналом к выступлению для обеих сторон. Дальнейшие события, как представляется, точнее других охарактеризовал М.А. Алданов. «Подавляющим по значению ... был ... один простой, довольно неблагодарный, образ в разных возможных вариантах: солдат, больше не желающий воевать...

...пролетариат сыграл в октябрьских событиях довольно скромную роль. Неизмеримо важнее была роль солдат и матросов. Они твёрдо знали, чего прежде всего хотят: прежде всего хотели немедленного конца войны. А это обещали именно большевики и только они. «Надёжные части», отправлявшиеся Полковниковым⁶⁵ в «важные стратегические пункты города»,

⁶⁴ Первым председателем Петроградского ВРК был избран эсер П.Е. Лазимир, перешедший после Октябрьских событий к большевикам. Любопытно, что ВРК первоначально был создан Петроградским советом, как орган по противодействию попыткам штаба округа вывести из столицы войска гарнизона.

⁶⁵ Полковников был командиром 1-го Амурского полка в 3-м конном корпусе. Во время Корниловского выступления покинул расположение части и прибыл в Петроград, к Керенскому. 4 сентября 1917 г. назначен на должность Командующего войсками Петроградского военного округа. После бегства Керенского в середине дня 25 октября от должности отстранён.

переходили, подумав, на сторону восставших или решали «сохранять нейтралитет».

«Сохранили нейтралитет» и расквартированные в столице 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки. В четвёртом часу утра 25 октября, когда катастрофа становилась уже свершившимся фактом, Керенский прибыл в штаб округа. Растерянность, враз сменившая былую браваду, была всеобщей. Керенский созвал совещание, на котором выяснилось: решающие пункты – почти все в руках восставших, подкреплений ждать неоткуда, части, обещавшие выступить на стороне правительства, перешли на сторону противника... Решено было вызвать Донские полки, в которые разослали следующую телеграмму:

«Главковерх приказал 1, 4, 14-му казачьим полкам, во имя свободы, чести и славы родной земли, выступить на помощь Центральному исполнительному комитету советов революционной демократии, Временному правительству и для спасения гибнущей России».

Казачьи в ответ запросили штаб, выступит ли совместно с ними пехота? И уточнили, без поддержки пехотинцев⁶⁶ они из казарм не выступят. Пехоты к тому времени в распоряжении штаба округа уже почти не было. Вскоре, вообще, всё, что было, пришлось стянуть к Зимнему дворцу.

Зимний охраняли, помимо офицеров⁶⁷, юнкеров и ударниц, также и три сотни донских казаков. Поздним вечером 25 октября два казачьих офицера попросили у министров аудиенции. По прибытии спросили, чего хочет *и на что рассчитывает* Вре-

⁶⁶ В этом требовании нет ничего необычного. Стрелковые подразделения, удерживая исходные позиции, позволяли коннице использовать главные свои качества – подвижность и манёвренность. В отсутствие пехоты, кавалеристам самим приходилось играть её роль, отряжая при этом в качестве коноводов до трети личного состава. Однако в данном конкретном случае причина «нейтралитета» была, кажется, иной. Все три Донских полка стояли в столице давно и успели поучиться «демократии» у других частей гарнизона. Во всяком случае, когда через несколько дней горсточка юнкеров выступила против многих тысяч красновардейцев, и артиллеристы Краснова открыли огонь по Пулковской позиции, ни один из казаков на помощь им не вышел.

⁶⁷ Любопытно, что до самого конца на стороне Временного правительства оставался броневик «Ахтырец», команда которого заявила, что намерена охранять Зимний «как памятник художественной ценности».

менное правительство? Из вежливости выслушали ответ до конца, вздохнули и ушли, ничего не сказав на прощанье. Вскоре Правительству доложили, что казаки покинули дворец, так как «не знали, что им там делать».

Поведение казаков наглядно показало, после самоубийства Крымова, после «сдачи» Корнилова рассчитывать, даже и на сохранившую дисциплину, часть армии министр-председатель больше не мог. Весь день 25 октября заседал Совет Союза казачьих войск. Савинков⁶⁸ и член Совета Филатов обещали представителям полковых комитетов сохранить все казачьи привилегии, «удовлетворить все их требования», пугали тем, что большевики, придя к власти, отберут у них землю... После перерыва, назначенного для обсуждения «вопроса» в полковых комитетах, казачьи представители заявили, что два полка, 1-й и 14-й, готовы выполнить приказ, но вновь требуют предварительно выпустить впереди себя пехоту. 4-й Донской выполнять приказ отказался.

Совет Союза казачьих войск принял резолюцию о поддержке Временного правительства и сообщил, что полки выступить готовы. Однако вечером, все три полка, игнорируя постановление своих комитетов, заявили, что:

1. Приказов Временного правительства выполнять не станут.
2. Против Петроградского Совета не выступят.
3. Готовы нести охрану города, как при прежней власти.

К концу дня восставшие подошли к Зимнему дворцу вплотную. Временному правительству был направлен ультиматум. В 19 часов караул Павловского полка занял штаб округа, арестовав офицеров штаба. В 21 час орудие Петропавловской крепости произвело предупредительный холостой выстрел. Такой же выстрел дала вошедшая в Неву «Аврора». С каждым новым обстрелом, холостыми и боевыми из полевого орудия, число защитников дворца таяло на глазах. Юнкера, ударницы беспрепятственно покидали Зимний, досматривались на выходе красногвардейцами и распускались по домам. Целые группы

⁶⁸ Был кооптирован в состав Совета.

восставших проникали постепенно во дворец. Смешавшись с защитниками, агитировали среди юнкеров, частично вытеснялись, частично разоружались... В два часа ночи после общего штурма, уже не встречая сопротивления, заняли, наконец, резиденцию Временного правительства. Министры были арестованы секретарём Петроградского ВРК В.А. Антоновым-Овсеенко и направлены в Петропавловскую крепость.

Победа большевиков в столице была полной и почти бескровной. Во время штурма Зимнего дворца погибло 6 человек. Вместе с тем взятие большевиками власти в столице еще не означало их полной и окончательной победы во всей стране, погружённой в политический и экономический хаос. Вооруженное восстание, по сути, имело характер удавшегося мятежа, государственного переворота. Поэтому лидерам большевиков было крайне важно закрепить свой успех на формально-правовой основе установления в стране власти Советов.

Когда практически весь Петроград уже находился под контролем ВРК, около 23 часов открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Из 650 делегатов съезда, прибывших к его открытию, больше половины (390) мандатов принадлежало большевикам. Они могли диктовать свои условия остальным, но для упрочения своих позиций, не прочь были заручиться и поддержкой левосоциалистических партий. Левые эсеры насчитывали 179 человек, правые эсеры – 60, меньшевики – 80⁶⁹.

Поначалу съезд практически единодушно поддержал предложение меньшевика-интернационалиста Ю.О. Мартова о мирном разрешении кризиса и о начале переговоров с целью создания коалиционного демократического правительства. Но единства социалистических партий, как известно, не получилось. Большевики и правые эсеры подвергли жесткой критике действия ВРК и большевиков, назвав происходившее в столице восстание авантюрой и разговором, ведущим к гражданской войне. Остав-

⁶⁹ Эти цифры, относящиеся к окончанию работы съезда, приведены в т.2 «Истории гражданской войны в СССР», изданной в 1942 г., и по понятным причинам являются весьма спорными. По другим данным большевики к началу съезда имели 250 мандатов из 518, эсеры – 159, меньшевики – 60.

шись в меньшинстве, теряя сторонников, они покинули съезд, сложили свои полномочия и тем самым ещё более укрепили позиции большевиков. После речи Троцкого, в которой он резко критиковал позицию Мартова и его сторонников, возмущенные меньшевики-интернационалисты также удалились.

Ленин выступил с воззванием, которое провозгласило установление в России власти Советов: «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...». Вечером 26 октября съезд принял первые документы новой власти – декреты «О мире» и «О земле», а также образовал временное «рабоче-крестьянское» правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК), состоявшее в основном из большевиков, поскольку оставшиеся на съезде левые эсеры⁷⁰ с вопросом о вхождении в СНК еще не определились. Председателем СНК стал В.И. Ленин.

Но ничего ещё не было кончено...

Только ещё всё начиналось. Если в конце августа Корнилов и «корниловцы» выступали против законного правительства, то теперь, во всяком случае, формально, они боролись бы с большевиками и Советами, как с мятежниками, с целью законную власть восстановить. «Корниловцы» были смяты, разобщены, раздавлены. Но ещё не добиты. И теперь у них были развязаны руки.

2.2. Бегство Керенского. Краснов под Петроградом

Утром 25 октября на очередном заседании правительства министр-председатель заявил о своём намерении покинуть дворец. Керенский по его словам «решил... лично встретить подхвачившие... войска». Трудно сказать, действительно ли он рассчитывал вернуться в Петербург триумфатором во главе верных ему войск. Или же, убедившись, что дело проиграно, Александр Фёдорович думал в первую очередь о том, как ускользнуть из

⁷⁰ Союз партий наметился ещё до Октября. Большевики нуждались в левых эсерах не только для обеспечения устойчивого большинства в представительных органах, но и по той причине, что, в отличие от «ленинцев», левые эсеры пользовались серьёзным влиянием в деревне.

рук большевиков. Так или иначе, но в 11 часов 25 октября Керенский покинул столицу⁷¹.

Около 10 часов утра из Зимнего был командирован офицер с целью найти для министра-председателя автомобиль. Встретив одного из секретарей посольства Соединённых Штатов, офицер изложил ему просьбу одолжить одну из машин посольства. Просьба была исполнена. Автомобиль Керенскому был предоставлен. Когда на Дворцовую площадь выехала машина с американским флажком на капоте, красногвардейские патрули её пропустили.

Керенский вскоре прибыл в Гатчину. Никаких войск, вызванных с фронта в столицу, там не оказалось. Местный гарнизон о бегстве Главковерха был уже извещён. Солдаты митинговали и вполне могли арестовать его. Заправив автомобиль, Александр Фёдорович проследовал дальше и к вечеру прибыл в Псков, где располагался штаб Северного фронта. Здесь он узнал, что ещё днём Командующий фронтом генерал от инфантерии В.А. Черемисов⁷² приказ о направлении войск в столицу отменил. Более того, на совещании в штабе у комиссара фронта В.С. Войтинского⁷³ было принято решение о создании Северо-Западного военно-революционного комитета, которому поручалось принять все меры против отправки частей в Петроград.

В этих условиях Керенский не рискнул обращаться к Черемисову, а направился к генерал-квартирмейстеру В.Л. Барановскому⁷⁴, который сообщил, что из Петрограда уже получе-

⁷¹ Полномочия «по водворению порядка в столице» с подчинением всех военных и гражданских властей были переданы министру государственного призрения кадету Н.М. Кишкину.

⁷² Не следует думать, что генерал Черемисов был лоялен по отношению к большевикам. Как военный человек он понимал, что сделать уже ничего нельзя. Но не это главное. Черемисов, видимо, в ещё меньшей степени симпатизировал как Керенскому, так и левосоциалистическим партиям. Вот его слова: «Пресловутый «Комитет спасения революции» принадлежащий к партии, которая около 8 месяцев правила Россией и травила нас, командный состав, как контрреволюционеров, а теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их... Картина безусловно возмутительная».

⁷³ Комиссара, назначенного Временным правительством.

⁷⁴ В бытность Керенского военным и морским министром генерал Барановский занимал должность начальника его кабинета.

но сообщение арестовать экс-премьера. Деваться было некуда. Керенский вызвал к себе Черемисова. Командующий всё сказанное Барановским подтвердил и сообщил, что верных войск для посылки в столицу не имеет, и более того, гарантировать безопасность самого Керенского не может. В час ночи 26 октября после очередного заседания ВРК Черемисов вновь прибыл на квартиру Барановского, вновь подтвердил, что никакой помощи оказать не может, и посоветовал Керенскому выехать в Ставку, так как в Пскове его арест остаётся лишь делом времени.

Надо вновь отдать должное Александру Фёдоровичу. При всём при том, в критической, совершенно безнадёжной ситуации, у него нашлись и неожиданная воля, и целеустремлённость, и здравый смысл. Впрочем, не требовалось особого ума, чтобы понять, из Ставки, даже и доберись до неё смещённый диктатор, шансов организовать наступление войск на столицу не было никаких. Керенский решил направиться в Остров, где размещался штаб 3-го конного корпуса. Но перед рассветом к

нему сами прибыли командир корпуса генерал П.Н. Краснов с исполняющим обязанности начальника штаба корпуса полковником С.П. Поповым.

Краснов доложил, что не поверил подлинности приказа об отмене выдвижения на Петроград и приехал в Псков удостовериться во всём лично. Генерал прибыл в штаб фронта и потребовал от Командующего письменного распоряжения. Разговор происходил у дверей кабинета, где проходило заседание ВРК. Черемисов письменного приказа не дал, посоветовал Краснову отбыть обратно в Остров и ни-

П.Н. Краснов

чего не предпринимать. Краснов направился к Войтинскому, которого знал ещё со времён Корниловского выступления. После долгого ожидания, обусловленного тем, что комиссар несуществующего уже Временного правительства находился на том же совещании вновь созданного ВРК, Войтинский со-

общил, что Керенский находится в городе, и попросил направиться к нему.

Несколько слов о самом корпусе. Когда отзвуки Корниловского выступления начали постепенно стихать, 3-й конный, в состав которого входили 1-я Донская и Уссурийская казачьи дивизии⁷⁵, перевели под Остров, куда он прибыл 28 сентября. За месяц, несмотря на протесты Краснова, из корпуса изъяли больше половины личного состава. 6 октября штаб Северного фронта отдал приказ направить по две сотни с двумя орудиями в Старую Руссу, Торопец и Осташков. Для обеспечения этой директивы был выделен в полном составе 1-й Уссурийский полк. 8 октября 13-й и 15-й Донские полки были направлены в Ревель⁷⁶. 9 октября Приморский драгунский полк в полном составе при двух орудиях передислоцировали в Витебск. 21 октября от Краснова потребовали выделить шесть сотен при двух орудиях для наведения порядка в г. Боровичи⁷⁷. Пошли Уссурийский дивизион и четыре сотни 1-го Амурского. Кроме того, две сотни с двумя орудиями 10-го Донского полка были направлены в Торопец и Новгород. К 22 октября в подчинении у Краснова в районе Острова оставались 9-й Донской полк, 1-й Нерчинский, четыре сотни 10-го Донского и две сотни 1-го Амурского полков. Всего 18 казачьих конных сотен при 16 орудиях.

В двадцатых числах октября на фронте 51-я пехотная дивизия I армии отказалась идти на смену 184-й дивизии. Узнав об этом, солдаты последней покинули окопы. Вмешательство армейского и корпусного комитетов ни к чему не привело. Приказом за подписью Командующего фронтом и комиссара фронта 51-ю дивизию предлагалось расформировать. Выполнение приказа возлагалось опять же на Краснова. 23 октября

⁷⁵ В их составе: 9-й, 10-й, 13-й, 15-й Донские, 1-й Нерчинский, 1-й Амурской, 1-й Уссурийский казачьи полки по шесть сотен в каждом, Приморский драгунский полк (шесть эскадронов), Уссурийский казачий дивизион (две сотни), шесть Донских и одна Амурская батареи. Всего сорок четыре казачьих сотни и шесть драгунских эскадронов при двадцати восьми орудиях.

⁷⁶ Таллин.

⁷⁷ В Боровичском гарнизоне солдаты убили командира полка и начальника гарнизона и начали грабить торговые лавки.

Краснов отдал приказ об отправке всего корпуса в район Вендена и на следующий день телеграфировал в штабы фронта и I армии, что погрузка личного состава в эшелоны началась⁷⁸, но передислокация займёт три дня, и просил командование срочно вернуть ему части корпуса из Торопца, Осташкова и Витебска.

Однако выдвижение ещё не началось, как на рассвете 25 октября в корпус за подписью Керенского и замещающего должность председателя Союза казачьих войск войскового старшины А.Н. Грекова поступила телеграмма:

«Приказываю с получением сего все полки 1-й Донской казачьей дивизии со всей артиллерией, находящейся на Северном фронте под общей командой начальника 1-й Донской казачьей дивизии направить по железной дороге в Петроград на Николаевский вокзал в распоряжение главного начальника Петроградского округа полковника Полковникова. О времени выступления донести мне шифрованной телеграммой. В случае невозможности перевозки по железной дороге части направить поэшелонно походным порядком».

Подтверждая приказ Керенского, тут же прибыло и воззвание комиссара Северного фронта, в котором Войтинский⁷⁹ требовал:

«Передайте донцам...

Временное правительство в полном согласии с Центральным комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов стягивает в Петроград верные революции и долгу перед родиной войска. Петроградские полки, упорно отказывавшиеся от выступления на фронт под предлогом защиты свободы в тылу, оказались неспособными оградить Петроград от бесчинств и анархии. Создалась опасность срыва Учредительного собрания.

⁷⁸ Погрузиться успели четыре сотни 10-го Донского полка.

⁷⁹ На заседании ВРК на вопрос, признаёт ли он власть Северо-Западного Военно-революционного комитета, приободрившийся за ночь Войтинский ответил:

– Подчиняюсь только Центральному исполнительному комитету, который требует войск...

Позже выехал в расположение 3-го конного корпуса.

В числе других войск, призванных в этот грозный час на спасение России, одно из первых мест занимают казачьи полки.

Пусть злобствуют против казаков окопавшиеся в тылу дезертиры, но казаки свой долг перед родиной исполнят до конца».

На основании полученных директив в 19 часов 25 октября Краснов предыдущий приказ от 23 октября отменил. Генерал оставлял на месте штаб Уссурийской дивизии, 1-й Нерчинский полк и 1-ю Амурскую батарею. 9-й Донской направил на погрузку, четыре сотни 10-го Донского оставил в эшелонах на Островской станции. Остальным полкам и сотням 1-й Донской дивизии Краснов приказывал «немедленно грузиться в Острове, Ревеле, Паллифере, Торопце и следовать через Нарву и Псков в Александровскую, где ждать сосредоточения всей дивизии в районе Пулково – Царское Село. При невозможности дойти по железной дороге – пробиваться к означенным пунктам целыми полками походом и боем с того места, где придётся выгрузиться».

Около полуночи эшелоны должны были проследовать в Петроград. Однако в 23 часа 25 октября выяснилось, что начальник станции получил распоряжение начальника военных сообщений генерала Кондратьева эшелоны из Острова не отправлять. Краснов позвонил в штаб фронта. Там ему подтвердили, что приказ выгружать дивизию и оставить её в районе Острова отдал лично Командующий Северным фронтом генерал Черемисов. Краснову происходящее показалось подозрительным. В сопровождении полковника Попова он немедленно выехал на автомобиле в Псков, разбираться.

Керенский после доклада Краснова почувствовал хоть и зыбкую, но всё же хоть какую-то почву под ногами. Краснов подтвердил готовность выступить на Петроград, но высказал пожелание подкрепить корпус пехотными частями. Тут же Керенский приказал Барановскому обеспечить сосредоточение разбросанных на значительной территории частей 3-го конного корпуса, придав ему 37-ю пехотную, 1-ю кавалерийскую дивизию и весь XVII армейский корпус. На вопрос Керенского, достаточно ли этих сил, Краснов ответил:

– Да, если всё это соберётся и если пехота пойдёт с нами, Петроград будет занят и освобождён от большевиков.

Барановский передал приказ в Ставку, а Керенский в сопровождении Краснова проследовали в Остров в штаб корпуса. Ставка, уже осведомлённая о взятии Зимнего дворца, вела лихорадочные переговоры с Командующими фронтами. Командующие сообщали, что надёжных частей нет. Лишь на Румынском фронте готовы были сформировать сводную дивизию, но с существенными оговорками. В защиту Учредительного собрания дивизия выступит, в поддержку персоналий Временного правительства – нет. Становилось очевидным, если Краснов и сможет двинуть корпус на Петроград, он останется в одиночестве. Правда, в ночь на 26 октября в помещении городской Думы в Петрограде был оформлен так называемый «Комитет спасения родины и революции», связались друг с другом Алексеев, Савинков и новый председатель Союза казачьих войск есаул Донского войска А.П. Аникеев⁸⁰, но всё это было работой на перспективу. Большевики, в отличие от всех, в том числе, и от «Комитета», располагали сколоченными – вооружёнными отрядами. И вопрос, удержатся ли они у власти или будут вытеснены в первые же часы, теперь уже разрешался исключительно военной силой. А в качестве таковой на стороне Керенского мог выступить только лишь 3-й конный корпус генерала Краснова.

Краснов, как и большинство фронтовых генералов, по понятным причинам недолюбливал Керенского. Вот его убийственная характеристика Верховного, а заодно и ответ на вопрос, почему всё же генерал без колебаний связал с ним свою судьбу и судьбу сотен своих сослуживцев и подчинённых:

«Я никогда, ни одной минуты не был поклонником Керенского. Я его никогда не видал, очень мало читал его речи, но всё мне было в нем противно до гадливого отвращения.

Противна была его самоуверенность и то, что он за всё брался и всё умел. Когда он был министром юстиции, я молчал. Но, когда Керенский стал военным и морским министром, все воз-

⁸⁰ Прежний председатель А.И. Дутов был избран войсковым кругом Атаманом Оренбургского казачьего войска и убыл из столицы.

мутилось во мне. Как, думал я, во время войны управлять военным делом берется человек, ничего в нем не понимающий! Военное искусство – одно из самых трудных искусств, потому что оно помимо знаний требует особого воспитания ума и воли. Если во всяком искусстве дилетантизм нежелателен, то в военном искусстве он недопустим.

Керенский – полководец!.. Петр, Румянцев, Суворов, Кутузов, Ермолов, Скобелев... и Керенский.

Он разрушил армию, надругался над военной наукой, и за то я презирал и ненавидел его.

А вот иду же я к нему эту лунную волшебную ночью, когда явь кажется грезами, иду, как к Верховному главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь вверенных мне людей в его полное распоряжение?

Да, иду. Потому что не к Керенскому иду я, а к родине, к великой России, от которой отречься я не могу. И если Россия с Керенским, я пойду с ним. Его буду ненавидеть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россию. Она его избрала, она пошла за ним, она не сумела найти вождя способнее, пойду помогать ему, если он за Россию...»

Краснов не питал особых симпатий к Керенскому, но куда больше ненавидел большевиков. И против них готов был выступить с кем угодно, и с чем угодно.

К Острову подъехали на рассвете. По дороге Краснов завернул в город начавшие было расходиться по местам квартирования сотни 9-го Донского полка. В здании офицерского собрания Керенский выступил перед представителями полковых комитетов. Александр Фёдорович, казалось, забыл, в каком положении находится. Речь его, насыщенная всё теми же избитыми фразами и давно потерявшими привлекательность призывами, тонула в пустоте. Тем не менее, комитетчики в массе своей смотрели на Керенского безо всякой злобы, скорее с доброжелательным любопытством. Урядника Амурского полка, выкрикнувшего с места несколько фраз в пользу большевиков, вывели из комнаты.

К полудню под охраной взвода казаков прибыли на станцию,

погрузились в эшелон. Однако железнодорожники отправлять составы не спешили. Паровозы маневрировали поодаль, не приближаясь. Видимо о том, чья в итоге возьмёт у них были свои представления. На путях скапливались постепенно солдаты гарнизона, настроенные явно враждебно.

Начальник конвоя командир Енисейской сотни Коршунов, работавший когда-то помощником машиниста, стал с двумя казаками на паровоз и около 15 часов 26 октября, наконец, тронулись. Набрав воды на одном из полустанков перед городом, Псков проскочили на полном ходу, не останавливаясь. И здесь, на путях станции Псков-товарная собралась густая толпа солдат гарнизона, но до перестрелки дело не дошло.

Со встречным поездом прибыли офицеры из Петрограда. Сотник Карташов доложил Краснову о положении в столице, причём доклад выглядел весьма оптимистично. Обрадованный Керенский протянул Карташову руку, однако сотник, вытянувшись по стойке «смирно» свою в ответ не подал. В ответ на замечание Верховного Карташов ответил, что он – «корниловец» и руки министру-председателю подать не может.

Позже Керенский сообщил Краснову, что назначает его Командующим «армией, идущей на Петроград». Генерал не смог сдержать улыбки. Под рукой у него было неполного состава шесть сотен 9-го Донского полка и четыре 10-го Донского. Всего около 700 человек.

На рассвете 27 октября прибыли на станцию Гатчина-товарная. Сюда же из Новгорода есаул Ушаков привёл эшелон 10-го Донского полка. Две сотни при двух орудиях. Ушаков доложил, что «пробился силой».

Направленная в город разведка донесла, что на станции Балтийской железной дороги разгружается красногвардейский отряд. Краснов с тремя сотнями казаков направился к станции. На перроне строилась тем временем прибывшая из Петрограда «большевистская» часть. Это была рота лейб-гвардии Измайловского полка и приданная команда матросов. Казаки окружили станцию, выкатили на пути орудие для стрельбы прямой наводкой. К выстроенной роте подбежал начальник конвоя

Коршунов с восемью казаками-енисейцами. После недолгих переговоров солдаты сложили оружие. В это же время другие казачьи сотни захватили и станцию Варшавской железной дороги, без выстрела разоружив роту солдат.

Всех пленных, а их было несколько сот человек, Краснов приказал отпустить на «все четыре стороны» и вовсе не из соображений гуманности. «Их некуда было девать... – пишет генерал, – ...их нечем было кормить, потому что базы и тыла у нас не было. Отправлять в Лугу? Но отношение Луги к нам неизвестно. Посылать в Псков? Но Псков явно враждебен к нам. Оставалось распускать их, надеясь, что они расплытятся, разойдутся по своим деревням, на несколько дней станут безопасны. А там подойдет XVII корпус, и можно будет их или снова мобилизовать или, если будет надо, посадить за проволоку».

Так или иначе, Гатчина никакого сопротивления не оказала. Керенский уже находился в Гатчинском дворце. Александр Фёдорович так ничего и не понял. Даже и сейчас от образа «любимца публики» Верховный отказываться решительно не собирался. Когда Краснов прибыл для доклада, Керенский в компании адъютантов и коменданта дворца обедал. Тут же присутствовали и невесть откуда взявшиеся две нарядно разодетые, красивые дамы. Краснов предложил перейти в другую комнату.

Выслушав доклад, Керенский потребовал немедленного продвижения к столице. Краснов пояснил, что без подхода «хотя бы своих эшелонов» наступление невозможно. Из Петрограда начали прибывать юнкера и офицеры. Немало было и гражданских лиц. Сведения, полученные Красновым о ситуации в столице и окрестностях⁸¹ были противоречивы. Впрочем, тот факт, что Зимний дворец взят, и Временное правительство арестовано, сомнений уже не вызывал. Ходили слухи, что казачьи полки, расквартированные в столице, готовы выступить навстречу. Прибыла в Гатчину даже делегация от 1-го Донского полка, но общего языка с комитетом 1-й Донской дивизии не нашла. О совместных действиях договориться не удалось.

⁸¹ Жена Краснова гостила в эти дни у подруги в Царском Селе. Генерал связался с ней по телефону и получил сведения о сосредоточении и выдвижении советских войск.

Не проявляли особого желания присоединиться к корпусу и части Гатчинского гарнизона. Даже и начальство школы прапорщиков выступить с Красновым отказалось категорически, взяв на себя лишь обеспечение порядка в городе. Лишь офицеры авиационной школы без раздумий присоединились «к армии», но за солдат не ручались⁸².

За весь день 27 октября в Гатчину прибыли эшелоны с ещё двумя сотнями 9-го Донского полка, полусотней 1-го Амурского полка, пулемётной командой и штабом Уссурийской конной во главе с начальником дивизии полковником Хрещатинским. Последний доложил Краснову, что 1-й Нерчинский полк в полном составе оставлен в Пскове «для охраны штаба» по личному приказу Командующего Северным фронтом генерала Черемисова. Десятки и сотни людей, находящихся на командных должностях и облечённых властью, настороженно выжидали. В лучшем случае, не мешали. В худшем, переиначивали приказы Краснова по своему усмотрению. Из Ревеля прибыл офицер и доложил, что начальник гарнизона приостановил погрузку в эшелоны 13-го и 15-го Донских полков «впредь до выяснения обстановки». Приморский драгунский полк в Витебске идти на соединение с корпусом отказался. О движении частей XVII корпуса, 37-й пехотной и 2-й кавалерийской дивизий по Николаевской железной дороге ничего известно не было.

Наблюдалось, скорее, как исключение и иное отношение к происходящему. Поддерживал связь с Красновым комитет Союза казачьих войск. Из Луги сообщили, что в Гатчину будет направлен эшелон 1-го осадного артиллерийского полка. Уже ночью к Краснову прибыл капитан Артифексов, командир броневоего дивизиона, расквартированного в Режице. Он также обещал прийти на помощь⁸³.

⁸² В воздух были подняты два аэроплана. Один совершил вынужденную посадку в районе Лигова, где и был задержан. Второй успешно разбрасывал над Петроградом и пригородами воззвания Керенского и приказы Краснова.

⁸³ Бронедивизион грузиться в Режице отказался. Капитан повёл его на соединение с Красновым своим ходом. На марше солдаты окончательно вышли из повиновения и попытались арестовать своего командира. Артифаксов выстрелами из револьвера убил двоих, но, оказавшийся без поддержки, вынужден был из дивизиона бежать.

Ожидая сосредоточения корпуса, Краснов выслал для охранения разведку. Один из разъездов, шедший на Пулково наткнулся на застрявший на дороге броневик «Непобедимый». Казаки атаковали, экипаж броневика бежал. К вечеру «Непобедимый» был доставлен в Гатчину. Офицеры лётной школы отремонтировали боевую машину и составили его команду.

К вечеру 27 октября Краснов в Гатчине, не считая конвоя, имел три сотни 9-го, две сотни 10-го и одну сотню 13-го Донских полков. Всего до 480 казаков при восьми пулемётах и шестнадцати орудиях. Царскосельский же гарнизон насчитывал до двадцати тысяч человек⁸⁴. Всё же Краснов решил наступать. И логика в его действиях, безусловно, была. Царскосельские солдаты вовсе не стремились попасть на фронт и воевать с немцами. И в этом смысле, поддерживали Советы и большевиков. Но, в то же время, не собирались они воевать с хоть сколько-нибудь дисциплинированной, готовой к бою частью.

Краснов созвал полковые комитеты, без понимания и сочувствия которых предприятие грозило развалиться в зародыше, высказал свои соображения. Заручившись поддержкой комитетчиков, назначил наступление на 2 часа ночи 28 октября⁸⁵.

К Царскому Селу проследовали колонной, в конном строю. В восьми верстах от города наткнулись на передовую заставу – стрелковую роту. К солдатам проехали представители дивизионного комитета во главе с подъесаулом Ажогиним. После переговоров стрелки согласились сдать винтовки. Разоружённую роту отпустили, порекомендовав переночевать в ближайшей деревне.

Уже утром вышли на окраину. Навстречу развернулась густая, не меньше батальона, стрелковая цепь. Солдаты начали постреливать. Их поддержал уже и пулемёт. Краснов развернул две сотни навстречу. Орудия снялись с передков и начали об-

⁸⁴ Эту цифру приводят советские историографы. Краснов говорит о 16000 человек в гарнизоне.

⁸⁵ В это утро около 7 часов юнкера в Москве заняли Кремль.

стрел казарм. Тем временем Коршунов с тридцатью енисейцами обошёл стрелков с фланга. Цепи отошли. За ними продвигались вперёд казаки.

Показались Царскосельские окраины и ворота Александровского парка. В нём солдаты гарнизона устроили митинг. Не обращая внимания на случайные выстрелы, вновь выдвинулись на переговоры комитетчики. Их тут же окружили офицеры и солдаты гарнизона. Переговоры на этот раз затянулись. Уже днём в сопровождении адъютанта и двух вестовых к переговорщикам подскочил Краснов и предложил во избежание кровопролития сдать оружие и разойтись по домам. Офицеры не возражали. Стрелки же разделились. Часть пехотинцев, до полка, вышли навстречу казачьим сотням и сдали винтовки. Другие, также в немалом числе, отбежали к опушке парка и попытались с левого фланга отрезать Краснова от сотен на окраине. Генерал с комитетчиками вернулся назад и тут встретил Савинкова, агитирующего среди казаков в пользу несуществующего уже Временного правительства. Они коротко поговорили и сошлись во мнении: только вперёд!

Из Гатчины пришёл починенный броневик «Непобедимый». Вместе с ним, на автомобилях – Керенский в сопровождении адъютантов и всё тех же двух поклонниц, которые были совершенно не к месту и вызвали лишь недоумение у казаков. Краснов доложил обстановку и предложил Верховному вернуться в Гатчину. Однако Керенский остановился перед толпой сдающих винтовки стрелков и, встав на сиденье автомобиля, вновь произнёс речь. Краснов приказал енисейцам сопровождать министра-председателя. Солдаты, забросив винтовки в кузов подошедшего грузовика, мирно направились к казармам.

Но у Орловских ворот парка членам Царскосельского ВРК и большевикам из солдат удалось вновь организовать оставшихся. Развернулись и пошли, окружая казаков, стрелковые цепи. Вновь завязалась перестрелка. В это время Краснову доложили, что из Павловска, угрожая правому флангу, также наступа-

ют советские части⁸⁶. Нужно было быстро решать исход боя за Царское Село. Краснов приказал артиллеристам открыть огонь. После нескольких залпов солдатская масса рассеялась. Часть из них отбыла в эшелонах на Петроград. Остальные укрылись в казармах, оружия не сдали, но и активных действий также не предпринимали.

Уже в сумерках Царское Село было занято казаками. В первую очередь, станция железной дороги, радиостанция и телефон. Глубокой ночью – дворцы.

Краснов написал позже: «Победа была за нами, но она съела нас без остатка». Надо было, используя фантастический успех, немедленно, той же ночью врываться в Петроград, но усталость взяла своё. Люди и кони за двое суток вымотались совершенно. И не только физически. К Краснову прибыли комитетчики и заявили, что без пехоты дальше не пойдут. И эти требования были оправданы. Вся стратегия сводилась к тому, что в окрестностях Петрограда сосредоточатся корпуса и дивизии, и лишь тогда войска войдут в столицу. На деле же замаячила перспектива воевать одним и в дальнейшем. И казаки всё это видели и понимали. Видели также, что их была горсть, и что все тяготы похода неизбежно ложились на одних и тех же, на тех, кто пока ещё соглашался их выносить.

За весь день 28 октября подошли три сотни 1-го Амурского полка. Однако амурцы заявили, что держат нейтралитет, «участвовать в братоубийственной войне не будут». Не доходя до Царского Села, они расположились в деревнях и отказались даже выбросить заставы для его охранения.

⁸⁶ В Смольном принимали лихорадочные меры, чтобы не допустить прорыва Краснова в Петроград. В сущности, председатель ВРК Н.И. Подвойский (именно Подвойскому приписывают идею отличительного атрибута красногвардейца – красной звёздочки на фуражке, ставшей позже символом РККА) занимался лишь одним – проталкивал всё, что можно навстречу казакам. Почему-то считалось, что основным удар Краснов нанесёт через Красное Село. В результате в нём сосредоточились 171-й и 176-й запасные, Павловский и Егерский резервные полки, отряды моряков, пулемётная команда 2-го полка и артиллерия. Всему этому Краснов мог противопоставить лишь казачьи разъезды, которые, тем не менее, не позволяли советским частям продвигаться к Царскому и Гатчине до самого конца.

В этих условиях Краснов принял решение остановиться для отдыха и рекогносцировки и назначил на 29 октября днёвку в Царском Селе. Возможно, это и погубило предприятие⁸⁷, но двигаться дальше он просто не мог. Выражали недовольство не только младшие чины, но и офицеры. Их возмущало присутствие и поведение Керенского. Его совершенная, ничуть не скрываемая оторванность, как от реальной жизни, так и от людей. Его привычка бросаться словами, даже не задумываясь о последствиях и об ответственности. Его принятые всерьёз обещания привести на помощь горсточке казаков «настоящие» войска, обернувшиеся на деле полной несостоятельностью. Требовали убрать Керенского из отряда и казаки. На счастье в расположение прибыли Войтинский и Верховный комиссар Временного правительства В.Б. Станкевич, которые в откры-

⁸⁷ В ночь на 29 октября по приказу «Комитета спасения родины и революции» в Петрограде против большевиков выступили юнкера. Руководителем был назначен всё тот же полковник Полковников. В 2 часа ночи он отдал приказ: никаких приказаний большевистского ВРК не исполнять, комиссаров арестовывать. В 4 часа утра юнкера Николаевского инженерного училища выставили патрули на улицы и начали разоружать красногвардейцев. Около 5 часов ими был захвачен Михайловский манеж и в нём пять исправных броневиков, в числе которых и «Ахтырец». К 8 утра без боя была занята Центральная телефонная станция, и сразу же отключены все телефоны в Смольном. Одновременно вооружились и пытались вести активные действия и другие военные училища. Однако в выступлении приняло участие всего лишь чуть более 800 человек. За исключением батальона ударников во Дворце Кшесинской оно не было поддержано ни частями гарнизона, ни казачьими полками. К середине дня выступившие военные училища были окружены и подвергнуты артиллерийскому обстрелу. В 16 часов после ожесточённого боя сдалось Владимирское училище. Ещё ранее – Павловское и ударники. Полковник Полковников, чей штаб находился в инженерном училище (здание Инженерного замка), высказался в том смысле, что «нужно ликвидировать замок и расходиться, кто куда может». Сам он первым же и скрылся, не оставив никаких распоряжений. Инженерный замок после незначительной перестрелки сдался. Постепенно разоружались юнкерские патрули и задерживались захваченные ими броневики. К 17.30, оказав упорное сопротивление, сдались юнкера, защищавшие телефонную станцию.

Большевикам удалось избежать боя на два фронта. На первый взгляд это случайность. Но, если вдуматься, объективно всё было за «ленинцев». И их успех предопределён не вынужденной днёвкой Краснова, а ничтожным числом бойцов и частей, которые ещё готовы были сражаться за «законную» власть.

том общении призвали казаков не отказываться от наступления на столицу.

К Краснову зашёл Савинков. Проинформировал, что беседовал с офицерами и предложил генералу сместить и арестовать Керенского и стать во главе похода самому. Краснов отказался, не задумываясь. Всё и так было авантюрой чистой воды. Отстранение Керенского, ничего не прибавив, оттолкнуло бы многих и окончательно сорвало с предприятия даже и видимость законности. Всё решалось на самом деле лишь одним. Подойдёт или нет на помощь крупная часть. К тому же, Керенский на положении гостя был у Краснова под защитой, и генерал не хотел предательством поставить под сомнение не запятнанную в сражениях Великой войны репутацию. Керенский после уговоров согласился уехать в Гатчину, где штаб корпуса успел уже развернуть связь с фронтом и Ставкой.

Всё внимание Краснова было уделено усилению отряда. Прибывали группами юнкера из Петрограда. Прибыла с одним лишь холодным оружием запасная сотня Оренбургского сводного полка. К вечеру высадились, наконец, в Гатчине три сотни 9-го Донского. Присоединились к отряду блиндированный поезд с командой и два орудия запасной конной батареи из Павловска, наполовину без прислуги. Из всего Царскосельского гарнизона не присоединился ни один человек. Краснов разговаривал с офицерами, они пытались вывести солдат. Но резолюции стихийных митингов были неутешительны. Удалось добиться лишь обещания, «что не ударят в спину». Не оказала поддержки и находившаяся здесь же распропагандированная пулемётная команда 14-го Донского полка. Переговоры дивизионного комитета с пулемётчиками вылились в бесконечный спор людей, говоривших на разных языках⁸⁸.

К вечеру Краснов имел девять конных казачьих сотен при восемнадцати орудиях, до взвода юнкеров, блиндированный поезд и броневик «Непобедимый». Керенский, Савинков и Станкевич требовали наступать. По их сведениям восстание

⁸⁸ Пулемётчики даже выразили удивление, что в составе комитета присутствуют и офицеры.

против большевиков в столице было в самом разгаре⁸⁹, а казачьи полки, вместе с преображенцами и волынцами ждали лишь, когда корпус войдёт в столицу с юга. Доводы их показались Краснову не лишёнными здравого смысла. Гражданская война, только ещё завязывающаяся, не была войной в полном смысле этого слова. Здесь всё решало не только соотношение сил и средств, но, прежде всего решимость, твёрдость и переменчивое настроение солдатских масс. Если солдаты Петроградского гарнизона настроены были столь же «решительно», как и Царскосельцы, войти в город даже и с наличными незначительными силами представлялось возможным. А там уже могло случиться, что угодно. От мгновенного разгрома на улицах до выступления в поддержку корпуса означенных Керенским полков.

Вечером к Краснову прибыли представители дивизионных комитетов. До крайности смущённый подъесаул Ажогин подтвердил, что без пехоты казаки вперёд не пойдут. Более того, было сказано, что раз пехотные части не подходят, значит, все они за большевиков. Краснов откровенно высказал свои соображения. Заверил комитетчиков, что если не было бы шанса, он бы их очертя голову не повёл. Предложил произвести разведку боем, и если и в самой столице никто не поможет, отойти. Комитетчики сдались, заверив, что приказы генерала будут исполняться в точности. Настроение в сотнях, было, конечно, уже не то.

– Не придёт эта помощь! Все против нас! – с тоскою сказал кто-то из казаков.

Всю ночь казачьи заставы под Александровской станцией перестреливались с матросами. Ночью же отряд матросов из Красного Села вышел к железной дороге и обстрелял поезд, шедший с Осадным артиллерийским полком из Луги. Видимо, решимости драться у артиллеристов не было. Они остановили эшелон и частью сдались, а в большинстве просто рассеялись кто куда. Матросы начали снимать с орудий замки. Лишь под прикрытием огня с подошедшего бронепоезда, удалось их ото-

⁸⁹ На самом деле выступление юнкеров было подавлено к концу дня.

гнать и отвести своими уже силами эшелон с орудиями обратно в Гатчину.

Ранним утром 30 октября прорвавшийся из Петрограда гимназист передал Краснову крошечный клочок бумаги, на котором стоял бланк Союза казачьих войск, и мелким почерком было написано:

«Положение Петрограда ужасно. Режут, избивают юнкеров, которые являются пока единственными защитниками населения. Пехотные полки колеблются и стоят. Казаки ждут, пока пойдут пехотные части. Совет Союза требует вашего немедленного движения на Петроград. Ваше промедление грозит полным уничтожением детей-юнкеров. Не забывайте, что ваше желание бескровно захватить власть – фикция, так как здесь будет поголовное истребление юнкеров...»

Краснов предъявил записку казачьим представителям. Казалось, казаки приободрились. Днём, разбросав по сторонам разведку, двинулись на Пулковку. Блиндированный поезд осторожно продвигался по Варшавской ветке на Петроград. У деревни Редкое Кузьмино перед оврагом остановились в виду позиции советских войск. Пулковку было – как на ладони. Склоны Пулковской горы изрыты были окопами, заполненными многими тысячами красногвардейцев. Здесь были уже не солдаты-пехотинцы. В центре рабочие дружины, по флангам отряды матросов⁹⁰. Три броневика, ободряя пехоту, курсировали по шоссе. Густые советские цепи спускались от Пулковской горы навстречу спешившимся казачьим сотням. Перестрелка шла уже всюю.

Напрашивался обходной манёвр. Но необходимость удерживать ветку Царское – Гатчина, угроза левому флангу со стороны вновь активизировавшейся Красносельской советской груп-

⁹⁰ Руководил советскими отрядами назначенный 29 октября Командующим войсками Петроградского военного округа полковник М.А. Муравьёв (с 30 октября – Командующий «всеми войсками, действующими против контрреволюции»), его начальник штаба командир 2-го стрелкового Царскосельского полка полковник П.Б. Вальден. Принимал участие в организации обороны Пулкова член Комитета по военным и морским делам при СНК В.А. Антонов-Овсеенко. Координировал подход отрядов Балтийских моряков к Пулковку и Красному Селу председатель «Центробалта» П.Е. Дыбенко.

пировки, а главное, катастрофическая нехватка сил и средств, делали его невозможным. Краснов приказал выставить за деревней орудия и их огнём сдерживал противника. Один из разрывов накрыл советский броневик. Команда его покинула боевую машину, и та остановилась на дороге. На левом фланге казаки-пулемётчики оттеснили красногвардейцев до деревни Сузи. Однако очевидно было, что красногвардейцы решили обороняться, никаких митингов у Пулково не будет, и одним лишь артиллерийским огнём их с позиций не собьёшь. На то, чтобы выдавить противника с укреплённой позиции, просто не было сил.

Задуманную рекогносцировку можно было считать завершённой, но Краснов не торопился выходить из боя. Он рассчитывал, что гром орудий под самым Петроградом станет сигналом, если не для солдат гарнизона, то хоть для расквартированных в столице трёх Донских казачьих полков. И они выступят на помощь. Понимал генерал, что на это даже и в самом благоприятном случае потребуется время, и решил держаться до вечера.

Около полудня от дозорных прибыло донесение, что от Московского шоссе в тыл отряду движется колонна солдат Измайловского полка в несколько тысяч штыков. Навстречу Краснов выслал тридцать казаков и бронепоезд. После первого же орудийного выстрела полк в полном составе рассеялся. Под впечатлением этой «победы» командир Оренбургской сотни атаковал по собственной инициативе деревню Сузи. Рабочие частью дрогнули, матросы же проявили стойкость и встретили атакующих ружейно-пулемётным огнём в упор. Атака захлебнулась. Погибли командир сотни и ещё 18 оренбуржцев. Дело было, конечно, не в потерях, не столь и значительных. Неудача подействовала на казаков угнетающе.

Вскоре матросы установили на Пулковской горе прибывшее дальноточное морское орудие. Оно открыло огонь по цепям, по коноводам и по шоссе в тылу. Несколько снарядов разорвалось в близости от Царского Села, что мгновенно изменило к худшему настроение солдат гарнизона. Они приняли резолюцию,

в которой требовали прекращения боя, угрожая в противном случае, ударить корпусу в тыл. Выставили у артиллерийского склада многочисленную команду, которая заявила посланным за боезапасом казакам, что гарнизон, соблюдая нейтралитет, никому ни снарядов, ни патронов не выдаст.

Батарей смолкали одна за другой. В сумерках казаки самовольно начали покидать позиции. Матросы, более не сдерживаемые, перешли в наступление и выходили уже к Варшавской железной дороге, к Царскосельской станции, в тыл.

Помощи не было, и с каждым часом лишь очевиднее становилось, что её и не будет. В одной из пустых дач Краснов написал приказ 3-му конному корпусу об отступлении. Отходили сразу на Гатчину, так как Царское Село, с его огромным парком и ненадёжным гарнизоном оборонять ничтожными наличными силами было невозможно.

В час ночи 31 октября Краснов прибыл в Гатчинский дворец, и прямо сказал, что если помощь не придёт, придётся уходить. Деморализованные сотни 9-го Донского полка рыть окопы и занимать оборону отказались. Выручили подошедшие накануне из Острова две сотни 10-го Донского, перекопавшие и перекрывшие все дороги.

Прибыли с предложением о мирном договоре с большевиками представители «Викжеля»⁹¹. В дворцовой гостиной в присутствии Краснова, начальника штаба полковника Попова и подьесаула Ажогина долго совещались Керенский, Станкевич, Войтинский и Савинков. Против мира с большевиками определённо высказывался один лишь только Савинков. На вопрос, способен ли корпус обороняться в Гатчине, Краснов ответил, что в одиночку, с учётом морального состояния казаков – нет. Керенский высказывался в том смысле, что если хоть один большевик войдёт в правительство, работать с ним будет невозможно. Как будто кто-то ещё о чём-то его спрашивал... Решили всё же условия «Викжеля» принять, в связи с чем в Петроград выезжал Станкевич. Савинков направился в расположение

⁹¹ Всероссийский комитет железнодорожников. В нём большевики были в меньшинстве.

Польского корпуса, который по его сведениям готов был драться. Войтинский – в Ставку за ударными батальонами.

Между тем, в свои переговоры вступили и комитетчики. К ним прибыли большевистские агитаторы и предложили договориться с казаками «через головы генералов». По просьбе казаков Краснов составил текст возможного договора:

- большевики обязуются прекратить всякие бои в Петрограде и амнистируют захваченных юнкеров и офицеров;
- войска отводятся на оговоренные рубежи под Петроградом;
- стороны до окончания переговоров правительств указанную линию не переходят; в случае срыва переговоров и перехода демаркационной линии, обязуются предупредить об этом за 24 часа.

С этими мирными предложениями казачьи парламентёры направились в Царское Село. Свою текстовку составил и Керенский. Её повёз на автомобиле один из его адъютантов капитан Кузьмин.

В 3 часа ночи 1 ноября прибыл с переговорщиками в сопровождении одного матроса П.Е. Дыбенко. Пройдя в казармы, он умело и тактично начал агитировать казаков, убеждая их прекратить сопротивление. При этом держался уверенно и более чем раскованно. Легко и к месту шутил.

– Давайте нам Керенского, а мы вам Ленина предоставим, хотите ухо на ухо поменяем! – говорил он, смеясь⁹².

Своей открытой, располагающей внешностью, своей внутренней силой и молодым задором он к середине дня почти уже очаровал как казаков, так и офицеров. Тут вдруг стало известно о присланной Савинковым телеграмме. В ней говорилось, что батальоны ударников следуют в эшелонах на помощь и к вечеру бу-

⁹² Эту фразу можно найти в воспоминаниях Краснова. Понятно, что упоминаний об этих словах лихого Председателя «Центробалта» ни в советской историографии, ни в мемуарах самого Дыбенко нет. Однако надо полагать, об этой вскользь и всуе оброненной шутке репрессированный Нарком лесной промышленности Павел Ефимович Дыбенко пожалел в 1938 г. на первом же допросе.

дут в Гатчине⁹³. Растерянные казаки вновь заколебались и предъявили Дыбенко ультиматум. Они потребовали тут же «подписать договор, в котором казаки отказываются от вооруженной борьбы... но с тем, чтобы их пропустили на Дон и Кубань с оружием в руках». Взвесив все обстоятельства, Дыбенко договор подписал.

Тут же казаки единогласно приняли постановление об аресте Керенского. К Краснову ворвался комитет 9-го Донского полка во главе с войсковым старшиной Лаврухиным. Казаки настаивали на немедленной выдаче Керенского. После недолгого спора Краснов согласился, чтобы комитетчики выставили свой караул у дверей апартаментов Верховного. Когда они ушли, Краснов прошёл к Керенскому и предложил ему, пока ещё не поздно, покинуть расположение корпуса. Двор уже полон был казаками, переговорщиками от «Викжеля» и прибывающими понемногу от большевиков матросами. Однако дворец имел множество выходов, а часовые стояли только у парадного входа.

– Как ни велика вина ваша перед Россией, – сказал на прощанье Краснов, – я не считаю себя вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь.

Генерал, по его словам, сделал так, чтобы караул от 9-го Донского определённое время собрать не могли. А когда, наконец, собрали и пошли осматривать помещение, Керенского во дворце уже не было⁹⁴.

⁹³ Ударники подошли в эшелонах к Гатчине на рассвете 3 ноября. После переговоров с Дыбенко от боевых действий отказались и выслали в Петроград делегатов «для ознакомления с событиями».

Куда большую стойкость проявила команда поддерживающего Краснова бронепоезда. Когда всё было уже кончено, бронепоезд попытался прорваться на Дон. Лишь южнее станции Бологое у села Куженкина, благодаря поддержке разобравших пути солдат одного из запасных полков, команда бронепоезда была разоружена сводным красногвардейским отрядом под началом командира 428-го Лодейнопольского стрелкового полка полковника Потапова, следовавшим на помощь Москве. Позднее бронепоезд был задействован Советским командованием в боях с Калединым.

⁹⁴ Керенский в своих мемуарах утверждал, что Краснов не только не помог ему скрыться, но и собирался выдать большевикам. Если вдуматься, скорее следует верить Краснову. Ведь пожелай генерал «откупиться» Керенским, вряд ли что-то ему бы помешало. Уж во всяком случае, казаки были бы только рады, и такой приказ выполнили с усердием и незамедлительно.

Этот эпизод завершил его участие в Российской истории⁹⁵.

Александра Фёдоровича забросило на самый верх лихое время. Оно же без сожаления столкнуло его с политического Олимпа. Сама специфика Временного правительства, которое так активно занималось обсуждениями и разговорами и так робко бралось за разрешение нарастающих с ужасающей быстротой проблем, сделало возможным приход Керенского во власть. Его неординарность, несомненные ораторские способности, склонность к позе в защитном френче не могли остаться незамеченными.

В благополучной небольшой стране, где государственные институты и экономика *работали и сами по себе*, такой человек, возможно, и пришёлся бы ко двору. Он был неплох в марте, ещё приемлем в июле и даже августе. Но усталой, задыхающейся, разуверившейся во всём России образца осени 1917 г. требовалось уже нечто совершенно иное. Александр Фёдорович прекрасно это чувствовал и понимал, но власть влекла его своим блеском, и не отпускала. Все метания его между Корниловым и Советами, всё дальнейшее, бессмысленное и обречённое, легко перевесил бы в памяти потомков своевременный уход.

Но Керенский не решился и на это. И в результате от него отвернулись все. Он долго ещё не верил, что всё осталось в прошлом, всё пытался приткнуться то к Каледину⁹⁶, то даже к чехословакам в Сибири. Но тщетно. В одночасье выяснилось, что Александр Фёдорович был узнаваем исключительно, как лицо, олицетворяющее верховную власть. А сам по себе никому уже не был интересен. Свой шанс Керенский не упустил. Он от него с гадливым страхом отвернулся...

⁹⁵ В ночь на 1 ноября Барановский доложил в Ставку Духонину о провале выступления Краснова и запросил, что делать с выдвигаемыми на Гатчину частями. Духонин ответил, что вступает в должность Главковерха, и все войска, направленные на помощь Краснову, приказал сосредоточить в районе Луга – Плюсна – Передольская. Частям 3-го конного корпуса предписывалось из соприкосновения с войсками Петроградского гарнизона выйти и отойти в район Чудова.

⁹⁶ В ноябре 1917 г. Керенский в сопровождении бывшего военного губернатора Ростова генерала Д.Н. Потоцкого прибыл в Новочеркасск. Однако он не был принят ни Богаевским, ни Калединым и покинул город.

Краснов же при всём при том, при всех его промахах, неоднозначности убеждений и характера оставался ещё востребованным.

К Гатчинскому дворцу между тем подтянулся Финляндский пехотный полк. За ним следовали отряды матросов и красновардейцев. В Гатчине скопилось до двадцати тысяч советских войск, среди которых совершенно растворились деморализованные куцые казачьи сотни. Перемирие обернулось тем, что казаки, по сути, оказались в плену. Начались неизбежные стычки, но к чести Дыбенко и прибывшего с матросами М.Г. Рошля⁹⁷, все эксцессы и недоразумения они тут же пресекали на корню. По чьей-то инициативе разоружили было одну из сотен 10-го Донского полка. Но стоило лишь Краснову указать на нарушение перемирия, оружие тут же вернули.

Уже ночью в Гатчину прибыл Муравьёв и сразу же попытался арестовать Краснова. Однако дивизионные комитетчики, во главе с измученным от усталости и бессонницы Ажогиним, своего командира в обиду не дали. Пристыженный Муравьёв даже извинился. Вскоре все сидели покоем и за столом мирно вспоминали, кто и с кем вместе служил, разбирали детали боя у Пулковских высот.

Прибыл Дыбенко, предложил Краснову с утра выехать в Петроград для переговоров по поводу того, что же всё-таки делать с казаками. Генерал вынужден был согласиться. Его взялись сопровождать полковник Попов и один из офицеров.

В Петрограде Краснова не расстреляли. В Смольном так и не решили, как с ним поступить и, в конце концов, отпустили. С одной стороны, большевики не хотели конфликтовать с казаками⁹⁸, а расстрел популярного казачьего генерала с запятнанной фронтовой репутацией вполне мог такой конфликт

⁹⁷ Секретарь Гельсингфорского комитета РСДРП(б).

⁹⁸ Казаки и казачьи области ни на минуту не оставались вне зоны внимания большевиков. В последних числах октября Ленин принял в Смольном делегатов 4-го Донского полка А.Я. Антюфеева и И.В. Акимова и вновь выбранного командира 2-го Донского Е.И. Попова. 4 ноября при ВЦИК была создана казачья секция (казачий комитет), одним из организаторов которой был В.С. Ковалёв.

спровоцировать. С другой стороны, после напряжения первых дней всё вдруг стихло. Выяснилось, что, по крайней мере, в центре советской власти ничто уже не угрожает. Да и казаки повели себя точно так же, как и хлынувшая с фронта пехота. Различие состояло лишь в том, что солдаты расходились с фронта неорганизованными толпами, а казачьи полки всё же сотнями, при офицерах, оружии, даже артиллерии⁹⁹.

Но как те, так и другие, одинаково стремились домой, одинаково воевать ни с кем и ни за что больше не желали. Одинаково для новой власти никакой опасности уже не представляли.

Краснова в конечном итоге просто отпустили¹⁰⁰.

9 ноября Краснов с женой прибыл в Великие Луки. Здесь же в эшелонах стоял, ожидая отправки на Дон, 10-й Донской полк. Казаки сразу же заявили адъютанту, что с собой генерала не возьмут, так как это может привести к столкновению с большевиками.

Разложение уже коснулось и их, только что шедших на Петроград защищать избранную власть. Это был лучший полк корпуса, с которым Краснов прошёл Великую войну с 1915 г. Мобилизовать его для борьбы с кем бы то ни было, за какую угодно идею, было невозможно. Всё свелось к одному, какой угодно ценой ехать по домам. Краснов отправил Каледину письмо, в котором поделился своим опытом и наблюдениями. Выводы его были неутешительны. Донские полки в нынешнем их состоянии воевать против большевиков даже и «за свободу Дона» не станут. Необходимо их как можно скорее распустить и провести мобилизацию среди не успевшей хлебнуть войны казачьей молодёжи.

12 ноября 1-я Донская казачья дивизия начала выдвижение

⁹⁹ Дивизионный комитет оставался всё время в Петрограде, добился соглашения о свободном проезде частей корпуса на Дон, освобождения всех арестованных офицеров корпуса. Да и судьба самого Краснова вполне могла сложиться и иначе, если бы не участие комитетчиков.

¹⁰⁰ Широко распространилось утверждение, что генерал при этом дал Н.В. Крыленко слово, в дальнейшем против Советской власти не воевать. Сам Краснов в мемуарах ни о чём подобном не упоминает. Проверить достоверность этого эпизода по прошествии стольких лет вряд ли представляется возможным.

на Дон. Уссурийская дивизия добилась своей отправки на Дальний Восток. Краснов пытался передать имущество корпуса Каледину, но без особого успеха. 11 января 1918 г. все корпусные деньги были сданы в Великолукское казначейство. 3-й конный корпус прекратил своё существование.

Вскоре развернулись бои под Чертково. Время заигрывания с донскими казаками закончилось, сменившись объявлением вне закона Каледина и Краснова. Не без сложностей, через Москву и Царицын вернулся Пётр Николаевич домой. Ночью 31 декабря в ст. Богаевской, где от ранее служившего под его началом офицера узнал о самоубийстве Каледина. 1 (14) февраля 1918 г.¹⁰¹ Краснов прибыл в Новочеркасск. Увидев, что там «то же самое», разочаровавшись в казаках, разуверившись в перспективах дальнейшей борьбы с большевиками, он укрылся с женой в ст. Константиновской.

Где и проживал. До поры...

2.3. Октябрь на Дону

26 октября 1917 г. радист яхты «Колхида»¹⁰² принял сообщение с «Авроры» о падении Временного правительства и смене власти в Петрограде. В тот же день на заседании Ростово-Нахичеванского Совета было принято постановление о признании Советской власти и избрании Военно-революционного комитета¹⁰³. Вслед за этим, казалось бы, должны были последовать действия по реальному захвату власти, по крайней мере, в

¹⁰¹ В 1918 г. декретом СНК в России был введён Григорианский календарь, согласно которому вслед за 31 января наступало сразу 14 февраля. Здесь и далее, начиная с 1 февраля 1918 г., указаны даты как по старому, так и по новому (в скобках) стилю.

¹⁰² Переоборудованная в октябре 1914 г. в Севастополе под посыльное судно Черноморского флота, вооружённая тремя 75-миллиметровыми орудиями, оснащённая радиостанцией, бывшая царская яхта «Колхида» в Ростове находилась на ремонте. Экипаж яхты был настроен революционно. За участие яхты в Октябрьских событиях и последующих боях в Ростове её называли «Донской Авророй».

¹⁰³ Был создан 28 октября во главе с председателем Сырцовым.

Ростове и Таганроге. Для всех было очевидно, занятие вокзала или телефонной станции куда важнее, нежели громкие декларации, произнесённые в узком кругу за закрытыми дверями. Однако ничего подобного ростовскими большевиками предпринято не было. Время в городе остановилось, будто набирая силы, чтобы помчаться вперёд, с головокружительной быстротой сметая случайные, зыбкие препятствия на пути.

Советская историография Сталинского периода объясняет это затишье перед бурей «вредительством троцкистов и уклонистов – соглашателей, пробравшихся в руководство Ростовского Совета и самого партийного комитета большевиков». Упомянуты в связи с этим Сырцов и Васильченко. Но так ли это? Если оценивать вещи непредвзято, неизбежно приходишь к выводу о

И.Д. Ченцов

несостоятельности подобного утверждения. Сырцов, направленный из центра и нацеленный на решительные действия, в будущем проявил себя, как человек бескомпромиссный, жёсткий, к казачьей автономии в любой форме и даже к казачьему быту, настроенный негативно. Васильченко с Ченцовым, профессиональные революционеры-подпольщики, смыслом жизни которых было как раз вооружённое восстание¹⁰⁴, трусость в подобной ситуации проявить не могли по определению.

¹⁰⁴ Достаточно обратиться к здравому смыслу, чтобы понять и принять следующее. Если в 1905 г., когда шансов, откровенно говоря, не было никаких, эти люди создали боевые дружины, захватили здание вокзала и даже отстреливались какое-то время на баррикадах, то уж в октябре семнадцатого, как говорится, сам Бог велел... Если на каторгах и в тюрьмах, пройдя через кандалы и голодовки, они не изменили своих убеждений, то вряд ли сделались предателями в куда более комфортных условиях «триумфального шествия».

В поздних работах выдвигалась версия, согласно которой работу «готового к взятию власти большевистского ВРК» парализовали меньшевики и эсеры. Но ведь не столько меньшевики обрати-

лись к большевикам, сколько сам ВРК предложил им создать единый фронт и действовать сообща...

Сам Сырцов, пока ещё мог, объяснял свои решения слабостью ВРК¹⁰⁵ и весьма неустойчивым положением Советов в Ростове, тем более, в Области. И, если вдуматься, в словах его много правды. Ситуация была не из выигрышных, и выступление, неизбежно военное, могло вылиться в авантюру и закончиться скорым разгромом.

С.И. Сырцов

Большевистский ВРК мог рассчитывать лишь на три – четыре сотни красногвардейцев¹⁰⁶. Большинство из них с военным делом и тактикой уличных боёв знакомы были лишь понаслышке. Солдаты гарнизона не прочь были поддержать Советскую власть, но *всерьёз* воевать против Каледина вовсе не собирались¹⁰⁷. К тому же, в запасных полках сильно было влияние эсеров. Нетрудно было догадаться, что в решающий момент пехота выберет популярную позицию «нейтралитета». Помощь могла прийти только с юга, из Новороссиска и Тихорецкой. Но придёт ли она, и каковой окажется в количественном и качественном отношении, оставалось только гадать. С остальных сторон Ростов, будто островок в океане, был окружён донской территорией. Считалось, что у Краснова под ружьём находилось до 50 тысяч казаков. К тому же совершенно было ещё не понятно, как относится к Войсковому правительству только ещё организующаяся, сама с трудом отбивающаяся новая власть. Единственным аргументом в пользу немедленного восстания была как раз помощь, пусть даже оказанная ценой собственной гибели, Петрограду и Москве, и в частности,

¹⁰⁵ В своей статье «Революционная борьба на Дону».

¹⁰⁶ Уровень жизни в Ростове оставался ещё относительно высоким, и во все не фактом было массовое выступление пролетариата.

¹⁰⁷ 3 ноября ВРК направил в запасные полки комиссаров, но в одночасье завоевать доверие солдат они не могли.

срыв возможного движения Краснова на север к Воронежу.

Следует также учесть, что 28 октября в помещении Ростовской городской Думы было проведено расширенное совещание, собранное для решения вопроса о подчинении большевикам, захватившим власть в Петрограде. Помимо представителей различных партий, комитетов и организаций присутствовали также прибывшие во главе с Богаевским и новочеркасцы. Против большевиков высказались практически все.

От имени Комитета солдатских и офицерских депутатов выступил солдат Нудельман. В своей речи он сообщил, что солдаты в полках и служащие в учреждениях не только не сочувствуют большевикам, но высказываются определённо против их власти. Его слова подтвердили выступавшие следом представители полковых комитетов.

Градоначальник В.Ф. Зеелер заявил, что «о подчинении бандитами не может быть и речи». В том же духе высказывались и другие ораторы.

Лишь представитель рабочих сообщил, что этот же вопрос решается на заседании Совета рабочих депутатов в помещении кинотеатра «Марс».

Председатель собрания, подводя его итоги, сказал: «Итак, товарищи, для Ростова большевики неприемлемы». «Ленинцы» в городе оказались без политических союзников, что также заставило задуматься их лидеров.

Правильным, или нет, было решение Ростовских большевиков – не выступать *пока*, каждый вправе определять сам. В конце концов, любые действия несут в себе, как положительные моменты, так и отрицательные. И что перевешивает, что перевесит потом, никому до конца неизвестно. Но в здравомыслии «ленинцам» не откажешь. Ситуация *чуть* изменилась, и эти же люди повели себя совершенно по иному. Проявили, и активность, и решительность, и, между прочим, безусловную и беззаветную приверженность ленинскому курсу. А поражение 2 декабря лишь подтвердило обречённость возможного выступления конца октября 1917 г.

Так или иначе, но было признано целесообразным придать

Ростовскому ревкому функции Областного ВРК, иными словами, расширить социальную базу Советов на Дону¹⁰⁸. Для чего 12 ноября большевики вступили в переговоры с исполкомом Совета рабочих депутатов, исполкомом Совета солдатских и офицерских депутатов, областного военного комитета (солдатской его секции), союзами железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, и другими организациями, в которых большинство принадлежало меньшевикам и эсерам. В результате произошло слияние на платформе: «объединиться для борьбы с контрреволюцией, а также для защиты прав демократии и завоеваний революции». Новый «Областной революционный комитет объединённой демократии» был избран на совместном совещании 15 ноября. Тут же выяснилось, что он имеет эсеро-меньшевицкое большинство.

Однако и в этом составе Комитет тотчас издал приказ №1¹⁰⁹, которым «объявлял себя высшим органом власти в Донской области» и предписывал: «никаких приказов и распоряжений, исходящих от войскового правительства и его агентов, не публиковать и не исполнять».

Приказ вызвал большое смущение в городе, подавляющее большинство жителей которого явно не желало наблюдать из окон баррикадные бои на близлежащих улицах. Представители городской Думы поставили условием своего участия в Областном военно-революционном комитете денонсацию приказа №1. В ответ на это требование 23 ноября приказ был отменён. Тральщики ещё не пришвартовались у набережной¹¹⁰.

Тон большевистских заявлений становился между тем всё более агрессивным. 18 ноября Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов принял большевистскую ре-

¹⁰⁸ При этом вопрос о взятии власти и вооружённом выступлении вовсе не был снят с повестки. За военной помощью в Севастополь был командирован начальник штаба Красной гвардии Ченцов.

¹⁰⁹ 19 ноября приказ №1 был опубликован в Ростовской печати.

¹¹⁰ 10 ноября I Общечерноморский съезд в Севастополе принял резолюцию о поддержке решений II съезда Советов. Также решено было направить в поддержку Ростову и Таганрогу флотилию из 3 тральщиков и 2 миноносцев с десантом. О том, что суда вышли из Новороссийска, проинформировал Каледина 16 ноября в своей телеграмме Духонин.

золюцию, которая приветствовала образование Областного военно-революционного комитета, и поручал «своим представителям добиваться полного уничтожения контрреволюционного движения в области». «При первом же случае противодействия со стороны Военно-революционного комитета власти рабочего и крестьянского правительства» Совет предлагал своим представителям выйти из него.

Однако, в самом Областном ВРК «ленинцы» так и оставались в меньшинстве. И вместо подготовки к выступлению Комитет вступил с Войсковым правительством в переговоры, которые последнее встретило с пониманием. Проблем у Каледина хватало. Он готов был пойти на любые разумные уступки лишь бы консолидировать население и предотвратить внутреннюю гражданскую войну.

25 октября связь с Временным правительством прервалась. На следующий день его падение стало свершившимся фактом. Надо было без промедления определяться с дальнейшим. Брать власть в свои руки или дожидаться, когда это же самое сделают местные большевики. Признать Советы или в надежде, что в столицах всё ещё перемениться, оказать помощь осколкам Временного правительства. Вопросы были непростые, и положение только казалось прочным. К октябрю удалось стянуть с фронта несколько частей. 7-я Донская дивизия со штабом в ст. Урюпинской располагалась на севере Области, на самой границе с Воронежской Великокоросской губернией. 5-я и 6-я Донские дивизии дислоцировались вдоль железнодорожной линии Каменск – Миллерово – Чертково и прикрывали Новочеркасск с севера и северо-запада. Позже у Чертково стала ещё и 8-я Донская. По тем временам, когда стороны только ещё развёртывали ничтожные по меркам Великой войны отряды, и «офицерские заставы» действительно занимали губернские города, это были огромные силы¹¹¹. Но пойдут ли казаки воевать? Это был вопрос! И Каледин, как никто другой, знавший и настроения, преобладавшие у вернувшихся в станицы фронтовиков, и ту

¹¹¹ Под предлогом невозможности прокормить кавалерию в прифронтовой полосе на Дон с фронта было направлено до десяти полков, что и позволило развернуть на границах Области три казачьи дивизии.

глубину, которой достигло разложение в казачьих сотнях, склонялся постепенно к отрицательному ответу. Не пойдут. Во всяком случае, большинство не пойдёт определённо.

Тем не менее, деваться было некуда. Да и выбирать на самом деле не из чего. Атаман прекрасно понимал, если войско Донское хочет сохраниться в его нынешнем виде, ни о какой власти большевиков на Дону не может быть и речи. Каледин объявил, что, начиная с 25 октября, Войсковое правительство «приняло на себя всю полноту власти в Донской области». Также было заявлено о полной поддержке Доном коалиционного Временного правительства. Активным сторонником военного похода на помощь правительственным войскам был М.П. Богаевский. Настаивала на выступлении Ставка. Утром 29 октября в своей телеграмме за №7991 Духонин¹¹² запрашивал Каледина: «...не найдёт ли он возможным направить в Москву, для содействия правительственным войскам в подавлении большевиков, отряд казаков с Дона, который, по усмирению восстания, мог бы пройти на Петроград, для поддержки генерала Краснова».

В какой-то момент к этому же склонился и Каледин. 31 октября он дал начальнику 7-й Донской дивизии распоряжение готовиться к выступлению. В предписании указывались даже маршруты предполагаемого выдвижения: «Помочь верным правительству войскам в Москве... Первая задача в связи с этим – взять Воронеж... 21-му, 40-му Донским полкам, 15-й конной и 4-й пешей батареям двигаться через Поворино-Лиски на Воронеж...»

Однако через день-два Керенский бежал из Гатчины и исчез с политической арены¹¹³, бои в Москве затихли. Не осталось ни верных правительству войск, ни самого правительства. Вяжываться в серьёзные военные действия, не зная ничего о противнике, сомневаясь в готовности и психологической устой-

¹¹² 1 ноября 1917 г. генерал-лейтенант Н.Н. Духонин опубликовал приказ о своём вступлении в должность Верховного главнокомандующего.

¹¹³ Когда позже Александр Фёдорович обратился к Войсковому правительству напрямую, Каледин с ним связываться не стал. Он, вне всякого сомнения, и несмотря ни на что, уважал Временное правительство, как избранный институт Российской государственной власти. Но, также очевидно, подобных чувств по отношению лично к Керенскому ни в малейшей степени не испытывал.

чивости своих бойцов, Каледин не мог. Распоряжение было отменено. Свёрнуты и все контакты с появившимися на Дону, весьма сомнительными «представителями». В ответ на очередную телеграмму из Могилёва Каледин заявил, что в обстановке не ориентирован, и к тому же для посылки казаков в Москву «...требуется наличие чрезвычайной необходимости для оправдания в глазах казаков».

Вопрос о выступлении против внешнего врага временно отпал. Всё внимание Каледина мог теперь сосредоточить на противнике внутреннем. В ответ на создание большевистского ВРК Войсковое правительство тотчас по легализации своей власти заявило, что «ввиду большевистского движения в области, главным образом в городских пехотных гарнизонах и среди заводских и шахтерских рабочих», оно вводит военное положение в 3 округах: Черкасском, Ростовском и Таганрогском. В Макеевский угольный район были посланы казачьи отряды, которыми были заняты до 45 населённых пунктов. Успевшие сформироваться на западе области Советы при этом разогнались.

В Ростов в распоряжение начальника гарнизона были направлены две пешие казачьи сотни с двумя пулемётами. Однако никаких действий в отношении Ростово-Нахичеванского Совета и Комитета РСДРП(б) властями не предпринималось. Каледин внимательно следил за происходящими событиями, и небезосновательно надеялся ограничить дело переговорами.

31 октября по пересечении границы Области были арестованы делегаты II съезда Советов. С.И. Кудинов, вышедший из поезда, был задержан при попытке расклеить листовки на ст. Шептуховка. Е.А. Щаденко и остальных арестовали в Глубокой. Вся агитационная литература была реквизирована, немалая сумма денег, выданная в Петрограде Щаденко для вооружения красногвардейских отрядов, конфискована. Кудинов был помещён в Новочеркасскую тюрьму, Щаденко – в Каменскую. Тот факт, что вскоре почти все арестованные были выпущены на свободу, свидетельствует о многом. В том числе и о том, что действия властей не отличались особой жёсткостью, тем более, жестокостью.

6 ноября в Новочеркасске возобновил работу Общезонто-

вой съезд казачества, вынужденный перебраться из Киева под давлением Рады. Большинство делегатов съезда поддержали Атамана Каледина в его стремлении оградить Дон от влияния центральной Советской власти и предложили казачьим частям «во имя спасения отечества» возвращаться домой «с разрушенного большевиками фронта» с оружием в руках. По сути это было одобрение вооружённой борьбы с большевиками.

Вместе с тем на съезде проявила себя немногочисленная, но сплочённая и целеустремлённая левая оппозиция. Её, наряду с Голубовым, представляли такие, прославившиеся позже на Кубани персоналии, как хорунжий А.И. Автономов, сотник Кубанского войска И.Л. Сорокин, фельдшер Гуменный и др. «Левая группа» настаивала, чтобы казачество не ввязывалось в гражданскую войну и соблюдало «нейтралитет». Требовала от правительства удалить с Дона «контрреволюционные силы». Серьёзного влияния на работу съезда они оказать не могли, но казакам запомнились. Особой активностью вновь отличался Голубов. Он не ограничивался выступлениями на съезде. Позволял себе жёстко критиковать Донское правительство на многочисленных митингах в Новочеркасске и даже Ростове. Выступал перед казаками, перед рабочими и солдатами запасных полков. Времена, однако, изменились. И то, что в августе – сентябре сходило войсковому старшине с рук, перед ожидающимся большевистским выступлением расценивалось, как измена и подстрекательство к вооружённому мятежу. Ещё до начала боёв по приказу генерал-майора П.Н. Потоцкого¹¹⁴ Голубов был арестован, препровождён в Новочеркасскую тюрьму¹¹⁵, и в Ростовских событиях участия не принимал.

¹¹⁴ Потоцкий был назначен на должность Командующего войсками Ростовского округа взамен генерала Черноярва. Современники расценивали этот шаг Каледина, как серьёзную ошибку. Черноярв пользовался заслуженным авторитетом, как среди казаков, так и солдат гарнизона и даже рабочих. Потоцкий, никому не известный, в обстановке сориентироваться не успел.

¹¹⁵ Любопытно, что Голубов больше месяца (конец ноября и весь декабрь) содержался в одной камере с задержанным делегатом II съезда Советов большевиком В.С. Ковалёвом. Автономов был арестован уже после завершения работы съезда. Как делегат III Донского казачьего круга, он продолжал проводить антиправительственную линию и на его заседаниях. Сорокин и Гуменный бежали на Кубань.

9 ноября из Севастополя пришла в адрес Войскового правительства телеграмма, в которой делегаты I Общечерноморского съезда¹¹⁶ обвинили Каледина:

- в угнетении крестьянства;
- в преследовании рабочих на рудниках и разгоне их организаций;
- в невыпуске с Дона хлеба и угля, и в ультимативной форме потребовали отменить военное положение в Ростове и отвести «контрреволюционные» войска.

На всё это Войсковое правительство вполне могло возразить, что как раз крестьянскому вопросу на протяжении своего существования уделяло особое внимание. Что крестьянству на Дону были предоставлены самые широкие возможности к самоорганизации, и к октябрю правовое и имущественное положение крестьянина уже мало, чем отличалось от положения казака.

Что касается Макеевского района Таганрогского округа, то эксцессы и первые серьёзные столкновения начались в нём только лишь после того, как рабочими и шахтёрами была провозглашена 16 ноября «Донская социалистическая республика», явно враждебная Новочеркасску.

Об угле и хлебе нечего и говорить. Было бы удивительно, если в условиях разрухи и зримо надвигающейся гражданской войны, производство не упало до минимума. Естественно, в первую очередь правительство заботилось об удовлетворении собственных нужд.

Впрочем, ничего в ответ высказано, конечно, не было. Каледин ультиматум проигнорировал.

Ещё 20 октября¹¹⁷ на учредительном съезде во Владикавказе был создан «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». Организация с таким претенциозным наименованием по замыслу её учредителей должна была в той или иной степени объединить Донское, Кубанское

¹¹⁶ Начал свою работу 6 ноября 1917 г. в здании Морского собрания.

¹¹⁷ В этот день М.П. Богаевский, ссылаясь на решения II Войскового круга, провозгласил «независимость Дона впредь до образования в России правительства, приемлемого для казаков».

и Терское казачьи войска. 16 ноября было создано так называемое Объединённое правительство Юго-Восточного союза под председательством Каледина. Ожидалось, что казачьи области смогут выступить против большевиков единым фронтом. Как известно, этого не случилось. Падение войсковых правительств Дона и Кубани, изначально изолированных друг от друга, произошло почти одновременно. Рада в январе и феврале не могла помочь Дону, все мысли были о защите Екатеринодара. Расколотый пополам Дон агонизировал...

18 ноября 272-й запасный пехотный полк, расквартированный на северной окраине Новочеркаска, вынес резолюцию о непризнании власти Донского правительства. Каледин приказал разоружить оба полка, 272-й и 273-й запасные. Однако казачьи части выполнять приказ отказались. Лишь три сотни юнкеров Новочеркасского училища и конвойная сотня остались верны присяге, но этих сил было явно недостаточно. Лишь с помощью всех наличных сил Алексеевской организации, офицерско-юнкерского отряда в 300–400 штыков 20 ноября удалось разоружить многие тысячи пехотинцев¹¹⁸.

19 и 21 ноября в Таганрог двумя группами прибыли тральщики с десантом моряков-черноморцев на борту. 23 ноября они прошли гирла Дона и швартовались в Ростовском порту. Позже, уже в разгар боёв, прибыли в Ростов и небольшие отряды красногвардейцев из Азова и Тихорецкой.

¹¹⁸ Ещё 15 ноября начальник Новочеркасского военного училища П.Х. Попов обратился к Атаману с ходатайством о разоружении расквартированных в Хотунке запасных пехотных полков. Каледин ходатайство поддержал. На рассвете 20 ноября отряд добровольцев и юнкера Новочеркасского училища выдвинулись к Хотунку и оцепили казармы. Одновременно с этим пушечный броневомобиль «Гарфорд» проследовал по Петроградскому спуску к Триумфальной арке, стал ниже её и навёл своё орудие на Хотунок. Бронеавтомобиль «Остин», вооружённый пулемётами, занял позицию на мосту. И, наконец, у Константиновской церкви развернулась, готовая открыть огонь прямой наводкой, казачья батарея. Полкам было приказано сдать оружие. Солдаты собрались на митинг. В какой-то момент к цепи юнкеров подошёл хорунжий Автономов с предложением «начать переговоры», однако юнкера потребовали его удаления. Тем временем митинговавшие солдаты, наблюдая готовые к бою броневики и наведённые на них орудия, приняли резолюцию: «Оружие сдать» и единственным условием оговаривали разрешение на беспрепятственный выезд из Новочеркаска на родину.

20 ноября Войсковое правительство обратилось к населению с декларацией о намерении созвать 29 декабря «единовременный съезд казачьего и крестьянского населения для устройства жизни Донской области и привлечения к участию в управлении краем пришлого элемента».

22 ноября уполномоченные Совета Союза казачьих войск¹¹⁹ заявили центральному большевистскому правительству:

«1. Что казачество ничего для себя не ищет и ничего себе не требует вне пределов своих областей; но в то же время, руководствуясь демократическими началами самоопределения народностей, оно не потерпит на своей территории иной власти, кроме народной, образуемой свободным соглашением местных народностей без всякого внешнего и постороннего давления.

2. Что посылка карательных отрядов против Казачьих областей, а в частности против Дона, переноса гражданскую войну на окраины, где идёт энергичная работа по водворению общественной безопасности и общественного порядка и по беспрепятственной доставке грузов, угля и нефти к городам России, вызовет расстройство транспорта и тем ухудшит продовольственное дело, приведя к расстройству житницу России.

3. Что Казачество протестует против всякого введения посторонних войск в казачьи области без согласия Войсковых или Краевых казачьих правительств».

В тот же день 22 ноября Каледин ввёл в Области военное положение. Обращаясь к населению, Каледин подчёркивал, что это необходимая мера, имеющая целью водворение порядка и безопасности, а не насилие над политической жизнью края. Атаман требовал от войск особой осторожности по отношению к рабочим и крестьянам и даже гарантировал Советам возможность «заниматься делами рабочей организации».

На фоне этих, обгоняющих друг друга событий, соотноше-

¹¹⁹ В конце ноября семь членов (из тридцати трёх) Союза казачьих войск были арестованы в Петрограде большевиками. Остальные, заранее предупреждённые, скрылись. Арест был инициирован Казачьим комитетом (секцией) при ВЦИК. Решение было внесено на совещании Казачьего комитета Антоновым-Овсенко 30 ноября 1917 г. Как писал он впоследствии, «...было решено казачьей рукой арестовать Совет Союза казачьих войск».

ние сил в Областном ВРК изменилось в пользу большевиков¹²⁰. На заседании 25 ноября большинством в 1 голос (20 против 19) Комитет постановил предъявить Донскому правительству ультиматум, включающий в себя следующие требования:

- 1) отказ Войскового правительства от всякого притязания на власть;
  - 2) отмена военного положения;
  - 3) возвращение оружия разоруженным пехотным частям.
- На размышления отводилось 24 часа.

Представители меньшевиков, эсеров, городских самоуправлений, железнодорожного союза и Областного военного комитета в знак протеста вышли из состава Военно-революционного комитета. В своем воззвании они разъясняли причину разрыва с «ленинцами» и требовали немедленного разоружения ростовской Красной гвардии.

Мирное соглашение между Калединым¹²¹ и большевиками с этого момента было уже невозможно. Начало военных действий оставалось лишь вопросом недолгого времени...

2.4. Прибытие Алексева в Новочеркасск. Начало формирования Алексеевской организации

30 октября генерал Алексеев, убедившись в бесперспективности организовать противодействие большевикам в Петрограде, покинул столицу и согласно намеченному ранее плану,¹²² выехал на Дон. Генерал выбрал кружной маршрут, через Москву, Царицын, Тихорецкую и Ростов.

¹²⁰ Председателем Комитета солдатских и офицерских депутатов был переизбран вместо Нудельмана лояльный по отношению к большевикам солдат Блюм. Изменили свою позицию и запасные полки. Вначале они заявили о «нейтралитете». А позже, по примеру 255-го полка, где умелую агитацию вёл солдат-большевик Власенко, перешли на сторону большевиков.

¹²¹ Каледин говорил потом, что ему «страшно было пролить первую кровь». Хочется думать, что подобные же сомнения испытывали и его оппоненты. Но деваться было некуда, и договариваться уже не о чем.

¹²² В последнем своём приказе остающимся в подполье офицерским организациям генерал требовал приступить к посылке добровольцев на Дон немедленно по получению от него условной телеграммы.

2 ноября 1917 г.¹²³ в сопровождении своего адъютанта ротмистра Шапрона и шести офицеров и юнкеров, присоединившихся в Ростове, он прибыл в Новочеркасск и в тот же день приступил к организации вооруженной силы.

Дон в качестве базы был выбран Алексеевым не случайно. Донское войско было самым сильным из всех казачьих войск. На Дон удалось стянуть с фронта достаточно сил. Представлялось при этом, что если разложение и коснулось донских полков, то всё же в меньшей степени. В любом случае, считалось само собой разумеющимся, что за родные станицы казаки воевать будут. Немаловажным, конечно, было то, что во главе Области стоял генерал Каледин, политические симпатии которого секрета не составляли.

Предполагалось обратиться к офицерскому корпусу с призывом прибыть в Новочеркасск и в короткий срок создать из числа прибывших боеспособные соединения для дальнейшей борьбы с большевиками. Комплектование должно было производиться на добровольных началах. Впрочем, в создавшихся условиях иного и быть не могло. При этом на первых порах развёртывание новой армии должны были прикрыть казаки. Предполагалось, что в последствии, по мере роста численности и перехода к активным действиям, армия, не отказываясь ни от чьей дружественной помощи, при необходимости могла ограничиться и своими силами.

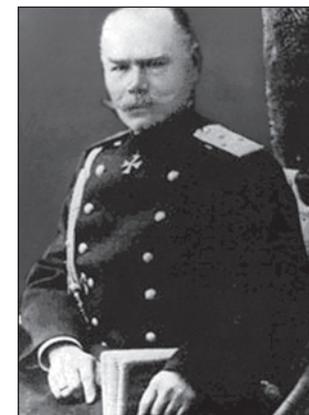
Идея не представлялась совершенно уж фантастической. Офицерский корпус насчитывал в своих рядах до 400000 человек. Прибудь на Дон хотя бы каждый десятый, подтянись к ним не принявшие большевизма солдаты-фронтовики, всё могло бы ещё получиться. Плотные солдатские массы воевать против кого бы то ни было и за что угодно, отказывались категорически. В лучшем, да и в худшем случае тоже, спешили занять позицию столь популярного в те дни «нейтралитета». Красногвардейцы отличались большей устойчивостью, но военная их подготовка, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Матросов *тоже было немного...*

¹²³ Эта дата считается днём рождения будущей Добровольческой армии.

Атаман Каледин, познакомившись с планами Алексеева на прямую просьбу «дать приют русскому офицерству», ответил уклончиво. С одной стороны, он не возражал и готов был предоставить соответствующее помещение. С другой – так же прямо ответил, что ситуация в области сложная, казаки, не говоря уже о неказачьем населении, отнесутся к предприятию в большинстве своём неприязненно. В виду чего просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске *больше недели* и затем перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы Области, в Ставрополь или Камышин.

Алексеев с несколькими офицерами поселился в лазарете №2¹²⁴, расположенном на улице Барочной, 39. Помещение лазарета, переоборудованное вскоре под офицерское общежитие, и стало местом сбора будущей армии. В Петроград, в одно из благотворительных обществ была направлена условная телеграмма, давшая отмашку на посылку в Новочеркасск офицеров. В незакрытых ещё большевиками независимых газетах открыто были размещены соответствующие объявления, и дело пошло. Как ни странно, в охваченной апатией стране нашлось немало организаций и даже частных доброжелателей, которые исключительно по идейным соображениям принялись переправлять офицеров на Дон.

С деньгами было куда сложнее. За весь ноябрь организация, получившая наименование «Алексеевской»¹²⁵, приняла всего лишь одно пожертвование в 400 руб. Этим материальная по-

М.В. Алексеев

¹²⁴ Лазарет освободили от раненых и больных, но оставили медицинский персонал. Первых прибывших встретили приветливо и радушно, отвели комнату, накормили. Впервые за несколько дней они смогли спокойно отоспаться.

¹²⁵ Поначалу формирование проходило под вывеской «Организации кадров по воссозданию Русской армии». Однако официальное, излишне громоздкое наименование не прижилось.

мощь российского общества, финансовых и промышленных кругов и ограничилась¹²⁶. Посильную лепту в виде помощи «безенцам» вносили сам Каледин и его жена.

Алексеев ушёл в работу с головой. Вот что пишет о нём Деникин: «Было трогательно видеть и многим, быть может, казалось несколько смешным, как бывший Верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей».

Начали прибывать первые добровольцы. И поначалу в немалом количестве, по 75–80 человек в день¹²⁷. Потом поток начал постепенно иссякать. Объяснение этому самое простое. К началу ноября в Петрограде и Москве скопилось немало людей, готовых откликнуться на призыв Алексеева. По соглашению о сдаче юнкера¹²⁸ и офицеры разоружались и отпускались по домам. В течение нескольких дней они отправлялись на Дон. Разновременность прибытия обуславливалась разными каналами доставки и спецификой комплектования групп¹²⁹. В первое вре-

¹²⁶ Некоторые финансовые учреждения мотивировали отказ выдать денежные субсидии, ссылаясь на циркулярное письмо Корнилова, предписывающее направлять средства исключительно на адрес Завойко. Принял что-либо адъютант Корнилова, или нет, неизвестно. Но по этому каналу Алексеев не получил ни рубля.

¹²⁷ 4 ноября из Петрограда прибыла партия в составе 25 человек под началом штабс-капитана Парфёнова. Эта группа добровольцев выехала из столицы по собственной инициативе, ещё до получения условной телеграммы об отправке.

¹²⁸ Из Петрограда группами по несколько человек смог пробраться на Дон почти весь старший курс Константиновского артиллерийского училища и несколько десятков юнкеров Михайловского и других военных училищ. Куда меньше добровольцев, во многом, из-за худшей организации отправки, дала Москва. Следует в этой связи упомянуть о сестре милосердия М.А. Нестерович, которая по собственной инициативе собирала группы добровольцев и под видом раненых и больных доставляла их в Новочеркасск. За два месяца до самого ареста она успела совершить 7 поездок на Дон, и каждый раз возвращалась в Москву с поручениями от Алексеева.

¹²⁹ Союз казачьих войск, например, с конца октября формировал в Петрограде группы по 5 человек и по мере комплектования без промедления переправлял их на Дон.

мя никто не снабжал их документами, да и с проездом до самого декабря почти не было особых затруднений. Занятые Ставкой и Украиной большевики смирились временно с существованием независимого Дона. Раде также было не до офицеров, пробирающихся на Дон через Украинскую территорию. В первых числах ноября прибыл из Киева небольшой кадр Георгиевского полка.

Прибыли постепенно все те, кто и собирался. А потом, на Дон стали пробираться по одиночке люди «второй волны». Это были в основном офицеры. Покидающие свои части и распадающийся фронт. Не желающие попасть под расстрел и попавшие под реквизицию. Из «самостийной» Украины и Великоросских центральных губерний. Уже и с поддельными документами, так как пробираться стало куда трудней. Донская область обкладывалась постепенно советскими заслонами со всех сторон.

В середине ноября, когда добровольцев собралось уже больше двухсот, была введена официальная запись в Алексеевскую организацию. Все вновь прибывшие регистрировались в Бюро записи¹³⁰, где письменно подтверждали, что записываются в организацию добровольно и обязуются не покидать её рядов в течение 4-х месяцев¹³¹. Затем добровольцы направлялись в штаб, на Барочную, 56, где распределялись по частям.

Уже 4 ноября была сформирована Сводно-Офицерская рота (на момент образования до 40 штыков). К середине ноября в её составе насчитывалось до 180 человек, к концу ноября – свыше двухсот¹³².

15 ноября была сформирована Юнкерская рота (командир штабс-капитан Парфёнов В.Д.). В её состав вошли юнкера, кадеты и учащиеся, выделенные из состава Сводно-Офицерской

¹³⁰ Под №1 был записан генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

¹³¹ Денежного довольствия до начала декабря не существовало за отсутствием достаточных средств, всё содержание ограничивалось продовольственным пайком.

¹³² Командир роты штабс-капитан В.Д. Парфёнов. 15 ноября 1917 г. переименована в Офицерскую роту. Командир – штабс-капитан Некрашевич. Заместитель командира капитан Наинский. Впоследствии рота использовалась как база для развёртывания вновь создаваемых подразделений.

роты. Рота состояла из четырёх взводов: 1-й взвод из юнкеров московских пехотных училищ¹³³; 2-й взвод – из артиллерийских училищ; 3-й взвод – из морских училищ; 4-й взвод из кадет и учащихся. Под роту была выделена отдельная казарма, которая располагалась в здании лазарета №23, на Грушевской улице.

19 ноября на базе 2-го взвода Юнкерской роты создаётся первая добровольческая батарея, а сама рота была развернута в Юнкерский батальон в составе двух юнкерских рот и одной кадетской. Во второй половине ноября насчитывал свыше 150 человек. В начале декабря, после потерь понесённых в боях за Ростов, батальон был сведён к двух ротному составу: юнкерская и кадетская роты¹³⁴.

С середины ноября из состава кадра прибывшего Георгиевского полка начала формироваться Георгиевская рота численностью до 60-ти человек. В начале декабря была переименована в 1-ю Офицерскую роту¹³⁵.

19 ноября из личного состава 2-го взвода Юнкерской роты и юнкеров Михайловского и Константиновских училищ была сформирована Сводная Михайловско-Константиновская батарея¹³⁶. На момент формирования насчитывала около 100 человек. Во второй половине ноября – до 250 человек (из них 190 – «константиновцев» и 60 – «михайловцев»¹³⁷). Батарея была

¹³³ В основном – из юнкеров Павловского училища.

¹³⁴ Командир батальона штабс-капитан В.Д. Парфёнов; командиры рот: 1-й (юнкерской) – ротмистр Скасырский, 2-й (кадетской) – штабс-капитан М.В. Мезерницкий. 25 ноября Юнкерский батальон был переведён в здание Донского кадетского корпуса.

¹³⁵ Командир роты полковник И.К. Кириенко. 13 декабря была переименована вновь в Георгиевскую.

¹³⁶ Командир батареи штабс-капитан Н.А. Шаколи, курсовой офицер Михайловского училища, единственный из курсовых офицеров обоих училищ, прибывший с юнкерами на Дон. С 14 декабря – подполковник Д.Т. Миончинский.

¹³⁷ Марков, чьё имя неразрывно связано с Юнкерской батареей, в беседе с личным составом говорил:

– Мне особенно приятно видеть вас здесь, юнкеров двух артиллерийских училищ, чести которых я всегда дорожил. Константиновское училище я окончил, а в Михайловском преподавал.

размещена в здании Платовской мужской гимназии, на Ермаковском проспекте, дом №52. Просуществовала до середины декабря 1917 г., когда на её базе в Новочеркасске были сформированы 1-я (которую по традиции иногда продолжали называть Михайловско-Константиновской), и частично, 3-я батареи 1-го Отдельного лёгкого артиллерийского дивизиона.

История создания легендарной Сводной Михайловско-Константиновской батареи похожа на сказку¹³⁸. Во время боёв за Ростов Алексеевская организация своей артиллерии не имела. В то же время становилось очевидным, что без артиллерийской поддержки воевать было невозможно. Изъять орудия из донских батарей нечего было даже и думать, казаки ревностно относились к вооружению. Ничем, кроме совета, не мог помочь и Каледин.

Атаманом совместно с Алексеевым была разработана следующая операция. По поступившим сведениям в селе Лежанка Ставропольской губернии стали части 39-й пехотной дивизии с артиллерией. Захват батареи и стал целью планируемого налёта. Замысел состоял в следующем. В станицу Великокняжескую из Новочеркасска направлялся транспорт с оружием. В сопровождение выделялись 25 офицеров и юнкеров Новочеркасского военного училища, а от Юнкерской батареи 1 офицер, 5 юнкеров и... вахмистр княжна Черкасская, супруга поручика Давыдова¹³⁹. Молодая, смелая девушка выразила желание участвовать в экспедиции, мотивируя это тем, что ей проще было бы провести при необходимости разведку. Предполагалось, что от зимовника Сопрунова транспорт с незначительной охраной проследует по маршруту к месту назначения, а отряд из 25-ти офицеров и юнкеров под командованием лейтенанта Герасимова спустится к Лежанке и при поддержке «внушающей некото-

¹³⁸ Эпизоду захвата юнкерами батареи в Лежанке посвящено эссе Н. Н. Туроверова «Первая любовь». Автор советует обратить на эссе внимание. Оно того стоит.

¹³⁹ Командовавший группой подпоручик Давыдов, портупей-юнкера Мино и Поссовский, юнкера Златковский, Акимов, Калянский и вахмистр Черкасская вызвались добровольцами, были сняты с позиций под Нахичеванью, и в ночь с 29 на 30 ноября, вместе с ранеными на паровозе проследовали в Новочеркасск.

рое доверие» казачьей сотни одной из расположенных рядом станиц попытается отбить батарею.

Транспорт выступил из Новочеркасска 30 ноября и к вечеру 2 декабря достиг хутора Весёлого¹⁴⁰. По пути следования останавливались на ночь в зимовниках Королькова и Сопрунова. Здесь, как и предполагалось, разделились. 6 декабря группа остановилась в зимовнике в 7 километрах от Лежанки. Была произведена дневная разведка, которая выявила расположение батареи, стоявшей к радости юнкеров на окраине села, остальных частей и полную беспечность, если не отсутствие, караульной службы.

К отряду должна была присоединиться сотня Донского полка, однако казаки, узнав, что предстоит действовать за пределами Области, замитинговали и участвовать в налёте отказались. Лишь небольшая часть казаков пошла с юнкерами. Их роль ограничилась выставленным на окраине села оцеплением.

В десять вечера в темноте отряд в полном составе вошёл в Лежанку. Несмотря на лай собак, караульный был разоружён без выстрела. Захваченная спящей, прислуга сопротивления не оказала¹⁴¹, ездовые под дулами револьверов выводили и запрягали лошадей. До рассвета были выведены из Лежанки два орудия в полной запряжке, с ездовыми и четыре зарядных ящика. Прихватили с собой и денежный ящик батареи. Оставшиеся в Лежанке солдаты выразили на митинге захватившим их батарею юнкерам «порицание». Была предпринята попытка организовать преследование. Погоня батарею «не догнала», потеряв, по всей видимости, верное направление.

9 декабря экспедиция с трофеями благополучно вернулась

¹⁴⁰ Здесь произошла стычка с жителями хутора, которые, заподозрив в Черкасской Великую Княжну Татьяну Николаевну, потребовали сообщить, куда её везут. Толпа рассеялась лишь под угрозой применения оружия. Во время инцидента случайным выстрелом ранил себя в руку и на следующий день отправлен был обратно в Новочеркасск юнкер Акимов.

¹⁴¹ Один из юнкеров, заскочив в помещение командира батареи, разоружил его и «доложил», что его батарея «выступает по приказанию генерала Алексева». Увидев на плечах юнкера погоны Михайловского артиллерийского училища, командир батареи, капитан Владимиров, сказал в ответ:

– Как обидно, что меня разоружает мой младший однокашник...

в Новочеркасск, где была встречена с ликованием. Во время посещения батареи Алексеев представил юнкерам нового командира подполковника Д.Т. Миончинского¹⁴², который провёл её реорганизацию. Был произведён расчёт на два двухорудийных взвода. Первый взвод получил орудия, захваченные в Лежанке. Второй ожидал своей очереди. Были также выделены команда разведчиков, подрывников, телефонистов и хозяйственная служба. Не вошедшие в расчёт 50 юнкеров составили пеший взвод, служивший прикрытием батареи. Следует отметить, что с первых дней Миончинский пользовался среди юнкеров заслуженным уважением.

В начале декабря в Новочеркасске была сформирована Морская рота (около 50 человек)¹⁴³.

Из общего числа первых добровольцев до трети составляли офицеры, свыше половины – юнкера, до 10 % – представители учащейся молодёжи, кадеты, гимназисты, семинаристы. Младших чинов было совсем немного, считанные единицы¹⁴⁴.

Первое время организация испытывала трудности с вооружением. На 600 добровольцев приходилось до 100 «тайком принесённых» винтовок. Обращались к Каледину, но он ничем помочь не мог. Склады находились под контролем настроенных недоброжелательно комитетов, решительно отказывавшихся выдавать даже и стрелковое оружие.

¹⁴² Впоследствии подполковник Миончинский утверждал, что окончательно принял решение вступить в «Организацию» после того, как 9 декабря наблюдал на улице в Новочеркасске прибытие отбитой в Лежанке батареи. Вид солдат-ездовых, не отличающихся от них обмундированием горсточкой юнкеров и «доброволицы» Черкасской на фоне красного флага, выставленного для маскировки и так и не снятого, произвели на него сильное впечатление.

¹⁴³ Командир роты капитан 2-го ранга В.И. Потёмкин.

¹⁴⁴ К началу боёв под Ростовом до 70 % Армии составляли юнкера, кадеты и учащаяся молодёжь, юноши от 16 до 20 лет. «Этот первый период существования Добровольческой армии, – пишет Лукомский, – был чисто Добровольческим периодом. В армии не было ни одного человека, который попал бы в её ряды по набору, или по принуждению. Надо было видеть всё это юношество, составлявшее армию; юношество, горевшее любовью к Родине, мечтавшее положить свою жизнь за её возрождение и отомстить предателям и насильникам за разрушение России и за поруганные идеалы – чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли».

В первых числах декабря после боёв под Ростовом подразделения Алексеевской организации были переформированы. Вновь создавались 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я Офицерские роты. На их базе впоследствии планировалось развернуть батальоны. Георгиевская рота была переименована в 1-ю Офицерскую¹⁴⁵. 2-я, 3-я, 4-я и 5-я Офицерские роты были сформированы в начале декабря из взводов Сводно-Офицерской роты в Новочеркасске.

2-я Офицерская рота – командир полковник Лаврентьев (до 60 штыков).

3-я Офицерская (Гвардейская¹⁴⁶) – командир полковник А.П. Кутепов (после пополнения в Ростове – до 70 штыков).

4-я Офицерская рота – командир полковник А.А. Морозов (до 50 штыков).

5-я Офицерская рота (ставшая 13 декабря 1-й Офицерской) – командир полковник Борисов (до 60 штыков).

Георгиевская, 1-я и 4-я Офицерские роты оставались в Новочеркасске. 2-я и 3-я Офицерские в середине декабря были переведены в Ростов.

На базе кадра Сводной Михайловско-Константиновской батареи в начале декабря в Новочеркасске был развернут 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион (командир – полковник С.М. Икишев) в составе 3-х батарей:

1-й (юнкерской) – до 14 декабря командир штабс-капитан Н.А. Шаколи, затем подполковник Д.Т. Миончинский;

2-й (офицерской) – командир подполковник Шмидт;

3-й (смешанной) – командир подполковник Л.М. Ерогин.

Взвод 1-й (юнкерской) батареи с 9 по 28 января участвовал в боях в составе отряда Чернецова (2 орудия). В начале января в отряд Кутепова был послан подрывной взвод, а к 27 января и 2-й взвод батареи. 2–3 февраля взвод батареи участвовал в боях под Батайском, а 9 февраля в боях в Темернике.

Предприятие разрасталось, обзаводясь хозяйством, зани-

¹⁴⁵ 13 декабря ей вновь вернули наименование «Георгиевская», а 5-я Офицерская рота, стала 1-й Офицерской.

¹⁴⁶ В её составе было немало офицеров из Гвардейских полков. Отсюда и соответствующее наименование.

мая в городе всё новые здания. Всё это начинало раздражать казаков и даже отдельных членов Войскового правительства. С начала формирования прошла уже не одна неделя. Несколько раз Каледин лично обращался к Алексееву, напоминая об устном обещании вывести «Организацию» за пределы Области. Просил, по крайней мере, не делать никаких официальных заявлений и «вести дело в возможной тайне». Алексеев отмалчивался. Где-либо «за пределами Области» обосноваться можно было только силой. Никаких заявлений он не делал, но и «без огласки» Алексеевская организация существовать не могла. Численный рост её напрямую как раз от огласки и зависел. Чем шире распространялась информация о добровольцах, тем больше офицеров, юнкеров, студентов, гимназистов, гражданских, авантюристов и романтиков, бессребренников-патриотов и, случалось, откровенных проходимцев, устремлялось на юг, пополняя их ряды.

Как пишет Деникин, «Алексеев выбивался из сил, взывал к глухим, будил спящих, писал, требовал, отдавая всю свою энергию и силы своему «последнему делу на земле», как любил говорить старый вождь». И положение начало меняться к лучшему. Причиной этому стали волнения в запасных пехотных полках.

18 ноября 272-й запасный пехотный полк заявил о непризнании власти Войскового правительства. Каледин, ожидавший со дня на день выступления большевиков в Ростове, не мог тратить время на увещевания и переговоры, и приказал разоружить оба полка, 272-й и 273-й запасные. Атаман отдал приказ, но не смог найти ни одной строевой части, готовой его выполнить. Как часто бывало в те дни, казаки заявляли «о нейтралитете». Каледин вынужден был обратиться за помощью к Алексееву.

В итоге, от Алексеевской организации были выделены Юнкерский батальон и 1-й взвод Михайловско-Константиновской батареи (всего до 300–400 штыков – практически все наличные силы), которые совместно с тремя сотнями юнкеров Новочеркасского военного училища 20 ноября без выстрела разору-

жили оба полка¹⁴⁷. Взятым стрелковым оружием восполнили, наконец-то, комплект. Запаслись даже гранатами.

После разоружения запасных полков на «алексеевцев» если и смотрели ещё с недоверием, то перебазироваться за пределы Области столь настойчиво более не предлагали. Становилось очевидным, если так пойдёт и дальше, уже не столько казаки будут прикрывать развёртывание «Организации», сколько добровольцы помогут обеспечить безопасность Войскового правительства.

2.5. Конец Ставки. Бегство «быховцев» на Дон

Поддавив сопротивление ничтожных антисоветских сил в Петрограде и Москве, большевики всё внимание сосредоточили на Ставке. Духонин в качестве Верховного главнокомандующего их больше не устраивал¹⁴⁸.

Армейские комитеты отдельных армий Юго-Западного и Румынского фронтов потребовали немедленно заключить с немцами перемирие. При этом подразумевалось, что мирные переговоры можно вести от имени «какого угодно правительства, только не от большевистского». Перехвати кто-либо у больше-

¹⁴⁷ Добровольцам на этот раз было выдано «некоторое количество» винтовок и патронов.

Юнкерский батальон разоружил 273-й запасный полк, Новочеркасские юнкера – 272-й. Винтовки и патроны команды юнкеров вывозили из казарм в течение двух суток.

¹⁴⁸ С 4 ноября в Ставку начали съезжаться лидеры эсеров и меньшевиков, в частности, Чернов, Фейт, Гоц, Скобелев и др. Прибыл и бывший Военный министр Временного правительства Верховский. Общеармейский комитет также был настроен против большевиков. В ночь на 8 ноября из Ставки от имени Общеармейского комитета фронтовым армейским организациям была отправлена телеграмма с предложением «действующей армии в лице её фронтовых и армейских комитетов взять на себя инициативу создания власти». Дело дошло до того, что союзные миссии, также находившиеся при Ставке, сносились непосредственно с Верховным, подчёркивая этим, что лишь Ставка является для них единственным органом власти в стране. Такое положение для СНК было, конечно, неприемлемо. К тому же Духонин всячески саботировал продекларированное «ленинцами» перемирие с немцами, что в условиях окончательного разложения фронта могло повлечь за собой самые негативные для большевиков последствия.

виков дело заключения мира с немцами, это могло обернуться для Советской власти катастрофой.

Ленин, надо отдать ему должное, в подобных случаях и на такие вещи реагировал мгновенно. 8 ноября Духонину было предписано:

«Тотчас же по получении настоящего извещения обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров».

Верховный оставил предписание без ответа.

В ночь с 8 на 9 ноября из СНК вызвали Духонина к прямому проводу. В ультимативной форме ему было предъявлено требование немедленно приступить к переговорам о перемирии. Духонин отказался, и с поста Верховного главнокомандующего был смещён. На его место был тут же назначен Н.И. Крыленко¹⁴⁹.

Утром 9 ноября в войска была направлена радиограмма, в которой Советское правительство разъясняло свою позицию в связи со снятием Духонина с должности и предлагало солдатам «взять дело мира в свои руки». Вот текст заключительной части этой ориентировки:

«...Солдаты! – призывал СНК. – Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армий самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

¹⁴⁹ Николай Васильевич Крыленко состоял в РСДРП(б) с 1904 г. С весны 1916 г. проходил службу в действующей армии на Юго-Западном фронте в чине прапорщика. Был делегатом на II съезд Советов, членом Военной организации при ЦК РСДРП(б) и членом Петроградского ВРК. В первом составе СНК – член Комитета по военным и морским делам. 29 июля 1938 г. бывший Нарком юстиции СССР Н.И. Крыленко по приговору Военной коллегии Верховного суда был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой.

Совет Народных Комиссаров даёт вам права на это.

О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!»

Это был гениальный ход, который враз выбил почву из-под ног «местных», армейских борцов за мир, и в итоге переломил окончательно обстановку на фронте в пользу большевиков!

Казалось, тем не менее, предпринять что-либо против Ставки, большевикам будет не так-то просто, позиции её выглядели внушительно. Общеармейский комитет заявил, что

- власти большевиков не признаёт;
- власть должна быть создана из представителей партий от народных социалистов до большевиков;
- будет охранять нейтралитет Ставки вооружённой силой и не допускать туда ввода большевистских войск.

Однако настроение в войсках было уже совершенно иным. Говорить всерьёз о «вооружённой силе» даже и не приходилось. Понимали это в Могилёве, очень рассчитывали на это и в Смольном.

10 ноября 1917 г. Крыленко выехал эшелонами из Петрограда в Ставку в сопровождении команды Балтийских матросов в количестве 50–60 человек¹⁵⁰. Вечером 11 ноября он прибыл в Псков, где сместил с должности Командующего армиями Северного фронта генерала Черемисова¹⁵¹.

В ночь на 12 ноября в Минске представителями Военореволюционного комитета был смещён с должности Командующего армиями Западного фронта генерал П.С. Балугец. Вместо

¹⁵⁰ Позже для занятия Ставки к нему были направлены два эшелона Литовского пехотного полка.

¹⁵¹ Черемисову по телефону было предложено прибыть к «Верховному». Командующий отказался. Получив письменный приказ, отвечал уклончиво, за что и был снят с должности. Тем не менее, ему было предложено до прибытия преемника «вести оперативную работу». 13 ноября Черемисов самовольно покинул штаб, и вскоре был задержан в Петрограде.

него Командующим был назначен большевик – полковник Каменщиков. 12 ноября эшелоны Крыленко прибыли в Двинск, где располагался штаб V армии. Командующий армией генерал Болдырев прибыть на доклад к Главверху также отказался и сообщил об этом Духонину. Духонин ответил: «Считаю, что вы поступили совершенно правильно... Да храни вас Господь». В тот же день Болдырев был отстранён от должности и арестован. Духонин был объявлен «врагом народа». Распоряжения его ни передаче, ни исполнению не подлежали. Все лица, поддерживающие Духонина объявлялись подлежащими суду.

Всё же предполагалось, что Ставка окажет вооружённое сопротивление. Несколько дней ушло на формирование и выдвижение отрядов, нацеленных на её занятие¹⁵². В свою очередь к Ставке для охраны были подтянуты 4-й Сибирский казачий полк и ударные батальоны.

17 ноября отряды советских войск начали выдвигаться к Могилёву, и вся «оборона» рассыпалась, как карточный домик. Казаки начали колебаться, склоняясь к «нейтралитету». Эсеро-меньшевистский Могилёвский Совет переизбрался, резко изменил свою позицию и вечером 18 ноября сформировал большевистский ВРК.

Утром 19 ноября Верховный комиссар несуществующего уже почти месяц Временного правительства Станкевич предложил Духонину бежать на подготовленном автомобиле. Духонин отказался. Станкевич уехал в Киев один. Созванное затем оперативное совещание Ставки предложило Общеармейскому комитету прекратить своё существование, а членам его вместе с участниками совещания – скрыться.

К Верховному обратились командиры ударных батальонов, просивших разрешения защитить Ставку. Духонин вступать в

¹⁵² Удалось сколотить три отряда: Петроградский, прибывший с Крыленко (начальником штаба отряда был Р.Ф. Сиверс); Полоцкий, сформированный из симпатизирующих большевикам частей XXXV корпуса; Минский в составе 1-го имени Минского Совета революционного и 60-го Сибирского стрелкового полков, при бронепоезде и двух бронемашинах.

бой запретил и приказал батальонам в тот же день покинуть город¹⁵³.

– Я не хочу братоубийственной войны, – ответил он ударникам. – Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Родину от врага и Учредительное собрание от разгона...

Это решение не было проявлением трусости, или гипертрофированного благородства. Ему другое название – по своему понимаемая ответственность. Генерал прекрасно понимал, первый же выстрел в Ставке неизбежно перерастёт в бойню и спровоцирует массовые избиения офицеров на фронте. С другой стороны, чувствовалось, конечно, что гражданской войны уже не избежать *и так*. В любом случае, какие бы то ни было упреки в адрес погибшего Духонина вряд ли уместны. Вся «вина» Главковерха лишь в том, что он, как, кстати, и многие другие, «не захотел пролить первую кровь».

Надо отдать должное Духонину. В этой кутерьме, перед лицом весьма вероятного скорого расстрела, о главном Михаил Лаврентьевич не забыл. С утра 19 ноября им был направлен в Быхов, расположенный в 20 километрах от Могилёва, заведующий оперативной частью штаба полковник Кусонский с соответствующими документами.

В ночь с 19 на 20 ноября Могилёв покинули представители союзных миссий, члены Общеармейского комитета и часть сотрудников штаба, в том числе, почти все офицеры оперативного отдела.

¹⁵³ 20 ноября у 22-го разъезда между Жлобиным и станцией Красный Берег ударники имели боестолкновение с 60-м Сибирским пехотным полком (поддержанного бронепоездом) Минского отряда, продвигавшегося к Ставке с юга. Бой продолжался несколько часов. Ночью ударники вышли из боя и в эшелонах направились в направлении на Гомель – Брянск – Белгород. 21 ноября Минский отряд занял Жлобин.

24 ноября у станции Тамаровка под Белгородом ударники натолкнулись на сопротивление Московского отряда Ховрина. После короткого боя красногвардейцы под прикрытием бронеплощадки отошли в Белгород. Однако, узнав, что к советским войскам подходят подкрепления (отряд черноморцев, эшелон 30-го пехотного полка и др.) и, не имея сведений об их составе и численности, ударники, оставив эшелоны, частью рассеялись, частью пробивались на Дон отдельными группами и поодиночке.

Духонин остался.

– Я имел и имею тысячи возможностей скрыться, – говорил он перед самым концом. – Но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская.

Утром 20 ноября в Могилёв вступил отряд матросов, занявших без сопротивления Ставку. Генерал Духонин был арестован, ему сообщили, что отправят в Петроград в распоряжение СНК. Когда Духонин прибыл на вокзал, у поезда нового Главковерха уже собралась толпа солдат и прибывших из Петрограда матросов. Несмотря на противодействие конвоя и протесты Крыленко, Духонина сбили с ног на путях и забили насмерть. Труп генерала был исколот штыками.

«Как известно, Духонин был убит моряками, – писал Антонов-Овсеенко, – несмотря на все усилия Крыленко помешать этому убийству».

Вероятно, Крыленко *действительно пытался помешать*. Всё-таки когда-то *он носил офицерские погоны*. Но матросы не обратили на призывы «Главковерха» ни малейшего внимания. Дыбенко, или тот же Рошаль, свои в матросской среде, вероятно, смогли бы так или иначе отвлечь внимание матросов и спасти генерала «для революционного суда». Замкнутый, сухой Крыленко «недостойного революционной армии самосуда» предотвратить не сумел...

Утром 19 ноября в Быховскую тюрьму прибыл полковник П.А. Кусонский и информировал Корнилова о том, что к Ставке приближается отряд Крыленко, обороняться Ставка не станет, и, следовательно, «всем заключённым необходимо тотчас же покинуть Быхов».

Корнилов пригласил к себе коменданта Быховской тюрьмы, подполковника Текинского полка Эргардта¹⁵⁴ и приказал немедленно освободить заключённых генералов, а полку изготавиться к полуночи к выступлению. Поздно вечером комендант сообщил предварительно караулу из «георгиевцев» о получен-

¹⁵⁴ Внутреннюю охрану тюрьмы несли преданные Корнилову «текинцы», наружную – полурота Георгиевского полка.

ном распоряжении отпустить генералов¹⁵⁵, которые будут перемещены на Дон¹⁵⁶. Охрана встретила это сообщение без каких-либо протестов и подозрений.

План «побега» был оговорён заранее. Генералы собирались пробираться на Дон поодиночке, выбирая маршрут в соответствии с обстоятельствами. Заготовлены были револьверы и наспех изготовленные фальшивые документы. Корнилов решил продвигаться походом в сопровождении Текинского полка.

Вечером товарищи по несчастью простились с Корниловым, договорившись «встретиться в Новочеркасске». На выходе из ворот тюрьмы «георгиевцы» проводили их и пожелали удачи. На квартире коменданта генералы переоделись в штатское, и пошли каждый своим путём.

А.С. Лукомский

Лукомский стал «немецким колонистом» и следовал по железной дороге через Могилёв – Оршу – Смоленск. Он справедливо посчитал, что на этом маршруте, проложенном навстречу Крыленковским эшелонам, искать будут меньше всего.

Романовский сменил генеральские погоны на знаки отличия прапорщика. Марков преобразился в рядового, его денщика. Их обоих взял на экстренный паровоз Кусонский, следовавший в Киев.

Деникин стал «польским помещиком». Он купил билеты на ближайший поезд, следовавший на юго-восток, и ожидал его отправления в штабе польской дивизии, входившей в состав корпуса Довбор-Мусницкого. Поляки, как и все, «сохраняли нейтралитет», но отнеслись сочувственно. Выдали документы на имя «помощника начальника перевязочного отряда Александра Домбровского». Определили

¹⁵⁵ В тюрьме к 19 ноября 1917 г. оставались генералы Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский, Марков.

¹⁵⁶ По инициативе Союза казачьих войск Каледин официально запросил Ставку о передаче «быховцев» в г. Каменск «на поруки Донского войска».

Деникину и попутчика, подпоручика Любоконского, убывающего в отпуск к родным. Выехали из Быхова только лишь утром 20 ноября. Поезд следовал через Жлобин – Гомель – Конотоп – Сумы. В Харькове Деникин расстался с Любоконским. Зато на пересадке неожиданно наткнулся на Романовского с Марковым, которые следовали из Киева. Дальше, через Славянск и Таганрог, ехали уже вместе до самого Ростова. Марков при этом воплотился в образ «денщика Романовского» совершенно. Бегал на полустанках за кипятком «для своего офицера», легко вступал в разговор с попутными солдатами, то и дело неизбежно переходя от митинговых интонаций «к высокому стилю». Марков, бывший преподаватель академии Генерального штаба, который в действующей армии прослыл поначалу излишне академичным, попав «в гущу народа», показался в ней совершенно иным, вовсе не инородным ей человеком. Он, конечно, играл, но лишь отчасти.

А.И. Деникин

Думается, этот эпизод, эта поездка сыграли свою роль и раскрыли в нём окончательно новые, доселе скрытые черты характера, о которых генерал лишь догадывался, и которые позволили Сергею Леонидовичу стать тем, кем он стал в вытесненной из Ростова Добровольческой армии. Корнилов тоже был любим солдатами, боготворим офицерами, но он был лидером, неизбежно дистанцированным от строя. Марков в самой круговерти событий, всегда и всюду был рядом, везде был принят и был своим. И, в том числе и поэтому тоже, при одном лишь его появлении в цепи, офицерские роты поднимались под шрапнелью в рост и крушили в разы превосходного неприятеля...

Марков остался на сутки у родных в Ростове. Деникин с Романовским, из-за неясности обстановки сохраняющие конспирацию, в тот же день прибыли в Новочеркассск.

И.П. Романовский

Наиболее трудным оказался путь на Дон генерала Корнилова. В ночь с 19 на 20 ноября 1917 г. во дворе Быховской тюрьмы был выстроен караул «георгиевцев». Корнилов простился с солдатами, поблагодарил за службу, выдав на прощание 2 тысячи рублей¹⁵⁷. «Георгиевцы» проводили генерала пожеланием счастливого пути и троекратным «Ура!». Оба караульных офицера, капитан Попов и прапорщик Гришин, присоединились к отряду.

Текинский полк во главе с Корниловым прошёл через город к мосту и перешёл Днепр. Чуть позже соединились с 4-м эскадроном, ведомым командиром полка полковником Кюгельгеном. Деникин в своих воспоминаниях утверждает, что командир Текинского полка не сумел подготовить полк к длительному зимнему походу. Не заготовили карты маршрута, не было ни врача, ни фельдшера, ни даже медикаментов. Тыловой колёсный обоз, взятый с собой, обслуживался солдатами, которые после первого же перехода бежали, оставив отряд без довольствия.

Неприязнь Деникина к Кюгельгену по-человечески понятна. Когда после провала августовского выступления, перед сдачей Ставки, приближённые Верховного спросили у офицеров, останутся ли они верны Корнилову до конца, все ответили утвердительно. Один лишь Кюгельген на вопрос, пойдёт ли полк «на самопожертвование», честно ответил:

– Я не знаю...

Деникин утверждает, что командир не верил в счастливое окончание похода, не сроднился с полком и не знал морально-го состояния офицеров и всадников. Однако последующие события свидетельствуют об обратном. Скорее, полковник Кю-

¹⁵⁷ Перед самым освобождением лояльные промышленники собрали и передали в Быхов Корнилову до 40 тысяч рублей.

гельген о настроениях, преобладающих во вверенном ему Текинском полку, как раз и был осведомлён и особых иллюзий не питал...

Полк шёл на юго-восток всю ночь и весь день, чтобы уйти подальше от Могилёва и от возможной погони. Вначале «текинцы» испытывали несомненный моральный подъём. Однако тяготы зимнего похода уже давали о себе знать. Идти приходилось ночью, большей частью по бездорожью. Днёвок, как таковых, не было. Банды дезертиров уже успели приучить к себе население. Крестьяне встречных деревень при приближении отряда в страхе укрывались в лесах. Оставшиеся потом удивлялись, что за изъятые продукты им заплатили. Приблизиться же к крупному населённому пункту, где возможно было организовать нормальный отдых в нормальном жилье, не решались¹⁵⁸. Накапливались постепенно усталость и безразличие. Появились обмороженные, пропадали без вести квартирмейстеры и отставшие. Настроение офицеров оставалось, тем не менее, приподнятым. Конники же, вымотанные, жестоко страдавшие от мороза, всё больше разочаровывались в предприятии. Совершенно выбились из сил, стали калечиться на гололедице, лошади.

За 7 дней «текинцы», немало пропетляв, прошли до 300 км.

Можно, конечно, согласиться с Деникиным в его утверждении, что полковник Кюгельген не сумел должным образом организовать марша. В то же время следует учесть, что как такого, маршрута и промежуточных ориентиров практически не существовало. Предполагалось держаться подальше от железных

¹⁵⁸ Из Ставки была направлена телеграмма следующего содержания:

«Всем, всем, всем!

Фронтовым, армейским, корпусным, дивизионным комитетам, всем Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

24 ноября. Изменник и предатель революции генерал Корнилов, бежав на юг из Быхова, в сопровождении 400 текинцев, отправился на юг по направлению Клинцы, Новозыбков, Сураж. По дороге он силой заставил идти с ним 40 солдат-пулеметчиков. Отряд Корнилова насильно забирает от крестьян фураж и хлеб. Жители против Корнилова. Военно-революционный комитет при Ставке требует, чтобы все военно-революционные комитеты, все Советы приняли срочные меры для ареста Корнилова и передачи его революционному народному суду. О всех передвижениях и о месте нахождения Корнилова просим телеграфно сообщить Военно-революционному комитету при Ставке».

дорог, выйти в районы, не занятые ещё советскими частями, и там уже действовать по обстановке. Дать отдых отряду, наметить пути дальнейшего движения и далее продвигаться уже в более-менее комфортных условиях. Не исключалась возможность и следования в эшелонах.

С утра 26 ноября полк выступил из села Красновичи и у деревни Писаревки, восточнее станции Унечи намеревался пересечь железнодорожную ветку Гомель – Брянск. Шли походным порядком в сопровождении местного проводника. У опушки леса попали в засаду и были встречены огнём в упор. Не принимая боя, полк отошёл обратно в Красновичи и оттуда повернул на юго-запад, намереваясь пересечь железнодорожное полотно с другой стороны, южнее Унечи. Около 14 часов у станции Песчаники «текинцы» вышли к линии Московско-Брестской железной дороги. Но тут из-за поворота вынырнул блиндированный поезд, оснащённый орудийными площадками и открыл по растянувшейся колонне огонь из пушек и пулемётов.

Ещё 22 ноября в Жлобине были получены известия о бегстве Корнилова из Быхова. Для его перехвата в направлении на Гомель – Унеча – Брянск из состава Минского отряда были выделены два батальона Пореченского полка¹⁵⁹, поддержанные бронепоездом. На эту группу, проявившую неожиданную устойчивость и целеустремлённость и наскочил Текинский полк у Унечи.

Головной эскадрон повернул в сторону и ускакал¹⁶⁰. Полк рассыпался и бежал. Под Корниловым была убита лошадь. Раненная, она вынесла его подальше от полотна и упала. Возле генерала остались только командир полка и его заместитель. На сборном пункте полка, куда подъезжали группами и по одному всадники, эскадроны стояли в полном беспорядке. Тут же на

¹⁵⁹ 266-й Пореченский пехотный полк прибыл для усиления Минского отряда из состава XXXV корпуса.

¹⁶⁰ 1-й эскадрон Текинского полка пересёк линию железной дороги юго-западнее Унечи, двинулся в южном направлении самостоятельно и к полку, вышедшему позже к железнодорожному полотну севернее Унечи, присоединиться уже не мог. За Клиндами в м. Павличи он был разоружён и отправлен в Минск.

земле сидели и лежали немногочисленные раненные. «Текинцы» пали духом совершенно. Открыто шли разговоры о том, что половина полка рассеялась, оставшиеся окружены, и нужно сдаваться большевикам.

– Ах, бояре! Что мы можем делать, когда вся Россия – большевик... – говорили они своим офицерам.

Офицеры возражали им, что красногвардейцы в этом случае расстреляют Корнилова. «Текинцы» отвечали, что этого никогда не допустят, но всё равно настаивали на сдаче. Понятно было, что, сдавшись, допустят и арест, и расстрел, и что угодно. Тем более, у обезоруженных вряд ли кто стал бы спрашивать.

По просьбе офицеров к полку обратился Корнилов. Генерал, не бывший никогда хорошим оратором, просто сказал, что не хочет верить в то, что они предадут его большевикам. «Текинцы» вновь зашумели, из задних рядов послышались выкрики, что дальше идти нельзя и надо всё же сдаваться. Корнилов подошёл к неровному строю вплотную и сказал:

– Я даю вам пять минут на размышление; после чего, если вы все-таки решите сдаваться, вы расстреляете сначала меня. Я предпочитаю быть расстрелянным вами, чем сдать большевикам.

Все стихли. Из рядов выехал ротмистр Натансон. Встав на седло, без папахи он прокричал:

– Текинцы! Неужели вы предадите своего генерала? Не будет этого, не будет!.. 2-й эскадрон, садись!

И тронулся вперёд. За ним, шагом – все офицеры. Вывели в голову колонны штандарт. Начал садиться на коней 2-й эскадрон, потом подтянулись и остальные. Шли неохотно, попеременно, толпой, продолжая глухо переговариваться и ворчать. Это был уже не строевой полк. Но всё же пока ещё шли...

Со всего лишь вдвое превосходящими силами Краснов несколько дней трепал нервы Военно-революционному комитету и едва не ворвался в Петроград. Но там казаки проявили поначалу и стойкость, и моральное превосходство над противником. Здесь у туркменских всадников не оставалось уже ни того, ни другого. Сопровождать Корнилова они пока ещё соглашались,

драться за него – нет. Даже и думать было нечего прорываться в этих условиях с боем. Любой залп подвернувшегося взвода, любой случайный разрыв шрапнели над головами привёл бы к немедленной массовой сдаче...

Кружили всю ночь, и на рассвете благополучно пересекли линию железной дороги северо-восточнее Унечи. Тем не менее, Корнилов решил покинуть полк. Очевидным становилось, что генералу пробраться на Дон проще будет без «текинцев». Да и остаткам полка отсутствие Корнилова развязывало руки и освобождало от какой-либо моральной ответственности.

Условились, что полк во главе с командиром продолжит движение на Погары и далее на Трубчевск. Командир полка послал телеграмму Крыленко, в которой сообщал, что, выполняя приказ бывшего Верховного главнокомандующего, ныне покойного Духонина, Текинский полк сопровождал на Дон генерала Корнилова. Что 26 ноября на походе полк был обстрелян, под Корниловым была убита лошадь, а сам он пропал без вести. Что полк расположился в Погарах и за прекращением задачи ожидает дальнейших распоряжений. Распоряжений не последовало. Отдохнув в Погарах до двух недель остатки полка в числе 14 офицеров и более сотни всадников, никем не преследуемые, двинулись на юг. После блужданий по лесам и случайной стычки под Новгород-Северским «текинцы», в конце концов, очутились в Киеве. Ввиду отказа Рады предоставить эшелоны для движения на Дон и последующего занятия Киева отрядом Муравьёва, полк был распущен. Как свидетельствует Антонов-Овсеенко, всего в районе Унечи сдалось до двухсот шестидесяти «текинцев». Они были отправлены в Брянск и позже отпущены¹⁶¹. В Ледовый поход в составе Добровольческой армии вышло из Ростова с десятков офицеров и до взвода всадников бывшего Текинского полка.

Корнилов после расставания с полком в сопровождении 11-ти офицеров и 32-х лучших всадников на свежих конях, попробовал всё же пробиться на юг в направлении на Новгород-

¹⁶¹ «Настроение рядовых «текинцев» было отнюдь не антисоветское, – писал Антонов-Овсеенко. – Они хотели лишь одного – добраться скорее домой».

Северский. Его отряд кружил несколько дней по лесам, натёкался на заслоны, был несколько раз обстрелян, и отошёл 30 ноября в Погары. Здоровье Корнилова расстроилось совершенно. Из-за холода и озноба он не мог уже сесть на коня и продолжать движение в составе группы конников походным порядком.

Считая невозможным и бесполезным подвергать дальнейшему риску преданных ему офицеров, Корнилов наотрез отказался от попутчиков и решил продолжать путь один. Сопровождаемый офицером и двумя всадниками, он, переодетый в штатское платье, в старой одежде и стоптанных валенках, с документами на имя «беженца из Румынии» Лариона Иванова, прибыл на станцию Холмичи. Простившись, сел в поезд, отправлявшийся на юг¹⁶²...

Генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов прибыл в Новочеркасск 6 декабря 1917 г.

¹⁶² В. Севский утверждает, что Корнилов на станции Ховрино сел в солдатский эшелон и никем не опознанный проследовал до Курска. Оттуда, уже в вагоне 2-го класса следующего на юг пассажирского поезда, также без проблем, добирался до Новочеркаска.

3. ПЕРВЫЕ СТЫЧКИ

3.1. Бои за Ростов

Вступив в должность Командующего войсками Ростовско-го округа, генерал-майор Потоцкий, сразу же начал действовать. Им была направлена казачья команда в типографию газеты «Наше знамя». Казаки конфисковали бумагу и шрифт, однако на следующий день Васильченко удалось всё восстановить, и газета стала выходить вновь, гневно обличая «разбойничий набег». Повторить налёт на типографию Потоцкий не решился.

Заявил о сочувствии большевикам наиболее многочисленный 252-й запасный полк¹⁶³. Последовало распоряжение Каледина – полку расформироваться. Однако солдаты не только отказались выполнить приказ, но стали передавать оружие Красной гвардии. Несмотря на запретительные приказы Потоцкого, рабочие открыто, на автомобилях увозили оружие на заранее оборудованные в различных частях города склады¹⁶⁴, у ворот которых выставлялись часовые. Противодействовать этому Потоцкий уже не мог. Как-то вечером зайдя на квартиру начальника гарнизона, он обронил в беседе: «При создавшемся положении ничего не сделаешь...»

25 ноября Ростовский Областной военно-революционный комитет предъявил Войсковому правительству ультиматум с требованием сложить властные полномочия. После этого мирные переговоры были уже невозможны, стороны изготавились к вооружённой борьбе.

Как ни странно, перевес в силах в Ростове был явно не на стороне Атаманской власти. Генерал Потоцкий располагал двумя пешими и одной конной казачьей сотней, расквартированной на Скаковом ипподроме. Ему также был подчинён вступив-

ший в город неполного состава казачий полк под командованием полковника Смагина, расположившийся в помещении приёмного лазарета рядом с вокзалом. Кроме этого в городе формировались офицерский отряд штабс-капитана Захаревича и так называемая «ударная рота» из воспитанников мореходных классов. Всего не более 150 штыков. Конечно, учитывалось, что в короткое время в город могут быть переброшены части и подразделения стоявших под ружьём кадровых донских дивизий. Это были многие тысячи вышколенных войной, отлично вооружённых, оснащённых артиллерией, умелых бойцов. Но моральное состояние казаков оставляло желать лучшего и вызывало вопрос, пойдут ли они с Калединым? И если пойдут, то в каком количестве? Самые прозорливые наверняка уже задумывались, не пойдут ли против...

Силы ВРК за месяц возросли на порядок, и были куда значительнее. Прежде всего, рассчитывали, конечно, на прибывших черноморцев. Данные о численности отряда моряков противоречивы. По разным источникам всего их было от 500 до 1000 штыков. Учитывая, что в Ростов пришли три тральщика и два истребителя¹⁶⁵, возможности транспортировки десанта у которых были ограничены, более вероятной представляется численность десантников, определяемая в 500–600 человек. Помимо этого, были организованы отряды Красной гвардии. Ядро её составляли рабочие железнодорожных мастерских Владикавказской железной дороги и чугунолитейного завода. Всего вышло и приняло участие в боях от 500 до 700 человек¹⁶⁶. Что касается солдат запасных полков, то они в массе своей, оставаясь «нейтральными», в боевых действиях участвовали лишь на на-

¹⁶⁵ По другим данным в состав флотилии входили три тральщика и две самоходных баржи литеры «К» Дунайской военной флотилией, вооружённые 120-миллиметровым и 6-дюймовым морским орудием «канэ» каждая. Возможно, говоря об истребителях, отдельные авторы имеют в виду не миноносцы, а упомянутые самоходные баржи, приведённые в Севастополь и Новороссийск с Дуная.

¹⁶⁶ Советская историография говорит о 1500 красногвардейцах на одних лишь Железнодорожных мастерских. Возможно, речь идёт о количестве записавшихся в Красную гвардию.

¹⁶³ Остальные полки 39-й запасной бригады сохранили лишь кадры.

¹⁶⁴ Один из таких складов располагался на территории Гвоздильного завода Максимова на Скобелевской (ныне Красноармейской) улице.

чальной стадии¹⁶⁷. Зато без проволочек передали ВРК винтовки и пулемёты для красногвардейцев.

Несмотря на это, первым выступил Потоцкий. Одним ударом он намеревался обезглавить противника. В ночь на 26 ноября генерал направил отряд, состоявший из казаков и юнкеров, к Ростово-Нахичеванскому Совету с приказом арестовать его исполком и членов ВРК. Юнкера ворвались в здание¹⁶⁸, застрелили нескольких красногвардейцев¹⁶⁹, разгромили помещения Совета, но никого из советских руководителей не обнаружили. Случайно, или нет, но Военно-революционный комитет и штаб Красной гвардии заседали в эту ночь не в здании Совета, а на яхте «Колхида»¹⁷⁰. Утром 26 ноября, покинув здание Совета, правительственный отряд спустился к вокзалу и занял его, присоединившись к полку Смагина.

Тем временем сам Потоцкий попытался взять под контроль ключевые пункты и центр города, однако это ему не удалось. Получив сведения о нападении на Совет, ВРК объявил, что также открывает военные действия. На улицы вышли отряды мо-

¹⁶⁷ Пехотная секция Областного военного комитета, объединявшего представителей стрелковых и казачьих частей Области, в знак протеста против разоружения запасных полков, покинула помещение комитета в Новочеркасске и переехала в Ростов. Однако когда в городе развернулись военные действия, тут же объявила о «нейтралитете». Более того, собрание президиумов полковых комитетов и командиров полков Ростовского гарнизона приняло меньшевистскую резолюцию, где постановило предложить полковым комитетам отозвать своих представителей из ВРК и потребовать от Военно-революционного комитета вступить в мирные переговоры.

¹⁶⁸ Здание бывшего театра «Марс». Ныне здание филармонии на Большой Садовой.

¹⁶⁹ Вот что позже в своём докладе Войсковому кругу говорил о первом столкновении Каледин: «Выступление с обеих сторон произошло почти одновременно. Кто сделал первый выстрел – установить трудно. Первая жертва была с нашей стороны: был убит поручик Фесенко, первым вошедший в помещение Военно-революционного комитета».

¹⁷⁰ Отдельные источники утверждают, что это произошло «по случайной случайности». Вместе с тем, переход членов ВРК на «Колхиду» накануне решительных действий, представляется вполне оправданным, если не необходимым шагом. На яхте, в отличие от здания Совета, они оказывались под надёжным прикрытием десанта и орудий тральщиков.

ряков и красногвардейцев¹⁷¹ и несколько рот 252-го запасного полка. Индивидуальная подготовка и организация красногвардейцев была ужасающей. Известны случаи, когда рабочие мастеровских, выходя на линию огня, не умели зарядить только что полученные винтовки. О таких вещах, как исполнительность, тактика боя и караульная служба, подавляющее большинство имело самое поверхностное представление. Однако красногвардейцы обладали безусловной решимостью, чего многим бойцам Потоцкого не доставало.

Встреченные огнём, казаки заявили коменданту, что Ростов для них – «город чужой» и воевать за него они не станут. После вспыхнувшей было тут и там перестрелки наступило затишье. Едва лишь выявилась неспособность Потоцкого занять город, с попыткой примирения выступила эсеро-меньшевистская городская Дума. Её представители обратились к обеим сторонам, и предложили в качестве «платформы для примирения» следующие условия:

- 1) отмена военного положения в Ростове;
- 2) возвращение оружия разоруженным ранее запасным полкам;
- 3) свободный пропуск эшелонов в распоряжение прежнего Временного правительства;
- 4) возвращение обратно в Новороссийск и Севастополь черноморской флотилии и десанта;
- 5) разоружение Красной гвардии;
- 6) взаимное освобождение арестованных и задержанных во время боёв;
- 7) снятие военного положения в Макеевском районе, а впредь, до вывода оттуда казаков – размещение равного с казачьими подразделениями количества пехотных частей.

¹⁷¹ Термины «красные» и «белые» вошли в обиход много позже. Поэтому здесь и далее по отношению к частям и подразделениям, выступившим на стороне СНК, употребляются такие определения, как «советские войска», «большевики», «красногвардейцы». Причём, зачастую, вне зависимости от того, идёт ли речь об отрядах Красной гвардии, или о снятых с фронта полках Старой армии.

Революционная демократия, проигравшая всё, что можно в Центре, доживающая последние дни, даже не пыталась извлечь из происшедшего самые элементарные уроки. Желание встать над схваткой, продемонстрировать свою значимость, выступить посредником превалировало над всем остальным. В том числе, и над здравым смыслом. «Примиренческая» суэта этих упорно не желающих меняться людей начинала раздражать обе стороны. И большевики, и Каледин, тем более, добровольцы, заняты были в принципе одним и тем же – мобилизацией сил. И те и другие использовали передышку исключительно в тактических целях, и особых иллюзий относительно самой возможности мирного сосуществования не питали.

Договориться, конечно, не удалось. Предложенные условия перемирия не могли удовлетворить ни одну из сторон. Потоцкий не имел полномочий подписывать любое соглашение, затрагивающее суверенитет Донского правительства. Большевики, убедившиеся, что победа склоняется на их сторону, уже не собирались довольствоваться малым. На разоружение красногвардейцев и уход десанта ВРК не пошёл бы в любом случае. С какой стати должен он был разоружаться перед наполовину уже деморализованным противником? Думается, самое меньшее, что могло устроить большевиков, была бы Советская власть в городе. Да и Ростов им нужен был в большей степени как база и исходный пункт для неизбежного будущего наступления на Новочеркасск.

Потоцкий рассчитывал на помощь Каледина. Военно-революционный комитет – на неустойчивость казаков и подавляющее численное превосходство.

Как только срок перемирия истёк, и военные действия возобновились, большинство казаков, по предварительной договорённости с красногвардейцами, сдали оружие и покинули Ростов. Постепенно правительственные отряды вытеснялись из городских кварталов. Милиция попряталась по домам. К вечеру Потоцкий с незначительным количеством офицеров и юнкеров и оставшимися верными ему казаками Смагина укрепился на вокзале, где занял круговую оборону.

На следующий день 27 ноября красногвардейцам удалось взять под свой контроль весь город. Здание юнкерской школы было занято без боя. Немногочисленные, изолированные друг от друга группы юнкеров «ударной роты», были рассеяны. Многих прятали от смерти проявившие сочувствие жители. После продолжительной, ожесточённой перестрелки¹⁷² к вечеру сдался на вокзале и Потоцкий. Казаков большевики, разоружив, отпустили. Сам генерал и офицеры его штаба были арестованы, и отправлены на «Колхиду»¹⁷³. В тот же день были отбиты попытки наспех собранных Калединым подразделений войти в Ростов со стороны На-

Яхта «Колхида»

хичевани. Многим показалось, что Советы в Ростове одержали полную и окончательную победу. Неизбежная эйфория привела даже к трениям по поводу дележа власти¹⁷⁴ между большевистским ВРК и Советом, в котором большинство сохраняли ещё меньшевики и эсеры. Но споры эти оказались преждевременными. Ровным счётом ничего ещё не было решено. Ни в Ростове, ни в России в целом. Всё ещё только начиналось...

26 ноября Каледин отдал приказ о занятии Ростова «для наведения порядка в городе». Однако не нашлось ни одной части,

¹⁷² Отдельные авторы утверждают, что Потоцкий выпустил до пяти снарядов по Ротонде. Расположенность здания вокзала в балке, а Городского парка в центре города, на возвышенности, ставит достоверность такого обстрела под сомнение. Поразить в этих условиях, пусть даже и навесным огнём, непристрелянную заранее цель, без корректировки огня было невозможно. Вероятно, казаки-артиллеристы взяли высокий прицел, и несколько снарядов на перелёте разорвались в городских кварталах.

¹⁷³ По другим данным генерал Потоцкий содержался на одном из тральщиков.

¹⁷⁴ Градоначальником был назначен рабочий Решетов, начальником гарнизона Блюм.

готовой безоговорочно его исполнить. Казаки замитинговали. Большинство заявило о том, что воевать с большевиками не станут. Пришлось набирать сводные отряды из различных подразделений и команд, выразивших готовность хотя бы выступить по направлению к Ростову. При соприкосновении с солдатами гарнизона, эти отряды также заявили, что в город не войдут. С большим трудом удалось уговорить казаков не расходиться и расположиться заставами у его окраин. Во время разговора Каледина с одним из полков в ответ на его призыв выступить «на защиту казачьей земли», прямо из строя один из казаков, ничуть не смущаясь, бросил в лицо Атаману:

– Да чего там его слушать. Знаем... Надоело...

И казаки в нарушение всякой субординации, молча и угрюмо разошлись.

Этот случай произвёл на Каледина особенно удручающее впечатление. Перед ним совершенно неожиданно раскрылась вдруг вся глубина пропасти, отделяющей рядовых казаков-фронтовиков от Войскового правительства.

Воевать, и выручать Потоцкого было некому и не с кем.

Вечером 26 ноября Каледин прибыл к Алексееву и обратился со следующими словами:

– Михаил Васильевич! Я пришел к вам за помощью. Будем, как братья помогать друг другу. Все недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти.

Алексеев, ни секунды не раздумывая, ответил:

– Дорогой Алексей Максимович! Все, что у меня есть, рад отдать для общего дела.

Генерал действительно был рад исполнить просьбу Атамана. Впервые с момента создания «Организации» она *понадобилась* Войсковому правительству. Займи казаки Ростов, не прибегнув к помощи добровольцев, положение последних продолжало оставаться двусмысленным и совершенно неопределённым.

Немедленно было поднято по тревоге практически всё, чем располагал Алексеев к началу Ростовских событий. Как только в городе узнали, что «алексеевцы» выступают на Ростов, десят-

ки добровольцев изъявили желание к ним присоединиться. Это были кадеты и гимназисты Новочеркаска¹⁷⁵. Офицерам было категорически запрещено брать их с собой, многие тут же отправлялись домой, но немалое число к ротам каким-то образом прибилося. Порыв этих юношей, пусть во многом и романтический, на фоне апатичного безразличия казаков завораживал.

Собрались в считанные часы. Получили зимнее обмундирование, патроны, построились и в ротных колоннах проследовали к вокзалу. Глубокой ночью сводный отряд под командованием полковника И.К. Хованского в составе Офицерской роты, Юнкерского батальона и взвода юнкеров Донского училища при 4-х пулемётах и одном броневике¹⁷⁶ погрузился в эшелон и начал выдвижение к Ростову. Во время следования начальствующий состав собрался в вагоне у Хованского для получения задачи.

План был прост. В темноте подойти как можно ближе к Нахичевани и захватить станцию, без занятия которой дальнейшее продвижение как в город, так и в обход, вдоль линии железной дороги было невозможно. Затем предполагалось пустить конную разведку вдоль железнодорожного полотна, пешую разведку с броневиком – через Нахичевань¹⁷⁷ прямо в город. Отряду же предписывалось занять оборону на станции и ждать подхода подкреплений из Новочеркаска, Сводной Михайловско-Константиновской батареи, Новочеркасских студенческих дружин и сводных казачьих отрядов. Штабс-капитану Мезерницкому было поручено обеспечить захват Нахичеванской станции.

К 5 часам утра 27 ноября эшелон остановился в полутора километрах от Нахичевани. Кадетская рота выгрузилась и в рассветных сумерках двинулась скорым шагом к станции.

¹⁷⁵ Как свидетельствовал командир 2-й кадетской роты Юнкерского батальона штабс-капитан М.В. Мезерницкий в роте на момент выступления было до 70 бойцов, а у Нахичевани выгружалось уже более 140.

¹⁷⁶ Георгиевская рота была придана одному из Калединских отрядов и выступила к Ростову вместе с Донским пластуниским батальоном и сотней Новочеркасского военного училища.

¹⁷⁷ В 1918 г. Нахичевань была самостоятельным населённым пунктом, отделённым от Ростова незастроенным участком и лесопарковой зоной. В настоящее время – один из районов города.

Впереди, в сотне метров шёл командир роты с десятком кадет. Красногвардейцы, охранявшие станцию, застигнутые врасплох, сдались без выстрела. От города подъехали ещё четверо конных. При попытке оказать сопротивление двое были застрелены, а двое схвачены юнкерами. Подошла рота. Из её состава Мезерницкий выделил немногочисленные заставы, выдвинувшиеся по направлению к Ростову. От города начали постреливать встревоженные шумом на станции красногвардейцы. Кадеты отвечали скупыми залпами. Фактор внезапности был утрачен.

На занятую станцию подошёл эшелон. Юнкера-казаки вывели коней и на рысях пошли вдоль полотна. С пешей разведкой дело затягивалось, из-за поломки подмостей всё не удавалось выгрузить с платформы броневик. Когда решили выслать дозор без броневика, из города уже выходили густые толпы красногвардейцев. Высланные заставы вынуждены были отойти к основным силам.

Юнкерский батальон занял позиции слева от железнодорожного полотна, Офицерская рота – справа¹⁷⁸. «Алексеевцы» залегли, подпустили противника и с расстояния не более чем в 100 метров открыли ружейно-пулемётный огонь в упор. Советские отряды были, конечно, полны решимости отстоять город. К тому же, обладали значительным численным превосходством. Однако, за исключением десантников-матросов и немногочисленных солдат запасных полков, с индивидуальной, тем более, тактической военной подготовкой были лишь ознакомлены. Поэтому и командование Красной гвардией в бою если и осуществлялось, то по упрощённой схеме. Из города вышли большими силами, но толпой, даже не развернувшись толком в цепь. Нарвавшись на сопротивление подготовленного противника, тут же начали отходить.

Впрочем, и попытка «алексеевцев» ворваться на плечах отступавших красногвардейцев на окраины Нахичевани так-

¹⁷⁸ На правом фланге находился и приданный Хованскому Донской пластунский батальон. Однако устойчивости батальон не проявил, при первом нажиме отошёл от занятого, было, с утра Питомника, обнажая фланг добровольцев.

же успеха не имела. Юнкера атаковали как на учении. Шли в рост, почти не ложась, с винтовками на ремне, отвечая на беспорядочные выстрелы противника правильными залпами. Батальон достиг Балабановской рощи, но, встреченный сильным пулемётным огнём, дальше продвинуться не мог. На правом фланге в Офицерской роте к началу боя было всего 120 штыков, минимальное продвижение вперёд грозило немедленным охватом.

К 9 часам утра Юнкерский батальон отошёл на исходные позиции к Нахичеванской станции. Выяснилось, что машинист, опасаясь обстрела, отогнал эшелон с имуществом и кухнями назад, к станции Кизитеринка. Кормить отряд было нечем. Промокшие, в тронутых ледяной коркой шинелях, юнкера рыли окопы. Помощь из Новочеркасска не подходила. Казачьи части стояли неподалёку, в станице Аксайской, но в бой не вступали¹⁷⁹.

Алексеевский отряд занял оборону на станции и до вечера, выдержав несколько атак красногвардейцев, удерживал её в своих руках. Потери с обеих сторон были чувствительными. В Балабановской роще почти в полном составе погиб при отходе взвод капитана Донского, состоявший из кадет Одесского и Орловского корпусов. В роте Мезерницкого из 140 кадет, бывших налицо к началу боя, к вечеру в строю оставалось не более 65 человек. Красногвардейцы, менее искусные в бою, потеряли, конечно, ещё больше людей.

К 17 часам во время затишья, подошёл, наконец, паровоз с двумя вагонами для эвакуации раненых и тел убитых. Пошли слухи о том, что наступление переносится на следующий день. Едва начало смеркаться полковник Хованский отдал приказ отходить. Офицерская рота к этому времени, расстреляв почти все патроны, оказалась глубоко обойдённой с правого фланга. Командир роты штабс-капитан Некрашевич выделил один взвод для сдерживания противника с фронта, а остальными взводами атаковал охватывающие роту цепи красногвардейцев.

¹⁷⁹ Лишь два орудия одной из донских батарей поддержали 27 ноября у Нахичевани отряд Хованского.

В результате удалось отбросить противника и отойти. Лишь выделенный взвод, отступая вдоль железной дороги, вышел к станции, занятой уже красногвардейцами. Пользуясь наступившей темнотой и стоявшими на путях грузовыми составами, до половины добровольцев взвода сумели пробиться к своим. Остальные погибли.

Досталось и юнкерам. Позже Мезерницкий писал: «Мне с моей ротой малышей приказано прикрывать отход. Я приказал офицерам выделить наиболее слабых и отправить их теперь же, а сам с остальными предполагал остаться еще часа на два. Но мальчуганы взбунтовались и ни за что не хотели уходить, пока рота остается на позиции. Ни приказания, ни уговоры не помогли. Ввиду того, что противник перестал проявлять всякую активность, а также большинство из моих слабых еле держались на ногах, я ушел раньше предполагаемого времени. Едва мы вышли в сравнительно безопасное место, как силы начали многим изменять, и, в конце концов, картина получилась такая, что мне пришлось нести на руках одного кадета 4 класса, а другой опирался мне на руку. То же было и у большинства юнкеров.

Несмотря на такую усталость ни один не бросил ружья, а многие тянули и по два, как трофеи, взятые в первом бою. Придя на ст. N¹⁸⁰, где собрался весь наш отряд и где помещался штаб других отрядов, я поинтересовался узнать, почему они так опоздали. Оказалось, что они пришли на станцию только в 9 часов утра; идти днем в эшелоне к Нахичевани боялись, а пешком далеко и пришли бы поздно, а потому решено начать наступление снова с рассветом.

Невольно взяла злость. За что же сегодня погибли эти малыши? Для чего пускали, когда не все было готово?

Вскоре юнкеров приказано было отправить обратно в Новочеркасск, ввиду того, что с уходом частей в городе замечалось какое-то волнение...

В Новочеркасск вернулись изодранные, усталые и грязные, но гордые чувством исполненного долга. Количество уби-

¹⁸⁰ Станция Кизитеринка.

тых товарищей в соборе и раненых в госпиталях доказывало серьезность боя...¹⁸¹»

Штабс-капитан ошибался. Бой 27 ноября у окраин Нахичевани сыграл едва ли не решающую роль. Он позволил Каледину выиграть время, собрать и сосредоточить для последующих действий свежие, более-менее управляемые силы. Но даже и не это главное. Время было такое, когда порыв, поступок ещё могли послужить примером и увлечь за собой. Призывы Атамана защитить Дон и Войсковое правительство казаков на выступление не вдохновили. Отпевание в Новочеркасском соборе московских и петроградских юнкеров, в бою для себя ничего не искавших, мобилизовало до трёх полков. Люди, как всегда и везде, были разные. Одни, подчиняясь приказу, *пошли бы и так*. Другие устыдились своего малодушия, увидев в Соборе исколотые штыками трупы подростков в юнкерских шинелях. Третьи не устыдились, оставались равнодушными и теперь. А кто-то и усмехнулся злорадно...

Произвело впечатление выступление отряда Хованского и на руководство ВРК. Заняв в ночь на 28 ноября Нахичеванскую станцию, красногвардейцы этим и ограничились, и наступать дальше в направлении станицы Аксайской не решились. Прапорщик Арнаутов, назначенный «командующим советскими отрядами», как стратег, оказался не на высоте своего положения. В результате, участок железной дороги между станциями Александровской и Кизитеринкой остался вне зоны их контроля, и в дальнейшем послужил плацдармом для сосредоточения казачьих отрядов. Но, главное, активность «алексеевцев» дала основание большевистскому военному руководству считать, что и в дальнейшем главный удар будет наноситься казаками от станицы Аксайской на Нахичевань и вдоль железнодорожного полотна в обход города. В результате, всё лучшее, рабочие отряды были стянуты на окраины Нахичевани. Лишь матросы оставались у набережной и в районе вокзала.

Так или иначе, но усилия Каледина начали приносить свои

¹⁸¹ Всего отряд Хованского потерял до четверти личного состава, свыше 80 человек.

плоды. Позже, докладывая Кругу о боях за Ростов он говорил: «...Приходилось составлять отряды из кусков, вырванных из различных частей... После 28 ноября произошёл перелом, но так как в нашем распоряжении находились силы небольшие, а у противника были пулемёты, то во избежание лишних потерь приходилось действовать только наверняка.

...У генерала Назарова была артиллерия, что помогло обойтись без лишних жертв. Три батареи пошли сразу, а две пришлось подтягивать с трудом. К 28 ноября подготовка была закончена¹⁸². Наши части были разбиты на три колонны. Первую колонну составлял отряд полковника Кучерова, в состав которого входили юнкера и курсисты. Вторую – отряд полковника Богаевского, третью – конный отряд генерала Краснова¹⁸³ – у него собралось около одиннадцати сотен небольшого конечно состава. Эти три колонны двинулись одновременно на Ростов с трёх сторон...»

Особо следует отметить энергичного и деятельного генерала А.М. Назарова, сыгравшего в описываемых событиях заметную роль. В ноябре Назаров¹⁸⁴ был назначен Калединым комендантом Таганрогского гарнизона. К концу ноября в Таганроге сложилась уникальная ситуация. В городе были расквартированы верные Войсковому правительству Донской пластунский батальон и 3-я Школа прапорщиков, переведённая после октябрьских событий из Киева. Тут же располагались весьма неустойчивые два запасных полка, в обилии снабжавших стрелковым оружием местную Красную гвардию.

Однако жизнь в городе шла своим чередом, военных дей-

¹⁸² Вновь следует напомнить, что «закончить подготовку» как раз и позволил «алексеевский» отряд полковника Хованского, на 4/5 состоявший из юнкеров и кадет Юнкерского батальона.

¹⁸³ Н.А. Краснов – однофамилец Петра Николаевича Краснова, бывшего командира 3-го конного корпуса.

¹⁸⁴ Анатолий Михайлович Назаров с апреля 1917 г. командовал Кавказской конной дивизией. В конце октября, получив новое назначение (начальника штаба 7-го армейского корпуса на Кавказском фронте) следовал через Новочеркасск к месту службы. После беседы с Калединым, учитывая реалии смены власти в Петрограде, согласился остаться в распоряжении Донского атамана.

ствий никто не открывал. Назаров – из-за ограниченности сил и средств. Большевики, ожидая развязки в Ростове. Пришли и проследовали дальше никем не потревоженные корабли черноморского десанта. Тут же в городе расхаживали казачьи патрули. И рабочие-красногвардейцы, не таясь, проводили учебные стрельбы в балках за городом...

В последних числах ноября через Таганрог проходили домой с фронта разрозненные казачьи подразделения. Именно из них энергичный и деятельный Назаров сколотил свой отряд и, выставив севернее Таганрога в сторону Макеевки незначительные заслоны, незамедлительно повёл его к Ростову. Сил было так мало, устойчивость казаков столь сомнительна, что генерал вынужден был лично вести разведывательные действия, для чего выдвинулся на дрезине от станции Хопры до самого Темерника.

28 ноября Юнкерский батальон и пластуны занимали оборону на станции Кизитеринка и у ст. Александровской¹⁸⁵. Офицерская рота находилась в резерве. Утром прибыла из Новочеркаска, получившая пулемёты, Михайловско-Константиновская батарея¹⁸⁶ с сотней казаков и взводом 31-й Донской казачьей батареи. Причём, ввиду отсутствия машинистов, на паровозе были сами юнкера, знакомые с техникой его управления. Батарея сразу же сменила на позиции Юнкерский батальон. Оставив в отряде один взвод, вернулась в Новочеркасск Офицерская рота. Юнкера-артиллеристы оборудовали из состава подобие блиндированного поезда, вооружённого пулемётами. Во второй половине дня советские части пытались наступать, но были отбиты. При этом для поддержки пластунов, был выдвинут из резерва Юнкерский батальон.

29 ноября красногвардейцы атаковали с ещё большей решимостью. Их поддерживали артиллерийским огнём пристреляв-

¹⁸⁵ Красногвардейцы, в свою очередь, занимали территорию заводов Акционерного общества «Аксай» на окраине города.

¹⁸⁶ Против использования юнкеров-артиллеристов в качестве пехотинцев возражал командир батареи штабс-капитан Шаколи, который считал, что «губить дорогой материал» недопустимо ни при каких обстоятельствах. Всем, однако, было понятно, что другого «материала» просто нет.

шиеся комендоры «Колхиды»¹⁸⁷ и тральщиков. Разрывы начали накрывать позиции добровольцев. Им отвечали два орудия взвода 31-й Донской батареи. Противник был в итоге отброшен к Нахичевани. А юнкерская батарея понесла первые потери. До 34 юнкеров было убито и ранено.

30 ноября в отряд прибыла 2-я запасная Донская батарея¹⁸⁸. Юнкерам удалось раздобыть в Новочеркасске и два бомбомёта. Они заняли позиции на крутом берегу в станице Александровской и, пристреляв фарватер реки, вынудили тральщики отойти к железнодорожному мосту и прекратить обстрел добровольческих позиций. Весь день вспыхивала и затихала, не прекращаясь до самого вечера, вялая перестрелка. В середине дня поездом прибыл в распоряжение отряда Каледин, заявивший, что будет лично руководить, назначенным на следующий день генеральным штурмом города.

Тем временем таганрогский отряд генерала Назарова продвинулся уже к Темернику и выходил к зданию вокзала. Более того, казачья батарея, подтянутая из Таганрога, была развёрнута на огневых позициях южнее города, что произвело на десантников самое негативное впечатление. Теперь, при неудачном исходе боя, выход в Азовское море был для них закрыт. Корабли черноморцев при прорыве неизбежно были бы расстреляны и потоплены артиллерийским огнём в упор.

Начали колебаться и члены ВРК. Весь расчёт, в конечном итоге, строился на том, что казаки в массе своей воевать за Ростов не пойдут. Появление со стороны Таганрога двух донских полков с артиллерией, сразу же вступивших в бой, путало все карты. К тому же большевики, как собственно и никто другой, понятия не имели, не подойдут ли ещё и другие казачьи сотни, и новые батареи. В этом случае сопротивление теряло всякий смысл и вело лишь к неизбежному истреблению тех сил, на которые они рассчитывали опереться в дальнейшем.

¹⁸⁷ «Колхида» была вооружена тремя 75-миллиметровыми морскими орудиями.

¹⁸⁸ Один взвод батареи обслуживался казаками, другой – юнкерами-артиллеристами.

30 ноября в Ростов на помощь советским отрядам прибыли дружина из Азова и отряд Тихорецкой Красной гвардии, но переломить ситуацию они уже не могли. В руководстве ВРК и комитета Ростово-Нахичеванского РСДРП(б) вызревало постепенно решение оставить город.

Едва лишь стала вырисовываться бесперспективность обороны, активизировались меньшевики в Совете. 1 декабря по настоянию солдат 39-й запасной бригады они созвали так называемое «демократическое совещание». Присутствовало до 50 человек, в том числе, представители полковых комитетов, партий и организаций, командиры запасных полков и начальник гарнизона. Прибыли также два ростовских большевика, Турло и Шнейтер, и представитель черноморских моряков.

Совещание проходило в приёмном зале Градоначальства и под председательством первого председателя Совета офицерских и солдатских депутатов ефрейтора Мельситова занималось обсуждением «текущего момента». «Моментом» собравшиеся были обескуражены и во всех несчастьях винули большевиков.

Первым выступал унтер-офицер от Совета офицерских и солдатских депутатов. Он в резких выражениях критиковал виновников происшедшего «междоусобия», жертвами которого стали ни в чём не повинные люди, «убитые в Нахичевани орудийными снарядами, выпускаемыми столь усердно матросами, прибывшими из Севастополя», и настаивал на прекращении боевых действий. Его поддержали и представители полковых комитетов.

– Мы избавились от смерти на фронте, – поясняли они своё требование прекратить борьбу. – А здесь нас посылают воевать.

Председатель городской Думы Васильев и товарищ Городского головы Петренко своей неприязни к большевикам не скрывали.

– Печально начали вы проявлять свою власть, – говорил Петренко, обращаясь к присутствующим на собрании большевикам, – покрывая потоками крови улицы Нахичевани и создав

междоусобие, которое увеличивает кровопролитие. Такого безобразия у нас ещё не было. Срам вам!

С ответом выступил член РСДРП(б) Турло. Заметно волнуясь, он обвинял предыдущих ораторов в двурушничестве, утверждал, что они свой «личный-шкурный вопрос ставят выше общего дела, а Петренко и Васильева надо повесить на первой берёзе».

– Руки не доросли, – подал реплику Петренко.

– Дорастут, – пообещал Турло.

Поддержал большевиков лишь матрос от флотилии, сказавший, что они прибыли для защиты пролетариата и поэтому «естественно пролить кровь буржуйам».

Приступили к голосованию. 38 человек высказались за немедленное прекращение боевых действий. Шестеро, два большевика, матрос-десантник и три представителя Тракторного дивизиона – против. Остальные воздержались.

Была принята резолюция, где собрание постановило: «...призвать товарищей солдат, казаков, матросов и рабочих не принимать участия в братоубийственной войне... Немедленно предложить Военно-революционному комитету, матросам и калединским отрядам прекратить всякие военные действия... До созыва съезда власть передаётся Войсковому правительству, пополненному в равном числе представителями Советов крестьянских и солдатских депутатов и городских дум всей области».

Тут же поспешили подтвердить «нейтралитет» запасные полки. Солдаты-пехотинцы, которые поддержали ВРК в начале выступления, в большинстве своём поспешили вернуться в казармы. Многие покинули город. Видя, к чему идёт дело, вступили в переговоры с «калединцами» и моряки. Они обменяли генерала Потоцкого¹⁸⁹ и его офицеров на 50 взятых ранее в плен матросов, погрузились на тральщики и отплыли назад, в Новороссийск. Казачья батарея десант из Ростова выпустила.

¹⁸⁹ 24 января 1918 г. генерал Потоцкий был захвачен вместе с адъютантом в окрестностях Урюпина казаками Донревкома, передан Саблину и переправлен в Петроград. Деникин полагал, что именно от Потоцкого большевики получили сведения о численности и составе Добровольческой армии.

Настоящий подвиг совершили морские офицеры – «алексеевцы». Под руководством контр-адмирала в отставке А.А. Кононова и его сына лейтенанта А.А. Кононова была организована экспедиция по захвату яхты «Колхида» и самоходных барж. Военные моряки на рыбачьих лодках спустились вниз по Дону от ст. Старочеркасской и поднялись с реки на борт. Сопrotивления оказано не было, так как команды ранее уже оставили свои суда, стоявшие на мели у железнодорожного моста через Дон.

1 декабря на станцию Александровская прибыл новый командир отряда полковник Бояринов. Вечером вверенный ему отряд в составе Сводно-Офицерской роты и юнкеров Михайловско-Константиновской батареи, атакуя от железнодорожного полотна, попытался ворваться в город, но встреченный сильным пулемётным огнём, вынужден был отойти на исходные позиции. Красногвардейцы в Нахичевани удерживали свой участок обороны до самого конца.

Утром 2 декабря казаки¹⁹⁰ и «алексеевцы» после артиллерийского обстрела советских позиций на окраинах с разных сторон вошли в Ростов. Серьёзного сопротивления оказано не было. ВРК и те из красногвардейцев, которые не пожелали остаться в городе, ушли на рассвете в Батайск, проследовав в дальнейшем через Тихорецкую на Царицын. Лишь несколько десятков рабочих, не получивших своевременного распоряжения об отходе, были сбиты после короткой схватки со станции и схвачены казаками в Нахичевани¹⁹¹.

Два сводных донских полка, одиннадцать неполных казачьих сотен, привлекая робкое внимание обывателей, прошли в конном строю по Большой Садовой. Советская власть, продержавшись шесть дней, в Ростове пала...

¹⁹⁰ Конными казачьими сотнями, наступавшими от ст. Александровской командовал М.П. Богаевский.

¹⁹¹ Согласно данным Энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» после занятия Ростова «калединцами» было казнено 62 захваченных рабочих-красногвардейца. М. Шагинян в своей повести «Перемена» утверждает, что перед казнью в Балабановской роще арестованных пытали. Автор берёт на себя смелость затрагивать столь деликатную и взрывоопасную тему, но в то же время напоминает, что к подобного рода цифрам и фактам следует относиться с большой осторожностью.

Юнкерский батальон со взводом Офицерской роты расположились в районе вокзала и через день вернулись в Новочеркасск. Сводная Михайловско-Константиновская батарея стояла до 6 декабря в центре города. Обыватели относились к юнкерам доброжелательно. Батарее был выделен даже подарок от жителей города – 10000 рублей.

Все запасные полки 39-й бригады были немедленно расформированы. В один из полков прибыл Каледин. В сопровождении одного лишь адъютанта он вошёл в казармы и приказал солдатам сдать оружие, пообещав при этом, что, выполнившие приказ, наказания не понесут. Солдаты тут же сложили оружие. Личный состав остатков разоружённой и расформированной бригады был посажен в эшелоны и отправлен в северном направлении. В обеспечении этой операции участвовал и Юнкерский батальон.

В дальнейшем о необходимости скорейшего перемещения Алексеевской организации за пределы Области Каледин уже не упоминал. Признали «Организацию» и Донские власти, однако, давалось при этом понять, что добровольческие подразделения могут быть использованы исключительно для защиты Дона. Отсюда неизбежно вытекала некоторая зависимость Алексеева от Войскового правительства.

3.2. Войсковой круг 3-го созыва. Волнения в Александровске-Грушевском. Есаул Чернецов

2 декабря 1917 г. в день занятия Ростова в Новочеркасске собрался Войсковой круг 3-го созыва. На съезде присутствовали более 600 делегатов, в том числе около 200 членов Всероссийского казачьего фронтового съезда, то есть людей, побывавших в окопах, подвергнувшихся влиянию фронтовой агитации и настроенных поначалу весьма агрессивно. Были допущены на заседания Круга также представители демократических организаций и крестьянства.

В начале работы Круга атаман Каледин отчитался о действиях, предпринятых Правительством для занятия Ростова. Доклад дался ему совсем не просто. Замечали казаки, Ростовские события смутили Каледина. В нём постоянно проскальзывало сомнение, и даже чувство вины за происшедшее. «Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, быть может, с проклятиями», – обронил он на заседании Круга. То и дело, стараясь убедить делегатов, и себя, в первую очередь, напоминал Алексей Максимович, что не хотел начинать первым.

«Вы, может быть, спросите, – говорил он, докладывая Кругу о ходе операции, – почему же мы не покончили с большевиками одним ударом? Сделать это было не трудно¹⁹². Но страшно было пролить первым братскую кровь...»

Для всех, впрочем, было очевидно, что всё это слова, что в таких делах установить, кто начал первым, удаётся редко. Да не так *теперь* это было и важно. Куда важнее были последствия. Атаман, как и большинство делегатов, прекрасно понимали, что подавление «местных» большевиков неизбежно ведёт к войне с Центральной Советской властью. То, что она не началась сразу, объяснялось единственным фактором. Советские войска *были заняты другими делами*. При иных обстоятельствах, ситуация не выглядела бы такой уж катастрофической. *Настоящих* войск у большевиков не было. Их предстояло ещё только создавать. Но беда заключалась в том, что у Атамана войск в известном смысле *не было никаких*. А было очень большое сомнение, станут казаки защищать границы, *когда начнётся*, или рассеются, разбегутся по близким хуторам от первого же облачка шрапнели над конным строем. Вернее сказать, сомнений-то к декабрю почти уже и не оставалось...

Договориться тоже было теперь невозможно. Речь могла

¹⁹² Здесь Каледин покривил душой. Сделать «это», в условиях апатии, охватившей казачьи полки, было не просто трудно, но почти невозможно. Вечером, на секретном заседании Круга он говорил совершенно иное: «Должен сказать, что в эти дни я вместе с правительством пережил чрезвычайно тяжелые минуты... Приходилось наталкиваться на неразрешимые вопросы, попадать в безвыходное положение, когда казачьи войсковые части отказывались от исполнения приказов войскового правительства...»

идти лишь о безоговорочной капитуляции. Капитуляция означала потерю прав на войсковые земли, чего, конечно, никто из делегатов не хотел.

Всё это Каледин, ничего не приукрашивая и не скрывая, и высказал членам Круга. И, как водится, поставив вопрос о доверии, сложил свои полномочия. Теперь делегаты должны были либо принять отставку Атамана, либо их подтвердить. Каледин честно предупредил, что в случае переизбрания его Войсковым атаманом, Советскую власть не признает, и если придётся, будет воевать с большевиками. Что жить по-старому уже не удастся. Что будут предприняты определённые, весьма непопулярные меры. И чтобы их осуществить, необходима будет *вся* полнота власти, сосредоточенная в одних руках.

Как свидетельствуют очевидцы, предчувствие самого худшего, смертная тоска уже коснулись Каледина. Он видел лица делегатов, в большинстве, искренне его поддерживающих. Сама атмосфера Круга, воплотившая в себе вековые казачьи традиции, настраивала делегатов на определённый лад¹⁹³. Традиции

¹⁹³ Сыграли, конечно, свою роль и вполне разумные оценки ситуации и предложения правительства, и, не в последнюю очередь, авторитет, откровенность и терпимость Каледина. Вот что пишет по этому поводу Н.М. Мельников: «Обаяние личности А.М. Каледина особенно ярко проявилось на примере фронтовиков. Почти все они приезжали с фронта предубеждёнными, настроенными против Атамана, а на Круге их настроение у подавляющего большинства менялось. Особенно это сказало именно при декабрьских перевыборах: ...фронтные казаки – члены Круга – приезжали домой распропагандированные, озлобленные, уверенные в том, что засевший на Дону Каледин – контрреволюционер, кровожадный изверг, стремящийся отнять у народа свободу. И наши фронтные казаки приезжали мрачнее тучи, решившие одним ударом покончить с гидрой контрреволюции и, в первую очередь, избавиться от Каледина. Фронтная группа на Круге была значительной силой, насчитывавшей около 200 депутатов. Группа эта бурлила и кипела, но проходили дни, казаки встречались с Атаманом, вслушивались в его, всегда краткие, речи и в ответы его на вопросы, оценивали их, всматривались в него, вникали в свободные порядки, установленные при Каледине на Дону – и разводили руками... Где же, в чём контрреволюция? Проходило ещё немного времени – и в частных заседаниях фронтной группы исчезал «генерал» Каледин, превращавшийся в «Алексея Максимовича...» Не следует, конечно, забывать, что сам Мельников, делегат от ст. Нижне-Чирской, Заместитель председателя Донского Войскового правительства, был соратником и приверженцем Каледина. В силу этого, его слова не могут восприниматься, как абсолютно беспристрастные.

предписывали доверять власти и поддерживать власть. Они и доверяли. Даже и высказать свои сомнения, которые у многих, конечно же, были, казалось большинству делегатов бестактным и неуместным. Они и не высказывали. Да и война казалась далёкой, нереальной и почти невозможной, а потому, пока ещё не страшной. Многие к тому же рассчитывали на скорое падение большевиков.

Но память настойчиво подбрасывала Атаману иные сюжеты. Он с горечью вспоминал, как казачьи сотни, отказываясь выступать, игнорировали его призывы. Как прямо из строя выкрикивали казаки свою правду прямо ему в лицо. Как целый полк, сотни конников, просто разъехались в разные стороны, не пожелав его даже выслушать. Вспоминал он и изуродованные трупы юнкеров, и обледенелые окопы у Нахичевани, и разрывы, тут и там накрывавшие беззаветную «алексеевскую» пехоту.

Всегда ощущал Каледин незримую, неразрывную связь между ним, Атаманом, и рядовым казаком. Войсковое правительство по определению гарантировало его, казачьи, права и отстаивало интересы. И казак, ощущая повседневную заботу, готов был защищать своё правительство в споре и в бою. Их чаяния, как в большой семье, тесно были переплетены и почти совпадали. Всё это ушло в небытие, исчезло вмиг, как разорванный рассветом туман. Война тяжёлым плугом прошла по тончайшим, невидимым узам, и развела их поврозь. И ничего больше рядовых казаков с Донской властью почти и не связывало. Они были друг другу ещё не враги, но уже точно и не родственники. Были скорее поделщиками в тяжёлой, тяготившей обе стороны работе...

И всё больше крепло в Каледине убеждение, там, в окопах, в насквозь промёрзшей степи, мало кто его поддержит. Те же самые казаки, вернувшись с Круга в свои части, ставшие кордонами по границам Области, поведут себя *и подумают* совершенно по-другому. И воевать, в большинстве своём, ни за Атамана, ни за Войсковое правительство, ни даже за войсковые земли с серьёзным противником не станут.

Но Каледин, генерал Русской армии, прошедший Великую

войну, был человеком ответственным. В душу никому не заглянешь, но хочется верить, он искренне полагал, что лучше других знает дорогу, по которой рассчитывал провести Дон через надвигающееся лихолетье.

И он остался.

9 декабря Круг переизбрал Алексея Максимовича подавляющим большинством голосов. За Каледина высказалось 562 делегата, за других кандидатов – 35¹⁹⁴, воздержались – 37¹⁹⁵. Также, 411 голосами, был переизбран товарищем Атамана и М.П. Богаевский.

И, странное дело, едва решение было принято, к Каледину вернулись прежняя энергия и работоспособность. И даже вера в то, что ничего ещё не потеряно до конца.

В первую очередь необходимо было по-новому выстроить Донскую власть. Войсковое правительство из 14 выборных членов (по два от каждого округа) было, вне всякого сомнения, представительным, но очевидно неработоспособным. В условиях мирного времени такое положение вещей ещё могло иметь место, с первыми залпами на Ростовских окраинах становилось нетерпимым. Круг принял решение громоздкую, малоподвижную структуру власти изменить кардинальным образом. Число членов Войскового правительства сокращалось до 7 человек, а сами они избирались теперь на пленарном заседании Круга. Намеченный в частном заседании предварительный список кандидатов в члены Правительства был Калединым одобрен. Все семеро: П.М. Агеев, С.Г. Елатонцев, А.П. Епифанов, Г.И. Карев, Н.М. Мельников, И.Ф. Поляков и Б.Н. Уланов¹⁹⁶ были избраны подавляющим большинством голосов, почти единогласно. Новый

¹⁹⁴ Четверо из них отдали свои голоса в пользу войскового старшины Голубова.

¹⁹⁵ По другим данным в работе Круга приняли участие свыше 700 делегатов, и за переизбрание Каледина Войсковым атаманом высказалось до 620 человек. В любом случае Каледину отдали свои голоса не менее 90 % членов Круга.

¹⁹⁶ На этом же заседании депутат Государственной Думы В.А. Харламов был избран членом Правления Юго-Восточного союза. Позже Агеев, Мельников, Уланов и Харламов вместе с Калединым и Богаевским были избраны во Всероссийское Учредительное собрание от Донской области. Всего по казачьему списку (№4) прошли в Учредительное собрание 9 человек.

кабинет, целиком и полностью разделявший взгляды Каледина, был куда более работоспособен. К тому же, приняв решение о том, что следующий Войсковой Круг будет созван 29 декабря, делегаты постановили всю полноту власти в области в период между заседаниями Круга предоставить вновь избранному Войсковому правительству.

Теперь можно было заняться и другими вопросами. И, прежде всего, необходимо было покончить с рецидивами внутренней гражданской войны, для чего консолидировать по возможности все слои населения Области.

Отношения с Ростовскими рабочими были испорчены безвозвратно. Каледин пробовал пойти навстречу. После взятия Ростова был запрещён только лишь ВРК. Все остальные демократические институты функционировали, как и прежде. Разрешена была даже муниципальная деятельность Совета. Но примирения не состоялось. В городе, на заводах и железнодорожных мастерских, жили и работали сотни бывших красновардейцев, принимавших участие в только что отгремевших боях¹⁹⁷. Имеющих вполне определённые, устоявшиеся симпатии и убеждения. Главное, наверняка имеющих спрятанное до поры оружие. Закрывать на это глаза было невозможно. Расстрелы в Балабановской роще, стачка в ответ, похороны 62 рабочих, вылившихся в мощную демонстрацию протеста, сближению сторон явно не способствовали¹⁹⁸...

¹⁹⁷ Большевистское подполье после разгрома восстания первые дни ничем о своём существовании не напоминало. Но уже в середине декабря был восстановлен Темерницкий райком РСДРП(б), возглавивший протестные выступления рабочих железнодорожных мастерских.

¹⁹⁸ Несмотря на либеральную политику властей протестное движение нарастало. Однажды многочисленная группа рабочих окружила на улице караул Юнкерского батальона. Раздавались выкрики «Долой войну! Долой контрреволюционеров! Долой кадет!» и призывы расправиться с юнкерами. Была вызвана дежурная часть. Однако после подхода взвода Кадетской роты толпа не рассеялась. Офицер, командир взвода, потребовал разойтись и заявил, что после третьего предупреждения взвод открывает огонь. Повторив своё требование ещё дважды, на что рабочие вновь не отреагировали, офицер дал команду «Огонь!». Взвод без задержки дал один залп на поражение. Рабочие разбежались, оставив четырёх убитых и несколько раненых. Донские власти, раздосадованные инцидентом, на следующий день приняли участие в похоронах убитых рабочих, закрыв глаза на открытые призывы к отмщению.

Что касается крестьянства, составлявшего к концу года до 48 % населения Области, то настроено оно по отношению к Атаманской власти было, если и не откровенно враждебно, то с большой долей настороженности и даже недоверия. Принятый большевиками «Декрет о земле», предполагающий отмену частной собственности на землю и её перераспределение, не остался незамеченным и разводил крестьян с казаками по разные стороны баррикад.

Чтобы привлечь на свою сторону крестьянство Дона, Круг пошёл на беспрецедентные меры. Было подтверждено принципиальное право каждого коренного жителя Области, вступать в казачье сословие с выделением для вновь вступившего соответствующего земельного надела. Но главное, предстоящему Крестьянскому съезду предлагалось сформировать Донское Областное Коалиционное Правительство¹⁹⁹, в котором представительство осуществлялось на Паритетных основаниях – 7 представителей от казаков и 7 – от неказачьего населения Области. Председателем же Объединённого правительства и 15-м его членом должен был стать Войсковой атаман. Понятно, что подобные уступки делались не от хорошей жизни, но это было реальное и серьёзное предложение. Войсковое правительство демонстрировало, что готово поделить немалой частью власти, а, следовательно, выражать интересы всего населения Дона. «...Управлять Областью, опираясь только на одну часть населения, невозможно, – говорил Каледин, – необходимо привлечь к управлению представителей всего населения». И это были не пустые слова²⁰⁰.

Таким образом, Дон из казачьего элемента борьбы с большевизмом вольно или невольно превращался постепенно в независимое, враждебное Центральной Советской власти, госу-

¹⁹⁹ Так называемое «Паритетное» или «Объединённое». По замыслу Каледина оно должно было заниматься проблемами всей Области и всего населения. В компетенции Войскового правительства при этой системе оставались казачьи дела.

²⁰⁰ На выборах в Учредительное собрание казачий список собрал до 640 тысяч голосов (45 % всех поданных), список социалистов-революционеров – около 480 тысяч, список большевиков имел 205,5 тысяч, остальные списки все вместе получили 86 тысяч голосов.

дарство. Тем не менее, Круг предпринял попытки примирения с большевиками и уточнения их позиции по отношению к Области и Войску. Постановили направить делегации:

- в 17-й стрелковый полк, ставший на севере Области, «для переговоров»;
- совместно с представителями 17-го полка(!) в Петроград «для выяснения дела» и вывода полка за пределы Области.

Приходилось разбираться и со своими. Ростовские события выявили ненадёжность *всех* казачьих полков. Но во время работы Круга 35-й, 39-й и 44-й Донские полки выносили резолюции о недоверии, как Атаману, так и Войсковому правительству. Похожей была ситуация и в пластунских пеших батальонах²⁰¹. Круг постановил принять необходимые меры для восстановления дисциплины, большевистских агитаторов подвергать аресту, «как изменников Дону».

Переизбрав Каделина Войсковым Атаманом, наделив его всей полнотой власти и наметив собраться вновь 29 декабря 1917 г.²⁰² Круг закончил свою работу. Войсковое правительство должно было использовать каждый день продолжающейся передышки для упрочения своего положения и немедленно приступить к подготовке Круга следующего созыва и Неказачьего съезда, но другие проблемы встали перед Донской властью.

Ростовские события не остались незамеченными. Наибольший отклик они получили в Александровске-Грушевском. В городе ещё с ноября шли непрерывные митинги. Рабочие, шахтёры составляли значительную часть населения, были активны и своих симпатий к Советской власти и большевикам не скрывали. Одна за другой выносились резолюции о непризнании существующей власти, упразднении администрации, национализации рудников. В пригородах крестьянские сходки требовали

²⁰¹ Позже в батальонах был произведён перед строем опрос каждого казака, «согласен ли сражаться за Дон?» И находилось немало пластунов, которые отвечали: «Нет». В одном лишь Александровско-Грушевском батальоне таких набралось больше 100 человек.

²⁰² В этот же день должен был приступить к работе Съезд неказачьего населения Области.

раздела всей казачьей земли. Органы власти и правопорядка в городе были совершенно парализованы и потеряли контроль над ситуацией. Расквартированный в городе Пластунский казачий батальон также не способствовал восстановлению правопорядка, так как был распропагандирован и сам подвергся разложению. Конные сотни и команды, как и повсюду, предпочитали не вмешиваться. Имели место случаи избиения офицеров, зажиточных горожан и подвернувшихся под руку разнообразных «непролетарских элементов».

Дело дошло уже и до непонятно кем и от чьего имени производимых «социализаций» и реквизиций. Шахтовладельцы поспешили покинуть город. Производство из-за невозможности вывоза угля за пределы Области и так упавшее до минимума, в условиях анархии сворачивалось совершенно. Что оздоровлению социального положения также не способствовало.

Меньшевики и эсеры и здесь заняли примиренческую позицию. Они протестовали против военного положения, против разоружения большевистских полков, против арестов большевистских делегатов на II Съезд советов. С поразительным упорством все усилия они тратили на разрушение тех институтов и основ, которые одни лишь обеспечивали безопасность, возможность функционирования и само существование осколков революционной демократии. Поразительное нежелание раскрыть глаза на происходящее, предложить хоть что-то для выхода из надвигающейся социальной катастрофы вело к постепенному падению их популярности в массах²⁰³.

Напротив, влияние большевиков, особенно в рабочих и угледобывающих районах Области, неуклонно возрастало. Они уже сами тяготились безвластием и засильем анархизирующих элементов и ждали лишь сигнала. Едва в Петрограде и Москве Советы добились окончательной победы, началось и здесь.

На Парамоновском руднике рабочие 1 ноября потребовали передачи всей власти на местах в руки Советов. На следующий день городской Совет рабочих депутатов заслушал доклад

²⁰³ 12 ноября на выборах в Учредительное собрание за список №5 (большевики) проголосовало до 80 % избирателей Александровска-Грушевска.

вернувшегося со II Всероссийского съезда Советов делегата от Александровска-Грушевского К.Ф. Гроднера. Были одобрены первые декреты Советской власти и принято постановление о переходе власти в городе в руки Советов. Также Исполком постановил создать рабочее управление рудниками, ввести 8-часовой рабочий день, что, ввиду массовой безработицы, лишь усугубило ситуацию.

Поскольку приказа Войскового правительства о военном положении никто не отменял, под председательством рабочего подковного завода Н.П. Калмыкова был создан Военно-революционный комитет. Начали формироваться отряды Красной гвардии, благо свободных рук хватало...

Мириться с этим Каледин не мог. Но и двинуть строевые части, ввиду их неустойчивости, собирался лишь в крайнем случае. К тому же всё внимание Войскового правительства приковал к себе Ростов. В конце ноября на Парамоновский рудник прибыл ротмистр Пухляков, назначенный начальником милиции. Вступив в должность, он сразу попытался вывести за штат ранее набранных милиционеров, и набрать новых, представляющихся надёжными. Однако рабочие выразили категорический протест по поводу введенной реорганизации милиции. Более того, разнообразные народные представители категорически заявили, что ими признается в настоящее время только лишь власть Совета народных комиссаров и только выборное начало. Подчиниться указам Войскового правительства рабочие рудника категорически отказались.

Пухляков, ничего не скрывая, доложил в Новочеркасск о происходящем. Вывод его был неутешителен. Порядок в Александровске-Грушевском мог быть восстановлен лишь военной силой. К этому склонялось постепенно и Войсковое правительство, однако предпринять что-либо было не в состоянии. Всё, что удалось собрать в конце ноября, было направлено под Ростов. Да и после занятия города «трогать» сотни, принявшие участие в боях, Каледин не хотел. Казаки могли возмутиться и задаться естественным вопросом: «Почему всё время мы, а как же другие?»

Проблема переместилась вдруг в иную плоскость. Если действительно война с большевиками была неизбежна, то отстоять Область могли лишь регулярные казачьи дивизии. Вся надежда была на то, что донские полки пусть не за Каледина и Войсковое правительство, но хотя бы за свою землю воевать всё же будут. Вместе с тем, практика показала, что использование казаков при подавлении «внутреннего врага» даже при удачном исходе ведёт к быстрому их разложению. Нельзя было привлечь для этой цели и дисциплинированных, устойчивых «алексеевцев». Не пришлому элементу в столь взрыво-

В.М. Чернецов

опасной ситуации было усмирять коренных жителей, какими бы они ни были. Нужно было заводить в хозяйстве что-то подобное, но своё. Именно поэтому Каледин разрешил некоторым офицерам²⁰⁴, в том числе, и Чернецову приступить к формированию партизанских отрядов.

Есаул Василий Михайлович Чернецов²⁰⁵ Великую войну встретил сотником 26-го Донского казачьего полка. Выделялся отвагой и бесстрашием, по праву считался лучшим офицером-разведчиком 4-й Донской дивизии, трижды был ранен в боях. В 1915 году Чернецов возглавил партизанский (диверсионный) отряд дивизии, который бесстрашными и счастливыми рейдами по тылам противника принёс широкую извест-

²⁰⁴ Несколько позже свои отряды сформировали сотник Греков, войсковой старшина Э.Ф. Семилетов, есаул Г.П. Власов, есаул Ф.Д. Назаров, есаул Р. Лазарев, поручик В.Курочкин, сотник 4-го Донского полка М.Т. Попов и др.

²⁰⁵ Чернецов родился в 1890 г. в станице Усть-Белокалитвинской в семье ветеринарного фельдшера. Образование получил в Каменском реальном училище, но затем выбрал карьеру военного и в 1909 г. закончил Новочеркасское военное училище.

ность своему командиру. За воинскую доблесть и боевое отличие Чернецов был последовательно произведен в подъесаулы и есаулы, награжден орденами Святого Станислава 3-й степени, Святого Святослава 2-й степени с мечами, Святого Владимира с мечами, Святой Анны 4-й степени, Святой Анны 3-й степени, получил Георгиевское оружие²⁰⁶.

В январе 1917 г. после ранения прибыл на Дон, где находился на излечении в ст. Каменской. В марте был назначен на должность коменданта Макеевских рудников. Там проявил себя как жёсткий администратор, позволяющий рабочим организациям экономическую деятельность, но пресекающий любую попытку организовать Красную гвардию и вооружиться. Во второй половине ноября был отозван с рудников, прибыл в Новочеркасск и, переговорив предварительно с Калединым, приступил к формированию партизанского отряда²⁰⁷.

Есаул Чернецов столкнулся с той же проблемой, что и его Атаман. Казаки ни в какие отряды записываться не собирались, уже хотя бы по той причине, что *и так числились в строю*. Да их есаул не особо и уговаривал. Нужны были добровольцы. Обратились к офицерам, которых, как и в любом городе осело к зиме немало. Но и в этом случае на довольствие встали *единицы*. И сделать ничего было невозможно, проживающие в городе офицеры даже не были зарегистрированы у коменданта²⁰⁸.

Ядро отряда составила та самая молодёжь, которая устремилась 25 ноября на Барочную, едва прослышав о выступлении «алексеевцев». Кадеты разных классов и возрастов, студенты, реалисты, гимназисты, даже семинаристы. Порыв их,

²⁰⁶ В представлении на награждение Георгиевским оружием говорилось: «...за то, что, будучи в чине сотника, в бою 24 января 1916 г. у деревни Гривнек, командуя сотней партизан, и получив приказание атаковать сильно укрепленную позицию, не взирая на губительный огонь, преодолевая с большим трудом проволочные заграждения, с криком «ура» ворвался в немецкие окопы, где, работая штыками, ручными гранатами и в рукопашную, быстро покончил с ротой противника, которая большей частью была переколота и только небольшой части удалось бежать, а 12 человек взяты в плен...»

²⁰⁷ Отряд был сформирован 30 ноября.

²⁰⁸ Позже, именно по просьбе Чернецова, все проживающие в Новочеркасске офицеры были взяты на учёт.

удивительный среди всеобщей апатии, смутил даже и современников.

Один из очевидцев тех событий о составе отряда Чернецова говорил: «...я не ошибусь, наметив в юных соратниках Чернецова три общие черты: абсолютное отсутствие политики, великая жажда подвига и очень развитое сознание, что они, еще вчера сидевшие на школьной скамье, сегодня встали на защиту своих внезапно ставших беспомощными старших братьев, отцов и учителей. И сколько слез, просьб и угроз приходилось преодолевать партизанам в своих семьях, прежде чем выйти на влекущий их путь подвига под окнами родного дома!»

Это были, конечно, вчерашние подростки²⁰⁹, учащаяся молодежь, за исключением небольшого числа кадет, незнакомая с военным ремеслом и не втянутая в отрядную жизнь. Вполне вероятно, многие погнались за романтикой, за возможностью проявить себя в большом, значимом деле. Но это ничуть не умаляет их выбора, ведь на кон они, не раздумывая, поставили свои жизни. Считается, что юношеская восторженность и непонимание опасности в среде молодых партизан и предопределяли бесшабашную лихость чернецовских операций. Но с этим вряд ли можно согласиться. Даже и с подростков после первого же боя налет восторженности слетает вмиг. Под пулями противника мальчишки быстро становятся мужчинами. А отряд за

²⁰⁹ Вот какой эпизод вспоминает один из партизан, которому в момент поступления в отряд было чуть больше 16-ти лет: «Моя группа из 24 человек была направлена в предместье Новочеркасска – Хотунок. Нас разместили в бараках, откуда накануне были высланы «домой» большевистски настроенные солдаты. Ночь выдалась очень темной, и освещения в районе барак не было. Меня с приятелем поставили часовыми – охранять сон наших воинов. Около полуночи наше внимание привлек какой-то подозрительный шум. Он то стихал, то раздавался вновь. Нам слышалось тяжелое дыхание притаившегося врага, его возня была уже совсем близко от барак. Нервы наши не выдержали, и для храбрости мы выстрелили. Из барак выскочили с винтовками наши боевые друзья, готовые немедленно занять оборону. «Что случилось?» – спрашивали нас. После нашего объяснения начались поиски «врага». И вот свет многочисленных фонариков высветил мирно пасущуюся недалеко от барак корову». Конечно, чернецовские партизаны ещё не успели расстаться с юношеским мироощущением. Но от этого их выбор не выглядит менее осознанным, а готовность к самопожертвованию менее значимой.

полтора месяца успел пройти немало. Скорее, следует говорить о личных качествах и боевом опыте командира.

Не все конечно были в состоянии безболезненно перенести переход от домашнего уюта к степным походам, промозглым разбитым теплушкам и свисту пуль над головой. Кто-то уходил, приходили новые добровольцы. Поэтому состав отряда всё время менялся, был «плавающим». Но численность его неуклонно возрастала. В первые, после формирования, дни в отряде было несколько офицеров на командных должностях и свыше двух сотен учащейся молодёжи. Именно с этими ничтожными силами Чернецов пошёл от Новочеркасска на север в свой первый поход. В ночь с 3 на 4 декабря отряд в эшелоне начал выдвижение к Александровску-Грушевскому.

Готовился к отпору и ВРК. Утром 4 декабря в поселке подковного завода штаб Красной гвардии принял решение вооружить горняков Петропавловского, Парамоновского, Азовского рудников, подковного и фенолового заводов, металлургического завода К. Попа и дать бой.

Дальнейшее не поддаётся здравому объяснению. Сотни красногвардейцев-шахтёров, людей озлобленных безработицей и решительных, сложили оружие при одном лишь приближении «чернецовцев». Разговоры о том, будто «одно лишь имя Чернецова внушало страх, и шахтеры искренне верили, что он со своей сотней может загнать весь город в Азовское море», не выдерживают никакой критики. Имя его ещё не гремело «от Козлова до Ростова». Скорее можно говорить о другом. До Александровска-Грушевского дошли слухи о Ростовских боях и разгроме Советов. И местные большевики, взвесив шансы, посчитав Чернецовский отряд лишь авангардом подходящих регулярных полков, решили не оказывать вооружённого сопротивления.

Так или иначе, но 4 декабря Чернецов без боя занял посёлок²¹⁰ и оплот Красной гвардии Парамоновский рудник. Было арестовано и отправлено в Новочеркасскую тюрьму до 60 че-

²¹⁰ Александровско-Грушевский отряд Красной гвардии получил приказ боя не принимать и отойти в Макеевку.

ловек. Все они после стачки, охватившей 9 декабря рудники, 15 декабря были освобождены Войсковым правительством. Можно говорить о Каледине, что угодно и в чём угодно его обвинять. Но факт остаётся фактом. Он действительно пытался консолидировать население Области. И действительно выстраивал на Дону демократическое государство. Просто выстраивалось оно на принципах защиты частной собственности, которая в Центральной России вскоре была отменена.

Несколько слов о дальнейшей судьбе Александровско-Грушевского. На рудники были введены казачьи сотни. Под их защитой шахтовладельцы вернулись на предприятия и начали восстанавливать работу шахт. Сразу предупредили, что с шахт будут рассчитаны те рабочие, которые были в Красной гвардии. Хотя многие шахтёры могли восстановиться на работу, подавляющее большинство по отношению к Войсковому правительству было настроено враждебно. Возобновили подпольную деятельность большевики. Для консультаций о тактике дальнейших действий в Петроград была направлена группа «ходовков» с Парамоновского рудника в составе пяти человек²¹¹ с так называемым наказом. Их доклад был рассмотрен на заседании Совета Народных Комиссаров 9 декабря и через день Ленин ответил на 5 вопросов содержащихся в наказе:

1. О секвестре рудников и заводов в Александровско-Грушевском районе.

Могут быть конфискованы рудники и заводы только после освобождения района от калединских войск и влияния.

2. Оставлять ли сейчас рудники и уезжать в центральную Россию.

Не уезжать и продолжать работать, пока возможно продержаться.

3. О посылке охраны для рудников.

Наши войска движутся по направлению калединских войск в достаточном количестве.

4. О субсидировании 3000000 рублей для ведения работ.

Вопрос будет решен по приезде тов. Артема из Харькова.

²¹¹ В их числе и Аскольд Власов, будущий командир полка Красной гвардии.

5. Считать ли действительными денежные знаки калединского правительства.

Денежные знаки считать недействительными.

В дальнейшем большевики Александровско-Грушевского ограничивались лишь организацией забастовок и актами саботажа на железной дороге. Под впечатлением Чернецовского налёта за оружие они до самого конца, до падения Дона так и не взялись.

Что касается Чернецова, то следующий удар его отряд нанёс по Макеевскому району. Тактика была та же: молниеносное появление, деморализующее красногвардейцев. Чернецова уже начали узнавать. Отряд двигался в Макеевский район по южной ветке. Вот, что рассказывает один из участников событий:

«На станции Дебальцево, по пути в Макеевку, паровоз и пять вагонов Чернецовского отряда были задержаны большевиками. Есаул Чернецов, выйдя из вагона, встретился лицом к лицу с членом военно-революционного комитета. Солдатская шинель, барашковая шапка, за спиной винтовка – штыком вниз.

– Есаул Чернецов?

– Да, а ты кто?

– Я – член военно-революционного комитета, прошу на меня не тыкать.

– Солдат?

– Да.

– Руки по швам! Смирно, когда говоришь с есаулом!

Член военно-революционного комитета вытянул руки по швам и испуганно смотрел на есаула. Два его спутника – понурые серые фигуры – потянулись назад, подальше от есаула...

– Ты задержал мой поезд?

– Я...

– Чтобы через четверть часа поезд пошел дальше!

– Слушаюсь!

Не через четверть часа, а через пять минут поезд отошел от станции».

Подобные случаи, передававшиеся потом из уст в уста, были,

конечно же, в какой-то степени легендой. Но из таких легенд и создаётся, приобретая узнаваемые очертания, образ...

В Макеевке всё повторилось. Чернецов, ввиду катастрофической малочисленности отряда, вынужден был всё время маневрировать. Заняв одну станцию, один рудник, тут же направляться к следующему. При необходимости, возвращался и начинал всё вновь и вновь. Тем не менее «борьба» обошлась без потерь как с той, так и с другой стороны, и к 12 декабря почти весь рудничный район был очищен от Красной гвардии. В дальнейшем в Макеевский район были введены регулярные казачьи части (в том числе и 58-й Донской полк) под общим командованием генерала Е.И. Балабина, которые обеспечивали правопорядок²¹² и прикрывали западные границы Области до начала военных действий.

Чернецов стал окружаться ореолом удачливого партизанского вождя, бескровно подавившего восстание в угольных районах. Отряд его получил прозвище Донской «кареты скорой помощи».

13 декабря Чернецов²¹³ вернулся в Новочеркасск и на заседании Круга сделал доклад о своей «военной прогулке» по рудникам. Приняв участие в дальнейшей работе Круга, в своих выступлениях Чернецов всегда говорил о необходимости принятия решительных мер против большевистского движения и организации надёжной военной силы для борьбы, в неизбежности которой он не сомневался. «Его голос на Круге всегда звучал искренно и призывно, временами, как казалось некоторым, даже воинственно». Судя по всему, этот человек, в отличие от многих других, относительно дальнейших событий никаких иллюзий не питал.

После возвращения из Макеевской «экспедиции» Чернецов

²¹² Командующий войсками Макеевского района генерал-майор Евгений Иванович Балабин издал приказ, суть которого сводилась к следующему: казаки не применяют по отношению к рабочим репрессий, если население «не будет делать ничего противозаконного». Это во многом и обеспечило относительно мирное сосуществование рабочего населения и казачьих команд в рудничном районе.

²¹³ Чернецов был избран депутатом Войскового круга 3-го созыва.

произвёл незначительное переформирование своего отряда²¹⁴ и 20 декабря по получении соответствующего приказа перебазировался на станцию Щетово, Северо-Донецкой железной дороги, где обеспечивал охрану границ Области со стороны Дебальцево. Этот период в боевой деятельности Чернецова до самого 27 декабря носил относительно пассивный характер.

3.3. Корнилов в Новочеркасске. Триумвират. Добровольческая армия. Экспедиции. Национальные формирования

Даже и после Ростовских событий отношение населения, а частично, и Донских властей к добровольческим формированиям оставалось весьма неоднозначным. Особенно негативно воспринимался приезд на Дон «быховских» генералов.

Когда в двадцатых числах ноября Деникин с Романовским прибыли в Новочеркасск, Алексева они там не застали²¹⁵. Деникин направился к Каледину, с которым у него ещё с фронта сложились доверительные отношения. В ходе беседы Атаман в общих чертах обрисовал обстановку, которую считал катастрофической. Атаман был один в своём кабинете, но Деникину почему-то показалось, что он один и во всём дворце. Несколько раз Каледина вызывали к телефону. Он отвечал спокойным, почти безразличным голосом. Повернулся от аппарата и сказал вдруг Деникину:

– Отдаю распоряжения и знаю, что почти ничего исполнено не будет. Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся – хорошо, нет – казачья песня спета...

Деникин спросил прямо, не создаст ли пребывание «быховцев» в Новочеркасске дополнительных проблем.

Каледин, задумавшись на секунду, ответил:

– На Дону приют вам обеспечен. Но, по правде сказать, луч-

²¹⁴ Отряд, ввиду прекращения активных действий, сократился до 120 человек. Зато в его состав была включена пулемётная команда 1-го Донского полка.

²¹⁵ Убыл в Екатеринодар на заседание правительства Юго-Восточного союза.

ше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать, где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах...

– И Корнилову?

– Да, тем более.

Вот как прокомментировал этот эпизод Деникин:

«Я уважал Каледина и нисколько не обиделся за этот совет: атаману виднее, очевидно, так нужно. Но, знакомясь ближе с жизнью Дона, я приходил к выводу, что все направление политики и даже внешние этапы жизни Донского правительства и представительных органов сильно напоминали общий характер деятельности и судьбы общерусской власти... Это было тем более странно, что во главе Дона стоял человек, несомненно, государственный, казалось сильный и, во всяком случае, мужественный».

Намёк Каледина был более чем прозрачным. Деникин с Марковым выехали на Кубань и неделю проживали в станице Славянской. Затем Деникин перебрался в Екатеринодар. Лукомский уехал во Владикавказ. Романовский, посчитавший себя не столь одиозной фигурой в глазах казаков, остался в Новочеркасске и принял участие в Алексеевской организации. Там же условились, что, как только приедет Корнилов и выяснятся ближайшие перспективы, немедленно известят, что в итоге и было сделано.

Ростовские события многое, конечно, изменили. Прежде всего, необходимость в конспирации *почти* отпала.

6 декабря в Новочеркасск прибыл Корнилов и, прежде всего, переговорил с Алексеевым. Разговор получился сложным. Становилось очевидным, что ввиду взаимного предубеждения, сработаться и ужиться генералам тоже будет не просто.

– О чём они говорили, я не знаю, – свидетельствует Деникин, – но приближённые вынесли впечатление, что «расстались они темнее тучи...»

На Дон под прикрытия Каледина стекались уже осколки революционной демократии. Савинков, Добрынский²¹⁶ всё пытались напомнить о себе, как о политических фигурах. Прибыли

²¹⁶ Состоял в окружении Корнилова во время августовского выступления.

и представители Московского центра, антибольшевистской организации, созданной ещё в октябре²¹⁷.

Тут же подвизался и Завойко. Однако сомнительная история с монополизацией им поступлений в пользу «Организации» и самоубийственные интриги, направленные на смещение Каледина и избрание Донским атаманом Корнилова, отвратили от него всех. Корнилов, ознакомившись с его деятельностью, предложил бывшему ординарцу покинуть Новочеркасск в 24 часа²¹⁸.

Положительная составляющая нахождения на Дону разного ранга политиков не существующего уже Временного правительства, очевидно, приближалась к нулю. Вред же был вполне ощутимым. Большевики получали прекрасный повод как для военного вмешательства, так и для его идеологического обоснования.

Тем не менее, люди эти ориентировались именно на Алексеевскую организацию и старались, конечно, помочь. 18 декабря состоялось первое совещание генералитета с московскими представителями. По существу, на повестке дня стоял один во-

²¹⁷ Задачу Центра его представитель М.М. Фёдоров определял следующим образом: «служить связью Добровольческой организации с Москвой и остальной общественной Россией, всемерно помогать генералу Алексееву в его благородном и национальном подвиге своим знанием, опытом, связями; предоставить себя и тех лиц, которые могли быть для этого вызваны, в распоряжение генерала Алексеева для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии в тех пределах, какие вызывались потребностями армии и всей обстановкой ее деятельности, и отвезти те первые средства, которые были тогда собраны». Дальше слов дело, конечно, не пошло. Никакой связи с Москвой, в 1917 г. во всяком случае, установить не удалось. Да вскоре стало и не до этого. Однако определённые дополнительные средства Армия получила.

²¹⁸ Кем был Завойко, что представлял собой на самом деле, не знал и сам Корнилов. В своих показаниях Верховной следственной комиссии генерал утверждал, что познакомился с Завойко в апреле 1917 года, что Завойко был когда-то «предводителем дворянства Гайсинского уезда, Подольской губернии, работал на нефтяных промыслах Нобеля в Баку и по его рассказам, занимался исследованием природных ископаемых в Туркестане и Западной Сибири». В мае он приехал в Черновицы и, зачислившись добровольцем в Дагестанский конный полк, остался при штабе армии, в качестве личного ординарца Корнилова. И это всё, что было известно о прошлом Завойко.

прос – существования, управления и единства «Организации». Всё в конечном итоге сводилось к определению роли и взаимоотношений Алексеева и Корнилова.

С одной стороны, сохранение их обоих было в интересах армии. Уход любого из генералов означал немедленный раскол. В то же время, им, испытывавшим по отношению друг к другу едва скрываемое неприятие, в узких рамках только что начинавшегося дела, ужиться было непросто.

Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным управлять иначе, как руководствуясь принципом единоначалия. Он заявил, что в противном случае оставит Дон и переедет в Сибирь. Вслед за ним, несомненно, последовало бы и подавляющее большинство офицеров и юнкеров. По человечески понятно и нежелание отойти от дела, им организованного, Алексеева.

Выступали больше общественные деятели, в первую очередь Фёдоров, напоминавшие о «государственной необходимости соглашения». Генералы нервничали, обмениваясь лишь краткими, раздражёнными репликами. Дело едва не дошло до взаимных упрёков. Всё же, после второго заседания найден был устроивший всех компромисс. Вся военная власть переходила к Корнилову. Гражданские функции оставались за Алексеевым.

Началась передача материальной части Алексеевской организации. Выяснилось отсутствие, хоть сколь-нибудь приемлемой даже и для текущих потребностей материальной обеспеченности подразделений. Корнилов, едва удержавшись от новых обвинений в адрес Алексеева, вновь заявил об отказе от командования. После новых уговоров, наконец, согласился принять, что есть.

26 декабря был объявлен «секретный» приказ о вступлении генерала Корнилова в командование Армией, которая с этого дня официально стала именоваться «Добровольческой». Отличительным знаком чинов Добровольческой армии был установлен угол национальных цветов: белого, синего, красного, носимый на левом рукаве гимнастёрки и шинели.

Оставалось разрешить вопрос о сути и организационных

формах органа, осуществляющего политическое руководство всем движением. Неоднозначные отношения, сложившиеся между Корниловым и Алексеевым и расположение «Организации» на территории Дона предопределили структуру власти как триумвират: Алексеев – Каледин – Корнилов. По выражению Деникина, «триумвират представлял из себя в скрытом виде первое общерусское *противобольшевистское* правительство». По сути, так это и было.

На конспиративном(!) совещании²¹⁹ Деникин набросал проект «конституции»:

1. Генералу Алексееву – гражданское управление, внешние сношения и финансы.
2. Генералу Корнилову – власть военная.
3. Генералу Каледину – управление Донской областью.
4. Верховная власть – триумвират. Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чьего ведения вопрос обсуждается.

Записка была одобрена и, отредактированная начальником штаба Армии Лукомским, подписана триумвирами. Это была, конечно, процедура психологического характера. К Дону уже подходили советские войска. Необходимо было в спешном порядке создать вооружённые силы, способные их остановить. С ними пришла бы и оформилась должным образом власть. Без них всё было бы раздавлено в зародыше.

Цели, преследуемые Добровольческой армией, впервые были обнародованы 27 декабря в исходившем из штаба воззвании:

«1. Создание организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся полной анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Снова, как в старину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным опол-

²¹⁹ Совещание происходило на частной квартире. Присутствовали генералы Алексеев, Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Романовский, Марков.

чением на защиту своих осквернённых святынь и своих потерянных прав.

2. Первая непосредственная цель Добровольческой армии – противостоять вооруженному нападению на Юг и Юго-восток России. Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его Круга, его правительства и Войскового атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецкобольшевистского ига, – все русские люди, собравшиеся на Юге со всех концов нашей Родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России.

3. Но рядом с этой целью – другая ставится Добровольческой армии. Армия эта должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России. Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской – ее народ выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием...»

В заключение воззвание призывало «...встать в ряды Российской рати... всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью».

Нетрудно заметить, что воззвание носило в большей степени агитационный характер. Мало что из заявленного удалось воплотить в жизнь. «Всенародное ополчение» не поднялось. Изолированные и неорганизованные островки сопротивления в большинстве своём ликвидировались большевиками с пугающей быстротой. Пойти рука об руку с казачеством тоже не получилось, ввиду нежелания последнего защищать им же самим выбранную власть. Поэтому армия, состоявшая почти из одних

только юнкеров и офицеров²²⁰, при всей их демократичности и лояльности к местным институтам, являлась всё же телом инородным в чуждой ей среде. И, будучи таковой, не могла выполнять задачи в общероссийском масштабе.

Перспективы и ожидания отодвигались на второй план. А на первый выходила надежда, что, даже и в создавшихся условиях Добровольческая армия в состоянии будет отразить напор недостаточно организованных ещё большевиков, даст возможность примкнуть к ней сочувствующим, послужит примером для колеблющихся и выиграет время для возможного пробуждения и отрезвления народного самосознания.

И надежду эту, надо отдать им должное, добровольцы сохранили в своих сердцах до конца. Вот слова Деникина:

«Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, – это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу».

По инициативе всё того же Фёдорова был создан так называемый «Совет», функции которого состояли в «организации

²²⁰ В то же время однородный состав армии, спаянность, сплочённость, высокий боевой дух, воинское умение и осознанная железная дисциплина, не в последнюю очередь, принцип комплектования на добровольной основе, превращали крошечную Добровольческую армию в грозную силу. Не следует также забывать, что большинство чинов, вышколаенных Великой войной в лихих бойцов, вступили в армию и пошли в бой, исключительно по идейным соображениям, не изыскивая никакой личной выгоды. Призывы «За Россию! За Корнилова!» не были для них пустым звуком. Не лишним будет вспомнить и тех, кто вёл армию. А это были действительно лучшие генералы, не раз громившие и немцев, и австрийцев. И, конечно же, надо отдать должное Корнилову. Недоброжелатели называли его «первым партизаном». И удивительное дело, командуя отрядом в 3–4 тысячи штыков, он оказался на своём месте и сумел проявить талант выдающегося военачальника в ещё большей степени. Отсюда и пробивная мощь, и поразительная устойчивость, и живучесть Добровольческой армии, которая, находясь, по сути, в тактическом окружении, не рассеивалась, не роптала, в конце концов, не унывала, и неизменно опрокидывала в разы превосходного противника.

хозяйственной части армии, сношениях с иностранцами и возникшими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью... в подготовке аппарата управления по мере продвижения вперед Добровольческой армии».

В состав Совета от русской общественности вошли московские делегаты Фёдоров, Белецкий, позднее Струве, князь Г. Трубецкой, П. Милюков. Любопытно, что созданный «Совет» сразу же вступил в конфликт с «Донским экономическим совещанием», образованном при Атамане из донских и прибывших экономических и политических деятелей ещё в ноябре. Лишь вхождение в Совет Парамонова и Богаевского позволило его сгладить.

Бурную деятельность развил Савинков. Одно за другим выдвигал он разного рода требования, зачастую в ультимативной форме. Поначалу Савинков рассчитывал даже стать вместе с Алексеевым во главе движения и обратиться с воззванием к стране. С приездом Корнилова несколько поумерил аппетиты и настаивал лишь на включении его в состав «Совета» его самого и группы его «политических друзей». Обосновывая целесообразность такого решения, Савинков утверждал, что, в этом случае, за «Советом» пойдут солдаты и казаки, и что у него «имеется в Ростове значительный контингент революционной демократии, которая хлынет в ряды Добровольческой армии...»

Хотя все три генерала относились к Савинкову отрицательно, требования его всё же были выполнены²²¹ и в состав «Совета» введены четыре социалиста: Савинков, бывший комиссар 8-й армии (от Временного правительства) Вендзягольский, Агеев от Войскового правительства и председатель крестьянского съезда, бывший ссыльный и эмигрант Мазуренко.

Все эти начинания мало, что дали в политическом плане и совершенно ничего не дали в плане военном. «Значительный

²²¹ Каледин и Алексеев считали, что присутствие Савинкова каким-то образом поможет обосновать нахождение Добровольческой армии на Дону. Каледин, в подобных вопросах всегда щепетильный, считал для себя невозможным указать Савинкову на дверь, так как «могли бы подумать», что он действует, исходя исключительно из личной неприязни.

контингент революционной демократии» не только не хлынул в ряды Армии, но даже и не обнаружил своего присутствия. Казаки и солдаты о существовании «Совета» вряд ли успели и узнать. Всё свелось к финансовым вопросам, к добыванию денежных субсидий, необходимых для самого существования Армии²²².

В середине января, когда военная катастрофа оставалась лишь делом времени, «Совет» распался. Члены его разъехались в разные стороны. Борис Савинков, получив от Алексеева «удостоверение», отбыл в Москву. В дальнейшем пути его с генералами-триумвирами не пересекались.

Между тем недоразумения внутри триумvirата не прекращались, прорываясь вдруг вспышками раздражения, едва не закончившиеся полным разрывом²²³. 9 января Деникина и Лукомского вызвали в канцелярию Алексеева. Задержавшись по службе, они прибыли, когда «всё уже кончилось», и узнали следующее. Некто капитан Капелько, состоявший при штабе Алексеева, ссылаясь на слова Добрынского, доложил Алексееву о предстоящем «перевороте». Корнилов, якобы, должен был сместить триумvirат и объявить себя диктатором. Капитан утверждал, что уже произведены ключевые назначения, вплоть до московского генерал-губернатора включительно.

Предубеждённый против Корнилова, не переговорив предварительно ни с кем из генералов, Алексеев созвал заседание «Совета» и пригласил на него Корнилова для объяснений. Корнилов, взбешенный подобным обвинением, выругался

²²² Москва, до захвата финансовых институтов большевиками, успела выразить «горячее сочувствие» и выделить в два приёма на нужды Добровольческой армии до 800 тыс. руб. Сбор средств шёл и на Дону, и дал куда больше: ростовская буржуазия по подписке выделила около 6.5 миллионов рублей, новочеркасская – около 2-х миллионов. Половина этих сумм должна была поступить в фонд Добровольческой армии, но фактически до оставления Ростова казначейству удалось собрать с трудом не более 2-х миллионов рублей.

²²³ Следует отметить, что «недоразумения» затрагивали лишь верхушку офицерства, входившую в окружение генералов, и на Армию никакого влияния не возымели. Армия в подавляющем большинстве отдавала должное Алексееву, но не представляла, чтобы её повёл в бой кто угодно, кроме генерала Корнилова

и удалился. На другой день московская делегация получила письма с отказом от участия в организации обоих генералов – Алексева и Корнилова. Опять пришлось уговаривать: с Алексеевым беседовал Деникин, с Корниловым – Деникин вместе с Калединым.

Корнилов согласился принять извинения Алексева, но при этом потребовал от московской делегации в частности и следующего:

1. «Письменного извещения, что «Совет» признаёт себя органом только совещательным при коллегии из трех генералов, и ни один вопрос, внесенный на рассмотрение Совета, не получает окончательного решения без утверждения означенных трех лиц.
2. Включения в состав Совета – начальника штаба армии и председателя вербовочного комитета.
3. «Признания за командующим Добровольческой армией права назначения лиц, обязательно из военных, возглавляющих военно-политические центры, указанием, что эти лица получают инструкции по военным делам только от штаба армии...»

Все требования Корнилова были, конечно же, удовлетворены²²⁴.

16 января, когда сотни Каменского ревкома только лишь очистили Лихую и Звереву, и перспектива боёв с донскими казаками приобретала вполне осязаемые очертания, новую

²²⁴ Перед самым переходом Армии в Ростов имел место эпизод обратного свойства. «Некоторые лица» явились к начальнику штаба Армии генералу Романовскому и представили список офицеров, которые якобы решили организовать убийство Корнилова. В списке фигурировали имена людей, близких к Алексеву и некоторых чинов штаба. Когда Романовский, смотревший на всё это, как на злостную выдумку, всё же собрался доложить Корнилову, тот перебил его:

– Мне это известно.

И перешел к текущим вопросам.

Упомянутые офицеры штаба требовали реабилитации или отчисления их из армии. Через 2 – 3 дня Корнилов принял их и сказал:

– Дело не в Корнилове. Я просто не допускаю мысли, чтобы в армии нашлись офицеры, которые могли бы поднять руку на своего командующего. Я вам верю и прошу продолжать службу.

авантюру затеял Добрынский. Он, вдруг обнаружив, соответствующие генеалогические корни, нашёл жёлтые лампы, объявил себя «астраханским казаком» и в сопровождении двух, оказавшихся в Ростове астраханцев прибыл к Корнилову. От имени «поволжского купечества и Астраханского, соединённого с Калмыцким, войска», ими было передано генералу «обращение», призывающее Корнилова прибыть в Астрахань «для водворения в губернии законности и порядка». При этом была якобы гарантирована материальная поддержка и лояльность населения и политических кругов. Обращение²²⁵ заканчивалось заверением в том, что

«...купечество произведет милитаризацию своих предприятий, сохранив за военными навсегда их служебное положение, дав обязательство в том, что все назначения в этом смысле будут происходить с согласия генерала Корнилова».

Всё это угнетающе действовало на Корнилова. К тому же, всевозможные «доброжелатели» пытались убедить его в том, что предприятие не достигло ещё соответствующего его имени масштаба, и, следовательно, генералу следует временно устремиться с политической арены, чтобы потом возглавить набравшее уже мощи «общенациональное» движение. Другие указывали на рецидивы «донского сепаратизма» и предлагали перебраться в Сибирь, где по их словам не было «самостийных устремлений», и социально-бытовой устой казался чуждым большевизму.

Однако, постепенное упрочение связи с армией, с личным составом, ответственность, взятая на себя Корниловым за жизнь откликнувшихся на его призыв, поверивших ему людей, заставили Корнилова отбросить все сомнения и окончательно связать свою судьбу с Добровольческой армией. Сыграло свою роль и постепенное осознание, что горсть собравшихся

²²⁵ Обращение было подписано лишь тремя прибывшими к Корнилову «представителями», самим Добрынским, Н. Киселёвым и Б. Самсоновым. К этому времени эсеро-меньшевистский «Комитет народной власти» доживал в Астрахани последние дни. Бои, завязавшиеся в центре города в ночь с 11 на 12 января, велись с переменным успехом, но постепенно инициативу взяли в свои руки большевики. 25 января в городе была установлена Советская власть.

в Новочеркасске офицеров и юнкеров, и есть *всё*, что противостоит ещё большевикам. Что, если не они, то уже и никто, и никакого «общенационального движения» нет, и не будет уже никогда...

Немало проблем создавали и Донские власти. Считая, что непримиримость большевиков связана была не в последнюю очередь с нахождением в Новочеркасске добровольцев, отдельные их представители и вели себя соответственно. Не избегая при этом и публичных выступлений с резкой критикой, как Армии, так и возглавивших её генералов. С возрастающей неприязнью всё чаще посматривали в сторону «корниловцев» и казаки.

Дело дошло до того, что ещё и в январе Корнилову приходилось жить в Новочеркасске на конспиративных квартирах и отказаться от ношения военной формы. Имя его в официальной печати не упоминалось, что привело к неожиданным негативным последствиям. Полулегальное положение и недоброжелательство властей не позволило Алексееву и Корнилову отдать прямой приказ, *обязывающий* офицеров прибыть в распоряжение Армии. Несомненно, на такой приказ откликнулось бы в разы большее число офицеров. Призывы же и воззвания оставляли за ними право выбора. И большинство выбирало вращение в гражданскую жизнь.

Так или иначе, но оставаться и вести военное строительство в подобной обстановке было невозможно. Поэтому постепенное перебазирование Армии из Новочеркасска в Ростов с соответствующим разделением, в том числе и военных сфер влияния, удивления ни у кого не вызывало.

Все подразделения Армии были объединены в «Добровольческую дивизию», начальником которой назначен генерал Деникин. Начальником штаба из четырёх-пяти офицеров – генерал Марков. В то же время Корнилов оставался «главнокомандующим» Армии, из одной этой дивизии и состоявшей, что вело к проявлению некоторых элементов двоевластия. При Верховном, как и при Алексееве, образовались свои

штабы²²⁶. Куда более многочисленные, и со своими «интересами». Всё это вносило определённую отчуждённость и трения, но дальше окружения не опускалось.

К концу декабря Дон со всех сторон был окружён советскими войсками. Контроль на станциях и в поездах ужесточился до предела. Прибытие офицеров становилось в этих условиях крайне затруднительным, если вообще возможным. Приток пополнений из Центральной России резко сократился. Прибывали, используя все ухищрения, поминутно рискуя быть схваченными, одиночки.

Тем удивительнее судьба Корниловского полка. После ареста Корнилова полк попал в опалу. 10 сентября приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего был переименован в 1-й Российский ударный полк и прикомандирован к 1-й Чехословацкой стрелковой дивизии, находящейся на Юго-Западном фронте. Приказом от 30 сентября вновь был переименован в Славянский ударный полк, с сохранением, тем не менее, всех отличий и эмблем, включая надпись «Корниловцы».

Ударный Корниловский, сохранивший кадры, сплочённость и дисциплину, использовался для «затыкания дыр» на Юго-Западном фронте. В последних числах октября был вызван комиссаром Григорьевым в Киев, с просьбой поддержать Временное правительство. Вместе с юнкерами Константиновского, Николаевского, Сергиевского Киевских военных

²²⁶ Начальником штаба Армии был назначен генерал Лукомский. Штаб состоял из двух отделов, строевого (генерал Романовский) и снабжения (генерал Эльснер). В результате изначальной нацеленности на перспективу и наличием большого числа опытных штабных работников, мало пригодных к строевой службе, штаб обнаружил раздражающее стремление к «саморазмножению». У болезненно воспринимающего подобные явления Корнилова произошёл непростой разговор с Лукомским. В результате 2(15) февраля 1918 г. в должность начальника штаба Армии вступил Романовский, а Лукомский был назначен «представителем Армии при Донском атамане». «Главная задача, которая была на меня возложена, – пишет Лукомский, – состояла в том, чтобы настаивать на более энергичном формировании новых частей и продолжении самой упорной борьбы с большевиками».

училищ полк ввязался в боестолкновение с выступившими совместно украинскими и большевистскими отрядами. Три дня в городе продолжались бои, сменившиеся переговорами и передачей власти Раде в блоке с большевиками. Военные училища отправились на Дон и Кубань, а «корниловцы» получили предложение Петлюры остаться для охраны общественного порядка в городе.

Капитан Неженцев не без труда вывел полк из Киева и телеграфировал в Ставку с просьбой, «ввиду предотвращения его окончательного истребления», отпустить полк на Дон. Согласие Войскового правительства было получено заранее. Ставка, не желая проявить откровенно антибольшевистскую позицию, отказала категорически. Лишь 18 ноября накануне её ликвидации было получено распоряжение Верховного Духонина: передвинуть полк на Кавказ «для усиления Кавказского фронта и для новых формирований...» К этому времени железная дорога была уже в значительной степени забита перемещающимися в разных направлениях большевистскими эшелонами.

Возникла идея присоединиться по частям к казачьим составам, которые пока ещё пропускались беспрепятственно на Дон и Кубань, как «нейтральные». Составили поезд, в который погрузили материальную часть и обоз, однако казаки «взять его с собой» отказались. Неженцев не растерялся и в этой ситуации. Он распустил полк, сообщив начальству, что люди «разбежались». При этом личному составу было объявлено, что расформирование фиктивно, и тот, кто изъявит желание, должен пробираться в Новочеркасск на свой страх и риск.

Эшелон же с полковым имуществом в сопровождении незначительной охраны и с поддельными документами о принадлежности к одной из Кавказских частей проследовал самостоятельно и прибыл в Новочеркасск 19 декабря²²⁷. А к 1 января

²²⁷ Корниловский полк М.О. Неженцева был воссоздан в составе трёх батальонов (командиры батальонов: 1-го – полковник Булюбаш, 2-го – полковник Мухин, 3-го – В.И. Индейкин).

1918 г. собралось до 50 офицеров и 500 солдат²²⁸, добравшихся до столицы Дона кружными путями группами и в одиночку.

Занятие Ростова, казалось, открывало перед добровольцами перспективы серьёзного доукомплектования. Однако скопившиеся в городе тысячи офицеров записываться в Армию не спешили. Советская власть, продержавшаяся в Ростове шесть дней, *действительно*, не трогала заявивших о «нейтралитете» офицеров. Возможно, потому, что просто было не до них. Разговоры об этом велись, и подавляющее большинство ростовских офицеров склонялось к тому, чтобы отсидеться и переждать. Более того, выделилась даже группа «нейтралистов», которые по собственной инициативе занялись агитацией, направленной против вступления офицеров в Добровольческую армию²²⁹.

Тем неожиданнее был массовый приток офицеров, пробиравшихся на Дон с фронтов Великой войны. Из офицеров-фронтовиков в Ростове был сформирован так называемый «Партизанский отряд имени генерала Корнилова». Фактически это был батальон четырёх ротного состава во главе с полковником В.Л. Симановским. К началу января в батальоне насчитывалось до 500 штыков(!).

Попытка создать кавалерийскую часть наталкивалась на отсутствие конского состава. Но во второй половине декабря в Ростов прибыл «Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии». Командир дивизиона полковник Ширяев и его помощник ротмистр Дударев сумели привести Корнилову до трети личного состава, 80 человек. Правда, тоже «безлошадных». Для руководства в пеших боях дивизиону было придано несколько офицеров из 2-го Офицерского ба-

²²⁸ Что обрадовало командование ещё и по причине катастрофической нехватки в Армии нижних чинов. В беседе с генералом Череповым, изучив представленные списки отряда, Корнилов высказал наиболее: «Ну да! Это всё офицеры, а где же солдаты? Солдат мне дайте! Офицер хорош на своём месте. Солдат дайте мне!»

²²⁹ Известны случаи, когда к часовым подходили «уклонисты» и задавали вопрос: «А зачем вы здесь стоите?» Причины подобного поведения понятны. Находить оправдание собственного малодушия, имея перед глазами противоположный пример, куда как труднее. И вместо того, чтобы признать всю неприглядность своих поступков, слабые духом с усердием пытались принизить решимость тех, на кого им следовало бы равняться.

тальона. В конце января в дивизионе было до 120 человек.

Вторым конным подразделением Добровольческой армии стал 1-й Кавалерийский дивизион полковника В.С. Гершельмана²³⁰, сформированный в декабре 1917 г. в Ростове (к 30 декабря

²³⁰ После провала Корниловского выступления и октябрьских событий многие офицеры, в том числе, и кавалерийские, вынуждены были покинуть свои части. Чтобы хоть как-то пристроить остающихся ещё в строю, генерал Алексеев ходатайствовал перед Главковерхом о разрешении на формирование из состава расквартированного в Гжатске Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка конного отряда особого назначения для охраны посольства и консульства в Персии. Трудно сказать, действительно ли отряд должен был проследовать в Персию, или с самого начала формировался как ядро конной части, свободной от агитаторов и комитетов, но разрешение получено было. Формировать отряд предполагалось поначалу в Новочеркасске, но Войсковое правительство возражало, и был выбран Ставрополь.

В конце ноября в Уланский полк прибыл ротмистр 4-го Гусарского Мариупольского полка Л.Д. Яновский, которому было поручено формировать отряд. С разрешения полкового комитета он обходил эскадроны и призывал улан записываться в отряд. При этом, чтобы сразу отсеять «нежелательный» элемент, Яновский не скрывал, что служба будет нести по старому уставу Русской армии и без комитетов, так как «в Персии, то есть за границей, разрешено воинскому подразделению находиться только на таких условиях». Полковой комитет, после долгих прений принял резолюцию, что не будет препятствовать желающим поступить в отряд. Всего записалось три офицера и до 40 улан, большинство из команды связи (в отряд сразу же записался её начальник штаб-ротмистр С. Потоцкий 3-й, пользующийся популярностью).

В итоге отряд, получивший наименование «Персидского конного дивизиона» проследовал в эшелоне здесь же сформированной Украинской бригады по маршруту Гжатск – Могилёв – Киев – Ростов. В Орше Украинскую бригаду разоружили, но в обстановке хаоса Главковерх Крыленко, узнав о численности отряда, лично разрешил его пропустить. В дальнейшем пять вагонов «дивизиона» присоединялись к эшелонам то поляков, то донцов. Пробыв в пути 17 суток, 16 декабря 1917 г. отряд прибыл в Ростов. Переговорив с ранее прибывшим в Добровольческую армию полковником В.С. Гершельманом (их сослуживцем по гвардейской конной бригаде), офицеры отряда решили отказаться от следования в Ставрополь, где уже была установлена советская власть, и выгрузиться в Ростове.

Уланы расположились в Таганрогских казармах. Через несколько дней из Новочеркасска прибыл поручик А. Фермор, а с ним юнкера и вольноопределяющиеся, в той или иной степени связанные со службой в кавалерии. Офицеры сообщили уланам, что в Персию отряд не поедет, разъяснили назначение и задачи Добровольческой армии и предложили остаться в её рядах. Остались трое, остальным полюбовно были выданы отпускные билеты. Из казарм Таганрогского полка отряд вскоре перевели в Проскуровский госпиталь №10, где 31 декабря был сформирован 2-й «уланский» эскадрон 1-го Кавалерийского дивизиона, в котором на офицерских должностях проходили службу кавалеристы бывшего Уланского Его Величества полка...

1917 г. в двух эскадронах дивизиона насчитывалось 48 сабель, к 10 января 1918 г. – 138).

Тем не менее, личного состава всё же не хватало катастрофически, и определённая работа в этом направлении проводилась. Причём, как армейскими службами, так и людьми сторонними.

Проживающий в Ростове генерал А.Н. Черепов организовал собрание офицеров, на которое прибыло до 300 человек. После длительного обсуждения было принято решение сформировать отряд «для несения службы по охране города и поддержанию в нём порядка». Всего записалось до 200 человек. Командиром отряда был избран Черепов, который и отправился в Новочеркасск для доклада Атаману. Каледин, выслушав, сказал в ответ:

– Я ведаю только казачьими делами, а всё армейское в руках генерала Алексеева. К нему и обратитесь.

Алексеев же своего воодушевления не скрывал:

– Неужели в Ростове возможно провести формирование? С Божьей помощью начинайте! – Черепов тут же был назначен «начальником отряда в Ростове».

Одновременно в городе было открыто Бюро записи добровольцев. Несколько офицеров, в том числе, и записавшихся в отряд самообороны, приходили в Бюро и откровенно спрашивали:

– Что даёт Добровольческая организация?

– Винтовку и пять патронов, – отвечали в Бюро и предупреждали. – А от большевиков получите пулю в затылок.

В результате за две недели Ростов и Нахичевань дали до 300 добровольцев. 200 человек, записавшиеся в первые после занятия города дни, составили Ростовскую офицерскую роту во главе с капитаном Петровым. Остальные 100 влились в Студенческий батальон, Техническую роту и переведённые из Новочеркасска 2-ю Офицерскую и 3-ю Гвардейскую роты.

Несмотря на эмоциональный подъём среди учащейся молодёжи в Студенческий батальон записалось всего 2–3 человека. К ним прибавилось ещё с десятков офицеров из бывших студентов. Ядро батальона составили три старших класса среднего

коммерческого училища. Всего 180 человек. После этого в газете «Донская волна» был напечатан призыв ко всей молодёжи Дона записываться в Добровольческую армию. На него откликнулось ещё 30 учащих.

Отдельный Студенческий батальон (командир генерал А.А. Боровский, помощник командира батальона – полковник В.Ф. Назимов) был сформирован 8 января 1918 г. в составе двух рот: полковника Зотова и капитана Сосионкова. Батальон был размещён в Лазаретном городке. Всего он насчитывал, включая хозяйственную часть, 280 человек, в том числе 25 офицеров. Постепенно батальон снабдили всем необходимым. С первых дней началось ускоренное обучение азам военного дела, и вскоре батальон уже выделял патрули для несения гарнизонной службы.

Ожидаемое развёртывание Добровольческой армии в *настоящее* полнокровное соединение предполагало формирование и специальных воинских частей: сапёрных, связи, броневых, авиационных и т.д. Однако не только, да и не столько эти соображения учитывались при создании Технической роты. Всё в те первые дни было завязано на железную дорогу. От исправности путей и паровозного парка зависело главное – мобильность. В то же время выявилось весьма неоднозначное отношение к добровольцам, как «Викжеля», так и местных железнодорожников. Забастовки, саботаж, даже диверсии становились обыденным явлением. В этих условиях располагать своими ремонтными и паровозными бригадами становилось жизненно необходимым.

Поэтому в середине января в Ростове все поступающие и ранее поступившие в Армию чины инженерных частей направлялись для комплектования Технической роты (командир полковник Н.И. Кандырин, с 21 февраля (6 марта) – полковник Н.Д. Банин). В первое время, ввиду отсутствия материальной базы, рота несла службу обычной пехотной части. Сразу же было взято под контроль Ростовское депо, в которое направлена группа специалистов во главе с прапорщиком Шмидтом и выставлен караул.

Вскоре ротные чины – железнодорожники приступили к обслуживанию и охране веток, отходящих от Ростова. Были сформированы железнодорожные бригады, способные управлять паровозами и вести воинские эшелоны, бригады специалистов для проведения ремонта паровозов и вагонов. Выделялся штат для комплектования команды блиндированного поезда и личного состава отряда броневых автомобилей. Знакомых с техникой практического управления паровозами были единицы. Тем не менее, несмотря на неопытность сформированных железнодорожных бригад, не было ни одного крушения. Случаи порчи или поломки паровозов имели место, но были сведены к минимуму.

Сапёры проводили восстановление мостов и повреждённых участков железнодорожного полотна и обеспечивали связь.

К моменту оставления Ростова в Технической роте насчитывалось до 120 человек.

В середине января штаб Добровольческой армии перебрался из Новочеркасска в Ростов и расположился в особняке промышленника Н.Е. Парамонова (так называемый, «Парамоновский дом»²³¹). Постепенно переводились и ранее сформированные части²³².

Первым во второй половине декабря был переведён и расположен в центре города Юнкерский батальон. За ним последовала 2-я Офицерская рота. В Ростове она была пополнена, главным образом, офицерами с Кавказского фронта, и развёрнута во 2-й Офицерский батальон четырёхротного состава. Его командиром был назначен проживающий в Ростове полковник Лаврентьев, который выбрал систему последовательного пополнения рот в порядке их номеров. В результате к концу декабря в 1-й роте насчитывалось до 100 человек, во 2-й – до 80, в 3-й и 4-й – по 30 в каждой. В начале января, 1-я и

²³¹ Ныне здание Библиотеки Ростовского Государственного университета на ул. Пушкинской. Любопытно, что после ухода добровольцев из Ростова, в здании разместилось ЧК.

²³² Переводились ещё и потому, что сохранялась надежда пополнить и развернуть их в более крупные подразделения за счёт притока Ростовских офицеров.

2-я рота были отправлены на фронт и больше в батальон не вернулись.

3-ю Офицерскую (Гвардейскую) роту в Ростове принял последний командир Лейб-Гвардии Преображенского полка полковник Кутепов. В конце декабря численность роты не превышала 70 штыков.

Морская рота, переместившись в Ростов, увеличила численность личного состава лишь до 70 человек. Ростовское мореходное училище отпустить своих старших слушателей отказалось. По-прежнему командовал ротой капитан 2-го ранга В.Н. Потёмкин.

Реорганизована была и остававшаяся в Новочеркасске 1-я Офицерская рота. 15 декабря она была развёрнута в 1-й Офицерский батальон, численностью до 200 штыков (командир батальона полковник Борисов). Взводы автоматически превращались в роты. Командиром 1-й роты был назначен штабс-капитан Некрашевич (с января – подполковник Н.Б. Плохинский), 2-й – штабс-капитан Добронравов (погиб 19 января), 3-й – штабс-капитан Пейкер (погиб 21 января), 4-й – поручик Кромм. Из состава батальона выделялись кадры различных команд. Вооружения не хватало. Едва половина личного состава имела винтовки с двумя-тремя обоймами.

17 декабря батальон в первый раз посетили генералы Деникин и Марков. Деникин, пожимая каждому руку, обошёл строй рот. Говорил о том, что всех их объединило и собрало на Дону. Сообщил о приезде Корнилова. Деникин и Марков произвели самое благоприятное впечатление. Хотя Маркова, бывшего к тому же в штатском, никто и не знал в лицо, офицеры батальона сразу причислили его «к главным начальникам Добровольческой организации».

А вскоре был получен приказ о назначении 40 офицеров для отправки в Таганрог. Ко второй половине декабря Донской пластунский батальон ввиду разложения из города был выведен, и в Таганроге оставались прибывшая в середине ноября из Киева 3-я Киевская школа прапорщиков (начальник школы полковник Мастыко, командир 1-й роты подполковник Дедюра, 2-й –

подполковник Макаревич; всего до 400 человек) и два запасных пехотных полка. Предполагалось в целях пополнения арсенала и предотвращения, возможных в будущем выступлений запасные полки разоружить.

Отряд под командованием штабс-капитана Папкова был снабжён минимально необходимым количеством патронов, для чего батальон, оставив до 100 обойм, остальные выделил «командируемым». Слухи о «карательной экспедиции» достигли города раньше эшелона добровольцев. Солдаты рассеялись. В пустых казармах оставались лишь командир одного из полков, да канцелярия другого. Тут же на полу валялось в беспорядке разбросанное оружие. Командир запасного полка потребовал письменного распоряжения на «передачу» оружия. В ответ ему было предоставлено заранее подготовленное требование. На этом инцидент был исчерпан.

Отряд Папкова захватил в Новочеркасске несколько пулемётов, бомбомётов, большое количество винтовок и винтовочных патронов, а также и средства связи. Обошлось без потерь. Лишь ночью, отряд, заночевавший в казармах запасных полков, был обстрелян неизвестными. Однако по прибытии в Новочеркасск всё оружие, как захваченное на Донской территории, пришлось сдать казакам. Для себя удалось приберечь лишь несколько цинков с патронами, скрытых во время передачи от казачьих комитетчиков.

В ночь на 1 января 1918 г. 1-й Офицерский батальон был переведён в казармы, расположенные на Ботанической улице Новочеркасска, где уже размещался выведенный из Таганрога Донской пластунский батальон. По договорённости с Донскими властями, не без личного вмешательства Каледина, часть оружия, захваченного в Таганроге, всё же была батальону передана. Передача, в целях избежания огласки, производилась ночью. Батальон получил 6 пулемётов «Максима» с тремя тысячами патронов на каждый, 4 пулемёта «Кольта», два ручных пулемёта «Льюиса», большое количество винтовок и патронов.

В связи с этим была сформирована пулемётная команда, а

число патронов в батальоне было доведено до 120 на человека. После этого события офицеры с нескрываемой радостью говорили, что они вооружены теперь «до зубов...»

В Таганроге, между тем, ситуация и после расформирования запасных полков, продолжала оставаться напряжённой. Проигнорировав приказ Совнаркома о роспуске военно-учебных училищ, начальник 3-й школы прапорщиков полковник Мастыко подчинился генералу Алексееву. Ему была поставлена задача, поддерживать порядок в городе и на железнодорожной ветке Таганрог – Ростов. Одна из рот стала повзводно на станциях Кошкино, Марцево, Бессергеновка и др.

В Таганроге также была начата запись добровольцев. Из многих сотен проживающих в городе офицеров записались лишь 50. Из них капитаном Щелкановым была сформирована Таганрогская рота (при двух пулемётах), выполнявшая общие со Школой прапорщиков задачи.

Уже к началу января становилось очевидным, что в ближайшее время Добровольческая армия будет втянута в бои с многократно превосходящим её численно и вооружением противником. В этих условиях артиллерию для армии требовалось добыть *любым путём* и в кратчайшие сроки.

В этих целях был предпринят ряд экспедиций, как представляется, несколько авантюрного характера. Но следует повторить, ситуация складывалась таким образом, что любая возможность пополнить запас вооружений, в первую очередь, артиллерийских, не могла быть проигнорирована.

Стало известно, что в Екатеринодаре относительно легко можно завладеть несколькими орудиями и при наличии небольшой охраны перевезти их по железной дороге на Дон. В этих целях 4 января под руководством капитана Беньковского была создана команда в составе: 7 офицеров и 14 юнкеров 1-й батареи, вооружённых винтовками и пулемётом и 33 офицеров 2-й и 3-й батарей, всего 54 человека.

Слухи об этом «предприятии» распространились ещё до начала его реализации. Уже в Ростове к вагону команды приблизилась группа рабочих, кричавших, что «кадеты едут на

Кубань, чтобы утопить мирные станицы в крови». Толпа была отогнана патрулём. На станции Кущёвка команде было заявлено, что на станции Тихорецкой они будут арестованы. Это побудило Беньковского изменить маршрут и направиться к месту назначения по Черноморской железной дороге. Однако и там отношение к добровольцам было на удивление недоброжелательным. Станцию Старо-Минскую удалось проскочить только под угрозой применения оружия. Станцию Тимашевскую проскочить не удалось. Эшелон был окружён вооружёнными кубанскими казаками. Угрозы, и увещевания ни к чему не вели. К вагону команды подошёл некто, назвавшийся командиром 2-го Таманского полка полковником Фесько и предложил при условии сдачи оружия, вывести команду со станции, после чего она смогла бы продолжить движение к Екатеринодару. Поверив «честному слову офицера», команда сдала оружие, тут же была арестована и препровождена в Новороссийск, где с рук на руки сдана властям Черноморской советской республики.

Всю команду, конечно, немедленно бы расстреляли, но по просьбе генерала Алексеева Кубанское краевое правительство заявило, что от судьбы арестованных офицеров напрямую будет зависеть, как судьба захваченных ранее на Кубани советских деятелей, так и доставка продовольствия в Новороссийск. Всё было как-то утрясено, не принято было лишь предложение об обмене. Три месяца добровольцы провели в тюрьме, где узнали о падении Дона, о неудаче Армии под Екатеринодаром и смерти Корнилова, о потоплении офицеров Варнавинского полка, выданных матросам своими же солдатами...

Дело шло всё к тому же расстрелу, но тут из Севастополя прибыла в Новороссийск ушедшая от немцев Черноморская эскадра. Её командующий адмирал Саблин заявил, что ему для защиты порта от возможного наступления высадившихся на Тамани немцев потребны офицеры. И под этим предлогом сумел добиться освобождения добровольцев из тюрьмы. Все они были расселены по квартирам и предупреждены, что если попытается бежать хоть один, отвечать будут все. Когда же часть кораблей вернулась в Севастополь, а другая часть была пото-

плена на рейде, ни защитников, ни тех, с кем они были связаны словом, у «корниловцев» уже не осталось. Приобретя у служивших в Совете доброжелателей соответствующие документы, добровольцы, разделившись, покинули Новороссийск. Одни выехали по железной дороге на Екатеринодар. Другие пешком порядком направились в сторону Тамани. Третья группа, захватив оставленный на берегу морской катер, которым мог управлять подпоручик Янчевский, вышла в море, держа курс на Керчь. Большая часть сумела выйти к своим. Судьба других неизвестна...

Неудача не обескуражила остальных. И суровые, на грани жизни и смерти, экспедиции подчас сменялись следующими эпизодами.

9 января в лазарете скончался от ран юнкер 1-й батареи Малькевич. Батарея решила похоронить сослуживца, провезя тело на лафете орудия. Но не своего, а взятого для этой цели у казаков из Донского запасного артиллерийского дивизиона с тайным умыслом, так или иначе, присвоить его после церемонии. Через знакомых донцов о выделении орудия для проведения похоронной процессии договориться удалось. После похорон возвращено оно не было. Через неделю в батарею прибыли казаки-комитетчики и потребовали вернуть орудие. Не растерявшиеся юнкера моментально организовали свой «комитет»²³³. Войдя в роль, «председатель» старший портупей-юнкер Иегулов заявил, что «комитет юнкерской батареи передаёт свой братский привет братьям станичникам», что все члены «комитета» с донцами во всём единодушны, и убедил их оставить орудие, так как оно необходимо «для проведения занятий». Казаки-комитетчики, тронутые проявленным уважением, согласились «временно» оставить орудие. Таким образом, Юнкерская батарея приобрела третье своё орудие, которое личный состав называл за глаза и в глаза «похоронной пушкой».

Новый случай представился, когда Оренбургские казаки-артиллеристы, следуя на родину через Царицын, и зная, что

²³³ Казакам и в голову не пришло, что в Добровольческой армии никаких комитетов в подразделениях быть не может в принципе.

большевики всё равно их разоружат, сдали Донским властям свои орудия. Каледин распорядился передать орудия и оснастку Добровольческой армии. 10 января командир Юнкерской батареи подполковник Миончинский с нарядом юнкеров проследовал в расположение Донского артиллерийского дивизиона для приёма указанных Атаманом орудий. Юнкера вывезли три орудия, но часть их осталась для получения амуниции и остального имущества. И тут, вдруг, выяснилось, что передача вооружения не была оговорена с дивизионным комитетом. Оставшихся в расположении юнкеров казаки арестовали. Было заявлено, что их освободят лишь по возвращении орудий. О происшедшем немедленно доложили в штаб формирования. Но даже Каледин ничего не мог сделать, и орудия пришлось вернуть.

Следующий «эпизод» случился через день-два после этой неудачи и в какой-то мере смог её компенсировать. Инициаторами его были на этот раз офицеры 1-го Офицерского батальона. Едва батальон перешёл в казармы на Ботанической улице, объектом пристального внимания личного состава стала расположенная там же казачья батарея. План был прост. Зная, что в обеденное время никого из казаков, занятых приёмом пищи, у орудий не оставалось, офицеры решили дождаться удобной минуты и выкатить орудия с территории расположения. Предупреждённые заранее юнкера-артиллеристы, с двумя конными упряжками, ожидали исхода дела у ворот казарм. Задача по нейтрализации часового была возложена на прапорщика Паль, для чего последнему была выдана бутылка водки.

Прапорщик выполнил поручение блестяще. Вначале он улёгся прямо под орудием, демонстрируя часовому искренность своих намерений. Вскоре оба уже сидели, опершись на лафет, и по очереди прикладывались к бутылке. Потом поднялись и удалились со двора, зайдя за угол казармы. Тут же офицеры выкатили на руках орудия, юнкера подхватили их на упряжи и увезли в расположение батареи. Прапорщик Паль кое-как добрёл до казармы, лёг на свою койку и тут же уснул.

Часа через полтора, когда пропажа орудий, наконец, обнаружилась, толпа казаков подошла к часовому-добровольцу с тре-

бованием допустить их к осмотру, занимаемого батальоном помещения. Получив отказ, и наблюдая подошедший на помощь караул, казаки ушли, чтобы тут же вернуться уже при оружии. Из казачьих казарм начали выкатывать пулемёты и устанавливать их во дворе. Батальон выставил из окон свои. Начнись стрельба, анекдотическая история вполне могла обернуться трагическими последствиями.

Борисов доложил о случившемся Алексею, тот немедленно обратился к Каледину. Атаман прибыл в казармы как раз вовремя, чтобы предупредить возможную перестрелку. Казаки обступили его, Каледин что-то говорил им. Наконец, казаки разошлись, укатив в казармы пулемёты. Уехал и Атаман, посчитавший инцидент исчерпанным. Однако через полчаса они «осадили» казармы батальона вновь. Вновь приехал Каледин, вновь убеждал, и вновь казаки «сняли осаду». Когда через некоторое время, всё повторилось в третий раз, всегда спокойный и сдержанный Каледин уже не скрывал своих чувств. Казаки удалились и на этот раз окончательно.

Дня через два прапорщик Паль встретил у ворот споенного им казака-часового. В ответ на его упрёки прапорщик вынес ещё одну бутылку водки, с которой они, вновь вдвоём, направились к ближайшему погребку и там примирились окончательно²³⁴. Два казачьих орудия были переданы во 2-ю Офицерскую батарею.

Кроме «поиска» орудий, предпринимались экспедиции и иного рода. 5 января 12 «охотников» от 1-го Офицерского батальона под командой штабс-капитана Потуткина были направлены в Воронежскую губернию для совершения диверсий. В Лисках разделились на две группы. Одна взорвала на станции Лиски полевую батарею и вагон со снарядами, другая – в Воронеже вагоны с артиллерийскими снарядами и тремя орудиями. Обрато возвращались поодиночке и почти все удачно. Лишь

²³⁴ Что во всём этом правда, а что добавлено позднее, как элемент фольклора, сейчас определить уже вряд ли возможно. Думается, многие из участников этой истории, павшие вскоре под Ростовом и на Кубани, вспоминали перед смертью не свист пуль и разрывы гранат, а незатейливый этот эпизод. И вспоминали с доброй улыбкой...

штабс-капитан Березовский был задержан красногвардейцами, но и он сумел бежать и через пять месяцев присоединился к батальону.

Стоит упомянуть ещё об одной крупной экспедиции. По агентурным данным в Царицыне организовалась группа офицеров во главе с полковником Корвин-Круковским. Надеялись, что достаточно оказать им моральную поддержку в виде небольшого отряда добровольцев, и неокрепшая ещё Советская власть в городе будет свергнута. Перспективы, в случае успеха дела открывались столь заманчивые, что решено было рискнуть.

Пришлось кстати и случай. Через Лихую в Царицын следовал с фронта эшелон Оренбургских казаков. Стрелковое оружие сдавать они отказались, что и натолкнуло на мысль присоединить к их эшелону вагоны с экспедицией, также вооружённой.

В экспедицию были назначены 37 офицеров 1-го Офицерского батальона и, на случай захвата орудий, 13 офицеров и юнкеров 1-й батареи. Командовал группой уже упоминаемый капитан Капелько. Группа доехала с эшеленом оренбуржцев до станции Чир. Здесь казаки решили всё же разоружиться и потребовали разоружения добровольцев. Весь расчёт на то, что в Царицыне красногвардейцы потребуют у казаков сдать оружие, те откажутся, начнётся перепалка и, выждав момент, можно будет выступить с оружием в руках, сводился на нет. Прибывший на станцию и взявший, как старший по званию, на себя командование, полковник Корвин-Круковский приказал выгружаться. Состав оренбуржцев проследовал дальше. Операция была провалена. Вскоре стало известно, что из Царицына направлен эшелон с красногвардейцами для уничтожения группы. В этих условиях полковник распустил отряд и предложил добровольцам возвращаться в Новочеркасск поодиночке. Офицеры 1-го батальона имели при себе заранее подготовленные подложные документы и, разбившись на мелкие группы, сразу тронулись в обратный путь.

Но артиллеристы таких документов не имели. В Новочеркасск за ними был отправлен юнкер Сокольский, а сами артил-

леристы перешли в ст. Нижне-Чирскую и там ожидали его возвращения. Атаман отдела полковник Мамонтов решил влить добровольцев в отряд, создаваемый им для самообороны станции. Всего в отряде, вместе с «корниловцами» насчитывалось 25 человек. По настоянию добровольцев отряд вновь выдвинулся на станцию Чир, чтобы, заняв её, предотвратить возможное выдвижение советских отрядов от Царицина в тыл Чернецову. К этому времени красногвардейцы давно уже вернулись в Царицын. Зато неожиданно прибыл с фронта эшелон донских казаков, которые объявили «о нейтралитете» и перед расформированием позволили отряду частично себя разоружить. Взято было одних только пулемётов 28 штук, а также значительное количество патронов и гранат.

Юнкер Сокольский успел привезти на ст. Чир документы, однако они уже не понадобились. Путь на запад был 23 января отрезан, Лихую прочно заняли советские отряды. Мамонтов решил уйти с железнодорожного полотна и повёл свой отряд в Новочеркасск. Пройдя за 12 дней 300 километров, отряд вернулся в столицу Дона. У самого Новочеркасска им была разоружена и пулемётная команда 5-го Пластунского батальона. 5 февраля 13 артиллеристов присоединились к своей батарее, в которой их давно уже считали погибшими²³⁵.

Группа офицеров капитана Капелько добралась до Новочеркасска несколько ранее, но батальона в городе уже не застала. Офицеры сразу же получили новое задание и в районе ст. Великокняжеской сумели собрать разведданные о расположении советских войск и состоянии зимовников²³⁶. После выполнения задания группа благополучно вернулась в Новочеркасск.

Предпринятые экспедиции не прошли даром. Они пополнили запас оружия и боеприпасов Добровольческой армии до того минимума, который позволил ей выжить в ближайшие месяцы.

²³⁵ Портупей-юнкер Гавриленко, пробиравшийся в Новочеркасск самостоятельно, доложил, что весь отряд, по-видимому, следует считать погибшим.

²³⁶ Был момент после оставления Ростова, когда Корнилов колебался в выборе дальнейшего маршрута отступления, на Екатеринодар или в сальские степи. Не исключено, разведка капитана Капелько также внесла свою лепту в принятии генералом окончательного решения.

И даже те предприятия, которые закончились неудачей, несомненно, способствовали поднятию боевого духа, так как наглядно продемонстрировали, что Армия – живой, полный инициативы и энергии организм, который не так-то легко, если вообще возможно, уничтожить.

Одновременно с военными приготовлениями и экспедициями предпринимались и дипломатические шаги, направленные на поиск союзников и упрочение положения антибольшевистских сил на Дону. После разгрома вооружённых сил Рады потенциально могли выступить единым фронтом с Добровольческой армией лишь Польский (на начало января располагался в районе Витебск – Минск – Жлобин; командир генерал Довбор-Мусницкий) и Чехословацкий (под начальством русского генерала Шокорева был расквартирован у местечек Полонное и Ромодан) корпуса.

Оба корпуса сохранили себя в порядке, «демократизация» и разложение их практически не затронули. Это были замкнутые национальные формирования, крепкие, многочисленные и дисциплинированные. Специфика ситуации заключалась в том, что корпуса давно уже финансировались Французским правительством, в силу чего любое решение принималось, исходя из рекомендаций французской дипломатии.

Алексеев и Корнилов вели длительные переговоры с командованием корпусов с целью привлечения их к борьбе с большевиками. Однако в итоге понимания не нашли. Национальное политическое руководство по вполне понятным причинам не стремилось ввязываться в гражданскую войну на чужой территории. Французы вели тонкую, как им представлялось, игру, целью которой было лишь одно: любыми средствами сохранить Русский фронт. Просчитывались, конечно, разные варианты, и постепенно число их сократилось до трёх:

1. Свержение Советов с последующим переходом власти к промежуточному, в той или иной степени военному правительству, ориентированному на Добровольческую армию.
2. Поддержка большевиков в расчёте на то, что когда их

власть укрепится, неизбежно возобновятся и масштабные военные действия с немцами.

3. Нечто среднее. Не вступая в открытую конфронтацию с большевиками, прикрыть силами корпусов развертывание Добровольческой армии и впоследствии, по мере готовности, предоставить ей самой возможность решить все проблемы.

1-й вариант, казалось бы, выглядел наиболее предпочтительным, так как в случае успеха гарантировал выполнение Россией своих союзнических обязательств. Технически свержение Советской власти также не выглядело совсем уж невозможным. Большевики располагали, в большинстве своём не имевшими боевого опыта, наспех набранными и неустойчивыми отрядами красногвардейцев. В корпусах, в большей степени, в Чехословацком, под ружьём находились десятки тысяч подготовленных, дисциплинированных, спаянных единым командованием бойцов. За спиной стояла Добровольческая армия, пусть небольшая, зато готовая идти до конца.

И всё же союзники на этот шаг не решились. Доводы – против, также были весомы и основательны. Прежде всего, Россия всё же оставалась союзным государством. Вмешательство в её внутренние дела могло обернуться чем угодно. К тому же, после всего происшедшего, способность любого правительства, кроме большевистского, мобилизовать разложившуюся армию на возобновление военных действий, вызывало большие сомнения. В любом случае, попытка восстановить фронт неизбежно натолкнулось бы на серьёзное противодействие, и также была чревата непредсказуемыми последствиями. К тому же Добровольческое движение на Юге России не воспринималась пока ещё всерьёз. Но был и главный фактор. *В случае неудачи, ни о каком восстановленном Русском фронте нечего было и думать.* И это соображение в конечном итоге перевесило все остальные вместе взятые.

3-й вариант не мог быть реализован. Он, не давая скорого результата, выливался всё в то же военное столкновение с большевиками со всеми изложенными выше последствиями.

В конце января 1918 г. генерал Алексеев писал начальнику французской миссии в Киев²³⁷: «...силы неравны, и без помощи мы вынуждены будем покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона к общему для России и союзников несчастью. Предвидя этот исход, я давно и безнадежно добивался согласия направить на Дон, если не весь чешско-словацкий корпус, то хотя бы одну дивизию. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшие формирования Добровольческой армии. Но, к сожалению, корпус бесполезно и без всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона. Сосредоточение одной сильной дивизии с артиллерией в районе Екатеринослав – Александровск – Синельниково уже оказало бы косвенную нам помощь... Весь корпус – сразу поставил бы на очередь решение широкой задачи. Зная ваше влияние на... чехов, я обращаюсь к Вам с просьбой принять изложенное мною решение. Быть может, еще не поздно. Через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу Дона и русских вообще...»

Дивизию, конечно, в распоряжение Алексеева не предоставили. И не потому, что послание не дошло до адресата. Отбросив всё, по их мнению, неприемлемое, французы остановились на сотрудничестве с Советским правительством, и совершили стратегическую ошибку. Как и многие до них, французские дипломаты не учли главного. Им приходилось иметь дело не с очередным правительственным кабинетом, а с партией *нового типа*. Для которой национальные, государственные и любые другие интересы отступали на второй план перед интересами её руководства. Союзники, не разобравшись до конца в происходивших событиях, так и не осознали очевидного:

большевики никогда не пойдут на возобновление полномасштабной войны с немцами по той простой причине, что это приведёт к немедленному отходу от них солдатских масс и неизбежному скорому отстранению от власти.

²³⁷ Курьер был арестован большевиками в Новохопрске, письмо захвачено и опубликовано в №28 газеты «Известия ЦИК» от 6(19) февраля 1918 г.

В итоге Польский корпус был разоружён большевиками и немцами. Чехословацкий был двинут для посадки на союзнические суда к Владивостоку, забив своими эшелонами всю Транссибирскую магистраль. И когда иллюзии союзников рассеялись, выступил против большевиков. Но это случилось уже в конце мая.

А в январе Добровольческая армия оставалась в одиночестве...

3.4. Паритетное правительство. Съезд неказачьего населения Области

Сейчас, по прошествии стольких лет, легко упрекать Каледина. Легко утверждать, что курс на Паритет, на втягивание в политическую жизнь Области как можно большей части её населения себя не оправдал. Можно даже попытаться представить, отчего Атаман с такой настойчивостью, несмотря ни на что, не сворачивая, вёл Дон по избранному им курсу. Не следует только забывать, что на нём лежала ответственность и за людей, и за насчитывающее многовековую историю и культуру Донское войско, и за страну в целом, патриотом которой он без сомнения оставался до конца.

И всё же, думается, создание Паритетного правительства и всё с ним связанное, в нормальных условиях шаг вполне разумный и естественный, в обстановке внешнего вооружённого вторжения лишь ускорило катастрофу.

Крестьяне никак не отреагировали и в большинстве продолжали симпатизировать большевикам²³⁸. Враждебное отношение к Войсковому правительству рабочих лишь усиливалось с каждым днём и от политических решений не зависело ни в малейшей степени.

Казачи отвернулись окончательно...

²³⁸ На Войсковом круге 3-го созыва делегаты от Черкасского округа вполне резонно замечали: «Паритет... не заставит крестьянство сражаться в рядах казаков с большевиками... наоборот, вхождение иногородних в Правительство ослабит последнее в нравственном отношении, лишит воли в борьбе».

Паритет, если и случился вообще, то только лишь в политических кругах, давно уже живущих собственной жизнью, от реалий весьма далёкой. В низах, которые он, якобы, представлял, никакого Паритета не состоялось. Да было уже и не до того...

В военном плане, который один лишь всё и определял, Паритет не дал равным счётом ничего²³⁹. В социальном – также ничего не изменил. В политическом – показал какую-то далёкую и неясную перспективу, но в то же самое время размыл властные структуры и усложнил, совершенно не ко времени систему управления.

Демократия даёт поразительные результаты лишь в условиях устоявшегося, развитого, не раздираемого внутренними противоречиями общества. В военное же время, в обстановке всеобщего ожесточения, в том числе, и социального, затея с Паритетом выглядела весьма сомнительной.

И всё же, благодаря личному авторитету Каледина, курс на создание Паритетного правительства Кругом был утверждён. От казаков, за исключением Атамана Каледина – председателя Правительства и Богаевского – члена Правительства, 12 декабря на заседании Войскового круга были выдвинуты: Н.М. Мельников, П.М. Агеев, С.Г. Елатонцев, И.Ф. Карев, Б.Н. Уланов, А.П. Епифанов, И.Ф. Поляков. Кроме того «в помощь правительству и для связи с округами, с правом совещательного голоса» от округов были избраны восемь «Войсковых есаулов»²⁴⁰.

Неказачья часть Паритетного правительства должна была быть сформирована на созываемом в конце декабря Съезде неказачьего населения Области. Сразу же началась работа по его подготовке. Социалисты различных оттенков и направлений восприняли идею Паритета весьма благожелательно. Их требования сводились в основном к «демократизации» власти и

²³⁹ «Это расширение базы и привлечение в состав правительства демагогов-интеллигентов и революционной демократии, – писал Деникин, – быть может, полнее отражая колеблющееся, неустойчивое настроение области, вызвало... паралич власти в основном и для этого времени единственно жизненном вопросе – борьбе с большевизмом».

²⁴⁰ И.И. Ушаков, есаул Г.П. Янов, В.Н. Романов, подъясаул С.В. Сиволобов, есаул Н.Н. Кушнарёв, есаул Дронов, хорунжий Игумнов, прапорщик Даманов, Г.А. Хопёрский.

выдворению с Дона Добровольческой армии. Правительство в разумных пределах пошло навстречу, результатом чего явилась всеобщая амнистия. Из среды Донской интеллигенции выделялись сторонники Паритета братья Мазуренко. Вместе с тем была развёрнута со стороны левых и критика, как Войскового правительства, так и его Атамана.

29 декабря 1917 г. в Новочеркасске начал работу Съезд неказачьего населения Дона²⁴¹. Из 150 делегатов выделялась группа в количестве до 40 человек, придерживающаяся радикальных взглядов. И в начале левые сумели направить Съезд по пути, к сотрудничеству с казачеством явно не ведущим. Достаточно упомянуть о следующем эпизоде. Группа делегатов предложила включить в состав съезда не избранного депутатом участника комиссии по выработке основных положений Паритета С. Мазуренко. Однако съезд забаллотировал его кандидатуру огромным большинством голосов, не позволив принять участие в работе даже и с совещательным голосом. И лишь постепенно, от заседания к заседанию отношение съезда к инициативе Войскового правительства начало меняться.

На повестке дня стояло два вопроса:

- об организации Объединённой власти;
- об отношении к Добровольческой армии.

Выступил с докладом Каледин. Он в частности сказал: «Дон удержался от развала лишь потому, что казачество успело организовать и выделить-создать своё правительство. Крестьянам, рабочим и иногородним необходимо договориться с казаками, понять друг друга и найти общий язык». Также Атаман напомнил, что коренным крестьянам Дона правительство передало до трёх миллионов десятин отчуждаемой за вознаграждение частнособственнической земли. Говоря о решении Войскового круга привлечь к управлению Области представителей неказачьего населения, Каледин доказывал, что «коммунистическая программа так же опасна для крестьян, как и для казаков, и потому они вместе с казаками заинтересованы в том,

²⁴¹ Запланированный одновременно созыв Войскового круга не мог быть осуществлён, так как многие станицы и округа были уже отрезаны от Новочеркаска.

чтобы не допустить красногвардейцев проникнуть на Дон и распоряжаться тут».

В том же духе высказывались выступившие вслед за ним Богаевский и Агеев. В конце своей речи Богаевский поставил вопрос ребром: «С казаками вы против большевиков или с большевиками против казаков? Двух путей быть не может, и мы ждём вашего решения...»

Убедившись, что казачество действительно готово поделиться частью власти и готово даже обсуждать перераспределение земельного фонда, изменили свою позицию умеренные, которых на съезде было большинство. 30 декабря, несмотря на противодействие левых, съезд вынес следующие резолюции:

- 1) О борьбе с большевиками до победного конца.
- 2) О непризнании Советской власти.
- 3) О поддержке Донского атамана и Войскового правительства с участием в последнем представителей от неказачьей части населения Донской области.
- 4) О созыве Краевого Учредительного собрания.

В связи с их принятием на вечернем заседании выступил Атаман Каледин. Он доложил о положении в Области и вновь подчеркнул необходимость создания единого антибольшевистского фронта и примирения казаков с рабочими, крестьянами и иногородними.

Но даже и после его речи съезд, только что высказавшийся за борьбу с большевиками, вслед за этим принял резолюцию «О разоружении и роспуске Добровольческой армии, борющейся против наступающего войска революционной демократии». Вновь создаваемому Объединённому правительству пришлось немало потрудиться, чтобы пересмотреть это решение.

Были обнародованы также указы будущему Объединённому правительству с требованиями освободить арестованных по политическим мотивам, выработать закон о земле, пересмотреть рабочее законодательство и т.д.

Также следует отметить попытку остановить советское вторжение дипломатическим путём. Было заявлено наме-

рение послать в Совнарком делегацию для начала переговоров о предотвращении «братоубийственной войны». Реакция Антонова-Овсенко последовала мгновенно. 14 января его штабом была отправлена Ленину телеграмма следующего содержания:

«По поручению тов. Антонова. Убедительно прошу не давать каких-либо определённых ответов без сношения с нами делегации от неказачьего съезда из Новочеркасска. Если войдёте в соглашение с ними – свяжете нам руки. Компания из состава неказачьего съезда, образовавшая «самостоятельную власть» на Дону, вместе с Калединым и Агеевым, по нашему мнению, не лучше прежнего войскового круга. Мы сможем разгромить не только Каледина, но и этих господ. Голова Каледина, которой они хотят отделаться от пролетарской революции, и без их помощи не останется на плечах у владельца...»

После принятия съездом предложенной Войсковым кругом структуры Паритетного правительства начались выборы представителей от неказачьей части населения. Заметно, что при всём при том озаботились представить различные социальные группы и различные слои населения.

Выбраны были: педагог В.Н. Светозаров, профессор Кожанов, приват-доцент Боссе, доктор Шошников, преподаватель Регул, присяжный поверенный Мирандов, Колесников, Мартыненко, матрос В.В. Васильченко.

Определены были также и восемь «эмиссаров», чьи функции сходны были с полномочиями Войсковых есаулов, и в их числе, врач В.В. Брыкин, ставший впоследствии сторонником Каледина, бывший член ДИК Кирпичов и освобождённый по амнистии с Новочеркасской гауптвахты В.С. Ковалёв.

Даже и поклонники Каледина не могли не признать, что сама идея Паритета, принятая для осуществления в подобной форме и в сложившейся ситуации, оказалась во многом порочной. Несмотря на принятое решение о непризнании Советской власти, некоторые эмиссары (Ковалёв²⁴², Воронин) и даже чле-

²⁴² Было бы удивительно, если человек с такой биографией, как Ковалёв, порвал с партией большевиков и стал симпатизировать Каледину.

ны правительства (Кожанов, Боссе) позволяли себе занимать в своих выступлениях прямо противоположную позицию. Дело доходило до того, что Каледину иногда приходилось задумываться о том, что можно и чего ни в коем случае нельзя говорить на правительственных заседаниях.

Среди неказачьей части Объединённого правительства нашлись адекватные люди, такие как Светозаров, Мирандов, Шошников, которые, понимая, что все они оказались в одной лодке, старались хотя бы не навредить. Тем не менее, с первых же дней работы с января 1918 г. обнаружился раскол.

Заседания проводились в зале Областного правления и напоминали скорее политические диспуты, нежели работу по выработке и принятию насущных решений объединённого единой целью кабинета. Перефразируя известную фразу, социалисты ничего не забыли и ничему не научились. И в первую очередь, не пожелали извлечь урока из Ростовских событий. Их гипертрофированная тяга к примиренчеству, склонность к демагогии²⁴³ и митинговому пафосу весьма затрудняли, если не сводили на нет решение любого вопроса. В результате казачьей части правительства приходилось до заседаний проводить закрытые совещания, на которых вырабатывать единую линию поведения. Тем же стала отвечать и неказачья часть, что раскол внутри Паритета лишь усиливало.

По существу, единственное, что удалось сделать, это пересмотреть резолюцию Неказачьего съезда по отношению к Добровольческой армии. 18 января на одно из заседаний²⁴⁴ был

²⁴³ Г.П. Янов пишет: «Надвигалась катастрофа... А рядом с этим Донское правительство, с «Паритетным» грузом на ногах, выбивалось из сил в долгие часы своих заседаний, среди горячих прений почти по каждому вопросу, вырабатывало декларации и воззвания, сходилось и расходилось, чтобы снова сойтись и разойтись, так как какая-либо фраза казалась неказачьим представителям нарушением «демократических» принципов».

²⁴⁴ Заседание проводилось в кабинете М.П. Богаевского. Он же и предварял его, напомнив во вступительном слове о заслугах добровольцев при взятии Ростова. Из состава неказачьей части правительства отсутствовали Кожанов и Боссе. Они, не скрывавшие своего негативного отношения к добровольцам, не были приглашены в целях предотвращения какого-либо инцидента.

приглашён генерал Алексеев. Ему был предложен ряд вопросов, в основном задаваемых Председателем Областной управы В.В. Брыкиным. Алексеев отвечал с достоинством.

– Если у Вас, генерал, существует, как Вы говорите, контакт с демократическими партиями, то почему члены Вашей армии нисколько не стесняются выразить своё презрение демократическим организациям?..

– Прежде чем судить добровольцев, нужно вспомнить, что они пережили и переживают. ...90 % их буквально выбралось из когтей смерти и, по приезде на Дон, не оправившись ещё от пережитого, вынуждены были вступить в бой с советскими войсками... Добровольческая армия не преследует никаких политических целей; члены её при своём вступлении дают подписку не принимать никакого участия в политике, и заниматься какой бы то ни было политической пропагандой.

– А скажите, генерал, откуда Вы получаете средства для существования?

– Средства, главным образом, национального характера, и добываются путём добровольных жертвований частных лиц...

– Скажите, пожалуйста, генерал, даёте ли Вы какие-нибудь обязательства, получая эти средства?

– При обыкновенных условиях я счёл бы подобный вопрос за оскорбление, но сейчас, так и быть, я на этот вопрос Вам отвечу. Добровольческая армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели спасения Родины. Добровольческую армию купить нельзя.

– Существует ли какой-нибудь контроль над Армией?

– Честь, совесть, сознание принятого на себя долга и величие идеи, преследуемой Добровольческой армией и её вождями, служат наилучшими показателями для контроля, с чьей бы то ни было стороны. Никакого контроля армия не боится.

– Не сможете ли Вы нам осветить вопрос: почему союзники поддерживают Добровольческую армию?

– Потому, что мы, борясь с большевиками, вместе с тем продолжаем войну и с немцами...

– Каковы Ваши надежды на будущее и на что Вы рассчитываете при осуществлении его?

– Я твёрдо верю в полное в полное очищение России от большевизма и в этом нам окажет поддержку вся толща Российской интеллигенции и кроме того, крестьянство, которое уже устало от большевиков...

– Если Вы не враги демократии, то, как бы Вы отнеслись к тем формированиям, которые предположила произвести Ростовская Дума из демократических элементов?

– Ничего не имею против принятия их в Добровольческую армию, конечно, если они откажутся от всего того, что сделало из русской армии человеческую нечисть...

– Кто стоит во главе командования Добровольческой армии?

– Генералы Корнилов и Деникин. Называю их потому, что шила в мешке не утаишь.

Это был последний вопрос и последний ответ генерала. Наступило молчание, и вдруг поднялся со своего места эмиссар от Ростова Хотинский и срывающимся от волнения голосом сказал:

– Ваше Превосходительство. Теперь только, после Ваших разъяснений, мы видим, что под Вашим руководством можно всем, куда угодно идти...

Удовлетворены были ответами генерала и остальные представители казацкой части Правительства. С этого момента добровольцев оставили в покое, сохранив за Донскими властями лишь весьма иллюзорную функцию «общего политического контроля». В правительственной декларации по этому поводу было записано следующее: «Существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону и в целях борьбы за Учредительное собрание, Армия должна находиться под контролем Объединённого правительства, и в случае установления в этой армии наличности элементов контрреволюционных, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы Области».

В остальном же Правительство не преуспело. Крестьяне и

иногородние не поспешили создать вооружённые отряды и выступить на защиту Дона. Рабочие ответили Таганрогским восстанием, сломавшим Ростовский фронт. Казаки вполне резонно рассудили, что если уж крестьянство через своих представителей допущено к управлению Областью и решению вопроса о земле, пусть оно также выступит и с оружием в руках вновь приобретённые права и защищает.

В то же время, следует отдавать себе ясный отчёт, что вовсе не Паритетное правительство явилось главной причиной разложения Донских частей. Оно лишь способствовало их окончательному развалу. Причины, конечно же, были куда более весомыми.

Три с половиной года Великой войны казачьи формирования провели бок о бок с армейскими. Вместе пережили взлёты и падения, вместе подверглись «демократизации» и наводнены были комитетами и агитаторами. Не удивительно, что казачество, по выражению Каледина, заболело той же болезнью, что и вся армия. Другое дело, что сопротивление в казачьих частях разрушительному началу было действеннее, и кризис наступил позже. Но он, так или иначе, наступил, и как военная структура донские полки существовать перестали.

«...никакими мерами нельзя было оградить казачьи войска от той участи, которая постигла армию, – писал Деникин, – ибо вся психологическая обстановка, и все внутренние и внешние факторы разложения, быть может, менее интенсивно, но, в общем, одинаково воспринимались и казачьей массой. Два неудачных и непонятных казакам похода на Петроград с Крымовым и Красновым внесли еще большую путаницу в их смутное политическое мирозерцание.

С возвращением казачьих войск в родные края, наступило полное разочарование: они... принесли с собой с фронта самый подлинный большевизм, чуждый, конечно, какой-либо идеологии, но со всеми знакомыми нам явлениями полного разложения. Это разложение назревало постепенно, проявлялось позже, но сразу ознаменовавшись отрицанием авторитета «стариков»,

отрицанием всякой власти, бунтом, насилиями, преследованием и выдачей офицеров, а главное – полным отказом от всякой борьбы с советской властью, обманно обещавшей неприкосновенность казачьих прав и уклада».

Не стоит также забывать и об экономической подоплёке происшедшего. Война прошла катком и по казачьим хозяйствам. К началу 1917 г. 9 % казачьих хозяйств вообще не имели скота, 16 % остались без рабочего скота, 26 % – без инвентаря. Слишком многим в январе 1918 г. нечего было терять, и защищать тоже было нечего.

Паритет явился последней каплей, в известном смысле, послужил поводом для Донского казачества окончательно отказаться от своей власти. М.П. Богаевский высказывался об Объединённом правительстве в том смысле, «что от него не было добра, но не получалось и зла». Но это не совсем так. Правительство, ни в малейшей степени не способствовавшее мобилизации сил на отпор внешнему врагу, в то же время внесло свою лепту в их дезорганизацию. Образно говоря, Паритетное правительство не добавило на фронт ни одного штыка. Но в то же время способствовало уходу с поля боя, а то и перехода на сторону противника²⁴⁵, немалого числа сабель.

²⁴⁵ Более того, в начале января ВРК был создан в самом Новочеркасске. После ухода добровольческих частей на фронт в Хотунке активизировались рабочие железнодорожных мастерских. При непосредственном участии членов Правительства Кожанова (и его жены), Боссе, Кирпичёва, эмиссаров Ковалёва и Воронина, Городского головы Литова был организован Новочеркасский «революционный комитет». Вскоре он установил связи с Комитетом Каменским. Работали комитетчики, почти не скрываясь. Местоположение конспиративных квартир также не являлось секретом. Соответствующие материалы Атаману были представлены. Однако Каледин, по политическим соображениям, никаких мер не предпринимал. Лишь настойчивые требования Чернецова и хищение винтовок из арсенала изменили его позицию. Чернецов провёл облаву, в результате которой из комитетчиков был задержан лишь урядник Фомин. Препровождённый в тюрьму, от дачи показаний он отказался (что дало возможность всем, замешанным в этой истории, членам правительства выйти сухими из воды). С падением Новочеркасска был большевиками освобождён, позднее, вошёл в так называемый «Совет пяти». Захваченный казаками в ночь с 31 марта на 1 апреля, после опроса свидетелей, Фомин был расстрелян.

Атаманская власть в итоге отбивалась от пришлых отрядов Красной гвардии и нескольких примкнувших к ним донских казачьих сотен силами горсточки своей патриотически настроенной молодёжи и пришлыми же подразделениями юнкеров и фронтовых офицеров. Победить, не имея поддержки населения и в отсутствии широкой устойчивой социальной базы, было очевидно невозможно...

4. ЭШЕЛОННАЯ ВОЙНА

4.1. Стратегический план наступления на Дон. Выход советских войск на границы Области

По целому ряду причин Советское правительство не могло смириться с независимым существованием «Донской Вандеи». Дон с первых дней оставался под пристальным вниманием Совнаркома, просто до поры требовала разрешения более важная задача: выжить и закрепиться в Центре.

Едва лишь со старой Ставкой было покончено, СНК 23 ноября²⁴⁶ издал обращение ко всем Советам, согласно которому Каледин, Корнилов и Дутов были объявлены вне закона, и в котором в частности говорилось:

«...Революция в опасности.

Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести врагов народа. Нужно, чтобы... казачьи генералы и их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа.

... Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено. Виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления.

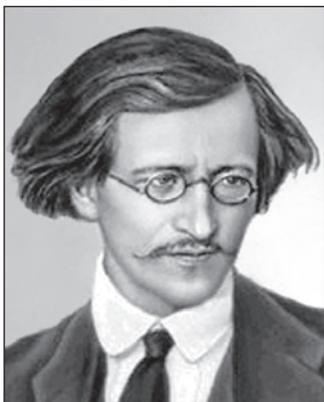
...Совет Народных Комиссаров постановляет:

- 1) Все те области на Урале, Дону и в других местах, где обнаружатся контрреволюционные отряды, объявляются на военном положении.
- 2) Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.
- 3) Какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания или попытки посредничества воспрещаются.
- 4) Какое бы то ни было содействие контрреволюционерам со стороны местного населения или железнодорожного

²⁴⁶ В день прихода тральщиков с десантом в Ростов.

персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

- 5) Вожди заговора объявляются вне закона, и всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдёт необходимую поддержку со стороны советской власти».

В.А. Антонов-Овсенко

Это заявление было равносильно объявлению войны и именно в этом смысле и воспринималось советскими военными руководителями. Начальник Полевого штаба при Петроградском ВРК, член Коллегии по военным и морским делам В.А. Антонов-Овсенко в общих чертах представлял себе наступление на Дон следующим образом. В Донбасс направлялись моряки-черноморцы и совместно с местной Красной гвардией должны были оказывать давление на Новочеркасск с запада. Туда же выдвигался

и настроенный большевистски 2-й гвардейский корпус. Основной удар планировалось нанести от Воронежа и Харькова силами сводных отрядов, принимавших участие в разоружении Ставки.

«Невзирая на кажущуюся бессистемность действий большевистских отрядов, – пишет Деникин, – в общем направлении их чувствовалась рука старой Ставки и определенный стратегически-политический план. Он заключался в том, чтобы разъединить Украину и Дон путем захвата железнодорожных узлов и линий и тем пресечь связь между ними и снабжение Дона; затем – одновременным наступлением захватить административные центры новообразований – Киев, Ростов (Новочеркасск). В частности против Дона, который, кроме своего военно-политического значения, имел и огромное экономическое, преграждая пути к хлебу, углю и нефти, наступление

должно было вестись концентрически со стороны Харькова, Воронежа, Царицына и Тихорецкой (Ставрополя)...»

Трудно сказать, в какой степени тактику наступления на Дон заимствовали большевики у оставшихся офицеров Ставки, но не надо было обладать стратегическим мышлением, чтобы понять простую вещь. Естественным плацдармом продвижения, как на Новочеркасск, так и на Украину был Донецкий бассейн с активным, сочувствующим Советской власти населением. Поначалу вовсе не планировалось *занятие всей территории* Украины. Всё зависело от многих, совершенно непрогнозируемых факторов. В частности никто даже приблизительно не представлял, каково реальное соотношение сил. Не знали ни состава, ни боеспособности украинских, также наспех сколоченных подразделений. О боеспособности своих тоже, впрочем, можно было только догадываться... Нельзя согласиться с Деникиным и в части планируемого якобы *одновременного* наступления на Киев и Ростов. Судя по всему, последующие шаги вообще не определялись заранее. Решение принималось по результатам выдвижения и занятия Донбасса. Прояви гарнизоны гайдамаков стойкость, не исключено, что не состоялся бы и «марш на Киев». В то же время «марш на Новочеркасск» предприняли бы в любом случае. Лишь говоря о «бессистемности» Антон Иванович был недалёк от истины.

Так, или иначе, но выдвижение Советских отрядов на исходные рубежи началось. Согласно приказу №9 от 2 декабря 1917 г.²⁴⁷ ВРК при Ставке передавал 1-му Минскому отряду (командир Р.И. Берзин²⁴⁸, начальник штаба капитан Андреев), состоявшего из 60-го стрелкового полка и 132-го отдельного артиллерийского дивизиона, дополнительно 17-й и 19-й стрелковые полки, «Первую революционную» и противозаэроплан-

²⁴⁷ Как далёк всё же был СНК в начале декабря от реальной помощи Ростову.

²⁴⁸ Рейнгольд Иосифович (Язепович) Берзин (Берзиньш), 1888 г.р., член РСДРП(б) с 1905 г., учитель по профессии, окончил в 1916 г. школу прапорщиков. Воевал в чине поручика. После Февраля – председатель корпусного комитета, член исполкома и ВРК 2-й армии Западного фронта. В 1937 г. на посту управляющего трестом «Агротехзнание» Наркомата земледелия РСФСР арестован. 11 ноября 1939 г. расстрелян.

ные батареи, отряд Брянской Красной гвардии в 700 штыков и 2 аэроплана.

Берзину было приказано выдвигаться по двум направлениям:

- 1) Гомель – Бахмач;
- 2) Брянск – Орёл – Курск – Воронеж – Лиски. Занять опорный пункт для сосредоточения войск в Харькове, где развернуть Полевой штаб, подтянуть войска и направить их на Ростов.

От предполагаемого ещё в начале декабря *концентрического* наступления на Дон пришлось отказаться ввиду ненадёжности наспех сколоченных из подразделений Старой армии отрядов. «...ни одна из частей не была пригодна для немедленной борьбы с контрреволюцией, – пишет Антонов-Овсеенко. – Некоторые отказались выступить, все предъявляли требования на дополнительное обмундирование, денежное снабжение и т.д.»

1 декабря²⁴⁹ Берзин в Гомеле издал свой приказ №1 по Минскому отряду. Он разбил отряд на две колонны, именованные по номерам входивших в них полков. 17-я колонна (17-й стрелковый полк, три пулемётных команды, две бронемшины) под командованием командира полка штабс-капитана Зайцева 2 декабря начинала движение со ст. Почеп через Брянск – Воронеж – Лиски до ст. Миллерово, где должна была ожидать дальнейших распоряжений. 19-я колонна (в составе 19-го и 37-го запасного стрелковых полков, трёх пулемётных команд, лёгкой батареи, при поддержке блиндированного поезда) под командованием полковника Волобуева должна была 2 декабря выступить со ст. Клинцы и Унеча и двигаться через Гомель – Бахмач на Харьков. Так называемому «Резерву» (60-й полк, три пулемётных команды, три артиллерийских и одна лёгкая батареи, две батареи 132-го артдивизиона) под командой Розенберга предписывалось следовать по маршруту Гомель – Бахмач – Ромны – Харьков.

Выдвижение, однако, началось с большим опозданием. Ни

²⁴⁹ Дата издания приказа косвенно подтверждает, что план выдвижения Минского отряда был принят в Ставке по предложению Берзина без предварительного согласования с Антоновым-Овсеенко.

при одной из колонн не было организовано штаба. Дисциплина, как таковая, отсутствовала. Так, 37-й полк, разложившийся совершенно, самочинно проследовал в Гомель и выразил намерение далее двигаться в Минск. За полной непригодностью пришлось отправить обратно и 2-ю батарею. С наибольшей скоростью продвигались по указанному маршруту эшелоны 17-й колонны, достигшие границ Донской области уже 7 декабря (!).

Чего нельзя было сказать о 19-й колонне. Дойдя до станции Макошино, колонна остановилось²⁵⁰, и вскоре вернулась в Гомель, где разложилась совершенно. Решено было выделить из частей по 200 человек, «согласных выполнять революционные приказы», но даже и с этим возникли проблемы. Как элемент борьбы с Калединым 19-я колонна использована быть уже не могла. Начальник «Резерва» по приказу Берзина также оставался в Гомеле, где вынужден был бороться с «враждебными» проявлениями. «...В самом Гомеле свободно выходили антисоветские газеты, – пишет Антонов-Овсеенко, велась определённо контрреволюционная агитация, разлагавшая части Первого Минского полка. Берзин приказал закрыть буржуазные газеты. *Исполком отказался это приказание выполнить...* Берзин предписал Розенбергу... закрыть газеты, произвести переизбрание Гомельского Совета²⁵¹ и создать Военно-

²⁵⁰ У Макошино, северо-западнее Бахмача украинский полк, занявший город, разобрал пути. Гайдамаки заявили, что ни в коем случае не пропустят колонну, а при попытках продвижения «в глубь Украины», откроют огонь. Берзин настаивал на решительных действиях. Ставка, накануне предъявившая Раде ультиматум, который демонстративно был проигнорирован, также требовала наступления. Однако Волобуев вступил с украинцами в переговоры, а полки колонны на митинге вынесли постановление отказаться от наступления на Бахмач. Солдаты заявили, что согласны бороться с Калединым, но при условии следования на Харьков только через Брянск. В этой ситуации Волобуев вынужден был повернуть эшелоны колонны обратно на Гомель.

²⁵¹ Любопытно, что не наблюдается даже и попытки скрыть отношение с самого начала к Советским органам, исключительно как к средству достижения определённых СНК целей. Если деятельность местных Советов не устраивала военных и партийных руководителей, их состав просто переизбирали.

Революционный комитет». Понятно, что всё это могло быть обеспечено только лишь под прикрытием военной силы, и откладывало отправку на «калединский фронт» 60-го полка на неопределённое время.

Между тем, вновь образованный штаб Западного фронта во главе с полковником Каменьщиковым всё настойчивее требовал от Берзина активизации действий против Рады, однако разложение 19-й колонны и убытие 17-й делало это невозможным.

Тем временем бурную деятельность развернул в Брянске Кудинский²⁵², которому после развала 19-й колонны подчинили и Берзина со всеми отрядами. 5 декабря он издал приказ, согласно которому разделил свои войска на четыре колонны, силой до батальона при поддержке батареи и десятка пулемётов каждая. Первые три колонны должны были прибыть соответственно в Лиски, Купянск и Белгород, откуда «совместно с войсками ВРК», развернуть наступление на Новочеркасск. Четвёртая, резервная колонна должна была двигаться на Воронеж. 17-ю колонну Кудинский также предполагал переподчинить себе. Абсурдность этих «грандиозных», совершенно не учитывающих масштабов предстоящей операции планов, состояла в том числе, и в том, что ни в одном из указанных городов на тот момент не имелось ни только «революционных войск», но и самих ВРК, а Купянск вообще занимали гайдамаки.

В тот же день, после соответствующих консультаций, Кудинский приказом №3 свои намерения видоизменил. Пер-

²⁵² Эсер-максималист Кудинский выдвинулся в Октябрьские дни в качестве комиссара 6-го Литовского и Сапёрного полков. Позже был назначен Антоновым-Овсеенко начальником так называемых «Северных Советских отрядов». В его подчинение входил, в том числе, и сводный отряд Сергеева, в котором начальником штаба был Сиверс. Позже, во время боёв в Донбассе, Кудинский был назначен «комиссаром при Ставке Главнокомандующего по борьбе с контрреволюцией (Антонов-Овсеенко) и для наблюдения за формированием отрядов».

вой колонне под командованием Р.Ф. Сиверса²⁵³ приказано было теперь занять Белгород. Второй колонне Соловьёва и остальным частям предписывалось оставаться в Брянске в ожидании дальнейших распоряжений. Несмотря на всю суесть, бесконечные реорганизации и перенаправление вновь создаваемых колонн Кудинский постепенно приближался к здравой мысли, занять Донбасс, а там уже, в зависимости об обстановки, направить все усилия, либо на Киев, либо на Новочеркасск.

Между тем, продвигаясь на юг, Сиверс, совместно с так называемым 1-м Петроградским сводным отрядом Ховрина (до 300 штыков и бронеплощадка), позже, уже в Харькове, совершенно разложившимся «на почве реквизиций, обысков и арестов²⁵⁴», и 30-м запасным полком Руднева²⁵⁵, принял участие в бою с гайдамаками у ст. Тамаровка, западнее Белгорода. Проследовал дальше и 9 декабря без боя вошёл в Харьков. Сюда же для непосредственного руководства последующими операциями 11 декабря прибыл со штабом и Антонов-Овсеен-

²⁵³ Рудольф Фердинандович Сиверс, 1892 г.р., окончив Школу прапорщиков, на Великой войне был командиром взвода в 436-м Новоладожском полку 109-й пехотной дивизии. После Февраля вступил в партию большевиков. Был одним из создателей и редактором органа большевистской организации 12-й армии – газеты «Окопная правда». В Октябрьские дни – член Военной организации при ЦК РСДРП(б). Умер в Москве 2 декабря 1918 г. после тяжёлого ранения. В состав «Северного Летучего отряда» Сиверса на начало декабря входили 178-й запасный пехотный полк Шимановского (до 900 штыков), эскадрон 18-го Гусарского Нежинского полка (до 50 сабель, до 120 штыков при 10 пулемётах), Дновский гарнизон (200 штыков, 50 сабель, 3 броневика), одна шестиорудийная батарея и сборная Петроградская самокатная команда. Всего 1165 штыков, 97 сабель при 6 орудиях и 14 пулемётах. В составе отряда также 3 броневика, 14 самокатов, 9 мотоциклов. По тем временам – огромные силы.

²⁵⁴ Отряд Ховрина, утративший боеспособность, во второй половине декабря был расформирован.

²⁵⁵ Николай Александрович Руднев, 1894 г.р., окончил в 1916 году военное училище в чине прапорщика. Был выборным командиром 30-го запасного стрелкового полка и членом Харьковского ВРК. 15 октября 1918 г. у станции Бекетовка под Царицином в контратаке был смертельно ранен. Скончался 16 октября.

ко²⁵⁶. Украинские подразделения в городе, несмотря на протесты местного большевистского комитета во главе с Артёмом (Сергеевым)²⁵⁷, отрядом Сиверса были разоружены.

Нет возможности, да и необходимости подробно описывать перемещения Советских войск и директивы командования, нацеленные на постепенное, по большей части, дипломатическое вытеснение «украинизированных» отрядов из Донбасса. Эта тема заслуживает особого внимания и отдельного разговора. Десятки векторов влияния сложились в итоге в результирующей, и он склонялся в пользу большевиков. Шаг за шагом, продвигаясь от Харькова на юг, отряды Руднева и Егорова заняли без больших боёв 17 декабря Лозовую, 18 декабря Павлоград, 21 декабря Синельниково. Лишь Александровск²⁵⁸ был ещё в руках гайдамаков. А вместе с ним, и последняя железнодорожная ветка, соединяющая Киев с Новочеркасском, оставалась незанятой большевиками.

Советским войскам удалось почти полностью изолировать Дон от Украины, но главное было не в этом. Не хотели воевать солдаты ни одной из сторон. Но выяснилось, что гайдамаки не хотели всё же в *большей* степени. Относительная лёгкость, минимальные потери, с которыми был занят в две недели Донбасс и часть Левобережья, круто изменили военные планы. Серьёзные, достигнутые малой кровью успехи, позволили военному

²⁵⁶ Как свидетельствует Антонов-Овсеенко, Ленин предложил ему указать «лицо для непосредственного командования против Каледина». «Я предложил ему сам себя для этой работы, – пишет Антонов-Овсеенко, – что и было принято». 8 декабря СНК выдал Антонову-Овсеенко удостоверение в том, «что он, с согласия Главковерха Крыленко, комиссара Подвойского и всей Коллегии по военным делам уполномочивается для общего руководства операциями против калединских войск и их пособников».

²⁵⁷ До военных успехов в Донбассе в СНК преобладало мнение, что Советские войска продвигаются на юг исключительно для борьбы с Калединым. С Радой при этом считали нужным договориться всего лишь о пропуске отрядов. Именно эту, «партийную» линию и отстаивал Артём. Военные власти, и в Центре, и на местах, с самого начала решали все вопросы силовыми методами. Любопытно, что в Областном Харьковском комитете РСДРП(б) работала в это время кооптированная в него группа бежавших из Ростова большевиков во главе с Васильченко и Жаковым.

²⁵⁸ С 1921 г. – г. Запорожье.

командованию *предположить*, что взять под свой контроль центральные районы Украины, а возможно, и всю её территорию *целиком*, даже и с теми силами, что были собраны под Харьковом, *вполне можно и попытаться*. Открывающиеся головокругительные перспективы завораживали, и не могли не заинтересовать и Смольный. Там, конечно, относились к подобным вещам куда более настороженно, но люди, в большинстве были решительные. А главное, понимали: то, что легко можно сделать сегодня, завтра не удастся уже ни при каких обстоятельствах.

Не откажешь в решительности и Антонову-Овсеенко, и его командирам. Разделить по двум расходящимся, совершенно изолированным друг от друга направлениям ничтожные по меркам Великой войны, наспех сколоченные, неустойчивые, мало управляемые силы, рискнул бы не всякий. Не стоит забывать, что информация о противнике, которую удалось собрать к январю из случайных, непроверенных источников, была крайне скудна и противоречива. Но и из неё следовало, что Каледин располагает, не считая «алексеевцев», партизан и возвращающихся с фронта отдельных казачьих частей и подразделений, по меньшей мере, тремя кадровыми конными дивизиями. А Рада – десятками тысяч бойцов «украинизированных» частей в центральных районах страны и потенциально силами в той или иной степени подчинившихся ей Юго-Западного и Румынского фронтов.

В этой ситуации решение разделить войска и двинуть до половины их на Киев выглядело на первый взгляд не просто авантюрой, но самоубийством. Но в соответствии с логикой завязывавшейся тут и там, на безвестных полустанках гражданской войны, только так поступать было и можно, и даже необходимо. В условиях, когда не было ни фронта, ни флангов, ни стратегии, а были узловые станции, да куцые отрядики в разбитых эшелонах, когда судьба «компаний» решалась не в бою, а на бесконечных митингах, выигрывал не тот, кто был рассудительнее и мудрее, а более смелый и инициативный. Инициативу решительно взяли в свои цепкие руки большевики.

Так или иначе, но Муравьев, Берзин и Егоров²⁵⁹, как известно, начали продвигаться на запад. Сиверс, Саблин и Петров вышли к границам Области войска Донского.

Не забывали и об идеологическом обеспечении предстоящей операции против Каледина. Выработанный Казачьим комитетом при ВЦИК 12 декабря был опубликован декрет Совнаркома, в котором в частности говорилось:

«Властью революционных рабочих и крестьян Совет Народных Комиссаров объявляет всему трудовому казачеству Дона, Кубани, Урала и Сибири, что рабочее и крестьянское правительство ставит своей ближайшей задачей *разрешение земельного вопроса в казачьих областях* в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе Советской программы, принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах.

...В настоящее время Совет Народных Комиссаров постановляет:

- 1) Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.
- 2) Принять на счёт государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.
- 3) Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагеря.
- 4) Установить полную свободу передвижения казаков.
- 5) Вменить в обязанность соответствующим органам при народном комиссаре по военным делам по всем перечисленным пунктам представить подробные законопроекты на утверждение Совета Народных Комиссаров».

Даже при поверхностном ознакомлении бросается в глаза слабость, и даже наивность этого документа. Землём казачество владело и так. О том, каким образом предполагала разрешить

²⁵⁹ Павел Васильевич Егоров, 1889 г.р., окончив в Лионе военное училище, воевал в чине капитана. В 1917 г. вступил в ряды РСДРП(б). С ноября 1917 г. член Центрального штаба Красной гвардии в Москве. К Антонову-Овсеенко прибыл во главе Московского красногвардейского отряда. Год смерти неизвестен.

земельный вопрос «Советская программа» ничего конкретного не говорилось. Все послабления по несению военной службы на деле могли означать переход казаков к статусу «обычных» крестьян со всеми вытекающими из этого последствиями. Что также воспринималось неоднозначно.

В дополнение Совнаркомом было выпущено пространное обращение «к трудовому казачеству», начинавшееся словами: «Братья казаки, вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ...» Далее пояснялось, отчего казачеству не по пути с Калединым и Корниловым, предлагалось выступить «против генералов» и сообщалось, что «...наши революционные войска двинулись на Дон... чтобы положить конец преступному восстанию против народа...» С подобным же воззванием обратился к казакам и Казачий комитет.

Все эти, наспех составленные, во многом противоречивые обращения и постановления, пришлись, тем не менее, весьма кстати. Наполненные простыми и понятными, *завораживающими*, призывами и фразами, они, без сомнения, внесли свой вклад в последующее разложение казачьих частей. Решающим же фактором, всё в конечном итоге определившим, была перемоловшая страну война...

Между тем, 17 декабря Сиверс в эшелонах начал выдвижение в общем направлении Змиевка – Балаклея – Никитовка. Двигался он медленно и осторожно, так как в Изюме и Балаклее располагался «украинизированный» 5-й кавалерийский полк. Боеспособность украинцев оказалась весьма низкой. Лишь отдельные разъезды разбирали пути перед эшелонами красногвардейцев. Тем не менее, когда гайдамаки предложили переговоры, Сиверс охотно на них пошёл. И дело было не столько в недостатке сил, сколько в разложении, охватившем часть отряда. Вот что пишет об этом Антонов-Овсеенко: «В отряде Сиверса было неблагополучно. Главным врагом оказалось «зелё». В Змиевке люди 2-х его эшелонов разбили винные склады и, *несмотря на обстрел*, подвергли их разгрому и перепились. Их пришлось обезоружить, и я получил обратно в Харьков 2

эшелона мертвецки пьяных людей. Из них до 300 человек были направлены с позором в Москву».

18 декабря 5-й кавполк согласился, наконец, сложить оружие и пропустить отряд Сиверса. Однако 21 декабря Сиверс заявил по прямому проводу Антонову-Овсеенко, что собирается «из-за отсутствия подкреплений» вернуться в Харьков. На что получил категорический приказ продолжать продвигаться вперёд под угрозой предания суду «за измену делу революции». Дело было, конечно не в резервах²⁶⁰. Сиверс, показавший себя волевым командиром и умелым организатором, тем не менее, не был уверен в успехе при серьёзном столкновении с регулярными донскими частями. Приказ занять рудничный район никто, в то же время, не отменял. Сиверс медленно, от станции к станции продвигался вдоль линии железной дороги на юго-восток. Особых боёв не было, дело ограничивалось перестрелкой. Однако у станции Соль Северо-Донецкой железной дороги на эшелон артиллеристов был направлен обложенный взрывчаткой паровоз без машиниста. Произошёл взрыв, число раненых оказалось значительным. В результате Орловская батарея, по свидетельству Антонова-Овсеенко, *окончательно расползлась*. Брянский отряд «пал духом» и был отозван в тыл «для пополнения». Тем не менее, 22 декабря Сиверс без боя занял Никитовку. 23 декабря – Макеевку. Состоялось, наконец, ожидаемое соединение с активизировавшимися рудничными красногвардейцами. Ещё 21 декабря ими был взят под контроль оставленный казаками г. Юзово²⁶¹. Сотни 58-го Донского полка отошли ранее, не при-

²⁶⁰ В распоряжение Сиверса перед наступлением были переданы прибывшие 21 декабря из Финляндии 422-й и 423-й пехотные полки (до 1200 штыков), 4-х орудийная Орловская батарея под прикрытием 2-го сводного Брянского пролетарского отряда (до 200 штыков). Предполагалось подчинить ему также подходившие с Западного фронта 19-й и 27-й пехотные полки, но в Орле и Курске солдаты замитинговали, объявили о нейтралитете и в итоге полки были расформированы.

²⁶¹ С появлением Сиверса в Донбассе активизировалась находящаяся на полулегальном положении, вытесненная казаками за пределы Области, рудничная Красная гвардия (по оценкам Антонова-Овсеенко, общей численностью до 2000 человек). 21 декабря красногвардейцы завязали перестрелку с казаками близ Прохоровского и Алексеевского рудников. В результате переговоров казачьи подразделения оставили Юзово и отошли на восток.

няв боя. Шахтёры встречали отряд, как освободителей. Многие спешили записаться во вновь формируемую Красную гвардию. Благо с Сиверсом были доставлены в Никитовку тысячи винтовок и несколько пулемётов.

Сиверс получил от Антонова-Овсеенко следующее предписание: «...Вы являетесь командующим всеми отрядами у Никитовки... Вам следует, организовав Красную гвардию, держать связь с Юзово и закрепивши за собой район Никитовки-Горловки и Дебальцево, продвигаться в связи с отрядом Саблина, который пойдёт к Лихой, по направлению к Звереву, послав разведку и заслон к Иловайской...»

Для организации местных красногвардейцев из Харькова в Никитовку был послан матрос Кротов. Уже 23 декабря он докладывал о формировании полка из шахтёров, численностью до 1200 штыков.

Удачно для Советов складывалась и обстановка на Луганском направлении. Ещё 20 декабря в Купянск тремя эшелонами вступил 1-й Московский Революционный сводный отряд Саблина²⁶², в составе 55-го, 192-го, 251-го стрелковых полков и команды добровольцев 85-го полка, при 8 пулемётах и одной батарее. Всего до 1900 штыков.

По дороге Саблин разоружил 17 декабря в Белгороде подразделения 1-го Польского полка, проявившего недовольство властями, и вынужден был оставить в городе некоторую часть своего отряда. В Купянске им были разоружены заявившие «нейтралитет» запасные батальоны и незначительное число гайдамаков.

Как и большинство левых эсеров, выдвинувшихся на командные должности за нехваткой военных кадров, Саблин был смел, решителен, но партийная принадлежность вносила в

²⁶² Юрий Владимирович Саблин, 1897 г.р., окончил в 1917 г. Школу прапорщиков и успел повоевать на соответствующих должностях. Вступив в партию левых эсеров (с 1919 г. – большевик), был избран на II съезде Советов членом ВЦИК и принял участие в боях с юнкерами в Москве. Принял участие в левоэсеровском мятеже. После разгрома был приговорён ревтрибуналом к 1 году тюремного заключения, но амнистирован ВЦИК. В 1937 г., будучи уже комдивом, репрессирован.

стиль его работы определённую специфику. В Купянске Саблин вначале провёл телефонный разговор, а потом и личную встречу с Г.И. Петровым²⁶³, назначенным ранее на должность «командующего на Воронежском направлении». Петров сообщил, что ввиду слабой боеспособности его отряда²⁶⁴, не может выделить соратнику по партии «3000 штыков и оружейную батарею», как ему предписывалось, и как обещал ранее.

Не избежал элементов разложения и отряд Саблина. Вот слова Антонова-Овсеенко, который в своих воспоминаниях, надо отдать ему должное, описывал происходившие события предельно откровенно, ничего не скрывая и не приукрашивая: «В Купянске Саблина также постиг кризис. Солдаты начали пьяный кутёж, разбежались; ему удалось с трудом удержать половину отряда, *остальных пришлось разоружить*».

Следственной комиссией отрядов Саблина было арестовано 20 человек. С трудом был успокоен 192-й полк, требовавший освободить полкового командира, арестованного за пьянство.

Правление Екатерининской железной дороги (из Екатеринослава) приказало не давать эшелонов Саблину, но Саблин заставил местных железнодорожников предоставить ему эшелоны.

Оставив в Купянском гарнизоне отряд в 200 человек 53-го полка, он выступил по указанному мною направлению Попасное-Родаково, Дебальцево-Луганск, и вскоре его передовые части вступили в Луганск и Дебальцево²⁶⁵. Но всего привёл он с собою не более 500 человек...»

²⁶³ Григорий Константинович Петров, 1892 г.р., учился в Петербургском политехническом институте. Не закончив обучения, попал на фронт, где проходил службу в чине прапорщика. Левый эсер. В 1917 г. был одним из организаторов милиции, затем, Красной гвардии в Рязани. В июле 1918 г. был направлен вместе с отрядом в Баку (занимал должность военного комиссара Бакинского района от СНК РСФСР). Захвачен мусаватистами и 20 сентября расстрелян в Закаспии в числе 26-ти Бакинских комиссаров.

²⁶⁴ 17-й колонны.

²⁶⁵ Саблин занял Луганск и Родаково 24 декабря, но Дебальцево, отведённое в зону действия его отряда, «прочно занять не мог». По данным его разведки против него находились до 4-х казачьих полков с 4-мя батареями. Ввиду этого активности Саблин не проявлял.

Первый этап операции, заключавшийся в занятии Донбасса, был завершён. Перед тем, как планировать следующие шаги, необходимо было закрепить достигнутое. Военные действия были приостановлены, как и продвижение отрядов в глубь Донской области. 24 декабря Антонов-Овсеенко приступил в Харькове к формированию штаба (Ставки)²⁶⁶. Особое внимание уделялось при этом обеспечению занятых коммуникаций и тыловому.

К этому времени выяснились, наконец, подробности «действий» 17-й колонны штабс-капитана Зайцева, которые абсурдностью своей превзошли все остальные несурзаицы вместе взятые. Прибыв в пяти эшелонах ещё 7 декабря на станцию Зориновка (северо-западнее Чертково), колонна остановилась. Путь на перегоне к Чертково оказался разобран. Саму станцию занимал 35-й Донской казачий полк, получивший приказ воспрепятствовать дальнейшему продвижению красновардейцев, вплоть до применения оружия. Отрядный комитет выдвинулся к Чертково, и стороны «с большой охотой» вступили в переговоры. 9 декабря Круг направил в 17-й полк делегацию из пяти человек. В свою очередь и красновардейцы послали двоих делегатов, которые были заслушаны на заседании Круга 10 декабря. Делегаты вначале потребовали выдачи Каледина и Корнилова, но тут же сбавили тон и выдвинули следующие требования:

- 1) Войсковое правительство обязуется соблюдать все гражданские свободы и прекратить притеснения всех общественных демократических организаций.
- 2) Освобождаются все арестованные за политические убеждения и прекращаются новые аресты.
- 3) Войсковое правительство должно распустить все карательные экспедиции, дружины и добровольцев и участников этих экспедиций и формирований, некоренных жителей Дона выслатить за пределы Области.
- 4) Немедленно созывается краевое Учредительное собра-

²⁶⁶ Начальником штаба был назначен Муравьёв. Комиссаром «при Ставке Главнокомандующего по борьбе с контрреволюцией» – Кудинский.

ние по принципу пропорционального представительства от всего населения Области.

5) «Посылка на рудники Донской области делегации для призыва рабочих к дружной работе».

Круг добился от них согласия на посылку совместной делегации в Петроград к СНК для выяснения «почему идёт война с Доном».

Тем временем на станции Зориновка состоялось совместное заседание ВРК Минского отряда с представителями казачьих частей, 35-го и 44-го Донских полков. Было достигнуто предварительное перемирие, видоизменённое и закреплённое прибывшей вскоре делегацией Войскового круга. В итоговом соглашении ничего уже не говорилось об освобождении арестованных, переизбрании Донских властей и даже о выдворении неказачьих добровольческих отрядов. Договорились о вещах более приземлённых:

- устанавливалась нейтральная зона между станциями Шептуховкой и Зориновкой, в пределах которой передвижение вооружённых отрядов и отдельных лиц не допускалось;
- подтверждалась посылка совместной делегации в Петроград «для выяснения, почему была послана на Дон карательная экспедиция²⁶⁷»;
- обе стороны обязались «широко оповестить всех о заключённом перемирии»;
- восстанавливалось беспрепятственное железнодорожное движение.

Более того, теперь уже казаки выдвигали 17-й колонне свои требования, заслуживающие быть приведёнными дословно.

«От местного военно-революционного отряда требуем:

1) Отступить от Чертково на станцию Кантемировка или се-

²⁶⁷ Самое поразительное во всей этой истории то, что делегация от 17-й колонны действительно добралась до СНК. 2 января 1918 г. Сталин телеграфировал по прямому проводу Антонову-Овсеенко: «Вчера были делегаты от Минского отряда. Они затеяли перемирие с казаками. У меня получилось впечатление, что их могут спутать. Отсюда просьба: не выпускайте этого отряда из-под вашего руководства».

вернее. При настоящих условиях восстанавливается мир до возвращения делегатов из Петрограда.

- 2) Минский военно-революционный отряд обязан предъявить требование в Совете Народных Комиссаров об освобождении арестованных членов Совета Союза казачьих войск и арестованных за политические убеждения.
- 3) Обязан предъявить в Совете Народных Комиссаров требование о разоружении красной гвардии и о прекращении посылки на Дон карательных отрядов.
- 4) Обязан со дня принятия настоящих условий не предъявлять никаких требований, касающихся внутреннего устройства Донской области.
- 5) Обязан предъявить требование к Совету Народных Комиссаров о скорейшем открытии дверей Всероссийского Учредительного собрания».

«И комитет Минского отряда не отверг категорически этих требований, – с возмущением писал Антонов-Овсеенко. – Более того, он решил отвести отряд к ст. Кантемировка».

Тщетно Берзин и представители большевистского Воронежского Совета требовали от отряда возобновления решительных действий. 17-я колонна, выйдя за пределы Области, стала на ближайшей станции и наступать «на Каледина» явно не спешила.

Непредвзятому наблюдателю могло бы показаться, что в лице 17-й колонны Войсковое правительство нашло едва ли не союзника. Но всё объяснялось, конечно, проще. Солдаты не хотели воевать совершенно. И казачий Дон в их понимании ничем не отличался от империалистической Германии. В сущности, они продолжали делать всё то, что делали их товарищи на фронте – братались. Встреченные делегатами Круга с пониманием, их представители отвечали тем же, и прежде остального, переставали видеть в «калединцах» врага.

Стороны в итоге сохранили статус-кво. Дипломатическая же победа Войскового правительства была полной. Впрочем, она мало что значила. СНК и военное руководство подобные

переговорные инициативы «местных товарищей» попросту игнорировали.

Вместе с тем, нельзя не задаться вопросом. Отчего Войсковое правительство, как нетрудно убедиться, готово было пойти на мир с Центром, даже и ценой определённых уступок, в то время как Смольный настаивал на разгроме Каледина? Вопрос конечно, из разряда философских, но вывод напрашивается сам собой. Самодостаточный, обеспеченный всем необходимым Дон мог себе позволить мирное сосуществование с Советами, большевики – ни в коем случае. Прежде всего, по политическим соображениям. Неизбежное в условиях слома государственного аппарата и развала экономики резкое снижение и без того скудного уровня жизни, на фоне относительно благополучной Донской области не прибавляло популярности новой власти и ставило под сомнение само её существование. К тому же Дон неизбежно становился центром притяжения всех антисоветских сил. Немаловажными представлялись и причины чисто военные. Каледин пусть и номинально располагал значительными силами. Вполне логично было предположить, что при благоприятных обстоятельствах, скажем, при серьёзном антисоветском выступлении, он двинет казачьи полки через Лиски и Воронеж прямо на Москву. Что касается Корнилова, тут и сомневаться не приходилось. В том, что генерал выступит в поход, едва соберётся с силами, не сомневался никто. Необходимо было покончить с «добровольцами», пока их было мало. Были ещё и причины экономические. Огромную роль в жизни страны Дон играл, как поставщик продовольствия и угля. К тому же «суверенная» казачья республика вольно или невольно, но отрезала Центр от юга.

Надо отдать должное людям типа Антонова-Овсеенко. Даже в запутанной, противоречивой и во многом неблагоприятной обстановке они всё это осознали и сориентировавшись, сделали единственно верный выбор. Наступать с тем, что находилось под рукой. Во что бы то ни стало либо уничтожить неокрепшего ещё противника, либо погибнуть. Следует признать, бесстрашия и настойчивости им также было не занимать.

Антонов-Овсеенко потребовал ареста командира 17-го полка штабс-капитана Зайцева²⁶⁸ и переподчинения отряда Петрову. Одновременно в Минский отряд прибыли агитаторы и влились представлявшие надёжными подкрепления, в том числе, и из Воронежских красногвардейцев. 20 декабря два эшелона 5-го пулемётного полка (до 700 человек) заняли без боя Чертково. 34-й и 35-й Донские полки, утратившие в результате соприкосновения с 17-м полком устойчивость, отошли на Миллерово-Глубокую²⁶⁹. Постепенно на станцию подтягивались и остальные части колонны. Однако в результате возобновившихся переговоров с представителями 8-й Донской дивизии в ночь на 22 декабря подразделения 17-й колонны вновь очистили Чертково и откатились к Кантемировке. Петров, связанных с его назначением надежд, также не оправдал. Вот что писал о нём Антонов-Овсеенко: «Петров, командующий на Воронежском направлении, оказался ещё менее активен. Это – левый эсэр, бывший подполковник²⁷⁰, молодой, поэтически настроенный и весьма воинственный человек, и большой фантазёр, постоянно одетый в черкеску. Его стратегические планы были грандиозны. Личная храбрость поразительна, но организовать самое пустяковое дело он не умел. Вместо продвижения на соединение с Саблиным, как ему указывалось, по направлению к Миллерово, он продолжал переговоры с казаками на станции Чертково...

...Петров у Чертково, хныча на отсутствие у него людей и обуви, мечтал добиться желанных результатов одними переговорами без особой драки. На требование от моего имени арестовать Зайцева, *если он против наступления*, он ничего не от-

²⁶⁸ «По совместительству» он был также и председателем отрядного ВРК и подписывал одно за другим все примиренческие соглашения.

²⁶⁹ Оба полка вынесли резолюцию о недоверии Каледину. Казаки 35-го Донского постановили ввести выборность командного состава. В результате принятых Войсковым правительством мер по восстановлению дисциплины, начальник 8-й Донской дивизии генерал И.Д. Попов был с должности снят. В командование дивизией вступил генерал А.М. Назаров. Это, конечно, мало что изменило.

²⁷⁰ Разброс званий, приводимых разными источниками, персонально по отношению к Петрову, поразителен. От прапорщика до полковника.

ветил, как и на повторение ему этого приказа. Точно так же он ничего не сделал для исполнения приказа об усилении Саблина батальоном с пулемётами».

Предпринимались попытки организовать наступление на Дон и с востока. Направленная Антоновым-Овсеенко разведчица докладывала из Царицына, что в городе сформирован отряд Красной гвардии общей численностью до 2000 штыков. Под их прикрытием Царицынский Совет, контролирующий участок железной дороги, связывающий север и юг Донской области, принимал определённые меры против Войскового правительства. По возможности задерживались в Царицыне продовольственные эшелоны и тормозились воинские перемещения. С близлежащими станциями на казачьей территории наладились «дружественные» отношения. Казачьи сотни, находящиеся вблизи города были распропагандированы совершенно. Командующий войсками 2-го Донского округа генерал Максимов пытался запугать Царицынский совет, угрожая применением военной силы. Председатель Совета Ерман отвечал ему тем же. Дальше телефонных разговоров и взаимных угроз дело не пошло. Военная экспедиция советских войск на Куберле 7 декабря окончилась неудачей.

С 23 декабря 39-я пехотная дивизия, двигавшаяся в эшелонах из Ставрополя, заняла Торговую и Тихорецкую, но устойчивой связи с ней у Антонова-Овсеенко ещё не было.

Так или иначе, но к 25 декабря 1917 г. отряды Красной гвардии с трёх направлений (Кантемировка, Луганск, Никитовка) вышли к границам Области и стали на них в ожидании дальнейших распоряжений.

4.2. Первое наступление Сиверса. Ясиновский рудник. Передышка

Уже в начале декабря со всей очевидностью выявилась несостоятельность намеченного в Москве Антоновым-Овсеенко и Муравьёвым ещё 8 декабря плана наступления на Дон с севера в общем направлении на Чертково – Миллерово – Каменскую.

План был разработан, исходя из того соображения, что Донбасс занимали войска Рады, и другого пути не существовало. Но всё изменилось. Красногвардейцы утвердились в Донецком бассейне, взяв под контроль железнодорожные магистрали. Самый короткий путь, от Кантемировки на Чертково и Миллерово, становился теперь самым длинным. К тому же, относительно боеспособные отряды, вышли именно к Луганску и Никитовке. Откуда могли угрожать непосредственно жизненно важным центрам Донской области.

Учитывая кардинальное изменение обстановки, Антонов-Овсеенко пришёл к выводу, что главный удар необходимо нанести именно из Донбасса и соответствующим образом переориентировал своих командиров.

Егорову было приказано, заняв Екатеринослав²⁷¹ и Александровск, окончательно отрезать Украину от Дона и восстановить железнодорожное сообщение с Крымом. Взять под контроль узловые станции и не допускать проникновения на Дон казачьих эшелонов²⁷², возвращающихся с фронта с оружием. В перспективе ему предписывалось выделить часть сил для действий в направлении на Таганрог и Ростов²⁷³.

«Сиверсу – прикрыться заслоном и разведкой со стороны Иловайской. Сохраняя связь с Юзовкой, закрепить район Никитовки, Горловки, Дебальцево и накапливать силы для совместного удара с Саблиным в направлении на Звереве, Лихая, Миллерово, на соединение с Петровым, который должен наступать на Миллерово».

²⁷¹ Ныне Днепрпетровск.

²⁷² Возвращавшиеся с фронта казачьи эшелоны, прибывали на Дон по-разному. Меньшей части посчастливилось проскочить без особых столкновений с занявшими Донбасс советскими войсками. Некоторые пропускались лишь после сдачи части оружия. Известны случаи выдачи офицеров. Так, в конце января 1918 г. Отдельная сотня, окружённая под Миллерово красногвардейцами, не рискнула пробиваться с оружием в руках. Казаки согласились передать большевикам своего командира подъяесаула В.В. Пузанова и двух его офицеров, которые были расстреляны на месте. Последним, уже в феврале, с боем, со всеми офицерами пробился в Новочеркасск 6-й Донской казачий полк.

²⁷³ Как известно отряды Егорова были позже перенацелены для действий на Украине. В боях с Калединым он участия не принимал.

После короткой передышки, приведя в относительный порядок свои отряды, 25 декабря возобновил наступление Сиверс. Он разделил свои силы на две части. Первая, двигаясь строго на юг, в тот же день заняла без сопротивления Ясиноватую и Макеевку. Вторая, наступая в эшелонах в общем направлении на Амвросиевка – Матвеев Курган – Таганрог, преодолевая незначительное сопротивление казаков под общим командованием генерала Орлова²⁷⁴, достигла 27 декабря Криничной, где выдержала перестрелку, и к 29 декабря вышла на ближние подступы к Иловайской.

РФ. Сиверс (второй справа)

Дальнейшее продвижение было сорвано, как рейдом Чернецова на Дебальцево, который представлялся частью общей наступательной операции и потрепал нервы советскому командованию, так и внутренней неустроенностью. Под Иловайской отказался выполнять приказы 422-й Луцкий полк. Увлечённый его примером, вышел из повиновения и 423-й стрелковый. Сиверс вынужден был отправить оба полка в Харьков, где они были разоружены.

Активизировалось сопротивление переходящих в контратаки казаков и юнкеров. В своём донесении, характеризую сложившуюся, весьма неблагоприятную ситуацию, Сиверс сообщал:

«Доношу, что после неудавшегося общего наступления моих отрядов, благодаря предательству 4-х пехотных эшелонов, красногвардейцы, в количестве 500 штыков при небольшом числе пулемётов заняли сторожевой фронт (полукругом) около восточной окраины Макеевки, верстах в 2–4-х восточнее и

²⁷⁴ Сменил полковника Балабина.

южнее деревни. Рудник Буроз, в двух верстах от Криничной, покинутый вчера солдатами 106-й дивизии, сегодня²⁷⁵ занят солдатами первого гвардейского Донецкого полка, станция Ларино занята сильным отрядом красногвардейцев. Мушкетеро-во свободно от юнкеров. Туда назначен особый отряд. В решительное наступление сейчас перейти не могу, так как не имею ни одного регулярного пехотного солдата. *Все уезжают из-за самых жалких побуждений*, предавая интересы свободы. То же сейчас происходит на станции Яма, где стоят два посланные вами эшелона и не желают упорно двигаться дальше. Положение создаётся критическое и, при дальнейшем подобном поведении, мы останемся у разбитого корыта. Нужно или выбирать соответствующих людей или вводить для войск репрессии и военно-полевые суды с применением смертной казни, иначе позор будет расширяться и расти. Прошу идущие к вам в тыл эшелоны не только разоруживать, но и раздевать с них сапоги, шинели и обмундирование, одевая изменников в рваный хлам и одевая красногвардейцев, которые, в общем, ведут себя геройски, но которые имеют, увы, ничтожную организацию для ведения полевой войны».

В итоге Сиверсу было приказано оставить Макеевский район. Однако на плечах отходивших красногвардейцев повис окрылённый Чернецовым противник. Завязались тяжёлые, всё более масштабные, бои.

30 декабря Сиверс сообщал:

«Из Ясиноватой. Получил вашу депешу об очищении Макеевского горного округа, отдал соответствующий приказ по войскам. Сегодня казаки после сильного артиллерийского обстрела выбили красную гвардию из Новоханженково, рудник горит, казаки проникли до Монахово. Мои войска после ураганного артиллерийского огня ведут контрнаступление на ст. Ханженково и Поворино. Из Волновахи проникли шесть казачьих эшелонов с артиллерией, что они предпримут, не выяснилось. Ваш телеграфный приказ начинаю выполнять сообразно с сложившейся обстановкой».

²⁷⁵ 29 декабря.

На следующий день, в канун нового, 1918 года Сиверс докладывал:

«30-го на рассвете калединцы-юнкера, гайдамаки, офицеры и казаки, сосредоточив крупные силы в районе Зуевки²⁷⁶, перешли в наступление на Ханженково, обороняемое красной гвардией. Не имея артиллерии и запаса патронов, красногвардейцы были разбиты. Отсюда противник двинулся на Криничную, наступая густыми цепями под ураганным огнём нашей артиллерии и многочисленных пулемётов. Юнкера понесли большие потери, были отброшены назад, и наша пехота перешла в контратаку. Согласно вашего последнего приказа, я отдал распоряжение об отходе на фронт Дебальцево – Горловка, отход производится, оставленные пункты занимают противником. Им занята сейчас Криничная. В виду значительных сил противника, убедительно прошу о скорейшей присылке подкреплений всех родов оружия, штаб отряда перевожу в Никитовку».

Чернецов давно покинул Дебальцево, но молниеносный рейд его и выход во фланг и тыл Сиверса потряс Донбасский советский фронт и заставил Антонова-Овсеенко отказаться от дальнейшего продвижения в глубь Области, вернув отряды на исходные рубежи. Сиверсу предписывалось стянуть все силы в район Никитовка-Попасная, «не трогаться с места, вести тщательно разведку и *понемногу воспитывать в мелких стычках части для боя*». Приказ был выполнен, но в стороне от железной дороги, ещё оставались изолированные отряды рудничных красногвардейцев, не пожелавших оставить свои посёлки.

Ещё 24 декабря, до отступления Сиверса, сводный красногвардейский отряд²⁷⁷ получил приказ занять Ясиновский

²⁷⁶ Ныне Харцызск.

²⁷⁷ Из доставленного Сиверсом стрелкового вооружения Красной гвардии Ясиновского рудника было выделено 500 винтовок и пулемёт. Ясиновский красногвардейский отряд (командир И. Самойлов) зарекомендовал себя крепким, устойчивым подразделением и проявил особую активность. Им был захвачен санитарный поезд, направлявшийся с фронта на Дон. Переброшенный под Лозовую, отряд принимал участие в разоружении следовавших с фронта казачьих эшелонов.

рудник²⁷⁸. 27 декабря казаки подошли к руднику и потребовали сложить оружие и выдать организаторов Красной гвардии И. Вишнякова, А. Соколова, П. Ляликова. На митинге Ясиновцы постановили оружие не сдавать и руководителей не выдавать, а в случае насилия дать отпор. Любопытно, что решение это было запротоколировано на оборотной стороне одного из приказов Каледина.

28 декабря 1917 года на рассвете казаки начали наступление на рудник с трех сторон: от Дебальцево, Ханженкова, Зуевки. Весь день шёл ожесточённый огневой бой, в ходе которого красногвардейцы свои позиции отстояли. Очевидцы отмечали, что перестрелка сопровождалась хриплым рёвом шахтного гудка, призывающего шахтёров соседних рудников прийти на помощь. Натолкнувшись на плотный огонь, казачьи цепи откатились в степь.

Однако на следующую ночь донцам всё же удалось прорваться в центр посёлка. Тем не менее, сопротивление не прекратилось сразу. Бой стал ещё более ожесточённым. И всё так же ревел гудок.

На терриконе шахты №7 красногвардейцы установили полученный от Сиверса пулемет. И он длинными, некупными очередями долго прижимал к земле атакующие казачьи сотни. Каким-то образом рабочие И. Звягин и Д. Сажин, отбили броневик «и носились на нём, пока не вышел весь бензин». Сражался весь посёлок. Женщины под обстрелом подносили красногвардейцам патроны, воду и продовольствие. Пожилой шахтерский врач А. А. Агишевский вывесил из окна рудничной больницы красный флаг и вместе с медсестрой организовал приём раненых. На стороне красногвардейцев выступили и до роты военнопленных венгров, которые придали обороне ещё более устойчивый характер.

Сопротивление всё же постепенно ослабевало. Замолчал пулемёт, шахтёр-пулеметчик был убит. Его заменил венгр Йожеф.

²⁷⁸ Располагался у посёлка Нижняя Крынка Советского района Донецкой области. Эпизод обороны рудника приведён в историко-краеведческом очерке «Макеевка», изданном под редакцией Марии Яковлевны Запорожец в 1978 г.

Расстреляв все патроны, он также погиб в бою. К утру 31 декабря продолжали отстреливаться лишь отдельные, незначительные группы красногвардейцев. Казаки подтянули два орудия, и, не желая нести новые потери, выпустили по очагам сопротивления свыше 70 снарядов. Лишь после этого оставшиеся в живых защитники рудника сложили оружие. Барак, где располагались военнопленные венгры, забросали гранатами.

В ночь на 1 января 1918 г. казаки согнали захваченных рабочих и военнопленных венгров на площадь у церкви и вновь потребовали выдачи командиров и большевиков. После отказа большую группу шахтёров вывели в Липовую балку и расстреляли. Всего в канун Нового года было убито семьдесят три шахтера и сорок пять военнопленных²⁷⁹. Говорят, казачий

²⁷⁹ Хотя эти цифры и не могут быть проверены по другим источникам, ввиду их отсутствия, но представляются вполне правдоподобными. Сам факт обороны Ясиновского рудника в Нижней Крынке ни у кого не вызывал и не вызывает ни малейшего сомнения. Расстрел пленных шахтёров и венгров также не кажется чем-то из ряда вон выходящим. Пора митинговых договорённостей проходила безвозвратно, уступая дорогу жестоким реалиям гражданской войны. Непонятно другое, почему же советская пропаганда не уделила Ясиновской обороне должного внимания? Если бои действительно продолжались несколько дней и красногвардейцы проявили стойкость и героизм, почему этот эпизод не упомянут в фундаментальных исследованиях и разработках? Хотя, вполне могло случиться и так, что просто не получили команды упомянуть. А могли и не знать, война прошла по всей почти стране и длилась три долгих года, мало ли опалила она таких рабочих посёлков... Сомнение вызывает также утверждение, что казачьими отрядами, взявшими рудник, командовал лично есаул Чернецов. Теоретически, как известно, может случиться, что угодно. Тем более что приводятся как доводы, подтверждающие эту версию («провал» в биографии Чернецова с вечера 27 декабря 1917 г. по 1–2 января 1918 г.), так и веские соображения её отрицающие (ни красные, ни белые, ни Антонов-Овсеенко, ни Деникин ни словом не упоминают об участии Чернецова в боях за рудник. Не узнать об этом они не могли, если знали, скрывать бы не стали). Вместе с тем, возникает вопрос, как мог Чернецов, вечером 27 декабря покинувший Дебальцево, утром 28 декабря попасть на Ясиновский рудник? Кружным путём по железной дороге? Расстояние немалое. В начале века железнодорожная сеть вовсе не была такой разветвлённой, как теперь. Походным порядком в конном строю? Тоже вряд ли, в отряде есаула преобладали пехотинцы, да и от эшелонов в те первые дни далеко старались не отходить. И откуда, кстати, находясь в Дебальцево, мог Чернецов знать о сильном красногвардейском отряде, засевшем на руднике, на противоположном участке «фронта»? Думается, всё же Чернецов и «чернецовцы» в боях за Ясиновский рудник участия не принимали. Не исключено, автор допустила

командир приказал снять шахтный гудок и бросить его в реку. Однако на следующую ночь шахтёры вновь утвердили его на прежнем месте.

На въезде в посёлок установлена памятная стела. И молодожёны, выйдя из свадебного кортежа, по традиции подносят к ней в память о погибших героях живые цветы...

Такие вещи, как самопожертвование и массовый героизм, никогда не оказываются напрасными, и не проходят бесследно. Ясиновский отряд погиб в бою без остатка. Но стойкостью своей задержал на несколько дней перехватившего было инициативу противника, и парализовал дальнейшее его продвижение.

На фронте наступило некоторое затишье. Противники отказались от проведения активных действий и закрепились на достигнутых рубежах, мало беспокоя друг друга. Стороны использовали передышку по-разному. Советское командование, надо отдать ему должное, энергично укрепляло свои деморализованные неудачами отряды. В первую очередь за счёт прибывающих свежих пополнений. Постепенно отдельные ненадёжные и не желающие ни в коем случае воевать пехотные подразделения разоружались и отводились в тыл²⁸⁰. Им на смену приходили куда более устойчивые отряды красногвардейцев и матросов. Наводился и порядок. Для этой цели в войска был направлен Муравьёв, который «провёл там большую организационную работу».

27–29 декабря в Харьков прибыли 3 отряда петроградских красногвардейцев. 1-й отряд был направлен ушедшему к Екатеринославу Егорову. 2-й (до 1000 штыков при 3-х орудиях) – Сиверсу. 3-й, состоявший, в том числе и из солдат Гатчин-

вполне понятную ошибку, спроецировав рейд Чернецова в Макеевский район в первую неделю декабря на бои в том же районе, но происходившие тремя неделями позже. В любом случае, эта история требует тщательной проработки и отдельного разговора. И бережного отношения к памяти павших, по какому бы сторону баррикад они не находились.

²⁸⁰ Обойтись без строевых частей пока ещё было, конечно же, невозможно. Вот что писал ещё 6 декабря, требуя присылки в Донбасс Латышских стрелков, Антонов-Овсеенко в Венден Нахимсону: «...Два полка латышей через неделю здесь решили бы дело. Тыл даёт и может дать только красную гвардию, гарнизоны уже полураспущены или слабы духом...»

ского гарнизона, под командованием Левинсона – Саблину. К нему же вышел и был подчинён крепко сколоченный отряд Харьковской Красной гвардии (до 400 штыков, командир Рухимович).

С Северного фронта подтягивалась 4-я кавалерийская дивизия²⁸¹. Однако, кроме гусарского полка²⁸², части её оказались небоеспособными. Выборный начальник дивизии Жуков авторитетом у личного состава не пользовался и необходимыми военными знаниями не обладал. Эшелоны дивизии то и дело останавливались. Командованию для их проталкивания в Донбасс то и дело приходилось направлять агитаторов и на митингах убеждать солдат продолжить движение. В итоге Драгунский полк 4-й кавдивизии был расквартирован в Луганске, Уланский и Стрелковый полки и четыре шести орудийных батареи стали в районе Бахмута²⁸³.

3-я кавалерийская дивизия, расположенная в Донбассе, к 5 января вынесла резолюцию, в которой «признавала власть Совнаркома». Гусарский полк заявил «о нейтралитете». Драгунский же полк, три эскадрона и команда связи Уланского полка и 6-я батарея соглашались войти в состав советских войск. Однако на деле лишь три неполных эскадрона влились в отряды Сиверса, а батарея направлена Саблину. Остальные части 3-й кавдивизии рассеялись или были расформированы.

Орловская батарея после взрыва на станции Соль самовольно возвратилась в Киев, но была возвращена на фронт. К ней в прикрытие выделили пулемётную команду 18-го Карского пехотного полка с четырьмя пулемётами.

Следует отметить, что артиллерии, роль которой в первых боях была едва ли не определяющей, уделялось особое внимание. Стараниями Муравьёва спешно формировались новые ба-

²⁸¹ В состав кавалерийской дивизии Старой армии по штату входили гусарский, драгунский, уланский и стрелковые полки с артиллерией, а также, вспомогательные подразделения и тыловые службы.

²⁸² Гусарский полк 4-й кавдивизии под предлогом противодействия якобы пробирающимся на Дон казачьим эшелонам был самовольно задержан в Брянске Кудинским.

²⁸³ Ныне Артёмовск.

тарей, оснащённые захваченными у Рады и брошенными расформированными частями орудиями.

Не забыли и о стоявшем в Обояни дивизионе 122-х миллиметровых орудий. В дивизион был послан специальный делегат «для побуждения его прибыть в Харьков». Однако артиллеристы выдвигаться на фронт отказывались, ссылаясь на приказ Командующего войсками Московского военного округа Муралова. Когда же соответствующий приказ из округа был получен, значительная часть артиллеристов от дальнейшей службы была освобождена по медицинским показаниям. Тем не менее, все двенадцать орудий и часть прислуги удалось отправить в Харьков. К 8 января из них были сформированы 4-х орудийная батарея и один взвод, направленные Саблину.

После окончательного разоружения «украинизированных» частей Харьковского гарнизона благодаря энергичным действиям всё того же Муравьёва удалось выделить Саблину ещё одну артиллерийскую батарею, а Сиверсу – сапёрную роту.

29 декабря прибыла даже группа авиаторов, учеников Московской авиашколы.

«Были приведены в большой порядок, – свидетельствует Антонов-Овсеенко, – связь, снабжение и санитарное дело».

Даже учитывая отвлечение значительных сил для занятия Правобережной Украины, следует признать, к решающему наступлению на Дон большевики подготовились весьма основательно. Причём, можно говорить не только о количественном росте обеих Донбасских группировок, но и качественном изменении в лучшую сторону их состава.

Войсковое правительство передышку должным образом использовать не сумело. Казачьи части были оснащены всем необходимым изначально, но моральный дух ослабевал с каждым днём. Донские полки находились в стадии неостановимого уже разложения. Окончательный распад был лишь вопросом времени и активности противника.

Безнадёжно запоздавшее решение о расформировании большинства полков с одновременным созданием новых, из казаков четырёх младших возрастов, лишь ускорило развал, так

как советские войска к тому времени уже угрожали жизненно важным центрам Донской области.

Лишь «добровольцы», да отдельные партизанские отряды были полны решимости, продолжить борьбу. И, несмотря на их малочисленность, никто не взялся бы предугадать, чем всё закончится.

4.3. Налёт Чернецова на Дебальцево. Наступление Саблина

Когда мы говорим о советском военном руководстве, как-то забывается, что это были люди решительные, инициативные, целеустремлённые, но в военном отношении недостаточно подготовленные. Захватив Великую войну прапорщиками, они были на взводах, в лучшем случае, на ротах. И соответственно оперативным искусством овладеть в должной мере не успели²⁸⁴. К тому же в силу партийной принадлежности, больше занимались на фронте работой разрушительной, нежели организационной.

В Донбассе, как и в других местах, всё это проявлялось то и дело тут и там. Несогласованность действий отдельных командиров, их пренебрежение принципом взаимодействия на начальном этапе было едва ли не правилом «хорошего тона». В известные моменты, по сути, отсутствовали разграничительные линии и не определены с достаточной конкретикой зоны действия отдельных отрядов, как таковые. А в результате части разных «командующих» то перемешивались друг с другом на крохотных полустанках, то рассыпались веером по расходящимся направлениям, будто влекомые непреодолимыми центробежными силами.

Так случилось и с Дебальцево. Которое в конце декабря оказалось едва ли не в глубоком тылу, и в то же время с востока было

²⁸⁴ Следует, конечно, признать, что и Антонов-Овсеенко, и Сиверс, и Саблин схватывали всё на лету, и уроки оперативного мастерства, преподанные противником, не проходили для них даром. Однако учились они исключительно на своих ошибках, и ошибки эти иногда обходились дорого.

неприкрыто совершенно. Саблин, которому Дебальцево было отведено с самого начала, нацелен был на Миллерово, тяготел к Луганску. Подходил он с севера по железнодорожной ветке Белгород – Луганск, и уже от Луганска выделил часть сил для занятия Родаково. Дебальцево, как место базирования, или пункт дальнейшего продвижения не интересовало его никоим образом. От Луганска, где располагался штаб его отряда, находилось на удалении до 70 километров. Но в противоположной от его устремлений стороне!

Ю.В. Саблин

От Никитовки, в которой находился штаб Сиверса, до Дебальцево было куда ближе, километров 30. Но и Сиверса Дебальцево не интересовало. Он продвигался на юг от Горловки по двум расходящимся веткам, на Ясиноватую и на Криничную. К тому же предписания занять станцию он не получал.

В итоге на 27 декабря в Дебальцево располагался гарнизон незначительный по численности отряд красновардейцев Саблина во главе с командиром Коняевым. Железнодорожная ветка Дебальцево – Зверево советскими войсками не контролировалась. Не были заняты даже ближайшие станции, лишь у семафора выставлялись часовые. В то же время, железнодорожное сообщение не прекращалось. Большевики не прикрыли его, так как дорога обслуживала рабочие рудничные районы. Каледин и вообще старался сохранять по возможности сообщение Дона с остальной Россией.

А на станции Щетово располагался своеобразным форпостом отряд Чернецова. Знали об этом в Харькове, нет ли, но ни должной разведки, ни дополнительных мер предосторожности предпринято не было. Что касается Чернецова, то идея рейда лежала на поверхности. На узловую станцию Колпаково была

выставлена сторожевая застава, осуществлявшая наблюдение, как в западном, так и в северо-восточном направлении. До Дебальцево от Колпаково было подать рукой, даже ближе, чем Саблину от Луганска. Маршрут известен, как и сама станция. Разведку, используя свободное пассажирское сообщение, произвести было несложно. В конце концов, кто-то из отряда мог *просто прозвонить* по станциям и выяснить обстановку.

Была и ещё одна причина, заставившая Чернецова проявить активность. Отряд начал тяготиться бездельем. Погнавшимся за романтикой вчерашним гимназистам однообразие повседневной сторожевой службы на затерянной в зимней степи станции начинало надоедать. Они сами просили Чернецова направить отряд «в дело» и были рады любому разнообразию. Обстановку, создавшуюся в отряде, характеризует следующий эпизод. На Рождество со станции Колпаково неизвестно чем напуганные телефонисты сообщили, что большевики наступают, станция взята, судьба заставы плачевна. Отряд тут же начал грузиться в эшелоны и выдвинулся навстречу «противнику». Не доезжая Колпаково, выгрузились, развернулись в цепь. Была метель, снег бил в глаза, сугробы намело по колено. Но настроение было приподнятое. Партизаны, несмотря даже на предполагаемую гибель товарищей, откровенно и шумно радовались, что идут, наконец, в бой. Они ещё не устали от войны, как три года тянувшие её, да так и не вытянувшие пехотные дивизии и казачьи сотни.

Дело кончилось пришедшим сообщением от командира заставы, который докладывал, что тревога оказалась ложной, большевиков на станции не было, и нет. Цепь свернулась, погрузилась в эшелон, и отряд, взбудораженный и довольный, вернулся к месту расположения.

Возможно именно это происшествие вместе с выявленной беспечностью красногвардейцев, и способствовало возникновению идеи налёта на Дебальцево. Чернецов не стал откладывать дело в долгий ящик. План сразу же начал воплощаться в жизнь²⁸⁵.

²⁸⁵ Бой за Дебальцево описан в статье В. Хмурого «Дебальцево» – первый бой чернецовцев», опубликованной в газете «Донская волна» №32, 1919 г.

26 декабря к Дебальцево скрытно были направлены конные разведчики. На следующий день к Щетово со станции Ровеньки прибыли для усиления отряда две сотни 10-го, одна сотня 58-го казачьих полков, взвод 12-й казачьей батареи и пулемётная команда 10-го полка. Из Новочеркаска подошла 1-я Донская добровольческая дружина в 70 штыков. Всего с казаками набралось до 600 человек при двух орудиях.

Вечером отбыли со станции Щетово в двух эшелонах. Причём составы шли по расписанию и под видом пассажирских поездов «3» и «3bis». Двигались от станции до станции, со всеми формальностями настоящих пассажирских маршрутов: остановками, отправками и пропусками. Всё выглядело настолько натурально, что в станционных кассах не прекращалась продажа билетов. Пассажиров с собой, конечно же, не брали и никого в вагоны не пускали. На станциях в аппаратных выставлялись по ходу движения караулы, готовые пресечь любую попытку сообщить в Дебальцево о надвигающейся опасности. Попыток не было. Ни малейших подозрений, ни у работников железной дороги²⁸⁶ впереди лежащих станций, ни у советского отряда в Дебальцево до самого конца так и не возникло.

В ночь на 28 декабря первый эшелон без помех прибыл на последнюю перед Дебальцево станцию. Оттуда, как до этого и на всём этапе, была передана по телеграфу депеша, с просьбой принять «пассажирский поезд за литерой «3». Ответ, однако, последовал отрицательный. Предписывалось ожидать «особого распоряжения Совдепа». Скорее всего, дело было всего лишь в проволочке. Но Чернецов ждать «распоряжения» не стал. Эшелон проследовал до дебальцевского семафора и здесь остановился. Стоявшие у семафора часовые-красногвардейцы были

²⁸⁶ Антонов-Овсеенко так определил причины произошедшего: «Удалось Чернецову совершить эту проделку, благодаря предательству железнодорожников, которые скрыли от нас приближение чернецовских эшелонов и пропустили их под видом обычных, следующих по расписанию «пассажирских 3 и 3 бис». В этом с ним вряд ли можно согласиться. У станционных служащих для сообщения по линии о том, что на станцию прибыл не пассажирский поезд, а военный эшелон, просто не оставалось времени. Едва состав подходил к перрону, из вагонов выскакивал караул и занимал аппаратную. Ни о каком «предательстве» говорить, конечно, не приходится.

мгновенно разоружены. Та же участь постигла и подошедшую смену с разводящим.

Отряд выгрузился из вагонов и, не дожидаясь подхода второго эшелона, построившись повзводно, двинулся в колоннах к Дебальцево. У станции рассыпались в цепь. И лишь тогда были обнаружены. Группа красногвардейцев во главе с Коняевым забаррикадировалась в помещении станции и открыла огонь. Стреляли из окон, втащили на крышу пулемёт и заставили подходившую цепь залечь. Завязалась перестрелка, которая продолжалась минут 15–20. К этому времени «чернецовцы» подтянули орудия, которые произвели два выстрела. Один снаряд угодил в железнодорожное депо. Вторым был сбит пулемёт вместе с пулемётчиком. Цепь поднялась и устремилась к стационарным постройкам. Сопротивления никто уже не оказывал. Красногвардейцы, оборонявшиеся на станции, были обезоружены и направлены в эшелон для допроса. Пассажиры, ожидающие посадки на «пассажирский третий», сгрудились в углу залы 3-го класса, не замечая накрывающих их струй из пробитой пулями водопроводной трубы. Гарнизон в большинстве, пользуясь темнотой, рассеялся в степь.

Вслед за первым эшелоном прибыл и второй, «пассажирский третий bis». По указаниям отправленного ранее в Дебальцево «контрразведчика» М.И. Свечникова производились аресты. Антонов-Овсеенко утверждал потом, что на станции было расстреляно 13 красногвардейцев и работников Советского департамента. Потери «чернецовцев» были минимальны. В перестрелке два партизана были убиты (кадет Полковников и воспитанник высшего начального училища Пятибратов) и несколько человек ранены.

В Дебальцево Чернецовым было захвачено 5 пулемётов, вагон с предназначенными для вооружения отрядов Красной гвардии винтовками, значительное количество револьверов, подаренных есаулом партизанам в память о налёте, и различное интендантское имущество.

Но дело было, конечно же, не в материальном ущербе. Моральный был ощутимее и болезненнее в разы. Красногвардей-

цев, ещё в большей степени, строевых солдат охватила паника. Не имея представления о силе и замыслах выходящего на тылы обоих советских группировок противника, занервничали и в Харькове. Вот что писал в связи с этим Антонов-Овсеенко: «Если бы Чернецов вздумал развить свой успех и действуй он в связи с отрядом генерала Балабина у Иловайской или с казачьими полками у Луганска, он мог бы свести на нет весь наш успех в Донбассе²⁸⁷. Но Чернецов, очевидно, не имел этой связи и этих намерений, а может быть, не имел и возможностей (впоследствии выяснилось, что казачьи полки под Луганском были совершенно небоеспособны)...

Налёт Чернецова представился нам в Харькове частью серьёзно задуманной операции...²⁸⁸ И в связи с этим Петрову, в который раз, предписывалось для поддержки Саблина форсировать наступление на Миллерово. Саблину же было приказано отвести главные силы в район Родаково-Попасная, куда были направлены для его усиления отряд московских красногвардейцев²⁸⁹ и одна батарея 4-го арtdивизиона из Купянска с прикрытием. По мере сосредоточения подкреплений – попытаться вернуть Дебальцево. Вечером 28 декабря Костромской отряд Красной гвардии (до 200 штыков при 3-х пулемётах), вызванный Саблиным из Купянска, занял Дебальцево.

Чернецова на станции уже не было. «Уже 28 декабря, – писал

²⁸⁷ Следует отметить, что Чернецов и так в значительной степени свёл его на нет. Во всяком случае, Сиверс вынужден был оттянуть сохранившие боеспособность отряды на исходные позиции к Никитовке.

²⁸⁸ Налёт на Дебальцево был частной операцией, ни с кем Чернецовым не согласованной. При здравом размышлении становится очевидным, что есаул не мог двинуться дальше на Никитовку или Родаково. Фактор внезапности, главное его оружие, был утрачен. Вяжись Чернецов в серьёзный бой с устойчивой советской частью, его отряд легко мог быть отрезан. Для этого Саблину достаточно было, выдвинувшись от станции Семейкино, занять Колпаково и выставить в сторону Дебальцево крепкий заслон. Лишённый манёвра, Чернецов вынужден был либо прорываться с боем в невыгодных для себя условиях, либо оставить эшелоны и двигаться походным порядком в обход станций по зимней степи.

²⁸⁹ Командир отряда Горбунов заявил, «что отряд выступать не желает». Антонов-Овсеенко вынужден был подтвердить приказ, и потребовал предоставить пофамильные списки отказывающихся его исполнять.

Антонов-Овсеенко с горькой иронией, – как он приехал, так и уехал к станции Лихой в своих эшелонах...» В это же время Саблин получил сведения, что вслед за Чернецовым двинулись от Лихой казачьи эшелоны и заняли узловую станцию Колпаково.

Как отмечалось ранее, активизировались «калединцы» и в рудничном районе. Сиверс, потерявший два разложившихся пехотных полка, вынужден был отойти к Никитовке и Енакиево, откуда начинал первое наступление, и занять оборону фронтом на юг. Красная гвардия на рудниках была рассеяна.

Казалось, Советы в Донбассе близки к поражению. Однако вступил в силу фактор, и определивший в конечном итоге исход борьбы. В казачьих частях, вполне способных, казалось, удерживать фронт, началось давно ожидаемое окончательное разложение.

Тем не менее, впечатление от Чернецовского налёта и неудач в Рудничном районе было столь велико, что и в этих условиях Советское командование не спешило переходить к активным действиям и рекомендовало своим командирам соблюдать предельную осторожность. Ещё 4 января Саблину ставилась более чем скромная задача: «Дебальцево. Командующему отрядом Саблину. Усиленная разведка небольшими партиями. Не давайте застаиваться частям. Держите тесное соприкосновение с противником, организуйте партизанскую борьбу к Зверево. Поддержите дух рабочих – известия с Дона утешительны и час наш недалёк».

На следующий день отход казачьих частей обнаружила разведка Сиверса. Убедившись в достоверности этих сведений, Антонов-Овсеенко направил Саблину телеграмму следующего содержания:

«Дебальцево. Тов. Саблину.

Из отряда Сиверса получены следующие сведения, что казаки очистили ст. Ясиноватая, Криничная, и постепенно очищают весь район до Иловайской. Я дал предписание Сиверсу осторожно продвигаться вперёд правым плечом и занять очищенные станции, кроме того, приказано занять Авдеевку и Юзово. Поддерживать тесную связь с отрядом Саблина и стоящей в вашем

общем резерве кавдивизии в Бахмуте²⁹⁰. Ведите сильную разведку в сторону Иловайской от Дебальцево, а также к Зверево и Лихой. Усильте занятие Первоозвановки и Щеглово, всякий занятый пункт закрепляйте, сторожевое и походное охранение усильте. Сообщайте каждый раз об изменении обстановки прежде чем предпринять решительный шаг. Помните, что не закрепясь вы подвергнетесь удару с левого фланга и со стороны Иловайской. Обеспечьте содействие дивизии в Бахмуте и заручитесь поддержкой её кавалерии. Сохраните твёрдо Дебальцево, Родаково, Хацапетовку²⁹¹ и связь с Сиверсом. Но, прежде всего не торопитесь. Нарком Антонов».

Как видно, Саблину по существу предписывалось оставаться на месте, прикрыть левый фланг Сиверса занятием Хацапетовки и обезопасить свои отряды в Луганске, взяв под контроль Первоозвановку. В зоне ответственности Саблина оставались железнодорожные ветки Родаково – Лихая и Дебальцево – Зверево. Обеспечение левого фланга Сиверса и наметившийся успех вынуждали Саблина выделять всё больше сил для движения от Горловки на Иловайское.

В иных условиях подобное распыление не столь уж больших сил неминуемо привело к самым печальным последствиям. Но противостоять советским войскам, кроме офицерских и юнкерских отрядов и оставшихся немногочисленных казачьих команд было уже некому. К тому же противника перед ним в большинстве случаев не было, что способствовало постепенному продвижению.

5 января отряды Саблина, осторожно продвигаясь от Дебальцево, заняли станцию Петровеньки в 20 километрах от Колпаково. К 6 января утвердились на ст. Семейкино, где охранение и отряд красногвардейцев выдержало атаку составленной из офицеров и юнкеров роты²⁹². В тот же день части Саблина

²⁹⁰ Штаб 4-й кавалерийской дивизии с 7 января стал в Бахмуте (с 1924 г. – Артёмовск).

²⁹¹ С 1958 г. Угледорск.

²⁹² По всей видимости, это была разведка боем. Убедившись, что караульная служба у красногвардейцев на этот раз налажена, и застать их врасплох не удастся, «калединцы» отступили.

продвинулись от Хацапетовки до Монахово, отряд Рухимовича занял многострадальный Ясиновский рудник²⁹³, Левинсон – Рассыпную. Здесь вновь начала формироваться рудничная Красная гвардия. Недостатка в желающих присоединиться к советским войскам не было. Саблин запросил для этих целей до 10000 одних только винтовок.

Всего у Саблина, не считая вспомогательных служб, насчитывалось до 2200 штыков при 16 лёгких и 6 тяжёлых орудиях. Кроме того, до 5 тысяч красногвардейцев, вероятно не проявивших особогорвеня выступить на фронт, и Драгунский полк 4-й кавдивизии (300 сабель) стояли на квартирах, в резерве. На 5–6 января отряды Саблина располагались следующим образом: отряд Рухимовича (до 350 штыков) в Янакиевке и Ясиноватой; в Зуевке – две батареи с пулемётным прикрытием; в Чистяковке – 53-й пехотный полк (до 500 штыков); в Черемухино – Гатчинский отряд Левинсона (340 штыков) и отряд Костромской Красной гвардии – на станции Петровеньки.

На запрос о возможности развить наступление в направлении Миллерово – Лихая – Звереве, Саблин 7 января докладывал:

«Из Дебальцево, Харьков. Антонову.

Муравьёву известно, что с казаками Луганской станицы²⁹⁴ заключено перемирие, с обязательством предупреждения о начале боевых действий за двое суток. Это дало мне возможность перебросить все силы в Дебальцево и оказать крупную помощь Сиверсу. Сегодня предьявляю казакам района Луганск – Милле-

²⁹³ 6 января части Сиверса заняли Криничную и этим невольно ограничили дальнейшее продвижение отрядов Саблина на юг.

²⁹⁴ В настоящее время Станично-Луганское. 5 января у Саблина состоялась конференция с представителями казачьих полков 8-й Донской дивизии, штаб которой находился в Звереве. В итоге казаки пообещали соблюдать «нейтралитет». Любопытно, что подобные соглашения расшатывали и советские отряды. Так 7 января к Антонову-Овсенко прибыла делегация 85-го полка с жалобой на то, что «Саблин не позволяет им брататься с казаками». Делегаты «за нарушение революционной дисциплины» были, конечно, Антоновым-Овсенко отчитаны.

рово ультиматум с требованием нейтрализации их артиллерии, и пропуска наших войск через территорию, при гарантии ненападения на нас с тыла через заложников. Через два дня, если пришлёт подкрепление, могу наступать».

Соответствующая телеграмма с требованием поддержать движение Саблина была направлена Петрову. Наступление на Миллерово, однако, не состоялось. Казаки в спину Саблину не ударили, но и на Миллерово от Луганска его отряды не пропустили.

К 10 января, когда факт развала Донского фронта уже не вызывал сомнений, Антонов-Овсенко издал директиву, в которой приказывал войскам перейти в решительное наступление всеми силами по сходящимся направлениям. Петрову в очередной раз предписывалось активизировать свои действия и двигаться от Чертково на Миллерово. Саблину следовало наступать от Луганска на Миллерово – Звереве – Лихую. Царицынская Красная гвардия должна была поддержать его выдвиганием через Чир также на Лихую. 39-й пехотной дивизии приказано было выделить часть сил для наступления от Тихорецкой на Батайск. Предполагалось при этом, что 5-я Кубанская казачья дивизия своим движением расчистит дорогу Поворино – Царицын, и деморализует два Донских полка, расположенных в этом районе. Сиверсу предписывалось наступать в направлении на Иловайскую. Егорову следовало поддержать Сиверса движением от Мелитополя на Таганрог, но 5 января начались решающие бои на Правобережье Украины, и стало очевидно, что его отряд отвести в Донбасс уже не удастся.

В ночь на 9 января разведка Саблина заняла станции Штеровка и Колпаково. Однако днём после короткой перестрелки, отошла под натиском офицерского отряда на исходные позиции в Петровеньки²⁹⁵. Туда же был отозван из Янакиевки и отряд Рухимовича. Антонов-Овсенко отмечал, что «Саблин, после урока под Дебальцево, действовал... с чрезмерной осторожностью, ограничиваясь лёгкими стычками, сильно преувеличивая силы

²⁹⁵ О масштабе боёв говорит тот факт, что за всю операцию у Саблина 1 человек был убит и 10 ранено.

врага²⁹⁶». Ничем иным его упорное нежелание сосредоточить все силы на главном направлении и развивать наступление от Петровеньки на Зверево объяснить нельзя²⁹⁷.

Создаётся впечатление, что и командиры его отрядов с большой неохотой выдвигались к Зверево, где вполне могли нарваться на Чернецова. В то же время, в Рудничном районе подобная угроза казалась менее вероятной. В результате, в то время как на Зверево от Дебальцево и на Лихую от Родаково робко продвигалась лишь усиленная разведка, почти половина всех сил «прикрывала левый фланг Сиверса» и в боях участия почти не принимала. По прошествии стольких лет трудно говорить определённо о причинах, заставивших Саблина распределить войска подобным образом. Несомненно одно, он допустил и так и не исправил до конца серьёзную тактическую ошибку, которая на этот раз не осталась без последствий.

11 января Антонов-Овсеенко получил первые сведения о том, что днём ранее в ст. Каменской состоялся съезд фронтового казачества, объявивший о борьбе с Калединым. Несмотря на их неопределённый и противоречивый характер, Главком решил не мешкать и использовать изменение ситуации в свою пользу. В Купянск на совещание, состоявшееся 13 января, были вызваны Петров, Саблин и Сиверс²⁹⁸. Петров и Саблин, каждый в рамках своей компетенции, проинформировали Главкома о съезде в Каменской. Саблин передал для ознакомления телеграмму следующего содержания:

«Луганск. Штаб Красной гвардии. Саблину.

Ввиду вновь создавшегося положения на Дону, когда власть (в) Области взята казачьим фронтовым съездом северного фронта, 27-й полк полагает, что пропуск вооружённых больше-

²⁹⁶ 9 января Саблин докладывал Антонову-Овсеенко, что лишь на участке Колпаково – Зверево против него действует отряд, составленный из офицеров и юнкеров, численностью до 3000 штыков. Вряд ли в Добровольческой армии вместе со всеми партизанскими отрядами набралось бы много больше.

²⁹⁷ Позже отряды Левинсона и Рухимовича были всё же переброшены для действий против Лихой и Зверево.

²⁹⁸ Сиверс, сославшись на занятость, на совещание не прибыл. Воспользовавшись отходом казаков, он медленно продвигался на Иловайскую.

вистских эшелонов сейчас несвоевременен и не может быть допущен; так как только увеличит суматоху на Дону и внесёт разлад в семью трудового казачества. Полк надеется, что трудовое казачество сумеет разрешить все наболевшие вопросы и поступить так, как следует, с тем пришлым элементом, который внёс рознь в его семью. Ваша помощь, поэтому пока не является необходимой. Председатель полкового комитета Решетов».

Ситуация ещё более запутывалась. Выходило, что, по крайней мере, часть казаков, выступая против Каледина, вовсе не желает воспользоваться «помощью» советских войск. Оставалось совершенно непонятным, в какой мере съезд в Каменской лоялен по отношению к Советской власти, в какой степени связан с Воронежскими большевиками, какими силами располагает, какова линия по отношению к нему Совнаркома, и главное, что следует от него ожидать в чисто военном плане. Исходя из этого, Антонов-Овсеенко предостерег Саблина и Петрова от возможной переоценки ими Каменских событий. Предложил относиться к Каменскому ревкому и его заявлениям с большой осторожностью, и как можно меньше на них полагаться. В то же время, действовать тактично, учитывая «определённое недовольство со стороны казаков нашим вторжением на Дон».

О своём видении ситуации и отношении к казачьему съезду Антонов-Овсеенко высказывался с присущей ему откровенностью: «...фактом громадного значения являлось создание органа Гражданской войны в недрах косного казачества. И представлялось чрезвычайно важным поддержать авторитет и власть казачьего Ревкома, сохранить в глазах казачества его самостоятельность и, вместе с тем, добиваться от Ревкома *самоопределения в сторону Советской власти*, усиления разрыва с Калединым, – содействовать тому, чтобы логика положения завела ревком *невозвратно на путь борьбы*.

Калединщина должна быть удушена руками самих казаков. На совещании в Купянске мы договорились держаться в отношении ревкома именно этой тактики²⁹⁹. Вступить немедленно

²⁹⁹ Антонов-Овсеенко мог не беспокоиться. Работа по «самоопределению съезда в сторону Советской власти» уже велась в Каменской людьми, в таких делах куда более подкованными.

в официальные сношения с казачьим ревкомом, добиваться от него определения своей политической физиономии и поддерживать его в борьбе с Калединым».

В связи с очередным изменением обстановки Антонов-Овсеенко предложил Саблину передать часть сил, действующих в Рудничном районе, в подчинение Сиверсу. Понятным было его стремление форсировать наступление на Таганрог – Ростов, против чего каменские казаки не возражали определённо. Продвижение же на Лихую и Звереву, занятые войсками Донревкома 11 января, не говоря уже о Миллерово, ставилось теперь под большое сомнение.

Саблин начал уже было передавать Сиверсу под Иловайскую новые отряды. Вместе с тем, он не преминул воспользоваться ситуацией и занял незначительными силами прилегающие к Звереву и Лихой станции. И тут, в который уже раз, всё перевернулось с ног на голову. 16 января Саблин сообщал Антонову-Овсеенко из Дебальцево:

«Обстановка внезапно изменилась. После неудачных попыток вступить в переговоры с Военно-Революционным Комитетом Донской области, Каледин двинул на Звереву 600 юнкеров и офицеров и занял его³⁰⁰. Рухимович находится в 20 верстах от Зверева. Считаю необходимым временно прекратить переброску сил в Таганрог и завтра же ликвидировать Звереву двойным ударом, – от Дебальцево и Лихой и заменить на участке Лихая – Новочеркасск бессменных революционных казаков своими силами. Нельзя допустить увлечения наступлением на юг, раз возможен прорыв через Звереву себе в тыл. До сего времени на Иловайское отправилась мортирная батарея и Ярославский отряд. Харьковскую батарею и костромичей успел задержать у себя в Дебальцево. Прошу высказать ваше мнение по этому вопросу. Если мы сейчас разобьём юнкеров, помогая ВРК, то этим заставим его признать наше право на пребывание внутри области войска Донского».

Следует признать, Саблин мыслил и в обстановке разо-

³⁰⁰ Это был отряд двинувшегося в свой последний поход Чернецова. Было у него никак не больше 300 человек.

брался весьма здраво. Занятие войсками Донревкома Звереву и Лихой закрывало для его отрядов выход на стратегическую магистраль Чертково – Ростов вернее любого «калединского» заслона. Сама его группировка, запёртая на ставших вдруг бесполезными ветках, теряла всякий смысл существования. Взятие же узловых станций «офицерским отрядом» разом всё меняло и возвращало перспективу. Теперь Саблин *имел очевидное право* вступить в бой против общего врага. То, что в процессе «оказания помощи Донревкому» его отряды займут участок магистрали, чего поначалу так не хотели допустить в Каменской, подразумевалось само собой разумеющимся. Выход же на магистраль означал автоматически и возможность выдвижения по ней к Александровску-Грушевску и далее к Новочеркасску и Ростову. Операция представлялась уже в принципе выигранной и почти законченной. И все понимали, на неизбежном торге с Донревкомом многое, если не всё, будет зависеть от того, чьи гарнизоны станут в итоге в городах Области.

Осознав и оценив всё это, Саблин действовал энергично и целеустремлённо. Вот только отряды свои, разбросанные тут и там, он так и не смог сконцентрировать в мощный кулак. Нельзя, конечно, исключить и того, что Советское командование, и Саблин, в том числе, считали оставшиеся силы противника ничтожными, а налёт на узловые станции едва ли не случайным. Впрочем, думается, открывающиеся перспективы были столь заманчивы, что Саблин двинулся бы *на любого* противника.

Понимал всё это и Антонов-Овсеенко. Он тут же приостановил передачу частей Сиверсу и приказал Саблину начать решительное наступление в поддержку Донревкома. 17 января Саблин занял Замчалово, 18 января, после боя с оставленной заслоном офицерской ротой, взял с боя станцию Лихую. Разведка из отряда Рухимовича заняла было Звереву, но, ввиду малочисленности, закрепляться не стала и отошла к главным силам.

К Лихой Саблину удалось стянуть всё, что нашлось под рукой, 3-й Московский отряд Красной гвардии (до 500 штыков) и части 85-го полка с артиллерией. Как вскоре выяснилось, этого оказалось слишком мало.

4.4. Продвижение Петрова. Каменский ревком

В первых числах января в отряде Петрова насчитывалось до 2500 человек при двух батареях и 20 пулемётах. Передовые его части занимали Чертково и активности не проявляли.

7 января 1918 г., когда наступление Саблина от Луганска на Миллерово, казалось возможным и перспективным, Антонов-Овсеенко потребовал от Петрова поддержать его выдвижением к югу от Чертково. Вот текст его телеграммы:

«Из Харькова – Лиски. Комиссару Воронежских войск товарищу Петрову.

Именем революции и в силу полномочий, данных мне Советом Народных Комиссаров, предписываю вам немедленно перейти в наступление к Миллерово и занять эту станцию, откуда войти в связь через Луганск с отрядом Саблина, сейчас ведущим наступление против калединских банд. Об исполнении срочно донести».

Петров ответил, что наступает, однако с места не двинулся. По-человечески понятно недовольство Главкома Петровым, которого он в мемуарах называл «совершенно несостоятельным». Думается, это всё же не так. Возможно и даже наверняка, Петров не обладал необходимыми организаторскими способностями, но в личной его храбрости усомниться трудно.

Г.К. Петров

И в Чертково он попал в двусмысленное положение, из которого не мог найти выхода. С представителями его отряда казаки подписали вполне определённое соглашение, где чётко оговаривались «права и обязанности сторон». Начни Петров выдвижение в глубь Области, что противоречило не только букве, но и духу соглашений, и

ситуация мгновенно выходила из-под контроля. Судя по всему, Петров вполне допускал, что в этом случае донские полки загордят ему дорогу с оружием в руках. Исход серьёзного боевого столкновения наполовину разложенного лоскутного красногвардейского отряда с вышколенными, прошедшими Великую войну донцами был едва ли не предопределён. В лучшем случае, его бы просто выдавили за пределы Области. В худшем – вырезали бы без остатка³⁰¹.

Другое дело, что Петров не докладывал об этом Антонову-Овсеенко и легко давал обещания, которые, видимо, и не собирался выполнять. Как и многие, Петров в донесениях не стеснялся приукрашивать события и преувеличивать силы врага. Впрочем, не он первый, не он и последний...

7 января в Воронеже должен был начать свою работу созываемый большевиками в противовес Войсковому правительству³⁰² «Съезд трудового населения Дона». Несмотря на усилия группы Донских большевиков, во главе с Сырцовым и Щаденко, представителей казачьих частей привлечь к работе съезда не удалось. Из 100 делегатов съезда казаков было не более десяти. Вся работа, проделанная, в общем-то, ради окончательного разложения и расформирования казачьих частей³⁰³, грозила пойти насмарку.

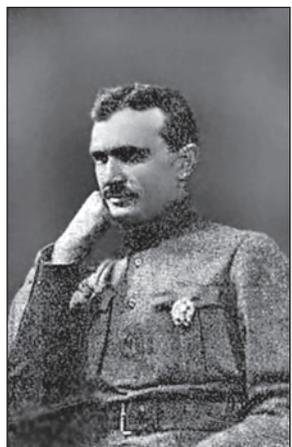
И тут вдруг выяснилось, что 10 января в ст. Каменской проводится «Совещание»³⁰⁴ делегатов фронтового казачества». Делегаты воронежского съезда решили к нему присоединиться.

³⁰¹ И это не просто предположение. Позже, случилось, уничтожались целиком и более сильные и устойчивые отряды.

³⁰² Войсковое правительство запретило казакам, как и другим жителям Области, принимать участие в работе воронежского съезда.

³⁰³ При благоприятных обстоятельствах надеялись, конечно, создать подконтрольное большевикам «Донское правительство», альтернативное Калединскому Паритетному.

³⁰⁴ Приступив к работе, Совещание объявило себя «Съездом фронтового казачества». Есть все основания предполагать, что съезд явился результатом движения «снизу», и был созван по инициативе полковых казачьих комитетов. Делегаты съезда представляли двадцать три донских полка и пять батарей.

Е.А. Щаденко

Выехали группой в 70 человек во главе с Сырцовым, Щаденко и казаками Ермиловым и Елисеевым. В Каменскую прибыло до 30 человек, остальные в пути, вероятно, опасаясь за свою жизнь, «отстали».

Съезд, проходивший под председательством Подтёлкова, по выражению Антонова-Овсеенко, «протекал в боевом, но неопределённом направлении. Лишь небольшая горсть казаков, связанных с большевиками, – Кудинов, Стехин и др., пытались направить съезд к боевым действиям». Сделать это было совсем непросто. Большая часть делегатов настроена была совершенно по-иному. Воевать с большевиками они не хотели, но ещё меньше желали воевать против своих. Осторожные попытки «Воронежской группы» склонить казаков к захвату власти наталкивались лишь на растущее недоверие. Постепенно съезд начинал склоняться к мысли разрешить дело миром, договориться как с большевиками, так и с Калединым.

Но тут была перехвачена телеграмма Войскового атамана об аресте участников съезда и препровождении их в Новочеркасск. Почувствовав угрозу, делегаты высказались за войну с Калединым и создали Донской военно-революционный комитет. Председателем был избран Ф.Г. Подтёлков³⁰⁵, секретарём М.В. Кривошлыков³⁰⁶. Членами комитета стали, в том числе, Кудинов, Лагутин, Елисеев, Дорошев, Ермилов, Жданов, Ерохин, Ковалев, Криушев, Маркин и другие, в той или иной степени со-

³⁰⁵ Фёдор Григорьевич Подтёлков, 1886 г.р., учился в церковно-приходской школе, на военной службе с 1912 г. На фронте в чине подхорунжего был взводным урядником в 6-й лейб-гвардии артиллерийской батарее.

³⁰⁶ Михаил Васильевич Кривошлыков, 1894 г.р., агроном по образованию, с началом войны попал на фронт. Позднее окончил краткосрочные курсы при Новочеркасском военном училище. Служил командиром пешей разведки, затем, в чине прапорщика, сотенным командиром. Летом 1917 г. был избран председателем комитета 28-го Донского полка и членом комитета 5-й Донской казачьей дивизии.

чувствовавшие большевикам, казаки.

ВРК должен был организовать войска для сопротивления Каледину, добиться от него прекращения войны с советскими частями, роспуска добровольческих отрядов, выдворения с Дона Корнилова и других генералов, а в конечном итоге, и сложения властных полномочий.

В социально-политическом плане позиция съезда до логического завершения доведена не была. В воззвании, расклеенном на следующий день по всей станице, в частности говорилось, что съезд берёт на себя «почин освобождения трудового казачества от гнёта контрреволюционеров и Войскового правительства, генералов, помещиков, капиталистов, мародёров и спекулянтов». Сообщалось, что съезд образовал ВРК, к которому переходит власть в Донской области, однако о структуре будущей власти ничего сказано не было.

В ночь на 11 января ВРК, используя подразделения 8-го Донского и Атаманского полков, произвёл аресты представителей Войскового правительства в Каменской³⁰⁷ и, по совету воронежских товарищей³⁰⁸, направил команды для занятия Ли-

Ф.Г. Подтёлков

М.В. Кривошлыков

³⁰⁷ Были арестованы окружной атаман, воинский начальник, оказавший вооружённое сопротивление и ранивший двух казаков, и 18 военных чиновников.

³⁰⁸ «Воронежские товарищи», если, конечно, они действительно дали совет занять узловые станции, вскоре об этом пожалели. Едва Донревком почувствовал в своих руках реальную силу, его представители дали понять Советскому командованию, что в помощи красногвардейцев не нуждаются.

хой и Звереву. Днём 11 января в Каменскую прибыл посланный Калединым для ареста делегатов съезда 10-й Донской полк. Выгрузившись на станции, полк присоединился к проходящему на ней митингу. Казаки перемешались друг с другом. Об аресте нечего было и думать. Призывы командира 10-го Донского выполнить приказ понимания у подчинённых не нашли.

Тут же полковой комитет заявил о подчинении полка Донревкому. Однако плохо скрываемая на первых порах связь Донревкома с большевиками возмутила многих. Делегация 10-го полка, гундоровцы, представители других частей потребовали удаления Сырцова, Щаденко, некоторых других «неказачков» из Каменской. «И товарищи были вынуждены, – пишет Антонов-Овсеенко, – перейти почти на нелегальное положение. Ревком, дороживший их советами, всячески прятал от казачьих масс свои сношения с большевиками³⁰⁹».

Надо признать, что Донревком вовсе не представлялся единым монолитом. Более того, даже и лояльные по отношению к Советам его члены крайне болезненно реагировали, едва разговор заходил о войсковых землях, или организации Красной гвардии на шахтах и рудниках³¹⁰. В этом случае большевистское влияние сразу же сводилось к минимуму.

Вообще в составе Донревкома имелось, по крайней мере, два течения, умеренное и большевистское. И какое из них возьмёт верх при обсуждении того или иного конкретного вопроса предугадать было невозможно. Отсюда и противоречивость, и половинчатость его решений, и неустойчивость перед влиянием внешних факторов. Но и среди членов ВРК, ориентирующихся на большевиков, тоже не наблюдалось безусловного единства. Были там казаки-большевики, такие, как Кудинов или До-

³⁰⁹ Тем не менее, от ВРК были направлены в Совнарком делегаты, которые без проволочек были приняты Лениным и даже успели поучаствовать на последних заседаниях III съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (проходил с 10 по 18 января 1918 г. в Петрограде).

³¹⁰ На прямую просьбу делегации шахтёров выделить для них винтовки Донревком ответил отказом, мотивируя его отсутствием у казаков лишнего оружия.

рошев, звёзд с неба не хватавшие, на лидирующие позиции не претендующие, честно тянувшие партийную лямку. Были люди, вроде Лагутина, при всём при том, не утратившие глубинной связи с казачеством, ощущавшие себя его частью, способные и на самостоятельное мышление, и на поступок. А были и такие, как офицер-гундоровец Маркин, считавшие, что военные действия с Калединым допустимы лишь в крайнем случае.

Особняком, конечно, стоит Подтёлков. Что толкнуло этого не по его вине малообразованного казака-батареяца к большевикам, в общем-то, понятно. Встречаются изредка люди, в силу личностных качеств, имеющие с властью особые отношения. Эта сама собой возникающая связь не зависит ни от уровня культуры, ни даже от обаяния. Они просто воспринимают власть, как нечто само собой разумеющееся, во власти естественны и гармоничны. Тянутся к ней и берут в руки при первом удобном случае. И власть, чувствуя генетическую совместимость, благоволит к ним. Именно таким во многом и был Подтёлков. Ни при Керенском, ни при Каледине ни малейших шансов подняться выше унтер-офицерского уровня у него не было.

Вместе с тем, пойдя с большевиками, можно было добиться многого. Что собственно, и произошло на съезде и развивалось в дальнейшем. И то, как изменялся председатель Донревкома на глазах день ото дня, те, сразу же появившиеся, отстранённость и холодок в отношениях с «рядовыми» казаками, были всего лишь атрибутами вхождения во власть. Несколькими скупыми фразами охарактеризовал эти, произошедшие в нём перемены Шолохов: «...в голосе его тянули сквозняком нотки превосходства и некоторого высокомерия. *Хмелем была власть в голову простого от природы казака*».

Можно сомневаться, можно спорить, какую роль играла в жизни этого человека забота об интересах «трудового казачества», а какую – немалые личные амбиции. Есть один, возможно, определяющий критерий. Отношение к гибели Чернецова. Если Голубов переживал и долго ещё не мог успокоиться, понимая, что пути назад отрезаны навсегда, то Подтёлков и бровью не повёл. Прошлое его не заботило и ничем не согревало.

И всё же, надо признать, это был сильный и смелый человек. Суровый и основательный. Безусловно понимавший, чем рискует, но готовый идти до конца. Зная, что без Советской власти и партийного руководства наверху ему не усидеть, но, тем не менее, вовсе не безоговорочно принимавший большевистские указания, иногда, набычившись, действовавший независимо ни от кого и ни от чего совершенно...

13 января в Каменскую прибыла для ведения переговоров делегация Войскового правительства в составе шести человек, в том числе и председатель Круга Агеев. Всю ночь на 14 января в здании почтово-телеграфной конторы происходило совместное заседание членов Донревкома в количестве 17 человек с правительственной делегацией. Стороны не могли даже и приблизиться к компромиссу, разговаривали на разных языках. Агеев и другие члены Круга обвиняли Донревком в предательстве интересов Дона и в том, что, идя на соглашение с большевиками, он неизбежно становится орудием в их руках³¹¹. Особенно резко говорил Кушнарёв. Речь его прерывалась то и дело сгрудившимися в дверях и коридоре

³¹¹ Донревком безусловно, особенно на первых порах, по ряду вопросов занимал и собственную позицию. Но вот как описывает ход переговоров Толмачев: «За стол сели Подтёлков, Кривошлыков, Дорошев, Криушев, Шурупов, Кудинов. Чтобы избежать упреков делегации по поводу участия в переговорах иногородних, Щаденко не показывался в зале. Но все члены Донревкома нуждались в его помощи. Поэтому Ефим Афанасьевич находился в коридоре, а Кудинову поручили информировать его и получать советы... Много раз Кудинов выходил в коридор, советовался с Щаденко, и тот, оживлённо жестикулируя, разъяснял бессмысленность затеянного маскарада.

...в коридоре Щаденко решительно требовал прекратить эту говорильню и ни в коем случае не соглашаться на поездку.

– Это безумие, пустые надежды! – горячился он. – Перемирия никакого быть не может! Неужто не понятно, чего хочет Каледин?

Проводив делегатов, Подтёлков вступил в спор.

– Ну, ты, брат, сгущаешь краски, – заявил он, – я тоже не против применения силы, где она необходима, но зачем же искусственно разжигать гражданскую войну? Мало тебе крови?

В голове Подтёлкова глубоко сидела идея о братской казачьей солидарности, возможности договориться с врагами революции мирным путём. Как известно, много позже ему пришлось поплатиться жизнью за эту слепую веру».

Свои выводы каждый, конечно, вправе делать сам.

казаками. Раздавались даже призывы арестовать Войсковую делегацию.

Подтёлков, Кривошлыков, Лагутин отвечали в том смысле, что Каледин противопоставил Дон остальной России, приютил Корнилова и добровольческие отряды, чем спровоцировал приход большевиков и втянул Область в гражданскую войну. И, следовательно, должен уйти.

Договориться, конечно, ни о чём не удалось. Около двух часов ночи, когда стало ясно, что соглашение не может быть достигнуто³¹², было принято предложение члена Круга Карева о возобновлении переговоров и приезде в Новочеркасск делегации от Военно-революционного комитета. С утра 14 января правительственная делегация покинула Каменскую.

А днём ранее в Купянске Антонов-Овсеенко провёл совещание с Петровым и Саблиным, почти целиком посвящённое Каменскому съезду. Петрову, как и Саблину, Главком советовал не переоценивать возможностей и активности Донревкома, относиться к нему и его заявлениям с величайшей осторожностью, соблюдать тактичность, и рассчитывать исключительно на собственные силы.

В тот же день 13 января Антонов-Овсеенко принял делегата Донревкома Маркина. Главком пообещал оказать всяческое содействие Каменскому ревкому при условии положительного ответа на следующие вопросы:

- 1) Признаёт ли казачий Ревком власть ЦИК и выбранного им Совета Народных Комиссаров.
- 2) Готов ли созвать вместо Войскового круга съезд представителей от советов всего трудового населения Дона.
- 3) Готов ли вести под общим советским руководством вместе с ним борьбу против Каледина и Корнилова.

Дополнительно был задан вопрос о готовности Ревкома выступить с разъяснением своей позиции официально?

Маркин от прямых ответов уклонился. Заявил о сложности разрешения земельного вопроса, настаивал на необходимости

³¹² Войсковая делегация не могла обсуждать вопросы, связанные с передачей власти Донревкому, так как соответствующими полномочиями наделена не была.

сохранения в той или иной форме Донской автономии. Антонов-Овсеенко заверил его, что вопрос о земле будет решаться на основе решений Всероссийского съезда Советов и опубликованного СНК декрета, с учётом особенностей отдельных областей. И что областная и краевая автономия духу Советской власти не противоречит. Ни о чем, конкретно не договорившись, пообещав проинформировать Донревком о поставленных перед ним вопросах, Маркин отбыл в Каменскую.

Ревком с ответом, тем более, официальным не спешил. Слишком многое зависело от результатов возобновляющихся переговоров с Калединым, и до их окончания даже и Подтёлков связывать себя какими бы то ни было заявлениями и обещаниями не собирался. Позже Донревком дал понять о нежелательности вооружённой помощи со стороны советских отрядов. В Каменской не были озабочены развернувшимся наступлением на Таганрог и Ростов, занятые Добровольческой армией. Но возражали против выдвижения красногвардейцев к Новочеркаску. По мнению Ревкома на этом направлении содействие большевиков должно было ограничиться материальной помощью.

Казалось бы, положение Донревкома было весьма шатким. Части, выразившие ему поддержку, были разбросаны тут и там, за многие сотни километров друг от друга. Собрать их было невозможно. Боеприпасы подошли к концу, обмундирование и обувь давно сносились, боевой дух после всего происшедшего отсутствовал, как таковой. Однако и полки, остававшиеся номинально верными Каледину, находились в таком же точно состоянии. Подавляющее большинство казаков, вне зависимости от своих симпатий и позиции полковых комитетов, едва лишь узнав о Каменских событиях, спешили покинуть свои части и разъехаться по домам. Воевать друг с другом силами казачьих частей и тем, и другим было весьма затруднительно. Скорее, едва ли возможно.

14 января в Новочеркасск направились представители Военно-революционного комитета во главе с Подтёлковым. Кроме него на выборной основе были делегированы Кривош-

лыкков, Кудинов, Лагутин, Скачков (выбранный от Атаманского полка), Головачёв и Минаев. В Каменской оставались в качестве заложников арестованные ранее офицеры Атаманского полка.

В Новочеркаске на вокзале делегацию встретил офицерский наряд и препроводил к зданию Областного правления³¹³. По дороге делегацию обступали любопытные, настроенные недоброжелательно. Доходило до выкриков и оскорблений. Караул, ограждая от толпы, симпатий к делегации также не проявлял.

В зале правления рассаживались по одну сторону стола делегаты Каменского ревкома, по другую – члены Донского правительства во главе с Калединым. Со стороны правительства присутствовали П.М. Агеев, Б.Н. Уланов, В.Н. Светозаров, Г.И. Карев, С.Г. Елатонцев, Боссе, Шошников и другие. В те времена подобные мероприятия проходили прилюдно, и зал не смог вместить всех желающих. Сидели поодаль, но стульев не хватало. Толпились у дверей, плотно стояли у стен, занимали подоконники. Казаки, гражданские. Немало было и женщин.

Кривошлыкков протянул заранее заготовленный текст ультиматума, но Каледин, ссылаясь на бессмысленность изучения документа каждым членом правительства в отдельности, попросил его озвучить.

– Читай, – соглашаясь, распорядился Подтёлков.

Кривошлыкков зачитал ультиматум:

«1. Вся власть в Области войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего 10-го января 1918 года³¹⁴ переходит от Войскового атамана к Донскому казачьему Военно-революционному комитету.

³¹³ Описание совещания членов Войскового правительства с делегатами Каменского ревкома произведено на основании материалов «Донской летописи, т. 2, документ №4, Подтёлков в Новочеркаске». Другие источники в сравнении с указанным несколько разнятся, как в хронологической части, так и в описательной. Автор считает нужным попытаться передать эмоциональную составляющую заседания, так как она способствует уточнению и пониманию чаяний и позиций сторон. Автор позволяет себе купировать выступления ораторов, не нарушая их сути. Автор старается не делать при этом однозначных выводов, оставляя это право за читателем.

³¹⁴ Дата открытия съезда в Каменске.

2. Все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, отзываются 15-го января сего года и разоружаются, равно как и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков. Все участники этих организаций, не жившие на Дону, высылаются из пределов Донской области в места их жительства.

Примечание: оружие, снаряжение и обмундирование должно быть сдано комиссару Военно-революционного комитета. Пропуск на выезд из Новочеркаска выдаётся комиссаром Военно-революционного комитета.

3. Город Новочеркасск должны занять казачьи полки по назначению Военно-революционного комитета.

4. Члены Войскового круга объявляются неправомочными с 15-го сего января.

5. Вся полиция, поставленная войсковым правительством, из рудников и заводов Донской области отзывается.

6. Объявляется по всей Донской области, станицам и хуторам о добровольном сложении войсковым правительством своих полномочий, во избежание кровопролития, и о немедленной передаче власти областному казачьему Военно-революционному комитету, впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения».

Даже и беглого ознакомления с текстом было достаточно, чтобы понять принципиальную неприемлемость его требований. Трудно представить себе правительство, избранное с соблюдением демократических процедур, обладающее всеми атрибутами государственной власти, имеющее вооружённые силы, которое отказалось бы от суверенитета по одному лишь требованию, в общем-то, неопределённого, размытого политического образования.

Также невозможно предположить, что делегаты Донревкома рассчитывали на согласие правительства добровольно уступить всю полноту власти. Казалось бы, логичным было бы предложить провести новые выборы, или каким-то образом перераспределить власть друг с другом и на этой почве искать

точки соприкосновения. Но выдвигались заведомо невыполнимые требования передачи именно *всей полноты власти* от Донского правительства к ВРК. Никаких гарантий при этом не предоставлялось. О структуре и характере будущей власти также почти ничего не говорилось.

Остаётся предположить, текст был составлен таким образом, чтобы исключить возможность не только компромисса, но продолжения переговорного процесса в принципе. Сами ли члены Ревкома шли на открытую и ничем не спровоцированную конфронтацию, или вняли советам того же Щаденко, неизвестно. Вопрос остаётся открытым...

Едва Кривошлыков зачитал текст ультиматума, Каледин громко спросил:

– Какие части вас уполномочили?

Подтёлков перечислил номера полков и батарей. В середине он замялся на мгновение. Тихо подсказал Лагутин, и Подтёлков тут же оправился. Закончил уверенно.

Начались прения, в которых стороны общего языка найти не могли. Обмен мнениями то и дело оборачивался взаимными упрёками. Столь важные в декабре вопросы теперь уже мало что значили, и сменялись такими же расплывчатыми, ни к чему не обязывающими ответами. Всё решали ни аргументы, и даже ни истинные цели и личные амбиции. А одна лишь решимость и соотношение сил.

Каледин спросил, признают ли члены Ревкома власть Совета Народных Комиссаров. «Это может решить лишь весь народ», – ответил Подтёлков. А Кривошлыков не совсем к месту добавил:

– Казаки не потерпят такого органа, в который входят представители партии народной свободы. Мы – казаки, и управление у нас должно быть наше – казачье.

– Как понимать вас, когда во главе совета стоят Бронштейн, Нахамкес и им подобные, – сорвался Каледин. Думается, в другой обстановке он не стал бы касаться этой темы.

– Бронштейну, Нахамкесу и другим доверила Россия. Мы не можем препятствовать ей.

– Будете ли иметь с ними дело?

– Да.

Подтёлков пояснил:

– Мы не считаемся с лицами, считаемся с идеей.

– Что общего у вас, казаков, с теми, кто ведёт наступление на донскую землю, идёт против казаков, против нашего казачьего самоуправления?

– Ничего. Мы казаки, а не большевики. Мы хотим ввести казачье самоуправление, а не партийное.

Каледин напомнил, что на 4(17) февраля назначен созыв Войскового круга, на котором члены его будут переизбраны. Богаевский спросил прямо, признают ли члены ВРК Войсковой круг.

– Постольку, поскольку... – неопределённо ответил Подтёлков и добавил откровенно. – Областной военно-революционный комитет созовёт съезд представителей от населения. Он будет работать под контролем всех воинских частей. *Если съезд нас не удовлетворит, мы его не признаем.*

– Кто же будет судьёю?

– Народ.

– Какой же это будет судья, когда вы можете его и не признать?

– Мы берём власть для того, чтобы правильно прошли выборы, – немного растерялся не ожидавший подобного вопроса Подтёлков. И Кривошлыков тут же добавил:

– Мы признаём власть народа.

– Нам надо договориться, каким образом созвать съезд неказачьего населения и Войсковой Круг, – вступил в разговор Боссе. – Народные представители всё разберут и устроят. До 4(17) февраля недалеко...

– Наше требование – передайте власть Военно-революционному комитету, – перебил его Лагутин. – Ждать нечего... если Войсковое правительство стоит за мирное разрешение вопроса...

– Значит?.. – подал реплику Богаевский.

– ...Надо объявить во всеобщее сведение о переходе власти

к Военно-революционному комитету. Ждать две с половиною недели нельзя. Народ ужасно наполнился гневом.

– Неужели наступающие большевики не подождут две с половиною недели? – возмутился Карев. – Нет. Здесь что-то другое, за вашими спинами стоят или царицынские или воронежские большевики...

Слово взял председатель Областного военного комитета прапорщик Огрызков:

– Ни у кого нет мысли не признавать власти народа, – сказал он и напомнил. – Товарищ Кудинов, я вас освободил, когда вы везли большевистскую литературу... Если вы честны, то вы должны сложить полномочия. Я вам говорю: немедленно слагайте свои полномочия.

В зале раздалась средней силы аплодисменты.

– Военный комитет – не революционный орган, – усмехнулся Подтёлков. – От него части отказались. Граждане аплодисментов ему не дадут.

Выступали по очереди члены правительства. Обстановка постепенно накалялась.

Елатонцев:

– Вы – казаки, и мы – казаки. Кто прав из нас, покажет будущее. Вы полагаете, что передача вам власти спасёт Дон от гражданской войны? А что дальше? Подумали ли вы о том? Сюда ворвётся большевизм и от Дона останется гладкое место... Заключено перемирие. Что же это? Конец войне? Нет, мир на фронте и война здесь. Декреты Ленина – не народные. Около него нет народа, там кучка проходимцев. О земле большевики пишут: мы вам землю отдадим. *Чью землю?* Вашу же – казачью... Вы заблуждаетесь, считая, что, идя на поводу у большевиков, вы ведёте Дон к счастью. Нет. Мы не должны передавать вам власти. Вы не народные избранники. Но, повторяю, во имя счастья казачества мы должны договориться. Мы должны сделать это сами, казаки без большевистской указки.

Светозаров:

– В Каменской настроение Военно-революционного комитета было несколько другое, чем здесь. Мне казалось, в требо-

ваниях комитета имеется много пунктов, по которым мы могли бы сговориться. Теперь ультимативные требования уже другие... Мы согласились на одном – самим устраивать жизнь на Дону... Волю народа мы, так же как и вы, признаём. Скажут – и подчинимся. Вот через две недели собирается Войсковой Круг и Съезд неказачьего населения. Прекратим разговоры о власти на две недели. Скажет народ, что прав военно-революционный комитет – честь ему и слава. А если скажет, что мы правы, – ну что же, придётся вам уступить. Я бы временно все ваши требования оставил до будущего. А теперь поедете в Таганрог и остановим там гражданскую войну... пусть замолкнут выстрелы в Таганроге. И мы спокойно соберём Круг и Съезд. Неужели за две недели изменится дело?..

Уланов:

– Мы не верим тому, чтобы казаки, образовав Военно-революционный комитет, силою двинулись на центр казачества. Мы не верим тому, чтобы казаки пошли против казаков... Вы думаете, что, предъявляя нам ультиматум, вы выражаете самые радикальные, самые правильные требования? Нет, крайние партии никогда не были выразителями общего мнения... Неужели вы думаете, что вы можете меньше других ошибаться?.. Может быть, вы не посчитаетесь ни с чем... Но подумайте о том, что из-за этого произойдёт. Мы вам верим и говорим с вами, как с казаками (с Сырцовым мы не говорили). Если мы признаем вашу власть, найдутся недовольные этим; если не признаем – тоже найдутся. Это и поведёт к гражданской войне. Нельзя не идти путём соглашения. Ультиматум – крайнее требование... Партизанские отряды созданы не ради удовольствия... Поезжайте в станицы. Может быть, вы и найдёте там своих последователей, но вся масса казачества против большевизма.

Отвечал Подтёлков. И стало вдруг ясно, договориться не удастся ещё и потому, что оппонируют друг другу носители разных культур. Уверен, безнадежность и смертная тоска охватили сердца многих:

– Я во многом с ним согласен. Тёмная масса даёт обмануть себя и справа и слева. Я согласен поехать в Таганрог. Но у нас

старое правительство. Что нам там скажут? Если бы я знал, что Войсковое правительство использовало все меры к прекращению гражданской войны. Но я знаю, что Войсковое правительство никогда не справится с этим делом. На Сулине Чернецов. Если бы Войсковому правительству верили, я с удовольствием отказался бы от своих требований. Не покорюсь я вам, не позволю. Пусть через мой труп пройдут. Мы вас фактами забросаем. Не верю я, чтобы Войсковое правительство спасло Дон. Какие меры применяются к тем частям?

Скажите мне, кто ручается за то, что Войсковое правительство предотвратит гражданскую войну?

– Я ручаюсь, – выкрикнул Огрызков. – А вы скажите, кто из вас поручится за то, что гражданской войны не будет, если власть перейдёт к Военно-революционному комитету?

– Скажите, кто же вам дал право прогонять избранников народа? – говорил подъесаул 53-го полка, фамилия которого не установленная тогда, так неизвестна и поныне. – Какими вы умами обладаете? Чем вы доказали, что поведёте дело без кровопролития? Вам надо извиниться перед Войсковым правительством и публикой и уйти. А Войсковое правительство не имеет права уйти со своего поста по вашему требованию.

– С трудовым казачеством мы пойдём, – отвечал Лагутин. – На мозоль нам не наступайте.

Заслуживает внимание выступление члена неказачьей части правительства Шошникова. Вот что он говорил:

– Я избран народом и работал ещё в 1905 году. Теперь я встречаюсь впервые с казаками. Мы в Таганрогском округе не признавали Войскового правительства. За это и были отданы под суд. 1 декабря я увидел, с кем мы имеем дело. Перед поездкой сюда у нас был съезд в округе. Кричали: «Не желаем к казакам, пойдём на Украину». Мы тоже получили ультиматум. Сговорились, пришли и предъявили Войсковому правительству ультиматум. Но говорили – и договорились.

Пусть соберётся весь народ и создаст власть. Теперь вы не довольны Войсковым правительством. 4-го(17) февраля созывается Войсковой Круг и Крестьянский Съезд. Нужно немедленно

но принять меры, но нужно дождаться того светлого дня, когда соберётся казачество и крестьянство. И тогда не прольётся ни одной капли крови... Неужели же мы с вами не сговоримся?

Поднялся вдруг молчавший до этого Скачков³¹⁵:

– Один из ораторов сказал, что мы идём с завязанными глазами. А куда нас вели со светлыми глазами? Генерал Савельев нас обманул. Вызвал нас по тревоге, вольноопределяющийся Апанасов заявил нам, что избрали делегацию «для переговоров». А Савельев затем сказал: я человек военный и мирных договоров заключать не умею. Я заберу отцов и дедов и с ними заберу всё с бою... – атаманец хотел ещё сказать что-то, но лишь махнул рукой и сел на своё место, не окончив речи.

Попросил слова беженец, согнанный войной из Гродненской губернии и осевший в Сальском округе. Говорил о том, что власть уже в руках «царя-голода», что «каждый должен приступить к своему труду...»

Долго говорил делегат Круга от Гниловской станицы Черевков. Подробно рассказывал о боях за Ростов, чем вызвал раздражение Каменской делегации.

Лагутин негромко обратился к Каледину:

– Решайте дело, пора кончать!

Его тут же осадил, будто ждавший случая продемонстрировать своё презрение, Богаевский:

– Не волнуйтесь, Лагутин! Вот вода. Семейным и предрасположенным к параличу вредно волноваться. А потом вообще не рекомендуется прерывать ораторов – здесь ведь не какой-нибудь Совдеп.

Лагутин бросил злую, колкую фразу ему в ответ. Черевков замолчал.

Г.П. Янов упоминает о следующем эпизоде. С разрешения Атамана из рядов вышел Георгиевский кавалер всех четырёх степеней подъесаул Шеин, дослужившийся на войне до офицерского звания из рядовых казаков.

– Нам с большевиками не по пути, – обращался он непосред-

³¹⁵ Следует отметить, что на протяжении всего совещания в дискуссию вступали по очереди Подтёлков, Кривошлыков и Лагутин. Реже Кудинов. Скачков, Минаев и Головачёв больше молчали.

ственно к Подтёлкову. – И только изменники Дону и казачеству могут говорить о необходимости сдать власть советам и звать казаков идти рядом с большевиками. Неужели вы думаете, что за вами, за недоучкой и безграмотным казаком пойдёт Дон? Если кто пойдёт, так кучка оголтелых казаков, а затем, те же казаки, очнувшись, вас и повесят...

После этого все как-то замолчали, обдумывая сказанное. Слово было за Калединым. Некоторое время Атаман сидел, будто обдумывая ответ, потом, решительно встал и сказал:

– Я вам скажу несколько слов. Очень коротких, – в ответ на то, что говорилось в отношении меня...

Миллеровский съезд³¹⁶ не разрешён потому, что после только что закончившегося Войскового круга обсуждать на этом съезде было нечего. Съезд воронежский мною не был разрешён потому, что гражданская война продолжается. Съезд созывался военно-революционным комитетом. Ожидать от такого съезда прекращения гражданской войны, и послать на него казаков было нельзя. Собирать съезд в пределах Области было невозможно. Это значило приглашать к себе своих врагов. Ведь в Воронеже формировался отряд против Дона...

Сдача своего поста невозможна для Войскового правительства. Нас будет судить страна. Она будет судить и вас за восстание. Это частное восстание против народа, и за него вас будет судить народ. Из-за двух недель вы собираетесь перевернуть Дон. Вы показали тот путь, по которому пойдут, может быть, и другие. Из-за этих двух недель, что вы хотите с Донской областью сделать?

На Дону мы сами себе хозяева, и посторонние не вправе лезть к нам со своими порядками. Мы должны сказать всем, идущим к нам с советами: «оставьте нам самим устраивать свою жизнь по-своему».

Вы говорите, что не имеете дела с народными комиссарами, действуете по своей воле. Я не знаю, кто у вас голова. А у нас есть документы, удостоверяющие вашу прикосновенность

³¹⁶ Намечаемый, но не разрешённый властями съезд представителей казачьих полков.

к большевистским организациям. Вот телеграмма комиссара Антонова в Смольный:

«...Убедительно прошу не давать каких-либо определённых ответов без сношения с нами делегации от неказачьего съезда в Новочеркасске. Если вы войдёте с ними в соглашение, то свяжете нас по рукам. Комиссия из состава неказачьего съезда, образовавшая вместе с Калединым и Агеевым самостоятельную власть на Дону, по нашему мнению, не лучше прежнего Войскового круга. Но, надеюсь, что мы сможем разгромить не только Каледина, но и этих господ. Голова Каледина, *которой они хотят отделаться от пролетарской революции*, и без их помощи не останется на плечах у владельца её. Попутно передаю резолюцию съезда, из которой проглядывает его подло оборонческая физиономия...³¹⁷»

А вот ещё телеграмма Антонова в Смольный:

«В Каменской образовался Военно-революционный комитет. Сейчас обращается с деловыми вопросами к нам, *как высшей здесь власти*. Скоро уничтожим Раду и Каледина».

Наступила тишина. Не столько тесная связь Донревкома с Советским командованием, в которой и так мало кто сомневался, сколько полное пренебрежение Донским правительством, оказало на присутствующих удручающее впечатление. Молчали и представители Донревкома.

Зачитав перехваченные телеграммы, Каледин обратился к членам Каменской делегации:

– Я вам говорю и предупреждаю: не ошибитесь! Порядки на Дону будут делать другие, не вы. Воля народная выражается путём всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. У вас этого не было. На просьбу вашу о сдаче должности вам уже достаточно сказано. Мы не имеем право сдать. Если вы станете у власти, вы почувствуете тяжесть её. За властью мы не стоим. Наша власть – исполнение воли народа. Войсковое правительство может быть сброшено, но вы проложите плохой путь. Им могут пойти и другие, *им идут во всей России*. Власть никогда

³¹⁷ Подлинность этой телеграммы сомнений не вызывает, так как текст её приводит в своих воспоминаниях Антонов-Овсенко.

мне сладкою не казалась. Я принял власть потому, что не считал себя в праве отказаться. И, если бы можно, я с величайшей охотой сдал бы власть. *Я пришёл сюда с чистым именем, а уйду отсюда, может быть, с проклятием...*

Справившись с волнением, Каледин закончил выступление и объявил перерыв на 2 часа, до 7 часов вечера. Быстро вышел, и один, без провожатых, направился в сторону Атаманского дворца. Думается, решение в общих чертах созревало уже давно. Едва дошли до Новочеркаска известия о занятии частями Донревкома Лихой и Звереву, дальнейшие шаги Донских военных властей становились очевидными. Необходимо было либо уходить, либо действовать и действовать незамедлительно. В противном случае перспектива продвижения красногвардейских отрядов от Дебальцево и Чертково по расчищенной Донревкомом ветке непосредственно к Новочеркаску становилась свершившимся фактом.

Но дело было не только в этом. Само существование Каменского ревкома неизбежно влекло за собой окончательное разложение и уход с позиций, остающихся ещё верными и сохранивших относительную устойчивость донских полков. В условиях ведения боевых действий даже и намёк на двоевластие вёл к скорой гибели.

Когда же Атаман убедился на совещании, что Ревком, по сути, намерен действовать заодно с большевиками и договариваться не с кем и не о чем, единственно возможное решение оформилось окончательно. И воплотилось в приказ Чернецову готовить отряд к выдвиганию на Лихую.

Едва заседание возобновилось, Войсковое правительство удалилось на совещание, на котором должно было отредактировать ответ на предъявленный Каменским ревкомом ультиматум. Прошло около трёх часов. Делегаты тяготились ожиданием. Переговаривались друг с другом негромко. Очевидцы утверждают, Подтёлков улыбался. Кривошлыков же заметно нервничал. Видимо, не исключал, что вполне могут и арестовать прямо в зале. Несмотря на поздний час и накопившуюся усталость не расходилась и большая часть публики.

В сущности, ответ Войсковым правительством в лице его Атамана был уже дан. Надо было лишь дождаться официального подтверждения.

Наконец, около 10 часов вечера члены Войскового правительства вернулись в зал заседаний. Каледин в полной тишине зачитал постановление:

«Постановление Войскового правительства
Войска Донского
15 января 1918 г.

Войсковое правительство Войска Донского, обсудив требования Военно-революционного казачьего комитета, представленные депутацией комитета от имени Атаманского, лейб-казачьего, 44-го, 28-го, 29-го, части 10-го, 27-го, 23-го, 8-го, 2-го запасного и 43-го полков, 14-й отдельной сотни, 6-й гвардейской, 32-й, 28-й, 12-й и 13-й батарей, 2-го пешего батальона и каменской местной команды, – объявляет, что правительство является представителем всего казачьего населения области. Избранное населением правительство не имеет права сложить своих полномочий до созыва нового Войскового круга.

Войсковое правительство Войска Донского признало необходимым распустить прежний состав Круга и произвести переборы депутатов как от станиц, так и от войсковых частей. Круг в своем новом составе, свободно избранный (при полной свободе агитации) всем казачьим населением на основе прямого, равного и тайного голосования, соберется в городе Новочеркасске 4 февраля ст. ст. сего года, одновременно со съездом всего неказачьего населения. Только Круг, законный орган, восстановленный революцией, представляющий казачье население области, имеет право сместить Войсковое правительство и избрать новое. Этот Круг вместе с тем обсудит вопрос и об управлении войсковыми частями, и о том, быть или не быть отрядам и добровольческим дружинам, защищающим власть. Что касается формирования и деятельности Добровольческой армии, то Объединенное правительство уже раньше приняло

решение взять их под контроль правительства при участии областного военного комитета.

По вопросу об отзывании из горнозаводского района якобы поставленной Войсковым правительством полиции правительство заявляет, что вопрос о полиции будет поставлен на разрешение Круга 4(17) февраля.

Правительство заявляет, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь местное население, а потому оно считает, выполняя волю Круга, необходимым всеми мерами бороться против проникновения в область вооруженных большевистских отрядов, стремящихся навязать области свои порядки. Жизнь свою должно устроить само население – и только оно одно.

Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает Военно-революционному комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам.

Правительство полагает, что если посторонние Области отряды не будут идти в пределы Области, – гражданской войны и не будет, так как правительство только защищает донской край, никаких наступательных действий не предпринимает, остальной России своей воли не навязывает, а потому и не желает, чтобы и Дону кто-нибудь посторонний навязывал свою волю.

Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах и войсковых частях, и каждый гражданин сможет развить свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных выборах в Войсковой круг.

Для обследования нужд казаков во всех дивизиях должны быть теперь же назначены комиссии из представителей частей.

Войсковое правительство Войска Донского предлагает всем частям, пославшим своих депутатов в Военно-революционный комитет, возвратиться к своей нормальной работе по защите донского края.

Войсковое правительство не допускает и мысли, чтобы свои

донские части выступили против правительства и тем начали междоусобную войну на тихом Дону.

Военно-революционный комитет должен быть распущен избравшими его частями, и все части, взамен этого, должны послать своих представителей в существующий областной военный комитет, объединяющий все войсковые части области.

Войсковое правительство требует, чтобы все арестованные Военно-революционным комитетом были немедленно освобождены, а администрация, с целью восстановления нормальной жизни в области, должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей.

Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, Военно-революционный комитет не имеет права предъявлять требования от имени всех частей, а тем более – от имени всего казачества.

Войсковое правительство считает совершенно недопустимым сношения комитета с Советом Народных Комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало бы распространение влияния Совета Народных Комиссаров на Донскую область, а между тем казачий Круг и съезд неказачьего населения всей области признали власть Советов неприемлемой, так же как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.

Председатель войскового правительства,
товарищ Войскового Атамана М. Богаевский
Старшины Войска Донского:
Елатонцев, Поляков, Мельников, Уланов, Агеев
Секретарь Фомин»

Кроме того, неказачья часть Объединённого Донского правительства дала делегации ВРК отдельный ответ:

«Ответ неказачьей части Объединённого правительства Войска Донского.

Неказачья часть Объединённого правительства Донской области, ознакомившись с требованиями, предъявленными

Военно-революционным комитетом ст. Каменской казачьей части Объединённого правительства, считает своим долгом указать, что согласно постановления Объединённого правительства 4(17) февраля созывается съезд и Круг, и, таким образом, лишь две недели отделяют нас от того времени, когда население области сможет свободно решить все основные запросы жизни на Дону.

Этих двух недель едва ли хватит для проведения выборов по Области, а потому в интересах действительной правильности необходимо сейчас избегать какого-либо обострения в нашей областной жизни.

Неказачий отдел призывает представителей казачьих частей к совместной работе по созыву Войскового круга и областного неказачьего съезда, по немедленному прекращению гражданской войны, охране Области от давления извне и осуществлению через будущих народных избранников устройства жизни Дона на демократических началах».

Все встали, и молчали, будто ожидая чего-то ещё. Обращаясь к делегации, Каледин вдруг сказал:

– Прежде чем передать вам ответ Войскового правительства и неказачьей части Объединённого правительства, я попрошу прочитать только что доставленную правительству подлинную вашу телеграмму, отправленную в Харьков на имя народного комиссара Антонова, командующего войсками против Дона и Украины.

По просьбе Атамана член правительства Н.М. Мельников зачитал следующее:

«Харьков. Наркому Антонову. Дела подвигаются вперёд, назревает столкновение с калединцами. Фронтовые и строевые части присоединяются к нам. Но денег нет, содержать нечем полки. Если имеете возможность отпустить хотя бы два-три миллиона, то торопитесь, ибо от этого исключительно зависит успех. Скоро будет окончательно открыта граница. Калединов³¹⁸ хочет взять нас измором. Из-за недостатка денег мы мо-

³¹⁸ Так в тексте.

жем проиграть всё. Нет также бумаги для печати, и чувствуется недостаток в хлебе.

Председатель
Каменского военно-революционного
комитета Подтёлков,
Хорунжий Маркин³¹⁹»

При чтении её делегаты пытались сохранять спокойствие. Каледин подошёл и обратился к Подтёлкову:

– Что же это значит, вы же здесь заявили, что с Советом Народных Комиссаров ничего общего не имеете: говорите же – посылали вы эту телеграмму, или нет?

– Да, посылали, – переглянувшись с Кривошлыковым, глухо подтвердил Подтёлков.

Говорить больше было не о чем. Делегаты Донревкома обратились к Каледину с просьбой обеспечения безопасного проезда в Каменскую. Атаман поспешил их успокоить, обещав подготовить для этих целей специальный поезд. На этом заседание окончилось. Войсковое правительство, Каменская делегация, а вслед за ними, и публика покинули зал заседаний.

Оба ответа делегацию Донревкома не удовлетворили. Была лишь достигнута договорённость об участии членов ВРК в составе делегации Донского правительства, направленной 16 января к Таганрогу «для переговоров с большевистским командованием». Поехали от Ревкома Лагутин и Скачков, от Донского правительства Уланов, Мирандов и Войсковой есаул Кушнарёв³²⁰.

Остальные, во главе с Подтёлковым, были задержаны в Новочеркасске в связи с началом боёв под Лихой, отправлены позже и прибыли 19 января уже в Глубокую. Чернецов пропустил делегацию беспрепятственно.

16 января, когда Чернецов занял Лихую и Звереву, поддав-

³¹⁹ Телеграмма была направлена из Лихой. Подлинник её затем был передан в Новочеркасск Войсковому правительству.

³²⁰ По прибытии в Таганрог, делегация была застигнута восстанием, вынужденно возвратилась и дальнейших попыток встретиться с Сиверсом не предпринимала.

шийся общей панике Ревком обратился к Советскому командованию за помощью. Соответствующие распоряжения были направлены Саблину и Петрову. Со станции Чертково на помощь Донревкому проследовал в Каменскую эшелон с двумя отрядами красногвардейцев, общей численностью до 100 штыков при пяти пулемётах. Это было всё, что удалось наскрести. Сам же Петров оказался неожиданно совершенно в другом месте.

16 января он телеграфировал из *Воронежа*, что «на него наседают со всех сторон» и просил наступать с юга на Глубокую. Столь же тревожная телеграмма была получена Антоновым-Овсеенко и от председателя Воронежского ВРК Моисеева, который требовал срочной присылки «двух полков». Из сбивчивого текста можно было понять, что казачьи части от Черткова выдвинулись к Воронежу, и атакуют здание вокзала.

В действительности дело обстояло «несколько иначе». Часть уральских казаков, следовавших в эшелонах с фронта домой, устроила на станции погром. Завязалась перестрелка с советскими патрулями. Пятеро казаков и три красногвардейца были убиты и несколько десятков ранены. В результате, казаки согласились сдать оружие и, успокоившись, проследовали по маршруту. В конце телеграммы с подробностями происшедшего Петров сообщал, что 18 января отправляется в Миллерово «с несколькими тысячами пехоты, артиллерии и броневиками». На самом деле, по свидетельству Антонова-Овсеенко, «в его распоряжении был отрядик силой не более 500 человек».

4.5. Второе наступление Сиверса. Восстание в Таганроге

Расположенная в Финляндии 5-я Кубанская казачья дивизия сразу после Октября обратилась к советским властям с просьбой пропустить её части на родину. В ответ представителям кубанцев, как и трём Донским полкам, расквартированным в Петрограде, было заявлено следующее. Пропустим, но лишь после внутренней перестройки на основе выборного командо-

вания. 5-я Кубанская свой пропуск не получала до тех пор, пока, как свидетельствует Антонов-Овсеенко, «не были в ней выбраны желательные для нас командиры и признан комиссаром товарищ Мирошниченко, член Казачьего отдела ВЦИКа». Часть казаков поддерживала большевиков, большинство оставалось нейтральными, но все стремились к одному, вернуться скорее домой³²¹. И готовы были смести любую преграду, вставшую у них на пути.

Когда все требования были выполнены, дивизии разрешено было выдвигаться на Кубань. Движение производилось крайне медленно, что на личный состав оказывало самое неблагоприятное воздействие. В начале января эшелоны дивизии с трудом продвигались от Поворино на Царицын. Одно время Советское командование всерьёз задумывалось о том, чтобы с их помощью расчистить путь к Дону для красногвардейских отрядов. Однако маршрут 5-й Кубанской задевал лишь северо-восточные округа Области, Хопёрский и Усть-Медведицкий. Двигаясь за кубанцами, выйти к жизненно важным центрам Дона, ввиду, как их удалённости, так и отсутствия дополнительных серьёзных сил, было невозможно. В этом смысле, надежды, возлагаемые на 5-ю Кубанскую дивизию, себя не оправдали. Однако, неожиданно, удалось другое. Ввиду невозможности протолкнуть по одной ветке вместе с 5-й дивизией еще, что бы то ни было, эшелоны, двигавшихся с фронта *других* кубанских частей следовали на Кубань через Донбасс.

О том, что в результате произошло, можно понять из текста радиogramмы, отправленной Антоновым-Овсеенко 6 января:

«Всем, всем, Кубанскому трудовому казачеству особо.

³²¹ Ещё 4 ноября Совет Союза казачьих войск организовал совещание с представителями от расположенных в Петрограде и вокруг него казачьих частей: 5-й Кубанской дивизии, Кубанской батареи, 3-го линейного кавполка, 1-го Кавказского кавалерийского корпуса, 1-го, 4-го, 14-го Донских полков. На совещании был избран выборный казачий комитет «для защиты интересов трудового казачества» (председатель – казак 14-го Донского Иван Лагутин, расстрелянный 27 апреля 1918 г. вместе с другими «подтёлковцами»), который должен был заниматься, в том числе, и содействием вывода с фронта в родные области казачьих частей.

В рудничном районе, где калединские банды разоряли мирное население, насиловали, грабили, – только что был явлен прекрасный пример братской солидарности трудового казачества с остальным трудовым населением России. Возвращавшиеся с фронта кубанцы были остановлены у Иловайской донскими бандитами. При объяснениях по поводу задержки, кубанцы в ответ на грубость калединских офицеров, стали срывать с них погоны, загнали в вагон весь штаб генерала Орлова и увезли его с собой заложниками. Революционные войска воспользовались растерянностью калединцев и вытеснили их из целого ряда шахт. Слава кубанскому трудовому казачеству! Да здравствует союз рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества! Да здравствует рабочая и крестьянская власть! Нарком Антонов».

Не принимая во внимание столь нехарактерный для Антонова-Овсеенко пафос, из текста радиogramмы можно сделать два вывода:

1. Конфликт возвращавшихся на родину кубанцев с представителями Войскового правительства на Иловайской воспринимался Советским командованием в Харькове едва ли не определяющим фактором разложения Донских полков.
2. Не скрывалось желание и виделось вполне возможным спровоцировать противостояние «калединского» Дона и «просоветских» кубанских казачьих частей³²².

Думается, инцидент в Иловайской, всё же послужил лишь детонатором давно назревавшего взрыва. Не столько кубанцы окончательно разложили донцов, сколько последние ожидали лишь повода к этому. Соприкоснувшись с кубанскими эшелонами, в которых давно уже отсутствовала дисциплина, а в известном смысле, и командный состав, регулярные Донские казачьи полки не могли не почувствовать острого разочарования

³²² Чего, конечно же, реализовать не удалось. Заставить воевать казаков, как Дона, так и Кубани в тот период было уже невозможно. Инцидент на Иловайской был спровоцирован конфликтом между нижними чинами и командным составом, но никак ни между казаками, тем более властями, соседних областей.

в перспективе дальнейшего противостояния с большевиками. Неспособность Донского командования задержать на границах Области кубанцев обернулась тем, что разошлись по домам и донцы.

Калединский фронт в рудничном районе развалился мгновенно. Казаки его просто бросили. Уходили поодиночке, командами, сотнями и полками. Конечно, всё это началось куда раньше, а 4–6 января приняло уже массовый характер. И, разумеется, объяснялось более значимыми факторами: войной, разорением казачьих хозяйств, развалом армии в целом, агитацией и прогрессирующим ещё с сентября разложением... Кубанцы лишь подали пример. Донцы ему лишь последовали.

Так или иначе, но к 6 января казачьи сотни очистили Донбасс совершенно. Восстановить фронт силами донских частей и подразделений, нечего было и думать. Их уже не существовало, тут и там оставались лишь заслоны, да команды незначительной численности, готовые при малейшем нажиме последовать примеру товарищей. Не оставляет никаких сомнений, не наступление Сиверса развалило казачий фронт в Донецком бассейне, но как раз развал фронта позволил ему вновь перейти к активным действиям.

К началу января под командованием Сиверса находились:

- стрелковый полк 4-й кавалерийской дивизии;
- штурмовой батальон XVII корпуса (400 штыков);
- отряд Петроградских красновардейцев Трифонова (до 300 штыков);
- отряд Красной гвардии Екатеринослава (300 штыков, при поддержке бронеплощадки при 2-х орудиях);
- два эскадрона Драгунского полка 3-й кавдивизии;
- команда Нежинских гусар;
- Харьковская батарея, батареи XVII корпуса и 3-й кавдивизии.

Всего: 1900 штыков (700 солдат старой армии, 1200 красновардейцев); до 500 сабель; 20 орудий.

Кроме того, с 7 января в Бахмуте стал штаб 4-й кавдивизии,

а в окрестностях расположились остальные её части³²³.

И, наконец, в резерве находилось до 4-х тысяч штыков(!) вновь сформированных отрядов и дружин местной Красной гвардии из Никитовки, Юзовки, и других шахтёрских и рудничных центров.

В преддверии наступления Антонов-Овсеенко 31 декабря перенёс свой штаб в Никитовку. Основой штаба был Секретариат, на котором замыкались связь, администрирование и снабжение. Секретариат осуществлял огромный объём работ, ведая учётом личного состава, оформлением приказов, начислением и выдачей жалования и пособий командирам и красноармейцам, систематизацией разведанных и агитацией среди бойцов вновь прибывающих частей. Заведовала секретариатом женщина. Товарищ Самбро из Ростова.

Здесь же в Никитовке находился и узел связи. Кроме того, по просьбе Антонова-Овсеенко, местный Ревком реквизировал

³²³ С 4-й кавалерийской поначалу также возникли проблемы. Вот что пишет Антонов-Овсеенко: «Много хлопот доставляли нам вновь прибывающие части. Особенно неблагоприятно обстояло с 4-й кавалерийской дивизией. Задержание из состава дивизии Кудинским в Брянске, под предлогом борьбы с пробравшимися на Дон казачьими эшелонами гусарского полка, болезненно переживалось остальными её частями: им казалось, что гусарский полк – на отдыхе. Почти каждодневно начдив Жуков и комиссар дивизии Сергунов доказывали мне, что без гусарского полка дивизия не боеспособна. Но все мои усилия, все приказы Кудинскому вернуть гусарский полк в дивизию оставались тщетны. Вытянуть дивизию в поле из её стоянки (Бахмут-Луганск) было не легко. В Луганске дело осложнилось пьянством, развившимся в драгунском полку. Луганский совет, в похвальном стремлении раздобыться деньгами, решил открыть виноторговлю и пошло такое безобразия, что Саблин возопил по «всем, всем» адресам. Полк в полуразваленном состоянии, удалось вырвать из этой разлагающей обстановки только после серьёзного воздействия.

В Бахмуте погрузка остальных частей 4-й кавалерийской дивизии также протекала неблагоприятно.

Чтобы сломить саботажные настроения и побудить дивизию к действию, пришлось арестовать *кой-кого* из её командного состава...»

И всё же настойчивость Антонова-Овсеенко не пропала даром. При всём при том 4-я кавалерийская была не сборным отрядом, а спаянной войной строевой частью. Впоследствии выход её полков на фланг и тылы добровольцев под Ростовом и стал во многом решающим фактором, предопределившим исход борьбы.

оборудование небольшой типографии, и вскоре при штабе начала выходить своя газета «Известия революционных войск». Обеспечивали выпуск также ростовские товарищи Веселовская и Блохин.

Не лучшие отношения сложились у Антонова-Овсеенко с обосновавшимся здесь же, в Никитовке «Центральным Штабом красной гвардии Донецкого бассейна». Штаб фактически Главкому не подчинялся, болезненно реагировал на любую критику в адрес рудничных красногвардейцев, сквозь пальцы смотрел на недисциплинированность и массовое дезертирство. В результате рудничной Красной гвардии были выделены комплекты и вооружение на тысячи бойцов, а на фронте их было в лучшем случае, несколько сотен. Остальные безбоязненно расходились по домам.

Штаб Антонова-Овсеенко, тем не менее, обустроился. Дело оставалось за войсками.

Отряды Сиверса занимали оборону на рубеже Криничная – Ясиноватая – Ханженково. Впрочем, действовал он поначалу весьма осторожно. Вслед за уходящими с фронта казаками Сиверс медленно, то и дело прощупывая разведкой оставленные посёлки и станицы, продвигался к югу.

6 января его отряды продвинулись до Иловайской. Сиверс остановился и затребовал разрешение на дальнейшее продвижение. Уверенный, что Каледин и Корнилов связаны теперь по рукам и ногам противостоянием с Донревкомом, Антонов-Овсеенко не только направил ему соответствующее предписание, но и приложил все усилия, чтобы наступление в общем направлении на Таганрог-Ростов было подготовлено должным образом. Ещё 23 декабря в Крым был послан прибывший из Петрограда матрос А.В. Мокроусов. Он командировался с целью сформировать и привести на Таганрогский фронт отряд Черноморских моряков. Теперь же в Севастополь направлялись новые представители, с которыми предлагалось направить в Азовское море целую эскадру. Как предполагалось, экспедиция должна была выйти не позже 12 января и

поддержать десантом с моря³²⁴ предполагаемое выступление таганрогских рабочих. Для усиления колонны Сиверса ему от Саблина также передавались батарея Ярославского отряда и мортирная батарея, а также переподчинялся Гатчинский отряд Левинсона³²⁵.

Не встречая сопротивления, Сиверс к 11 января продвинулся до Матвеева Кургана, где впервые столкнулся с Добровольческой армией.

Ещё в начале января в Ростов переехал из Новочеркасска генерал Деникин и принял командование над всеми частями Армии в Ростове и Таганроге. Начальником своего штаба он назначил генерала Маркова. К началу боёв на станцию Матвеев Курган были направлены Ростовская и Георгиевская роты и команда подрывников 1-й Юнкерской батареи в составе 5-ти офицеров и 13-ти юнкеров. В Таганроге располагались 3-я Киевская школа прапорщиков и Таганрогская офицерская рота. На усиление гарнизона была направлена 1-я рота 2-го Офицерского батальона. Рота прибыла в город 31 декабря на площадках первого блиндированного поезда Добровольческой армии, вооружённого установленным на платформе 3-им орудием 1-й Юнкерской батареи капитана Глотова³²⁶. Была расквартирована в казармах Школы прапорщиков, с юнкерами которой встречала новый, 1918 год. На встрече присутствовал и полковник Кутепов, назначенный начальником Таганрогского участка.

По данным разведки на Таганрог вели наступление до 10000 красногвардейцев. Поэтому позже к отряду Кутепова были присоединены Партизанский батальон имени генерала Корнилова (до 500 штыков) и Морская рота.

³²⁴ Морская экспедиция в составе 3-х тральщиков с десантом была подготовлена лишь 21 января и с прибытием в Таганрог безнадежно опоздала. Пришедший во второй половине января отряд черноморцев Мокроусова в 400 штыков при двух бронеплощадках был направлен уже Саблину под Лихую.

³²⁵ Обеспечивая левый фланг наступления Сиверса, отряд Левинсона от Колпаково продвинулся южнее и, не обнаружив противника, занял район Антрацит – Дьяково – Дмитриевка.

³²⁶ При орудии находилась и вахмистр княжна Черкасская, убитая ружейной пулей в двадцатых числах января в бою под станцией Синявка.

11 января советские войска вышли на подступы к Матвееву Кургану. Пользуясь подавляющим численным превосходством, красногвардейцы помимо фронтального наступления предприняли и глубокие фланговые охваты. В результате 12 января обе добровольческие роты после ожесточённого боя вынуждены спешно оставить станцию. Задержавшаяся для взрыва моста и станционных помещений команда подрывников была окружена. Чтобы не попасть в руки противника 18 офицеров и юнкеров во главе с поручиком Николаевым подорвали себя, используя весь наличный запас взрывчатых материалов.

От Матвеева Кургана советские войска развернули наступление не только вдоль железной дороги к Таганрогу, но и в восточном направлении. Для предупреждения этого движения Кутепов вынужден был выделить из состава своего немногочисленного отряда Ростовскую и Георгиевскую роты.

12 января передовые части Сиверса вышли к станции Ряженое. В результате тяжёлого боя станция была занята 14 января³²⁷.

Бои на Таганрогском направлении с самого начала приняли чрезвычайно ожесточённый характер. Здесь столкнулись, наконец, две непримиримые силы, которым не о чем было договариваться. Со стороны советских войск отмечены были зверства и пытки над захваченными офицерами. В ответ добровольцы перестали брать пленных, расстреливая их на месте.

По свидетельству В.Е. Павлова Корнилов, выступая перед офицерами, сказал следующее: «...вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придётся быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом беру я на себя...»

В подобном же духе напутствовал перед отправкой на фронт офицеров Гвардейской роты и генерал Марков: «Имейте в ви-

³²⁷ Вечером из Ростова прибыла Гвардейская рота в 60 штыков под командованием полковника Моллера. Едва разгрузившись на станции, она вступила в бой. Красногвардейцы обошли Ряженое и, захватив эшелон Гвардейской роты, расстреляли всех, кто в нём находился, включая медперсонал и машинистов.

ду, – говорил он, – враг чрезвычайно жестокий. Бейте его! Пленными перегружать наш тыл не надо!³²⁸»

Несколько по иному смотрел на проблему Деникин. Вот что он писал: «...стало известным, что большевики убивают всех добровольцев, захваченных ими, предавая перед этим бесчеловечным мучениям. Сомнений в этом не было. Не раз на местах, переходивших из рук в руки, добровольцы находили изуродованные трупы своих соратников, слышали леденящую душу повесть свидетелей этих убийств, спасшихся чудом из рук большевиков...»

Большевики с самого начала определили характер гражданской войны: Истребление...

Выбора в средствах противодействия при такой системе ведения войны не было. В той обстановке, в которой действовала Добровольческая армия, находившаяся почти всегда в тактическом окружении – без своей территории, без тыла, без баз, представлялись только два выхода: отпустить на волю захваченных большевиков или «не брать пленных». Я читал где-то, что приказ в последнем духе отдал Корнилов. Это не верно: без всяких приказов жизнь приводила во многих случаях к тому ужасному способу войны «на истребление», который до известной степени напомнил мрачные страницы русской пугачёвщины и французской Вандеи...

Только много времени спустя, когда советское правительство, кроме своей прежней опричнины, привлекло к борьбе путём насильственной мобилизации подлинный народ, организовав Красную армию, когда Добровольческая армия стала приобретать формы государственного учреждения с известной территорией и гражданской властью, удалось мало-помалу установить более гуманные и человеческие обычаи, поскольку это, вообще, возможно в развращенной атмосфере гражданской войны».

Так или иначе, но на Ростовском фронте ни те, ни другие пленных не брали. И уже неважно было, кто начал первым. Ма-

³²⁸ Справедливости ради следует отметить, что, по свидетельству очевидцев, «на некоторых эти слова произвели неприятное и тяжёлое впечатление».

ховик раскрутился, и остановить его было уже невозможно. Случаи зверств, равно как и более-менее доброжелательного отношения к пленным, зависели теперь исключительно от индивидуальных качеств и степени ожесточения бойцов и командиров как той, так и другой стороны.

Всё же общий уровень культуры в Добровольческой армии был несравнимо выше. Поэтому пленных красногвардейцев не пытали, просто расстреливали.

Между тем от взятой станции Ряженое до Таганрога оставалось не более 30 километров. Но добровольческим командованием уже принимались экстренные меры. На фронт были подтянуты из Таганрога 1-я рота 2-го Офицерского батальона с влившейся в её состав Таганрогской ротой (всего до 180 штыков) и из Ростова 2-я рота того же батальона. Две эти роты вечером 15 января выгрузились на станции Неклиновка и, оседлав железную дорогу, заняли оборону севернее. Правее их стали 3-я Гвардейская и Морская роты, дальше Партизанский батальон. Сюда же подтягивалась и сотня партизан Семилетова. На станции стоял блиндированный поезд и в резерве первый добровольческий броневладелец.

Относительно лёгкое продвижение сослужило войскам Сиверса плохую службу. С утра 16 января штурмовой батальон XVII корпуса, оторвавшись от главных сил, повёл атаку на станцию. Добровольцы на выстрелы до поры не отвечали, чем окончательно ввели «революционных» солдат в заблуждение. Вошедший в посёлок батальон был атакован с фронта и флангов и подвергся скорому разгрому. Остатки его обратились в беспорядочное бегство, смешались с подходившими отрядами Красной гвардии и не позволили организовать сопротивление. Офицерские роты преследовали противника на протяжении 4 километров и, остановившись лишь по приказу, отошли на исходные позиции. Позже Кутепов занял Матвеев Курган и этим вынужден был ограничиться.

Разгром был полным. Между Неклиновкой и Ряженым Сиверс оставил одно орудие, 24 пулемёта и броневладелец. Потери были столь велики, что деморализованные остатки

штурмового батальона, потерявшие боеспособность, пришлось отвести в тыл. Победный марш превратился в паническое бегство. Красногвардейцы, несмотря на то, что их никто не преследовал, остановились лишь 17 января на станции Амвросиевка. Только через сутки, когда паника улеглась, и поступили благоприятные известия из Таганрога, Сиверс частью сил вновь занял Закадычное.

Пока же во время отхода он телеграфировал Антонову-Овсеенко со станции Ряженое о том, что потерпел поражение, что положение катастрофическое и требовал резервов. При минимальном нажиме Сиверс без сомнения отошёл бы к Иловайской, а возможно и дальше. Однако этому не суждено было случиться.

В ночь с 15 на 16 января в Таганроге восстали рабочие Балтийского завода. На заводе их числилось до 5000 человек. Немалая часть составила Красную гвардию. Вслед за ними выступили и рабочие других предприятий. Стрелкового оружия, оставшегося «в наследство» от расформированных запасных полков и переданного в конце ноября ещё «ростовским» десантом, хватило на вооружение нескольких сот человек. Паритет рабочих не остановил. С добровольцами были у них свои счёты.

Ко времени выступления в городе находилась лишь рота юнкеров 3-й Киевской школы прапорщиков³²⁹. Одним взводом (до 50 штыков с пулемётом) она занимала вокзал и прилегающую территорию. Другим – спиртовой завод. И полуротой, при которой находился и полковник Мастыко, – Балтийский завод. Части роты сразу же были окружены и изолированы друг от друга. Рабочие дружины засели в домах вокруг расположений юнкеров и начали их обстреливать.

Однако предпринятая атака станции им не удалась. Под прикрытием пущенного на полных парах паровоза рабочие попытались прорваться к зданию вокзала, но паровоз ткнулся с разбега в перрон, сошёл с рельсов и затих. Юнкера же встретили атакующих дружными залпами и заставили их отступить. В

³²⁹ Вторая рота стояла повзводно на станциях на охране железной дороги.

то же время взвод, занимающий спиртовой завод был восставшими уничтожен.

Кутепов, едва лишь узнал о выступлении, направил в город 1-ю роту 2-го Офицерского батальона. Рота без труда пробилась к вокзалу, где соединилась с юнкерами. К тому времени они уже потеряли 5 человек убитыми и до 10 ранеными. Наступить от вокзала в город добровольцы не решились. Рабочие стреляли по окнам вокзала, перестрелка не прекращалась всю ночь.

Вплоть до 18 января положение не менялось. Восставшие не могли ликвидировать две изолированные группы добровольцев и, не желая нести потери, больше не атаковали. Юнкера не имели возможность разгромить выступление ввиду подавляющего численного превосходства противника. То замолкала, то вновь разгоралась перестрелка. Рабочие на вокзале перекрыли подающий водопровод, однако добровольцы приспособились добывать воду из выброшенного на перрон паровоза.

К вечеру 19 января стало ясно, что соединиться группы не смогут, обороняться в городе далее бессмысленно, и следует из него выбираться. За несколько часов до рассвета 20 января полковник Мастыко вывел свою роту с территории завода и стал отходить в северо-восточном направлении. Однако выйти из города незамеченными не удалось. Юнкера сразу же попали под обстрел и уходили с боем, унося легко раненых. В какой-то момент получил тяжёлое ранение полковник Мастыко. Его попытались нести, но Мастыко приказал себя оставить. Юнкера в растерянности скопились перед ним под обстрелом, и тогда полковник застрелился. Лишь после этого юнкера оставили его тело. Полурота вырвалась из Таганрога, потеряв свыше половины состава и не сумев вынести своих тяжело раненых. В районе станции Бессергеновка Киевские юнкера вышли на только что выгрузившийся Юнкерский батальон, прибывший для усиления Таганрогского гарнизона. В дальнейшем батальону вместе с остатками роты Школы прапорщиков была поставлена задача прикрывать со стороны Таганрога железнодорожную ветку на Ростов.

Также до рассвета ушли добровольцы и с вокзала. Но здесь

рабочие им не препятствовали. С севера по железной дороге выдвигался для обеспечения связи взвод 2-й роты 2-го Офицерского батальона. Рабочие дружины расступились с пути следования двух групп. Встреча произошла в районе станции Марцево. Связь была установлена, но Таганрог к тому времени был уже оставлен.

Несколько десятков юнкеров и офицеров, многие – ранеными, попали к восставшим в плен. Судьба их оказалась незавидной. Все они были зверски убиты³³⁰.

После оставления Таганрога отряд Кутепова попадал в тактически проигрышное положение. Он был зажат теперь между приводившим себя в порядок Сиверсом и восставшим Таганрогом. Морская и 3-я Гвардейская роты вместе с Партизанским батальоном стояли севернее станции Неклиновка фронтом на север. Юнкерский батальон и Школа прапорщиков – на линии станций Марцево – Бессергеновка фронтом к Таганрогу. 1-я и 2-я роты 2-го Офицерского батальона находились в резерве. В таком положении отряд простоял четверо суток. Сиверс ограничился занятием 18 января ст. Закадычное. Во многом потому, что под прикрытием блиндированного поезда добровольцам удалось 21 января взорвать мост через р. Миус западнее Матвеева Кургана³³¹.

Попытки наступления на станцию Бессергеновку из Таганрога пресекались Юнкерским батальоном. Поскольку наступательные действия уже не планировались, Кутепову было приказано отвести отряд к Бессергеновке и там закрепиться. Ветка Таганрог – Матвеев Курган была добровольцами оставлена. Когда приказ был выполнен, из отряда Кутепова были изъяты

³³⁰ Автор не считает для себя возможным подробно описывать, что сделали с пленными, не только по эстетическим соображениям. В мае 1919 г. при Главнокомандующем вооружёнными силами на Юге России была создана «Комиссия по расследованию злодеяний большевиков». Один из актов, опубликованных этой Комиссией, целиком относится к Таганрогу. Но это данные «заинтересованной» стороны. Иного, хотя бы «нейтрального» подтверждения допущенных зверств, вполне возможно, не существует.

³³¹ Мост силами роты 24-го железнодорожного батальона был подправлен для пропуска эшелонов и блиндированных поездов к 25 января и окончательно восстановлен к 30 января.

и переведены в Ростов Школа прапорщиков, Юнкерский батальон, Партизанский батальон имени генерала Корнилова, а позже, и Морская рота.

В то время к Антонову-Овсеенко подкрепления подходили, не переставая. К тому же, если к добровольцам просачивались отделения и в лучшем случае взводы, то в распоряжение Советского командования предоставлялись полки и бригады. Так, снятые с Северного фронта, прибыли: к 19 января – 435-й Ямбургский пехотный полк, к 20 января – 3-й латышский Вяземский полк в 400 штыков, к 21 января – 18-й Сибирский стрелковый полк и 13-й тяжёлый артдивизион (3 батареи по 4 орудия) и уже к 7(20) февраля – 5-я Сибирская артбригада (4 батареи). Кроме того, прибывали уже и технические части: две роты 12-го и одна 24-го железнодорожных батальонов, что было особенно важно, учитывая подрывы отступающим противником мостов и порчу железнодорожного полотна, прожекторная команда и даже, так и не использованный за окончанием военных действий, понтонный батальон.

Сиверс, медленно продвигаясь к югу, занял 22 января Матвеев Курган, 24 января Неклиновку и установил связь с Таганрогом. Вот что пишет по этому поводу Антонов-Овсеенко:

«С 21 января Сиверс, окончательно оправившись, перешёл в наступление. Вечером этого дня я был у него в Штабе и наблюдал начало этой операции. Противник, исчисляемый нашей разведкой в два батальона юнкеров и корниловцев при двух бронемашинах и бронеплощадке с двумя горными орудиями, занимал ст. и село Матвеев-Курган. Жел.-дор. мост на реке Миус был противником взорван. Бронеплощадка «кадетов» действовала очень храбро, доходя до самого моста и не давая нашей железнодорожной роте подступиться.

Численный перевес у Сиверса был громаден. Противник, сверх того, видимо, имел недостаток в снарядах, и его артиллерия постреливала очень скудно».

Тем не менее, добровольцы отходили на новые рубежи после боя и в порядке, и только лишь по приказу. Противостояние на Ростовском фронте вступало в решающую фазу.

4.6. Последний рейд Чернецова. Голубов и Подтёлков. После Чернецова

После налёта на Дебальцево Чернецов с отрядом был вызван 4 января 1918 г. в Новочеркасск для поддержания порядка. Разложение казачьих частей на фронте и в тылу достигло уже такой степени, что необходимо было иметь под рукой надёжные силы, как для предотвращения возможного прорыва советских отрядов, так и для пресечения «внутренних» эксцессов.

Между тем, положение становилось всё более угрожающим. Брожение в казачьих полках усиливалось с каждым днём. Становилось очевидным, при малейшем давлении они сразу же покинут позиции. Приказ о демобилизации старших возрастов лишь усилил пораженческие настроения. Парадоксально, но факт, в критической ситуации Донское правительство на казаков рассчитывать больше не могло.

Была предпринята попытка мобилизовать офицеров. По разным оценкам в одном лишь Новочеркасске осело от 3000 до 7000(!), по выражению И.А. Полякова, «бездельников». По настоянию всё того же Чернецова был, наконец, отдан приказ по гарнизону с предписанием офицерам немедленно зарегистрироваться. Перед регистрацией, в целях ознакомления с ситуацией на фронте, было устроено собрание.

Все помещения Новочеркасского Офицерского Собрания были переполнены. Выступали А. М. Каледин и М. П. Богаевский, обрисовавшие создавшееся катастрофическое положение и призвавшие офицеров пополнить ряды партизан. Офицеры выражали сочувствие, но не более. Выступил и Чернецов. Предлагая вспомнить о присяге и выступить на защиту Дона, есаул не стал повторять высоких слов, а высказал неожиданное, но весьма здравое соображение:

– Д, я погибну! – говорил он. – Но так же погибните и вы! Разница между моей и вашей смертью будет в том, что я буду знать, за что я умираю и умру с восторгом, а вы не будете знать, за что умираете и погибните в глухом подвале, с тупым молчанием, как овцы на бойне...

В перерыве Чернецов предложил офицерам записываться

в его отряд или составить самостоятельный отряд партизан. Из присутствовавших около 800 офицеров записалось только 27, что вызвало возмущение Чернецова: «Всех вас я согнул бы в бараний рог, и первое, что сделал бы – лишил содержания! Позор!» После этого выступления записалось ещё 115 человек – больше желающих не оказалось.

На следующий день вечером была назначена отправка записавшихся на станцию Лихая. Прибыли для посадки в эшелон 30 человек, остальные «распылились». Не следует думать, что все офицеры были такими уж апатичными. Просто большинство из них осело в южном спокойном городе *давно*. Если и столкнулись с эксцессами на фронте, то успели от них отвыкнуть. Большинство из них, не забывая получать от Войска военное пособие, устроили свою частную жизнь вне строя. И менять её, размеренную и сытую, на пешие марши позёмке вдогон и перестрелки у безвестных полустанков в промёрзшей степи даже и не думали.

Это были *не те офицеры*, которые, насмотревшись и натерпевшись, или просто осознавших свой долг, всеми правдами и неправдами пробирались к Корнилову. Которых, опознав по тоске в глазах, выводили из теплушек и расстреливали прямо на путях, или выбрасывали на полном ходу из вагонов. Которые, если уж добирались, опрокидывали потом в штыковых атаках любого противника, ни себя, ни его не жалея. *Тех* никто не уговаривал, они и не нуждались...

Становилось очевидным, отряд Чернецова в несколько сот человек не сможет удержать Новочеркасский участок фронта. Надёжных казачьих частей, за исключением Донского военного училища, которое оставалось в Новочеркасске для патрулирования и охраны города, уже не оставалось. Каледин обратился к Корнилову. В распоряжение Чернецова была передана 4-я Офицерская рота в 50 штыков, которая 9 января заняла станцию Звереву, прикрыв тыл отряда со стороны Дебальцево.

Между тем, развязка приближалась. 10 января в Каменской был создан Донской Воено-революционный комитет. 11 января верными ему казачьими частями были заняты узловые стан-

ции Лихая и Звереву³³², расположенные в 80–90 километрах от Новочеркасска.

Вновь было созвано собрание офицеров. Вновь выступали Каледин, Богаевский, Назаров. Когда Войсковой атаман, обрисовав катастрофическое положение на фронте, сказал, что путь на Новочеркасск открыт, и что пока он говорит здесь в Офицерском Собрании, большевики могут занять Атаманский дворец, Чернецов, выйдя из рядов, крикнул: «Пока я жив, я этого не допущу...» И обратившись к офицерам, заявил, что ему нужно на один день 40–50 человек, так как его отряд распущен на три дня и соберется только на следующий день, а на вокзале у него лишь минимальное число людей для охраны эшелона. Желаящим он предложил построиться в соседней комнате. На этот раз их оказалось несколько больше, чем нужно, и Чернецов, отсчитав необходимое число, остальных поблагодарил и отпустил.

Сформированный отряд Чернецов сейчас же направил на вокзал. По прибытии он приказал дежурному по станции немедленно подать паровоз с двумя-тремя вагонами, а затем повел всех офицеров к своему эшелону, выдал всем винтовки с патронами и разбил на группы. Часть была назначена нести охрану станционного района, часть охрану эшелона, а часть с самим Чернецовым немедленно отправилась на станцию Шахтная, которая была занята в ту же ночь. Охраной эшелона и станционного района руководил Роман Лазарев. На другой день, когда собрались партизаны Чернецова, офицерский взвод был распущен, кроме немногих, изъявивших желание остаться в отряде.

12 января Корнилов выделил Чернецову взвод 1-й батареи с двумя орудиями³³³ и пеший взвод с пулемётной командой под командованием подполковника Миончинского. За три дня юнкера-артиллеристы успели приспособить орудия для

³³² Добровольцы 4-й Офицерской роты в бой с командой Донревкома не вступали, так как о съезде в Каменской сведений ещё не имели.

³³³ 1-е орудие образца 1902 г., штабс-капитана А.А. Шперлинга («похоронная пушка»), 2-е орудие образца 1900 г., поручика Казанли.

стрельбы непосредственно с железнодорожных платформ своего эшелона. Следует отметить, что, в отличие от казачьих частей, с добровольческими подразделениями у Чернецова сразу же установилось полное взаимопонимание.

В итоге перед выступлением в отряде Чернецова, кроме артиллеристов 1-й батареи, оказалось три сотни партизан. 1-я сотня под командованием его заместителя поручика Василия Курочкина. 2-я, есаула Е.И. Брыкина³³⁴ и 3-я, штаб-ротмистра Н.И. Иноземцева³³⁵.

Единственным, что могло, хоть в какой-то мере восстановить положение и сохранить перспективы продолжения борьбы был немедленный разгон Каменского ревкома. Вся надежда была на то, что казаки, в массе своей, поддержали Ревком лишь на словах и воевать за него не станут.

15 января к вечеру отряд Чернецова выступил в двух эшелонах³³⁶ из Новочеркасска. В пути получили сведения о том, что малочисленный заслон вынужден был оставить Лихую. Всю ночь простояли на станции Сулин. На рассвете 16 января приблизились к Звереву. Не доезжая до станции, рассыпались в цепь, но эта предосторожность оказалась излишней, так как команда казаков Донревкома без выстрела снялась и ушла на

³³⁴ 6(19) февраля в поначалу удачном бою под Каменоломнями, закончившимся отступлением, есаул Брыкин был ранен в бедро, однако остался в строю и почти без потерь вывел взвод «чернецовцев». Вследствие полученного ранения вынужден был остаться в занятом большевиками Новочеркасске.

³³⁵ Штаб-ротмистр Иноземцев погиб в бою на окраине Ростова во второй половине дня 9(22) февраля 1918 г. Тело убитого «чернецовцы» вынести не смогли.

³³⁶ Отправка вынужденно задержалась. К эшелону на станции подошла группа казаков и потребовала вернуть одно из орудий 1-й батареи. Нетрудно было догадаться, что речь шла о «похоронной пушке». Мотивировали своё требование казаки тем, что орудие, якобы, было предоставлено юнкерам «в учебных целях», но никак не для участия в боевых действиях. Более того, поступил приказ частью сил выдвинуться к Атаманскому дворцу, так как толпа казаков, окружив здание, требовала низложения Каледина. Прибыв на место, Чернецов не стал создавать фиктивный комитет и вступать в переговоры. Он просто предупредил, что откроет огонь. Этого оказалось достаточно. Казаки разошлись.

север. По прибытии на станцию Чернецов присоединил к отряду 4-ю Офицерскую роту и, посадив её в свой эшелон, проследовал дальше³³⁷.

На подходе к Лихой 1-я батарея произвела два артиллерийских выстрела. Этих двух орудийных выстрелов, ставших первыми, как для батареи, так и для всей Добровольческой армии оказалось достаточно, чтобы станция казаками Донревкома была немедленно очищена. Но едва отряд Чернецова занял Лихую, было получено сообщение о том, что станция Звереву вновь занята противником, выбившим едва успевший прибыть на неё взвод 1-го батальона. Чернецов с 4-й Офицерской ротой вернулся к Звереву, в которой и на этот раз противника уже не оказалось. Зато выяснилось, что подошедший от Дебальцево значительный отряд красногвардейцев, высаживается на станции Гуково. Для его отражения в Звереву был вызван из Новочеркасска теперь уже весь 1-й Офицерский батальон³³⁸. Не беспокоясь более за тылы, Чернецов сосредоточил почти все свои силы на станции Лихая. Лишь одна партизанская сотня оставлена была для охраны железнодорожной ветки Звереву – Новочеркасску.

16 января головной эшелон под командованием Миончинского начал выдвижение от Лихой к Каменской. У разъезда Северо-Донецкий путь ему преградил, разворачивающийся в цепь отряд Донревкома. Сразу же об этом по телефону было сообщено Чернецову. Все «свободные» юнкера также рассыпались в жиденькую цепь вправо и влево от полотна, а остальным было приказано создавать как можно больший шум, производя впечатление, что эшелон наполнен людьми. От казаков между тем отделились парламентёры с белым флагом. Офицер, несколько казаков и красногвардеец, все в красных нарукавных повязках, подошли к эшелону. Офицер сообщил, что они пред-

³³⁷ Чернецов по телефону обратился в Новочеркасску с просьбой направить на оставляемую им станцию Звереву «какую-нибудь часть» для обеспечения тыла отряда. В этих целях из состава 1-го Офицерского батальона был выделен взвод, который незамедлительно проследовал на станцию.

³³⁸ В ночь на 20 января частью сил занял станцию Гуково.

ставляют соединённый отряд красногвардейцев³³⁹ и казачьих полков, и предложил уйти обратно на Лихую, угрожая в противном случае применить силу. Миончинский, желая выиграть время до прибытия партизан, потребовал отвести казачьи цепи к разъезду и вступил в переговоры. Начались взаимные упрёки и призывы, офицер-донец скрытно сообщил, что казаки, стоявшие на левом фланге и в центре, драться не желают. Миончинский отвечал уклончиво, ссылаясь, всё время на то, что он лицо подчинённое, самостоятельных решений принимать не может и лишь выполняет приказ.

Едва показался паровозный дымок подходящего партизанского эшелона, переговоры были прерваны. Чернецов соскочил с подножки и, не дав даже произвести до конца расчёт своих сотен, приказал Миончинскому открыть огонь. Орудие дало первый выстрел, что и послужило сигналом к началу боя. Стороны, не атакуя друг друга, завязали интенсивную ружейно-пулемётную перестрелку. Оба орудия Юнкерской батареи посылали снаряд за снарядом, сосредоточив усилия на правом, «неказачьем» фланге противника. Командир первого орудия штабс-капитан А.А. Шперлинг корректировал огонь, взобравшись на телеграфный столб. 12-я Донская казачья батарея, хоть и вела огонь по «чернецовцам», но шрапнель специально ставилась на высокий разрыв и вреда не причиняла.

Наконец, партизанские цепи, развернувшись, пошли вперёд. Едва они приблизились на 800 шагов, казаки оставили свои позиции и отступили, всё ускоряя темп, в северном направлении. Из опроса пленных выяснилось, что со стороны казаков не было сделано ни единого выстрела, ядро «чертковского» отряда составили солдаты 5-го пулемётного полка. Захваченные красногвардейцы были расстреляны на месте. Потери «чернецовцев» оказались незначительными. В батарее два юнкера были убиты, и один получил лёгкое ранение.

Всю ночь партизанские эшелоны простояли на разъезде. На рассвете 17 января Чернецов занял Каменскую, эвакуиро-

³³⁹ Красногвардейцев, успевших прибыть от Чертково, было не более 100 человек с пятью пулемётами. Они стали на правом фланге ревкомовского отряда.

ванную казаками без боя. Выяснилось, что 6-я Гвардейская Донская батарея уходила из Каменской самостоятельно, переправилась через Северский Донец, проследовала на хутора, расположенные в районе ст. Глубокой. Высланная вдогонку с целью захвата команда конных юнкеров, батарею обнаружить не смогла, что впоследствии сыграло в судьбе Чернецова роковую роль. В середине дня юнкера штабс-капитана А.А. Шперлинга выдвинулись с орудием до разъезда Погорелово, где произвели разведку боем. После непродолжительной артиллерийской перестрелки юнкера вернулись обратно к отряду.

Население Каменской встретило партизан сочувственно. На станции дамским кружком был организован питательный пункт. Местная учащаяся молодёжь записывалась в партизаны прямо в станционном здании. Из неё была сформирована 4-я сотня партизан. Каменские офицеры составили дружину самообороны.

Готовилось выступление на Глубокую, но утром 18 января пришло сообщение, что наступающие от Дебальцево красногвардейские отряды выбили добровольцев из Лихой³⁴⁰. Занятие советскими войсками этой узловой станции было чревато самыми серьёзными последствиями. Дело даже не в том, что красногвардейцы могли теперь угрожать тылу Чернецовского отряда. Саблин, выходя на железнодорожную ветку Лихая – Новочеркасск южнее выдвинувшихся к Каменской партизан, мог теперь продвигаться в южном направлении, к Новочеркасску, почти беспрепятственно. Донских дивизий, Гвардейской казачьей бригады к тому времени практически уже не существовало. Казачьи полки способность к ведению боевых действий утратили окончательно. Большая часть Добровольческой армии к этому времени перешла в Ростов и там втянулась в тяжёлые бои. Оставшиеся в Новочеркасске подразделения в той или иной степени принимали участие в рейде

³⁴⁰ 17 января 4-я Офицерская рота, оставленная на станции Лихая, все атака красногвардейцев отразила. Но на рассвете 18 января, окружённые со всех сторон многократно превосходящим противником, добровольцы вынуждены были оставить станцию. При прорыве они не смогли даже вынести с поля боя своих раненых.

Чернецова. Каледин в случае прорыва мог рассчитывать лишь на воспитанников Донского военного училища, да на незначительные партизанские отряды. Отодрать натиск многотысячной массы советских войск Саблина они, очевидно, были не в состоянии.

Поэтому от движения на Глубокую Чернецов был вынужден временно отказаться. Оставив для охраны Каменской вновь сформированную офицерскую дружину, он двинул партизанские эшелоны назад к Лихой³⁴¹. Около 12 часов, заняв обе колеи, двигаясь уступом, чтобы не мешать друг другу, эшелоны вышли к Лихой. Остановились в полутора километрах от станционного здания и, рассыпавшись в цепь вправо и влево от вагонов, спокойным шагом, во весь рост двинулись к станции. Против 250–300 партизан и юнкеров 1-й батареи в Лихой находилось свыше тысячи красногвардейцев, которые сразу же выдвинулись цепью навстречу и открыли интенсивный ружейно-пулемётный огонь. Партизаны шли, не стреляя. Лишь два пулемёта отвечали с тендеров обоих, медленно продвигавшихся за цепью партизан эшелонов. Да оба орудия вели артиллерийскую дуэль с батареей противника.

Сблизившись с красногвардейцами на расстояние в 200 шагов цепь партизан с криком «Ура!» перешла на бег и устремилась в штыки. Одновременно контратаковали с южного направления и остатки 4-й Офицерской роты полковника Морозова. Противник дрогнул³⁴² и, оставив свыше 100 убитых, в 20 минут очистил станцию. Толпа красногвардейцев отходила вдоль полотна. Обгоняя их, спешили вырваться со станции эшелоны. На замыкающем, ввиду прямого попадания в вагон артиллерийского снаряда возник пожар.

Разгром в Лихой потряс группу Саблина куда сильнее, чем

³⁴¹ По утверждению Н. Туроверова Чернецов также оставался в Каменской «для подготовки Глубокинской операции». Командовал партизанами под Лихой заместитель Чернецова поручик В. Курочкин.

³⁴² Местные жители позже сообщили, что во время боя в одной из станционных построек проходило совещание командного состава. В результате прямого попадания артиллерийского снаряда все были убиты, что усилило панику.

даже промах с Дебальцево. Отряды в панике устремились на запад. Судя по всему, общее командование было нарушено, каждый командир двигался сам по себе и рубежи отхода выбирал самостоятельно. Войска Саблина отскочили по двум расходящимся железнодорожным веткам. Отдельные отряды удалось остановить лишь на станциях Должанской и даже Семейкино. 19 января Саблин отправил Антонову-Овсеенко следующую телеграмму: «От Лихой войска отступили вследствие панического бегства красной гвардии. Потери убитых пока неизвестны, ранено 27. 85-й полк потерял около 20 убитыми, 2 ранено. Красная гвардия потеряла 11 пулемётов из двенадцати. 85-й полк – три из десяти. Сейчас они находятся в Верхнедудуванном и Семейкино. Юнкера имеют две броневых площадки с орудиями³⁴³. От Зверева отступили вследствие неисполнения Рухимовичем боевых приказов и паники его отрядов, вызванной слухами о двух тысячах казаков, находящихся будто бы в тылу. Войска находятся сейчас на ст. Должанская, Провалье. Авангард у Гуково, где идёт бой».

Вероятно, Саблин и сам чувствовал себя не совсем уверенно. В тот же день он телеграфировал снова: «Замечены попытки противника отрядами силою до 400 человек с орудиями, появляющимися у ст. Изворино и Должанской³⁴⁴, отрезать наши части, стоящие в Плешаково, Гуково, Заповедное. Не имею резервов. Принуждён ограничиться одной регистрацией телеграмм. Прошу вас двинуть ко мне 4-ю дивизию для восстановления положения».

Паникой и отходом дело не ограничилось. Откатившись от Лихой, 3-й Московский Красногвардейский отряд потребовал отправить его в Москву «для пополнения». В отряд выезжал Антонов-Овсеенко, стыдил бойцов за проявленную трусость,

³⁴³ Речь идёт о двух Чернецовских эшелонах с платформами, приспособленными под орудия 1-й Юнкерской батареи.

³⁴⁴ Слухи о появлении отрядов «калединцев», да ещё с артиллерией под Должанской можно объяснить лишь впечатлением, произведённым на советское командование партизанами Чернецова. По-видимому, за «отряды» были приняты одиночные конные казаки с близлежащих хуторов.

но ничего изменить не мог³⁴⁵. Ввиду потери боеспособности красногвардейцев пришлось разоружить и отправить в Москву с соответствующей аттестацией. Лишь незначительная часть отряда выразила раскаяние и желание искупить вину в бою. Под Гуково они уже не вернулись, направлены были к Сиверсу. Вслед за москвичами выбыл из строя и казавшийся достаточно устойчивым Харьковский отряд Рухимовича. Охваченный паническими настроениями, отряд потребовал немедленной его отправки в тыл. Несмотря на прямые приказы вернуться на фронт, Рухимович самовольно вывез отряд в Харьков, за что в скором времени Саблин объявил его в приказе дезертиром.

Серьёзное впечатление произвело занятие Чернецовым Каменской и на Донревком. После боя у Северно-Донецкого от бывших амбиций не осталось и следа. Уже 19 января Антонов-Овсеенко получил от члена Ревкома Маркина телеграмму следующего содержания:

«Политический вопрос принципиально решён. Абсолютно да, да, да. Официальное да. Декларация последует в самом непродолжительном времени».

Последовала сразу же за телеграммой Маркина:

«Харьков. 19/1 – 1918 г. Из Луганска, №449 – Харьков, Комиссару Антонову. Донской Казачий Военно-Революционный Комитет просит вас передать (в) Петроград, (в) Совет Народных Комиссаров следующую резолюцию Донской области. Казачий Военно-Революционный Комитет на основании постановления фронтового съезда в станице Каменской, постановил:

- 1) Признать Центральную Государственную власть Российской Советской республики, Центральный Исполнительный Комитет съезда Советов казачьих, крестьянских, солдатских и рабочих депутатов и выделенный им Совет Народных Комиссаров.
- 2) Создать краевую власть Донской области из съезда Советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов.

³⁴⁵ «Дикая паника, – пишет Антонов-Овсеенко, – охватила наши красногвардейские отряды – харьковцев и 3-й Московский отряд, а также батальон 85-го полка. Чернецовцы не только восстановили положение, но и оттеснили Саблина в исходное положение...»

Примечание: Земельный вопрос Донской области разрешается тем же областным съездом.

За председателя прапорщик Кривошлыков.
Секретарь Дорошев.

Члены:
прапорщики Стрелянов, Копалей,
Кривушев, Черноусов, Еронин»

«Я немедленно предписал нашим органам снабжения удовлетворить полностью заявки Донревкома», – пишет Антонов-Овсеенко.

Но не эти столь значимые для последующего развития событий перемены повлияли на трагический финал Чернецовского рейда. В конце декабря с Новочеркасской гауптвахты по просьбе М.П. Богаевского³⁴⁶ был освобождён войсковой старшина Голубов. Вполне допустимо предположить, что Голубова освободили в надежде, что он, возглавив какую-либо не разложившуюся ещё казачью часть, выступит с ней на стороне Войскового правительства³⁴⁷. Возможно, и сам Голубов не знал до поры, что он будет делать³⁴⁸. Примкнуть к одной из сторон

³⁴⁶ Позже Богаевский высказывался по этому поводу: «С болью в душе должен сказать, что у меня в душе нет более тяжёлого греха, как выпуск на свободу Голубова. Алексей Максимович был против этого. Но я поверил искренности Голубова. Сидя на гауптвахте, он вызвал меня и в течение полутора часов уверял меня в своей преданности Дону и клялся, что не пойдёт против казачества».

³⁴⁷ Такое, вполне правдоподобное, предположение высказывает Антонов-Овсеенко.

³⁴⁸ Вот что писал большевик Донецкий, прошедший вместе с Голубовым (и, между прочим, также и с В.С. Ковалёвым) на Новочеркасской гауптвахте весь декабрь и часть января: «Странный человек этот войсковой старшина! Он часами рассказывал нам о своих похождениях в тайге, о побоище, которое он устроил в Харбинском ресторане, изгоняя из него пьяных английских офицеров, об ужасах, которые он наблюдал в армии на полях Манчжурии... Ещё вчера он был большевиком, мурлыкал «Интернационал», во всём соглашался с Ковалёвым. А сегодня вдруг он – уже эсер, до небес возносящий эту «героическую партию». Завтра он уже превратился в ярого самостийника: «Дон для казаков!». «Если я буду атаманом!»...

Он сначала писал и читал нам дерзкие, вызывающие письма Богаевскому. Затем разрывал их и писал снова, иным тоном: «Дорогой Митрофан Петрович!»...

Н.М. Голубов

войсковой старшина не спешил, так как это не сулило ему никаких выгод. И лишь когда в Каменской начал заседать Съезд фронтового казачества, Голубов определился с выбором. В среде своих же казаков, выступивших против Каледина, он легко мог, как ему представлялось, выдвинуться и достичь желаемых высот.

Военная организация Донревкома с самого начала оставляла желать лучшего. Главнокомандующим Ревком назначил есаула Герасимова, его помощником есаула Смирнова³⁴⁹. Од-

нако побудить казаков к боевым действиям они не могли. Не ввязываясь в перестрелку, они отходили при одном лишь приближении эшелонов Чернецова. В этой обстановке 16 января в Каменскую прибыл Голубов и сразу же вступил в командование

...дней за десять до его освобождения, Голубов вышвырнул караульного начальника – прапорщика, вошедшего в камеру, а через два дня после этого случая, когда на пороге нашей камеры показался Каледин в сопровождении Богаевского, Голубов скомандовал нам «смирно» и вытянулся в струнку.

Странное впечатление производил он, этот отчаянно храбрый человек, о котором ещё в 1916 году на фронте я слышал, как о безукоризненно честном командире сотни, любимом своими казаками.

За два месяца, проведённые в одной камере с Голубовым, я составил о нём такое мнение: или он был действительно ненормален психически, или хотел казаться таким «странным» и скрывал за этим какую-то определённую цель. Такого же мнения о Голубове был и Ковалёв.

Последующие дни, когда решалась судьба казачьей контрреволюции, показали, что Голубов знал, чего хотел: он хотел быть донским атаманом, хотя бы и «красным», хотя бы и «советским».

Но с неперменным условием: «Дон для казаков!»

Даже если характеристика во многом упрощена, нельзя не согласиться, из тональности она не выбивается.

³⁴⁹ Был послан во главе делегации ВРК для переговоров с Чернецовым и арестован последним на станции Звереве.

27-м Донским полком, сохранившим боеспособность³⁵⁰. Казаки приняли Голубова, увидев в нём опытного, знающего, заботливого командира, каковым он без сомнения являлся.

К этому времени Каменская уже очищалась частями Донревкома. Сам Ревком перебрался в Миллерово. Верные ему сотни 10-го, 27-го, 44-го Донских казачьих полков отошли на станцию Глубокую. Сюда же подтянулся от Черткова и Миллерово и отряд красногвардейцев Петрова. Сам Петров убыл из Миллерово и 21 января оказался вдруг в Чертково...

За взятие Лихой Чернецов был произведён Калединым через чин в полковники. На станции были захвачены в качестве трофеев 13 пулемётов, брошенный красногвардейцами эшелон с имуществом и съестными припасами и вагон со снарядами. Однако потери среди партизан оказались чувствительными. Во время атаки выбит был почти весь командный состав. Заместитель Чернецова поручик Курочкин, получивший ранение в голову, не покинул поле боя и продолжал руководить своей сотней, но после вынужден был временно выбыть из строя. Убито и ранено было немало партизан, в рост атаковавших пулёмётные гнёзда. Лишь в 1-й батарее потеря в этот день не было.

1-е орудие образца 1902 г., штабс-капитана А.А. Шперлинга оставалось с прикрытием в Лихой. Остальные силы отряда стянулись к Каменской. До полуночи в дамской комнате станции разрабатывался план предстоящего наступления на Глубокую. По предложению сотника Линькова решено было предпринять обходное движение. Сам Чернецов с полутора сотнями партизан и юнкеров при трёх пулемётах и одном орудии должен был обойти Глубокую и, разобрав пути, атаковать станцию с севера. Оставшаяся часть отряда с Каменской офицерской дружиной и вторым орудием, подтянутым из Лихой, под общим командова-

---

³⁵⁰ «7 января, – пишет Антонов-Овсеенко, – в Харьков прибыл с фронта экстренным поездом эшелон казачьего полка (кажется 27-го), делегация от которого, во главе с есаулом Смирновым и Герасимовым, явилась ко мне с рекомендацией от Ревкома Юго-Западного фронта. По их уверениям, они спешат на Дон, для активной борьбы с Калединым...» В конечном итоге, так и получилось.

Р.Г. Лазарев

нием есаула Романа Лазарева³⁵¹ должна была наступать вдоль железнодорожного полотна. Обе группы должны были атаковать Глубокую одновременно в 16 часов³⁵². Готовилась операция на уничтожение противника, захват орудий и военного имущества. Силы красновардейцев оценивались в 1000 штыков. Вопрос с Каменским ревкомом считался после боя у Северо-Донецкого разрешённым. Саму мысль о возможности боя с казачьими частями никто не допускал.

Утром 20 января 1918 г. под командованием Чернецова из Каменской выступили:

- две сотни партизан (одна из них 4-я, набранная из учащих-ся Каменской, в которой едва насчитывалось 50 штыков);
- 2-е орудие поручика Казанли 1-й Юнкерской батареи на конной тяге с прикрытием пешего взвода под командованием подполковника Миончинского;
- остатки 4-й Офицерской роты (не более взвода) под командованием полковника Морозова.

Отряд сопровождали в двуколке врач и две сестры милосердия.

Выступление отряда, намеченное с рассветом, задержалось до 9–10 утра ввиду собирания подвод и разгрузки с платфор-

³⁵¹ Роман Григорьевич Лазарев, 1983 г.р., после окончания Новочеркасского казачьего юнкерского училища 6 августа 1913 года получил чин хорунжего и был зачислен в 6-й Донской полк, в составе которого выступил на Великую войну. В боях отличался личной храбростью. 24 февраля 1915 г. при местечке Незвистка во главе группы спешенных казаков захватил «действовавший» пулемёт противника, за что был награждён Орденом Святого Георгия 4-й степени. Кавалер Ордена Святой Анны 4-й и 3-й степеней, ордена Святого Станислава 3-й степени. Кавалер Георгиевского оружия. «Беспутный, но милый моему сердцу Роман», – позже напишет о нём Краснов...

³⁵² По другим данным одновременная атака с двух направлений должна была начаться сразу после полудня.

мы орудия. Отряд двигался скорым шагом, сам Чернецов то и дело выезжал на автомобиле, вооружённом двумя пулемётами «Кольт» и за это прозванным «броневым» на разведку³⁵³. Настроение у всех после удачного «дела» под Лихой было приподнятое. Планировалось выйти к железной дороге севернее Глубокой в 14–15 часов.

Однако, потеряв направление, отряд сбился с дороги и вышел к Глубокой только к вечеру, гораздо позже 16 часов. Люди все устали, проголодались и промёрзли. Совершенно непонятно было, атаковала ли станцию группа Лазарева, или, заняв позиции, ждала, когда начнёт атаку обходная колонна. Вполне вероятно, следовало бы дожидаться утра, но у Чернецова на этот счёт был свой взгляд и свои резоны. Немедленная атака могла ещё стать неожиданной. Психологический фактор в его операциях, когда противник по численности превосходил партизан в три-четыре раза, играл ключевую роль.

Так или иначе, но Чернецов приказал выдать по полбутылки водки на трёх человек, чтобы люди согрелись, и атаковать. Уже темнело. Партизаны с 4-й ротой развернулись в цепь и начали спускаться с холмов по направлению к Глубокой. Станция лежала чуть ниже. Хорошо просматривалась мельница. Видно было, как в сгущающихся сумерках маневрировали паровозы. Всё, казалось, было спокойно. Орудие было установлено на ближайшем бугре. Чтобы усилить панику Чернецов приказал Миончинскому открыть по станции огонь.

Однако всё вышло не так, как задумывалось. Едва выпустили первые снаряды, в ответ открыла огонь четырёх орудийная батарея, стоящая на закрытой позиции. Появились первые раненые, но юнкера продолжали обстрел станции. Вдруг отказало зарядное приспособление. Орудие, так удачно поддерживающее партизан, замолчало. Послали за запасным, но обнаружилось, что в спешке выступления и из-за неопытности юнкеров, при разгрузке с платформы в темноте перепутали передний ход ящика с передком орудия. В результате инструментальный

³⁵³ Планировалось использовать автомобиль для выдвигения к железнодорожной дороге и порче пути. Однако уже у Глубокой все шины полопались, машина стала, и её пришлось бросить.

ящик остался в Каменской. Пытались отремонтировать под огнём подручными средствами, но безуспешно.

Тем временем партизаны спустились к станции и, подойдя к небольшой речке у посёлка, неожиданно натолкнулись на интенсивный ружейно-пулемётный огонь. Завязался бой. «Чернецовцы» бросились в штыковую атаку и выбили противника из посёлка, но при этом понесли большие потери. Несмотря на это они продолжали атаковать. Перестрелка продолжалась до полуночи. Потом стихла. Лишь раздавались одиночные выстрелы. Юнкерам у замолчавшего орудия стало ясно, что станцию взять не удалось.

При атаке партизанам в цепи было указано лишь направление. О месте сбора в случае неудачи ничего сказано не было. Поэтому Миончинский приказал развести костерок у орудия. На него стали выходить от Глубокой группами и в одиночку партизаны. Оказалось, что на плечах отступившего противника им удалось ворваться на станцию и занять здание вокзала. Однако от стоящих на путях эшелонов они вновь были встречены огнём в упор. Явное многократное превосходство противника, огромные потери, неясность обстановки в условиях ночного боя не позволили им закрепиться на станции. Главное же, от Каменской атаку Чернецовской группы никто не поддержал³⁵⁴. В темноте цепь разбилась на изолированные группы. Управление было потеряно. Растерявшись, партизаны превратились вдруг в тех, кем они собственно и были, во вчерашних гимназистов и кадет³⁵⁵. Блуждая, они начали отходить назад. Некоторым пришлось пробиваться с боем. Прибывшие последними докладывали, что натыкались уже на заставы, выставленные в

³⁵⁴ Впоследствии оказалось, что группа партизан Лазарева с 1-м орудием штабс-капитана Шперлинга, двигаясь в эшелоне, вышла на подступы к Глубокой во второй половине дня 20 января. Не дождавись атаки Чернецова, Лазарев возвратился в Каменскую и этим замкнул цепь нелепого стечения обстоятельств и фатальных ошибок, приведших к гибели Чернецова. На другой день Лазарев атаковал, было, Глубокую, но, остановленный запиской Чернецова, вышел из боя и вновь вернулся в Каменскую.

³⁵⁵ По словам Н. Туроверова Чернецов перед атакой лично обучал 25–30 набранных в Каменской новичков-партизан, как заряжать винтовку, целиться и вкладывать обойму.

посёлке и у ручья. Всего вышло человек сорок-пятьдесят. О 4-й Офицерской роте известно ничего не было. Ни один её офицер к костру не вышел³⁵⁶.

Командный состав собрался у костра, чтобы обсудить создавшееся, весьма незавидное положение. Партизаны, предварительно опустошив все оставшиеся съестные припасы, падали на снег, где стояли и тут же засыпали от усталости. Чернецов решил идти на ближайший хутор. Подходящее для ночлега место долго искали конные ездые, выезжал и сам Чернецов. Наконец, нашли 80-летнего старика, взявшегося проводить отряд. Хутор оказался километрах в трёх от Глубокой. Тут же разбудили людей, осмотрели место стоянки, чтобы не оставить уснувших, и двинулись за стариком. Через час добрались до затерянного в степи хуторка, в двух избах которого все вповалку и разместились. Лошадей распрягли и задали корм. Раненых с передка перенесли в хату. Спать приходилось в лучшем случае сидя, но всё равно все, партизаны и юнкера, тут же заснули мёртвым сном. Лишь подполковник Миончинский с поручиком Казанли всё возились с зарядным приспособлением, которое к концу стоянки им всё же удалось исправить. Когда ближе к утру в помещении раздался выстрел, многие даже не проснулись. Оказалось, что партизан, не разрядивший винтовку, нажал во сне на спусковой крючок и ранил юнкера³⁵⁷.

На рассвете 21 января, отдохнув ещё около двух часов, стали собираться. Чернецов спешил, юнкера-ездые даже не успели напоить лошадей. Вначале вышли на вчерашнее место стоянки. Однако даже и Чернецов убедился, что численно уменьшившийся едва ли не вдвое отряд взять Глубокую физически был не в состоянии. К тому же связь с группой Лазарева отсутствовала. Решено было возвращаться в Каменскую.

В это время заметили приближавшегося от станции человека. Им оказался партизан, захваченный во время ночью

³⁵⁶ Позднее выяснилось, что куда более опытные офицеры в ночном бою не рассеялись и по оставлении станции отошли вдоль железнодорожных путей на Каменскую.

³⁵⁷ По словам Н. Туроверова юнкер был убит наповал. Чернецов, узнав об этом, выругался при всех.

го боя. По каким-то причинам его не расстреляли на месте, и утром ему удалось бежать. Партизан доложил, что у мельницы на окраине Глубокой скопилось много красногвардейцев. Чернецов приказал обстрелять мельницу и прилегающие дома, в том числе и для того, чтобы проверить боеспособность орудия. Миончинский пытался его отговаривать. Он утверждал, что не стоит обнаруживать местонахождение отряда в его нынешнем состоянии. Напомнил, что противником являются не столько красногвардейцы, сколько казачьи подразделения Донревкома, и оторваться в степи от сильной конной части будет весьма затруднительно³⁵⁸. Чернецов всё же настоял на своём. Орудие, оказавшееся вполне исправным, дало до десяти выстрелов. Снаряды легли удачно. Видно было, как выскакивают из домов и разбегаются от разрывов вооружённые люди. Среди партизан слышались возгласы одобрения, что чрезвычайно обрадовало Чернецова. Заметно было, что боевой дух, несмотря на неудачу в его бойцах не угас.

Наконец, орудие взялось на передки, отряд двинулся в степь. Чернецов, всё же учитывающий возможность преследования вёл партизан в Каменскую по бездорожью. Непоеные лошади едва волочили орудие. Усталость охватывала постепенно и переживших бессонную ночь людей. Не прошли и четверти пути, как увидели вдали конный разъезд, который по мере приближения колонны отъезжал в степь, но из виду не пропадал. Когда отряд прошёл ещё 2–3 километра и взобрался на возвышающееся над окружающей местностью плато, партизаны увидели разворачивающуюся для боя крупную кавалерийскую часть. На буграх становились четыре орудия конной батареи.

Это был 27-й Донской казачий полк и 6-я Гвардейская Донская батарея. Голубов сумел сделать две простых вещи, решивших судьбу Чернецова. Он, так или иначе, подтянул дисциплину настолько, что казаки готовы были по его приказу вступить в

³⁵⁸ Столкнулись не столько амбиции, сколько разная логика двух армейских офицеров. Чернецова, разведчика-партизана, весьма склонного к непредсказуемому риску. И Миончинского, строевика, привыкшего обдумывать и обеспечивать каждый шаг. Как показали дальнейшие события, прав в данной ситуации целиком и полностью был Миончинский.

бой и воевать «по-настоящему». К тому же войсковой старшина быстро разобрался в ситуации. Определил, что после утреннего обстрела, партизаны будут отступать на Каменскую и сумел обнаружить их в степи. То, что в колонне будет находиться и сам Чернецов, Голубов, конечно же, не знал. Но, думается, это вряд ли бы что изменило. Здесь коса нашла на камень. Надо отдать ему должное, Голубов, от задуманного не отступался. Напасть с пятью сотнями конных казаков на впятеро меньшего противника, пусть даже и «чернецовцев», никаких затруднений у него не вызывало. В многочисленных своих компаниях от Маньчжурии до Балкан он проделывал и не такое.

Партизаны рассыпались в цепь. Орудие снялось, было, с передка. Однако Чернецов уже понял, что при любых обстоятельствах горсть его партизан не сможет выдержать атаки нескольких конных сотен. О популярных у казаков переговорах при подавляющем их превосходстве не могло идти и речи. Поэтому Чернецов решил, не принимая боя, отступать к железнодорожному полотну, всё ещё рассчитывая получить помощь из Каменской.

Отряд стал быстро отходить. Казачьи сотни огибали фланги, но пока не атаковали. Казачья батарея, справляясь без офицеров, повела по отходящим «чернецовцам» беглый огонь. Цепь, накрываемая разрывами, стягивалась на ходу к Чернецову. Лошади, тянувшие орудие, перейти на рысь были уже не в состоянии. Сильно пересечённая местность отнимала последние силы, как у людей, так и у лошадей. После близких разрывов лошади запутались в построениях и легли. Но, выправившись, орудие продолжило движение. Казачьи сотни, охватывая партизан, заставляли их постепенно поворачивать к Глубокой. В какой-то момент орудие, следовавшее за партизанами, выкатилось к краю оврага, преодолеть который было уже невозможно. Чернецов приказал бросить орудие.

Ставшее ещё с фронта правилом, принимать решения мгновенно, сыграло с молодым полковником злую шутку. Займи отряд оборону на холмах, *при поддержке орудия* какие-то шансы отбиться ещё оставались...

Миончинский хотел дать несколько выстрелов в сторону казаков, но партизаны удалялись от оврага скорым шагом. Посчитав, что не успеет привести в негодность орудие, он только махнул рукой. Сняли замок, прицел и угломерный круг, после чего общими усилиями столкнули орудие в овраг. Падая, оно перевернулось и повисло на торчащих из ската корягах. Снятые детали подтащили к замёрзшему ручейку на дне оврага и утопили³⁵⁹.

В конце концов, отряд оказался в балке, выходы из которой заняли казаки. Чернецов, видя неизбежную гибель отряда и желая уменьшить число жертв, а, возможно, возлагая на себя долю вины за происшедшее, приказал Миончинскому прорываться со всеми конными. Тот собрал человек двадцать, и вся группа с командиром батареи во главе, выскочив из балки, устремилась в сторону Каменской. Миончинский на скаку размахивал над головой белым платком и этим на какое-то время ввёл казаков в заблуждение. Когда они сообразили, в чём дело, группа успела удалиться на достаточное расстояние. Преследовать конных юнкеров казаки почему-то не стали³⁶⁰. Всё свое внимание они сосредоточили теперь на оставшихся в овраге пеших «чернецовцев».

Партизаны рассредоточились вдоль скатов, юнкера – вокруг полковника Чернецова. Всего набралось до сорока человек. Подходили по одному отставшие. Желая смять горсть пехотинцев одним ударом, одна из сотен атаковала отряд в конном строю. Поднявшись на край оврага, и подпустив конных на расстояние

³⁵⁹ Уже 22 января Миончинский приказал штабс-капитану Князеву, который был в обходной группе и получил при конвоировании ранение от удара прикладом в голову, выехать на поиски орудия. С ним следовали юнкер Лисенко, также побывавший в окружении и, как предполагалось, запомнивший место сброса орудия и три ездовых из расчёта орудия штабс-капитана Шперлинга. Выехали ближе к полудню. Проездив часов пять по пересечённой местности, ничего не нашли и никого, к счастью, не встретили. Отдохнув, продолжили поиски. Орудия так и не нашли, но в темноте потеряли друг друга. В Каменскую возвращались поодиночке. Двое, чьи лошади, не выдержав напряжения, пали, вернулись пешими.

³⁶⁰ С Миончинским ушли все ездовые и номера 2-го орудия Юнкерской батареи, а также и сестра милосердия одной из партизанских сотен, не имеющая своего коня. Проплутав всю ночь по степи, натываясь в темноте на разъезды противника, на рассвете 22 января группа Миончинского прибыла в Каменскую. Часть пешего взвода батареи осталась с Чернецовым.

до 200 метров, юнкера и партизаны дали несколько залпов. Казаки смешались, и круто осадив коней, поскакали обратно. Чернецов громко поздравил всех с производством в прапорщики. Немногочисленное, но дружное «Ура!» было ему ответом.

То же повторилось и во второй раз. Когда казаки ружейной стрельбой были вновь отбиты, Чернецов поздравил окружающих его юношей с производством в подпоручики. Вновь над степью пронеслось громкое «Ура!»

Вся логика разворачивавшейся гражданской войны, войны по преимуществу маневренной, все многочисленные примеры, подтверждающие главенствующую роль кавалерии, когда, случалось, вырубались пехотные полки, и десяток конных *действительно* наводил панику на батальоны, говорили о том, что взвод стрелков не может противостоять казачьему полку. Видимо так же рассуждали и казаки. Развернувшись лавой, сотня устремилась в третью атаку. На этот раз Чернецов подпустил их куда ближе. Когда показалось, что стрельба запоздала, подал команду: «Огонь!» Грянул залп практически в упор, с нескольких десятков шагов. Вслед за ним другой, затем и третий... Казаки не выдержали и, подобрав раненых и убитых, поспешили ускакать назад. Они спешили, залегли на холмах и издали обстреливали партизан.

– Поздравляю всех с производством в поручики! – крикнул Чернецов.

– Ура! – вновь было ему ответом.

Отряд начал подниматься на противоположную от атакующих сторон оврага. Едва это удалось, полковник Чернецов был ранен в ногу, и самостоятельно передвигаться не мог. Партизаны хотели просить Чернецова сесть на коня и попытаться спастись, но коней уже не осталось. Да и вряд ли полковник согласился бросить отряд. Чернецова перевязали³⁶¹. Партиза-

³⁶¹ По словам чудом спасшихся очевидцев, Чернецов во время перевязки, обхватив голову руками и зарывшись лицом в землю, рычал от осознания собственного бессилия и оттого, что его партизаны, он сам, да вероятно и дело его, неминуемо должны были погибнуть. Однако самообладание, покинув на мгновение, тут же вернулось к полковнику. Вскоре Чернецов, совершенно спокойный, уже подбадривал партизан.

ны и юнкера залегли вокруг него и готовились принять последний бой. Шансов спастись не было никаких. Казаки могли просто расстрелять «чернецовцев» артиллерийским огнём 6-й Гвардейской батареи. Рассеяться и скрыться по одиночке от нескольких сотен конных, в степи было очевидно невозможно.

В описании дальнейшего различные источники, разнясь в деталях, сходятся в одном. Начались переговоры, в которых принял участие и подъехавший Голубов³⁶². Он дал Чернецову «слово офицера» в том, что если партизаны сложат оружие, их сопроводят в Каменскую. Чернецов, видя всю безысходность своего положения, согласился ему довериться. Обезоруженных «чернецовцев» построили в колонну и погнали, но не в Каменскую, а в Глубокую. При этом пленных раздели до белья и начали избивать нагайками. Заставили тащить на санках заклинившие отрядные пулемёты. Некоторые, понимая, что их ведут для передачи в руки красногвардейцев, просили конвоиров пристрелить на месте и ложились на землю. Иные падали в изнеможении. Тех и других поднимали прикладами.

Впереди ехал Голубов³⁶³, за ним, отставив далеко в сторону раненую в ступню ногу, полковник Чернецов на казачьей лошади. Следом – пленные. Замыкали колонну следовавшие в беспорядке сотни 27-го и 44-го полков с упряжками 6-й Гвардейской

³⁶² В воспоминаниях марковцев-артиллеристов начало и ход переговоров представлены следующим образом. Один из донцов, подхорунжий-казак, потерявший при атаке своего коня, начал кричать, обращаясь к своим и «чернецовцам», что надо прекратить проливать братскую кровь, сложить и тем и другим оружие и мирно обсудить «свои отношения». Группами начали подходить с опущенными винтовками казаки. Не стреляли и партизаны. Поговорили и согласились сложить оружие. Чернецов не возражал. Казаки тут же опустили винтовки на снег. За ними и партизаны. Но казаки всё подходили и подходили, их было во много раз больше. В какой-то момент, когда все «чернецовцы» оставались уже без оружия, вновь подходящие вооружённые донцы, несмотря на протесты, построили обезоруженных партизан и юнкеров в колонну и погнали в Глубокую. О слове, якобы данном, Чернецову Голубовым, при этом не упоминается. В какой степени эта красивая легенда отражает реальные события, определить сейчас вряд ли возможно.

³⁶³ Дальнейшие события изложены в соответствии с воспоминаниями Н. Туроверова, непосредственного их участника.

батареи. Один из выборных казачьих командиров упрекнул Чернецова:

– Ух, ты, гад проклятый, туда же с ребятишками лезешь!

Но Голубов остановил его и, не скрывая своего торжества, сказал:

– Ты не можешь так говорить. Чернецов три раза был ранен, он имеет Георгиевское оружие. Не так ли, полковник Чернецов?

Чернецов не отвечал, голова его была высоко поднята, глаза полузакрыты.

Подходили уже к Глубокой, приближаясь в то же время к железнодорожному полотну. От разъезда Дьякино к Голубову подъехали с докладом три казака. Голубов повернулся к Чернецову:

– Ваши части ведут наступление по железной дороге на Глубокую. Это теперь бесполезно: вы в моих руках. Напишите приказание о полной остановке наступления и о передаче без боя мне станицы Каменской. Каменская мне необходима. Я же взамен этого не отдам сегодня вас на самосуд красногвардейцам, а посадив в Каменскую тюрьму, буду судить вас всех революционным трибуналом. От себя назначьте для передачи приказа двух людей. Я же дам четырёх своих...

Чернецов на вырванном из записной книжки листке написал записку соответствующего содержания и приказал отправиться с ней в Каменскую отрядного врача в сопровождении одного из юнкеров...

Вышли к железнодорожному полотну. На нём, прикрывая видимую уже Глубокую, стоял красногвардейский эшелон. Впереди паровоза установленное на платформе орудие изредка стреляло по скрытым складками местности цепям, перешедшей в наступление Каменской группы. Со стороны эшелона подъехал верхом Подтёлков. Переговорив с ним, Голубов оставил до 30 человек конвоя, а сам с остальными направился в сторону не успевшего завязаться боя.

Подтёлков, взвинченный до предела, сразу же выхватил шашку и, размахивая ею над головой Чернецова, закричал:

«Сам всех посеку в капусту, если твои щенки хотя пальцем тронут Глубокою!» Конвоиры при этом вновь стали избивать продолжавших движение пленных. Сгустились сумерки. Со стороны Глубокой приблизились в темноте три всадника. Это могли быть только лишь казаки Голубова. Никто не обратил бы на них внимания. Но Подтёлков зачем-то спросил: «Кто такие?»

Не дожидаясь отзыва, следующий рядом с ним Чернецов пригнулся и снизу-вверх ударил Подтёлкова кулаком в лицо, выбив председателя Ревкома из седла.

– Ура! Это наши! – крикнул он, склоняясь на здоровую ногу и пустив коня наёмом в степь.

И измождённые, в кровь избитые пленные, подхватили его крик и кинулись на рассеявшихся в растерянности конвойных. Партизаны разбежались в разные стороны. Часть их, приняв красногвардейский эшелон за свой, вскочили на площадку и приняли смерть, схватившись врукопашную с солдатами-пулемётчиками. Других настигал и рубил оправившийся конвой. И всё же несколько человек, спрятавшись в садах, проплутали всю ночь и на рассвете вернулись в Каменскую, где обильно накормленные, отсыпались потом больше суток. Ещё несколько были взяты казаками на хуторах, но, пользуясь усталостью часовых, сумели бежать и утром были подобраны Лазаревым.

Сам Чернецов, посчитавший видимо, что Каменская уже пала, поскакал в родную ст. Калитвенскую, где и заночевал. Кто-то из станичников дал знать об этом в Глубокою. На рассвете 22 января Подтёлков с несколькими казаками прибыл в Калитвенскую, где и захватил впавшего в забытие Чернецова. На протяжении всего конвоирования в Глубокою Подтёлков продолжал оскорблять Чернецова. Тот презрительно молчал. Когда же председатель Донревкома ударил его плетью, Чернецов вдруг выхватил из внутреннего полушубка маленький браунинг и, направив в упор на Подтёлкова, спустил курок. Выстрела не последовало. Чернецов в гневе забыл дослать в ствол пистолета патрон.

Подтёлков выхватил шашку, рубанул его по лицу. Вскоре

казаки продолжили движение, а в степи остался лежать изрубленный труп полковника-партизана Чернецова³⁶⁴...

Когда Голубов узнал о происшедшем, он набросился на Подтёлкова, едва ли не с кулаками, а потом, говорят, даже плакал. Сам Голубов ни при каких обстоятельствах не допустил бы расправы над Чернецовым. И на то были свои причины. Каким бы беспринципным авантюристом ни был Голубов, он всё же носил офицерские погоны. И, в сущности, с Чернецовым был во многом схож. Различие состояло в том, что Голубов руководствовался амбициями, а Чернецова вёл долг. И всё же войсковой старшина не чужд был офицерского братства и в этом смысле Чернецов был ему куда ближе того же Подтёлкова. К тому же, не могла не прийти Голобову и мысль о том, что новая власть, в отличие от Атаманской, вовсе не бережёт неординарных, выделяющихся людей. Таких, например, как он сам. Напротив, не задумываясь, отбрасывает их со своего пути.

Но главным было то, что после гибели Чернецова, Голубов терял свободу выбора. Сохрани он его, как пленника, или даже, переправь в Каменскую, и при случае, ещё можно было вернуться назад. С полком, что вернее, или в одиночку. Сохрани Голубов Чернецова, его бы вероятно приняли.

Однако полковник был зарублен, и тело его брошено в степи. Хоть сам Голубов не принимал участие в убийстве Чернецова, имя его оказалось запятнанным неприглядной этой историей. Нашлось немало недовольных и среди казаков. Опасаясь за их устойчивость, возможно, опасаясь и мести со стороны «чернецовцев», Донревком, вместо того, чтобы развить успех, неожиданно эвакуировал Глубокою. Все части, включая отряд Петрова, в ночь на 23 января отошли на Миллерово и какое-то время активности не проявляли³⁶⁵.

³⁶⁴ По другой версии Чернецов был сразу же зарублен вечером 21 января у Глубокой догнавшими его конвойными.

³⁶⁵ Весьма вероятно, что учитывался куда более прагматичный фактор. Ревкомовцы могли посчитать, что таскать для большевиков каштаны из огня им нет никакого резона. Значимость свою пленением Чернецова они доказали и теперь могли на время выйти из боёв и осмотреться. Не случайно Голубов пошёл в рейд на Новочеркасск лишь тогда, когда его падение уже было предопределено.

Для Подтёлкова же Чернецов был лишь неудобным препятствием. Но главное, олицетворением всей той пропасти, которая разделяла безграмотного казака-артиллериста и блестящего офицера. Преодолеть которую, Подтёлков прекрасно это понимал, ему не удалось бы ни при каких обстоятельствах. Он и рубанул, не раздумывая. Пути отхода отрезаны были им же самим задолго до Каменского съезда...

Чернецова и остатки его группы пытались спасти. Окружной атаман генерал Усачёв, назначенный Калединым командующим войсками Каменского района, докладывал 21 января Назарову:

«Походному атаману. Полковник Чернецов с утра 20 по настоящее время ведёт бой в районе ст. Глубокая. 21 января. 19 часов. Каменская. Усачёв».

Когда подробности катастрофы стали известны в Каменской, Усачёв сразу же доложил о них в Новочеркасск:

«Походному атаману. Отходя от Глубокой 21 января, около 13 часов, полковник Чернецов с 30 дружинниками был захвачен казачьими частями 27 полка, 44 и атаманского под командой войскового старшины Голубова Николая. Полковник Чернецов ранен в ногу. Войсковой старшина Голубов прислал ко мне делегацию³⁶⁶ с просьбой прекратить кровопролитие, гарантируя жизнь полковнику Чернецову и дружинникам.

Я посылаю делегацию с ультиматумом немедленно освободить пленных. Действия с моей стороны пока прекращены. Усачёв».

Посылаемым делегатам Усачёв передал послания *назначенному* командиру 27-Донского и полковому комитету.

Командиру полка он писал:

«Полковнику Седову, 1918 г. 21 января (22 часа), Каменская. Прошу Вас употребить все усилия озаботиться о полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие и койки. Я надеюсь, что он будет немедленно доставлен Вами в спокойном вагоне на ст. Камен-

³⁶⁶ В качестве делегата к Усачёву приезжал от Голубова урядник 27-го Донского полка Выряков.

скую. Прошу сообщить казакам, что против казаков никто не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отделиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних. Генерал-майор Усачёв».

То же самое, но чуть более развёрнуто, написал он и полковому комитету:

«Полковому комитету 27 казачьего полка, 1918 г. 21 января, 23 ч. Каменская. Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставить им медицинскую помощь, продовольствие, покой. Я уверен, что он немедленно будет доставлен в спокойном вагоне на ст. Каменскую.

Прошу сообщить казакам, что против казаков никто и не помышляет войну. Правительство просит казаков отделиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних красногвардейцев. В виду появления казаков на ст. Глубокой, – я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить её от захвата красногвардейцами. Генерал-майор Усачёв».

Делегация Усачёва, прибыв на станцию Глубокая, казаков Голубова, отошедших на Миллерово, уже не застала. Послания адресатам доставлены не были.

В ночь с 21 на 22 января произошёл телефонный разговор Усачёва с дежурным офицером по штабу Походного атамана прапорщиком Терезниковым, который фиксировался последним в полевой книжке. Генерал докладывал в штаб следующее:

«Полковник Чернецов со 120 человеками предпринял обход с севера на ст. Глубокую, чтобы захватить эту станцию, и задача почти увенчалась успехом, но, благодаря подошедшим подкреплениям большевиков со ст. Миллерово, стал отходить в направлении на х. Гусев и Каменскую и, не доходя 7 вёрст до Каменской, был окружён конными частями, указанными в телеграмме, под командою в. с. Голубова. Произошёл бой и полковник Чернецов был захвачен раненым с 30 дружинниками в плен, а остальные дружинники были частью убиты, частью рас-

сеяны, оставшиеся присоединяются к ст. Каменской. Пока ещё не установлено, сколько таковых. А остальные дружинники находятся в ст. Каменской, которые с утра защищали ст. Каменскую, а двинутый отряд полковника Чернецова под командою е. Лазарева был двинут по жел. дороге на Глубокую, результатом чего ко мне явилась делегация и принесла записку с подписями полк. Чернецова и в.с. Голубова следующего содержания: *Последнее письмо Чернецова. Написано оно карандашом, беспорядочно, торопливо на листке, вырванном из записной книжки. «1918 г. 21 января, я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития, прошу Вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов».*

Под подписью Чернецова имеется и подпись Голубова, сделанная характерным мелким почерком Голубова.

«Войсковой старшина Н. Голубов. 1918 г. 21 января».

Не дождавшись возобновления переговоров с казаками, в середине дня 22 января взявший на себя командование Лазарев, выдвинулся с оставшимися партизанами и 1-м орудием Юнкерской батареи к Глубокой. Станция была пуста. Голубов с красногвардейцами отошли на Миллерово. Были подобраны трупы погибших накануне «чернецовцев», да вышли неожиданно к эшелону несколько бежавших из плена юнкеров. Партизан погибло больше сотни, юнкеров – 16 человек.

К вечеру факт гибели Чернецова не вызывал уже сомнений.

«Прикрытие Новочеркасска лежало всецело на состоявшем по преимуществу из учащейся молодежи партизанском отряде есаула Чернецова, писал Деникин. – В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой... Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно разваливалось».

Генерал во многом прав. Гибель Чернецова привела к катастрофическим последствиям. Дело даже не в уничтожении почти половины отряда. Безвозвратно был потерян ореол непобедимости. С Чернецовым шли и не сомневались в успехе.

Теперь же оставшиеся партизаны знали, поражение не только возможно, но, скорее всего, неотвратимо. Решимость и боевой дух не исчезли в один миг, но от бывшего энтузиазма не осталось и следа. Да и другого такого командира найти было невозможно. При всём уважении, второго Чернецова из Романа Лазарева не получилось.

Пока партизаны и добровольцы имели дело исключительно с пришлыми красногвардейцами Саблина, пока казаки оставались безучастными, несмотря на подавляющее численное превосходство советских войск, борьба шла с переменным успехом. Но первое же серьёзное боестолкновение с казаками, выступившими на стороне большевиков, разом всё изменило. Гибель Чернецова именно в этом бою, от казачьей руки, не случайна и знаменательна. Победить и даже отстоять Область в условиях, когда казачье население и казачьи полки не просто заявили о нейтралитете, но и начинали присоединяться к вторгнувшемуся в её пределы противнику, было очевидно невозможно³⁶⁷.

И все это понимали. От наступательной тактики, от «чернецовских» коротких, решительных ударов к концу января пришлось отказаться. Лазарев, пробыв в Глубокой не больше часа, поспешил вернуться в Каменскую и впоследствии ограничился обороной станицы.

Однако развалилось всё не сразу. Да далеко не всё развалилось и вообще. Партизанская удаля не исчезла в пару дней. «Чернецовцы» дали не один ещё бой, и их сопротивление ослабеваало лишь вследствие невозвратных потерь. Что касается добровольцев, то их подразделения формировались на иной основе и руководствовались, совершенно иной психологией. В бою ли, в повседневной жизни, в победе ли, в поражении офицерские и юнкерские роты продолжали сохранять устойчивость и главное, как ни в чём не бывало, делали своё дело. Пусть не столь ярко, но не менее результативно и куда более обоснованно.

23 января в Каменской были получены сведения, что в хуторе Астахов стоит в полном составе без надлежащего прикрытия

³⁶⁷ Вполне уместен вопрос, что было бы, не образуйся Донревком и не выступи казаки 27-го Донского на стороне большевиков? Ответ требует, конечно же, отдельного предметного разговора.

шести орудийная казачья батарея. Было принято решение её захватить. Миончинский собрал всех юнкеров, не участвовавших в обходном движении. От участвовавших также вызвалось несколько добровольцев. Есаул Лазарев выделил в экспедицию взвод партизан. В тот же день Миончинский с отрядом доехал в эшелоне до ближайшего к хутору разъезда. Впереди эшелона следовал паровоз с единственной платформой, на которой было установлено 1-е орудие штабс-капитана А.А. Шперлинга. Начали выгружаться на виду у казаков. Миончинский приказал Шперлингу выехать вперёд, чтобы прикрыть стоящий эшелон. Казаки обстреливали орудие и эшелон, но на этот раз неудачно. Окончив выгрузку, отряд вошёл в хутор. Как оказалось, батарея была казаками брошена. Защищать её никто даже и не пытался. Все шесть орудий с имуществом и амуницией юнкера подвезли к эшелону и в полчаса погрузили их на платформы.

За несколько минут до окончания погрузки со стороны Глубокой появился паровоз под белым флагом, приближавшийся с максимальной скоростью. От него до эшелона с орудиями оставалось уже не более километра, но ход паровоз не сбавлял. Штабс-капитан Шперлинг, догадавшийся, что паровоз пустой и направлен для столкновения, начал медленно отходить к эшелону. Расстояние всё сокращалось. Увеличить ход было нельзя, так как юнкера не закончили погрузку, и эшелон позади продолжал стоять неподвижно. Шперлинг приказал открыть огонь. 1-е орудие выстрелило, но неудачно. Тогда Шперлинг стал за наводчика и успел произвести ещё один выстрел. Снаряд попал в ходовую часть мчавшегося на всех парах паровоза, который сразу же вслед за этим резко сбавил ход. Всё же он наскочил на излёте на платформу, но большого вреда ей и орудию не причинил. Лишь были помяты буфера да юнкера получили ушибы при столкновении³⁶⁸.

Все шесть казачьих орудий образца 1902 г., телефонные ап-

³⁶⁸ После этого случая впереди платформы с орудием устанавливали предохранительную платформу со шпалами и железнодорожным инвентарём. Паровоз ставили тендером вперёд. За ним – вагон со снарядами, и в особых случаях вагон с лошадьми. Эшелон с орудием юнкера называли «первым броневиком Добровольческой армии».

параты, другое артиллерийское имущество и до тысячи снарядов были благополучно доставлены в Каменскую. Оставив в станции 1-е орудия штабс-капитана Шперлинга с расчётом, Миончинский с захваченными орудиями и оставшимися юнкерами проследовал в Новочеркасск³⁶⁹ и оттуда после ремонта запущенной казаками материальной части был направлен уже в Ростов.

26 января эшелоны красногвардейцев приблизились к Каменской со стороны Глубокой и выпустили по станции несколько снарядов. Навстречу выдвинулся «броневик» штабс-капитана Шперлинга. Советские блиндированные поезда сразу прекратили обстрел, и отошли назад. Видимо, это была разведка боем. У разъезда Погорелово юнкера набросали на пути шпалы, и эшелон вернулся в Каменскую. По какой-то причине железнодорожное полотно не было взорвано. Видимо, надеялись ещё наступать.

27 января советские блиндированные поезда, разобрав завал у разъезда Погорелово, вышли почти к мосту через Северский Донец, и повели обстрел станции и станции Каменской. Вновь навстречу устремился состав с орудием Шперлинга. После короткой артиллерийской дуэли советские эшелоны отошли и скрылись за разъездом. Было приказано взорвать пути, но взрывать нужно было за Погорелово, чтобы избежать новых обстрелов. «Броневик» Шперлинга пошёл вперёд. За ним следовал паровоз с командой подрывников.

Однако блиндированные поезда противника, не отошедшие далеко от разъезда, повели интенсивный огонь. Одна из гранат угодила в вагон со снарядами. Раздался взрыв. Вагон был разбит и испорчен безвозвратно. С большим трудом его удалось отцепить от паровоза, но путь назад был преграждён. Шперлинг принял единственно верное решение. «Броневик» с разгона проскочил разъезд и огнём отогнал противника. Затем, вернулся, перейдя на другой путь. Полотно впереди было взорвано пироксилиновыми шашками и загромождено бывшими на разъезде вагонами и платформами. После чего эшелон вернулся в

³⁶⁹ Это был последний эшелон, успевший проскочить через Лихую.

Каменскую. Потерь не было, лишь контужен при взрыве один из юнкеров.

К вечеру стало известно, что Лихая 26 января взята, 4-я Офицерская рота ещё ранее отошла на станцию Звереве, откуда в соответствии с приказом Корнилова, незамедлительно проследовала в Ростов. «Броневик» тут же развернули с севера на юг. Лазарев выделил 17(!) партизан. Устремились к Лихой. На подходе к станции вправо и влево от эшелона развернулись жиденькие цепочки партизан и юнкеров. Орудие медленно продвигалось вперёд. От станции, забитой эшелонами, навстречу выдвигалась густая цепь красногвардейцев. Завязался огневой бой, и случилось невероятное. К ночи большевики оставили станцию. Занять её было нечем. «Броневик» продвинулся на километр юго-западнее Лихой для охраны станции. Ещё дальше у пересечения веток Лихая – Родаково и Лихая – Звереве должны были выставить заставу партизаны. Около полуночи, миновав без выстрела заставу, подошёл в сгустившихся сумерках красногвардейский эшелон. Отбивать атаку силами орудийного расчёта была невозможно, Шперлинг скомандовал: «Задний ход!» Машинист в панике проскочил Лихую и на полных парах погнал эшелон в Каменскую. В темноте наскочили на поезд Лазарева, стоявший в двух километрах от Лихой. В результате крушения два его вагона сошли с полотна, легли на бок и загродили Шперлингу путь отхода на Каменскую.

И тут начали проявляться первые симптомы того, что развязка действительно близка. Есаул Лазарев, по свидетельству юнкеров-артиллеристов, «вдребезги весёлый», отцепил два своих разбитых вагона и, ничего не сказав, удалился с эшелонном на разъезд Северо-Донецкий. Силами 15–20 юнкеров сбросить с пути опрокинувшиеся вагоны было невозможно. Между тем приближался рассвет, Лихая наверняка уже была вновь занята красногвардейцами, их выдвижение на север можно было ожидать в любую минуту. Шперлинг вновь не растерялся. Ездových на орудийных лошадях он направил в Каменскую своим ходом. Эшелон же с потушенными огнями подобрался к первой же станционной стрелке и, перейдя на другой путь, возвратил-

ся назад. Ночевали на разъезде Северо-Донецкий, рядом с составом Лазарева.

29 января, когда осознали, что отбить Лихую уже не удастся, было принято решение взорвать пути и к югу от Каменской. По понятным причинам взрывать следовало как можно ближе к Лихой. Когда «броневик» приблизился к станции, с красногвардейских блиндированных поездов открыли артиллерийский огонь. 1-е орудие отвечало. В какой-то момент граната ударила в колесо орудия, шрапнель разорвалась на платформе. Все номера были убиты или ранены, не зацепило лишь Шперлинга. Орудие с разбитым колесом вышло из строя. Пришлось отходить. Чтобы эшелоны противника не ворвались вслед за 1-м орудием в Каменскую, полотно за собой взрывали на ходу. Три юнкера, находившиеся во время попадания на другой платформе и не пострадавшие от разрыва, прыгивали на насыпь и в шахматном порядке подрывали оба пути.

Вернувшись в Каменскую, подсчитали потери. Трое были убиты, двое ранены. Орудие ремонту подлежало, но снарядов оставалось не более 20. Перспектив удержать Каменскую уже не оставалось. В самое ближайшее время следовало ожидать противника, как со стороны Лихой, так и от Глубокой. В этих условиях было принято решение оставить Каменскую.

Вечером колонна партизан Романа Лазарева³⁷⁰ и с ними 1-е орудие Юнкерской батареи с расчётом ушли в степь. Тела трёх убитых под Лихой и тяжело раненого юнкера Кизима, вскоре умершего от ран, пришлось оставить на попечение Общества врачей.

Шли всю ночь. На рассвете 30 января незамеченными пересекли ветку Лихая – Царицын. К вечеру вышли к хутору Керченский, где и заночевали. Собрался сход. Лазарев рассказывал, кто они, зачем и куда направляются. Жители слушали сочувственно, даже выделили отряду подводды.

Проследовали дальше. К вечеру 31 января в селе Мокрый Луг встретили бежавших из Звереве инженеров-путейцев. Те

³⁷⁰ К партизанам Лазарева присоединилась и небольшая часть казаков 10-го Донского полка, в котором он некогда проходил службу и сам.

рассказали о самоубийстве Каледина. Поделались слухами о том, что Добровольческая армия покидает Дон. Несмотря на это, решили всё же следовать в Новочеркасск.

Когда 1(14) февраля вышли к ст. Раздорской, на окраину выехали вооружённые казаки и заявили, что отряд в станицу не пустят. После переговоров с Лазаревым всё же пропустили. 2(15) февраля отдыхали в ст. Мелеховской, где узнали о приказе Атамана Назарова о мобилизации. Сбились с направления, долго плутали в степи у окраины ст. Бесергеновской, где и заночевали.

3(16) февраля проследовали в ст. Кривянскую в сопровождении откликнувшихся на призыв Назарова казаков старших возрастов. Заночевали в станице, а утром выяснилось, что казаки, настроенные враждебно, постановили на сходе отряд пропустить, но отобрать орудие. Вновь Лазарев долго убеждал казаков. Наконец, согласились пропустить и с орудием.

Во второй половине дня 4(17) февраля прибыли, наконец, в Новочеркасск. Лазарев отправился для доклада к Назарову. Юнкера с 1-м орудием расположились в помещении Кадетского корпуса.

На этом участие 1-й Юнкерской батареи в последнем рейде полковника Чернецова было завершено. В известном смысле, дата 4(17) февраля 1918 г. может считаться последним днём и самого рейда.

5. ПАДЕНИЕ ДОНА

5.1. Смерть Каледина

После выдвижения Чернецова к Каменской, перед оставшимися добровольческими и «калединскими» частями со всей остротой встала проблема обороны Лихой и Зверева. 17 января поступили сведения, что на станции Гуково сосредотачиваются значительные силы красногвардейцев. В связи с чем, было принято решение направить к Звереву, в помощь выделенному ранее взводу, теперь уже весь состав 1-го Офицерского батальона. Однако выехать в тот же день не удалось, так как «Викжелем» была объявлена забастовка, во исполнение которой машинисты отказались вести эшелон и скрылись. Розыски их ни к чему не привели. Среди офицеров батальона оказались вызвавшиеся стать на паровоз, утверждающие, что в общих чертах с техникой его управления знакомы.

18 января батальон прибыл на станцию Звереву, выгрузился и выставил охранение фронтом на запад. В станционных помещениях были найдены и оприходованы полушубки, а также два ручных пулемёта и взрывчатка, принятая поначалу за пресованный чай.

Во второй половине дня 19 января 2-я рота штабс-капитана Добронравова, насчитывавшая до 35 человек, получила задачу ночным налётом захватить станцию Гуково. Однако в результате предательства телеграфиста, сообщившего о выдвижении роты, она попала в засаду и была практически уничтожена. Из 35 офицеров назад вернулись только 7. Пойманный с личным телеграфист был расстрелян.

Несмотря на неудачу, в ночь на 21 января была предпринята новая попытка выбить советские части из Гуково. Для этой цели из состава батальона была выделена команда в 94 штыка при одном пулемёте под началом подполковника Плохинского. Одновременно с тыла должна была зайти Донская офицерская дружина. В 22 часа команда выступила вдоль железнодорожного полотна, транспортируя пулемёт на дрезине, и около 3 часов ночи подошла к станции. Несмотря на выставленное охранение,

атака для красногвардейцев оказалась полной неожиданностью. Они были смяты в штыковом бою и обратились в бегство. Из трёх, бывших на станции эшелонов, смог уйти лишь один. Но и тот, вырвавшись со станции, был обстрелян офицерской дружиной.

Группа Плохинского недосчиталась свыше четверти личного состава. Было убито 7 и ранено 20 человек. Противник потерял, конечно, в несколько раз больше. Были захвачены 13 пулемётов, большое количество винтовок и патронов, полевые кухни с продовольствием и несколько десятков пленных. По их показаниям определили место захоронения погибших из роты Добронравова, включая и самого штабс-капитана. На телах были обнаружены следы пыток и пленных тут же расстреляли.

К полудню 22 января, сдав станцию под охрану Донской офицерской дружины³⁷¹, группа, захватив трофеи, проследовала назад в Зверево. Здесь выяснилось, что получен приказ о направлении батальона в Ростов. Едва в эшелон погрузились командир батальона полковник Борисов и остававшиеся офицеры, состав тут же направился в сторону Новочеркаска. Выгрузив на перроне своих погибших и оставив в городе взвод для их погребения и отдания воинских почестей, батальон незамедлительно проследовал в Ростов. 23 января к нему присоединилась также отошедшая от Лихой и Зверево 4-я Офицерская рота, добровольцы которой влились в состав 2-й роты батальона³⁷².

С уходом добровольцев их позиции занимали донские партизаны. 22 января в Гуково прибыла 2-я сотня³⁷³ партизанского отряда Э.Ф. Семилетова под командованием сотника Бокова. В ночь на 23 января в сторону ст. Должанской, которую по полученным сведениям занимали шахтёры-красногвардейцы, был выслан на разведку взвод кадет с пулемётом. Взвод выдвинул-

³⁷¹ В Дружине из 200 человек офицеров было не более 20. Остальные – местная молодёжь и казаки-добровольцы старших возрастов.

³⁷² В.Е. Павлов утверждает, что 4-я Офицерская рота оставалась в районе Лихая – Зверево вплоть до 28 января. По-видимому, он всё же ошибается. К этому времени отряды Саблина не только прочно заняли Зверево, но и продвинулись к Сулину, что делало эвакуацию 4-й роты от Лихой в Ростов невозможной.

³⁷³ 2-я сотня Семилетова была сформирована в Новочеркасске в начале января. Основу её составила учащаяся молодёжь, кадеты Донского корпуса.

ся на паровозе на ближайшую соседнюю станцию и, никого на ней не обнаружив, вернулся назад.

Перед рассветом эшелон 2-й сотни «семилетовцев» проследовал от Гуково в западном направлении. Едва рассвело, Боков выделил несколько человек в дозоры, которые пошли вперёд. За ними, в полукилометре медленно продвигался состав. В какой-то момент, восточнее станции Должанской патрули были обстреляны противником. Эшелон стал. Партизаны выстроились на насыпи и, развернувшись, широкой цепью двинулись навстречу противнику. Однако, разыгравшаяся метель, не позволила сблизиться с красногвардейцами. На дистанции в 800 и более шагов завязалась перестрелка. Два семилетовских орудия на открытых платформах постреливали изредка, посылая редкие снаряды над головами кадет. Действенность огня определить было невозможно из-за складок местности и хлопьями валившего снега. Большевиков было больше в разы, огонь их куда интенсивнее. Сотня, для которой бой под Должанской стал боевым крещением, несла от него чувствительные потери. Сказалось и отсутствие боевого опыта и спайки. Сотня распалась на отдельные изолированные группы, действовавшие по своей инициативе и сами по себе. Несмотря на все усилия Бокова, находившегося с карабином в цепи, управление было нарушено.

В таких условиях атаковать было невозможно, оставаться на месте – бессмысленно. Боков приказал отступать к эшелону. Однако приказ этот успели получить далеко не все. Рейд и первый бой 2-й Семилетовской сотни как начались неудачно, так неудачей и закончились³⁷⁴. В то время как большинство «семилетовцев» уже грузились в эшелон, из заснеженной степи и редкого перелеска всё продолжали подходить отставшие и легко раненые. Тем временем красногвардейцы успели охватить состав с обоих флангов и продолжали вести интенсивный ружейный огонь. Пули начали бить по рельсам, телеграфным столбам, выгонам, находя новые жертвы. Бокову приходилось

³⁷⁴ Ещё в Новочеркасске при раздаче оружия офицер, объяснявший кадету, как обращаться с трофейной японской винтовкой, произвёл случайный выстрел, ставший роковым. Офицер пытался тут же застрелиться, но его удержали.

высылать из эшелона партизан, которые залегали у насыпи и залпами сдерживали подходивших всё ближе красногвардейцев. Раз за разом подавалась команда: «По вагонам», которая тут же сменялась другой: «Отставить! Продолжать стрельбу».

В последний момент эшелон тронулся и под градом пуль успел проскочить на юг. В итоге сотня не вынесла с поля боя не только ни одного убитого, но и многих раненых. Моральный урон был не меньшим. Несчастливая перестрелка под Должанской вряд ли способствовала поднятию боевого духа партизан. И всё же выдвижение к Должанской не оказалось бессмысленным и бесполезным. Его вполне можно считать разведкой боем, во многом выявившей силы и намерения противника.

Становилось очевидным, что значительные советские отряды в ближайшие дни вновь начнут продвигаться к Лихой и Звереву. С занятием этих станций Каменская группа оставалась отрезанной, но главное, большевики выходили на магистраль Чертково–Ростов и получали возможность продвигаться непосредственно к Новочеркасску по кратчайшему расстоянию. Понимал это Саблин, понимали и «калединцы». Навстречу направлялись силы, куда более боеспособные, чем только что сформированная 2-я Семилетовская сотня. Других под рукой у Каледина уже и не было...

В. Курочкин

На рассвете 26 января 1-я сотня «чернецовцев» под командованием оправившегося *сотника* В. Курочкина³⁷⁵ выдвинулась в эшелоне из Звереву в сторону Гуково. Как и всегда состав был непомерно растянут. В целях психологического давления на противника два выставленных по концам паровоза тянули до 70 вагонов. Большинство из них были пусты. Эшелон продвигался вперёд медленно и осторожно, так как высланная ранее разведка определён-

³⁷⁵ Различные источники называют Василия Курочкина, как поручиком, так и сотником. В связи с этим резонно предположить, что он был всё же не донским, а армейским офицером, добровольно присоединившимся к Чернецову при формировании отряда. Вопрос, конечно, остаётся открытым.

ных сведений о противнике добыть не сумела. Предполагалось, что красногвардейцы концентрируются на участке железной дороги восточнее станции Провальное и заняли уже Гуково.

В 7 часов на подходе к станции Заповедное (11 километров от Звереву в сторону Гуково) состав неожиданно подвергся сильному артиллерийскому обстрелу³⁷⁶. Курочкин, посчитавший, что Заповедное только лишь занимается противником, принял решение выгрузиться, атаковать и на плечах красногвардейцев ворваться на станцию. Сведениями о численном составе противника он не располагал, считалось, что в авангарде советских отрядов обычно находится до тысячи штыков. Опыт предшествующих боёв позволял Курочкину рассчитывать, что сотня, как и под Лихой, сумеет опрокинуть противника и заставит его отступить. Однако на этот раз всё сложилось иначе. Под Заповедным партизаны встретились с основными силами Саблина, осторожно продвигавшимися на запад для занятия Лихой и Звереву. На станцию подтягивались Выборгский и Коломенский отряды Петроградской Красной гвардии (2-й Петроградский отряд), 1-й полк московских красногвардейцев, Кинешмо-Костромской революционный отряд, сводная конная группа, а также, прибывший накануне из Севастополя отряд черноморских моряков Мокроусова и Харьковский артиллерийский дивизион. Всего до 3000 штыков, 150 сабель, при 8-ми орудиях, нескольких десятках пулемётов, бронепоезде, бронеплощадке и бронев автомобиле.

В составе 1-й сотни насчитывалось 165 партизан при 4-х пулемётах и одном, установленном на платформе впереди эшелона, орудии³⁷⁷.

³⁷⁶ Описание боя 1-й Чернецовской сотни приводится в статье А. Ленинова «Чернецовские партизаны в бою у ст. «Заповедное» – 26 января 1918 г.», опубликованной в периодическом издании казачьей эмиграции «Вольное казачество» в 1936 г.

³⁷⁷ А. Ленинов утверждает, что в бою приняло участие орудие штабс-капитана А.А. Шперлинга, но, думается, он ошибается. Во-первых, в этот же день 26 января «броневик» Шперлинга принимал участие в перестрелке у разъезда Погорелово севернее Каменской. Но, главное, в воспоминаниях марковцы-артиллеристы ни словом не упоминают о своём участии в бою под Заповедным. Можно предположить, что, если орудие и было, то одной из дон-

Тем не менее, единственным способом остановить противника было нанесение ему решительного поражения. Курочкин подал команду, сотня выстроилась у эшелона и, в колонне по два, двинулась вперёд. Обогнув тянувшийся вдоль железнодорожного полотна забор, партизаны вышли в поле развернулись в цепь. 1-й и 2-й взводы двигались с левой стороны от железной дороги, 3-й и 4-й – с правой. Сам Курочкин с 5-м взводом двигался, чуть отставая, непосредственно по железнодорожному полотну. От эшелона отделилась платформа с орудием и следовала позади партизанской цепи, отвечая нечастыми выстрелами на усиливающийся огонь советских батарей.

Навстречу уже разворачивались две густые цепи красногвардейцев. «Чернецовцы» шли, как и всегда, в рост. Соблюдая интервалы в цепи, не стреляя, держа винтовки на ремне. Не идя на сближение большевистские цепи вдруг начали отходить к станции. Партизаны устремились вперёд, но тут же с левого фланга их атаковали прятавшиеся до поры на сенном базу матросы Мокроусова. 1-й взвод семинаристов³⁷⁸ принял штыковой бой, из которого вышел победителем.

Тем временем красногвардейцы развернули третью цепь и сами атаковали сотню. Проваливаясь по колено в глубоком снегу, противники медленно, растрачивая последние силы, сближались друг с другом. Наконец, залегли в изнеможении. Завязалась перестрелка. Раненый в плечо Курочкин, опираясь на двух ординарцев, продолжал руководить боем.

Перекрывая грохот канонады, над полем вдруг пронёсся, перекатываясь от взвода к взводу припев «Журавля»³⁷⁹:

– Журавель наш, журавель,

ских батарей, обслуживаемое либо казаками-добровольцами, либо самими «чернецовцами». Не удивительно, что А. Ленивов, спустя 18 лет после описываемых событий, упоминает Шперлинга. То, что именно его орудие успешно поддерживало «чернецовцев», было известно всем. Но 26 января всё же поддерживало под Каменской.

³⁷⁸ Партизан-семинаристов называли на Дону «Иисусовой пехотой».

³⁷⁹ Чернецовцы во время боя, подбадривая себя перед атакой, запевали ранее, а иногда и тут же сочинённые нехитрые куплеты с неизменным припевом на мотив популярного музыкального произведения. У них переняли «Журавля» и юнкера 1-й батареи.

Чернецовский журавель...

Цепь подобралась, по всему фронту её грянуло «Ура!», партизаны вскочили и с винтовками наперевес бросились в штыки. Поражённые красногвардейцы стали отходить к станции. Лишь в центре отличавшиеся стойкостью «костромичи» оказали упорное сопротивление. При этом второе ранение, на этот раз в голову, получил Курочкин, оставшийся, тем не менее, в строю. Преследуя отступающего противника, сотня подходила уже к вокзальному забору. Однако от станции вышли блиндированный поезд и бронеплощадка. Врезавшись в боевые порядки «чернецовцев», они открыли огонь из орудий и пулемётов в упор. Особенно грозно выглядел вооружённый тремя дальнобойными морскими орудиями «Черномор». В считанные минуты его комендоры накрыли огнём и повредили бронеплощадку партизан. Единственное «чернецовское» орудие замолчало.

Партизанская цепь подалась назад. Но 5-й взвод, не успевший отступить, никем не замеченный, скопился в балке, возле железнодорожного полотна. Советский бронепоезд, продвигавшийся по правой колее, остановился как раз напротив. Из балки выскочил партизан, взобрался на тендер и успел бросить гранату в будку машиниста. Тут же он был застрелен, но остальные 12 человек 5-го взвода залегли у бронепоезда и, находясь в «мёртвой зоне», начали обстреливать состав. И «Черномор» с бронелетучкой дали задний ход, и отошли на станцию.

Бой не прекращался ни на минуту. Под огнём к цепи «чернецовцев» вышел с белым флагом парламентёр-латыш и предложил прекратить огонь и вынести раненых. Офицер-«чернецовец», командир одного из взводов, жестом дал ему понять, что переговоров не будет. Тут же парламентёр был застрелен кем-то из партизан.

Получившего третье ранение Курочкина четверо ординарцев несли на скрещенных на плечах винтовках. Но не назад, к эшелону, а вперёд! На сотника было страшно смотреть, губы его почернели, бурые пятна проступали из-под наспех наложенных бинтов. Находясь в полузабытьи, он продолжал командовать

сотней и когда приходил в себя, повторял всё тот же приказ: «Вперёд!»

Увлекаемые немногими оставшимися в живых своими офицерами, «чернецовцы» устремились в последнюю атаку. Оставалось их до сотни штыков, остальные, убитые и раненые, легли в заснеженной степи. Партизанам удалось опрокинуть передовую цепь красногвардейцев и ворваться на пригорок перед станцией, но за возвышенностью разворачивались сразу три цепи большевиков, многие сотни свежих бойцов. А от станции подходили всё новые колонны. После секундного замешательства «чернецовцы» вновь устремились вперёд. Был момент, когда цепи красногвардейцев заколебались и, не выдержав, стали откатываться к станции, но подавляющее численное превосходство и своевременный обходной манёвр решили исход боя.

На правом фланге появилась вдруг немногочисленная советская кавалерия, выжидавшая лишь момент, чтобы устремиться к эшелону. От Александровско-Грушёвского шляха заходила прямо в тыл колонна матросов, выбросившая далеко впереди себя густую стрелковую цепь с броневиком. Навстречу вышла разведка из пяти(!) партизан.

- Стой! Кто такие? – окликнули разведчиков из цепи.
- Мы – «чернецовцы»!
- А мы – черноморцы, крикнули из цепи.

Грянул залп. Два партизана повалились замертво, остальные трое, отстреливаясь, отходили к эшелону. Задержать матросов они, конечно, были не в состоянии.

Перспектива быть отрезанной от эшелона и уничтоженной без остатка вынудила поредевшую «чернецовскую» цепь к отступлению. Оставшиеся в живых партизаны, цепляясь за каждый пригорок и непрерывно отстреливаясь, медленно отходили к своему составу. Пять красногвардейских цепей, охватив с обоих флангов, прижимали их к железнодорожному полотну. Выдвинувшиеся вновь советские блиндированные поезда производили один артиллерийский выстрел за другим. Разрывы то и дело накрывали остатки погибающей 1-й сотни, но она продолжала сражаться. Уже на подходе её к стоявшему под парами эшелону

красногвардейцы рывком приблизились на расстояние до ста шагов. Казалось, развязка близка. Однако, в этот момент из вагонов был открыт сильный винтовочный огонь. Стреляли многочисленные раненые, стреляла паровозная команда и даже медицинский персонал. Не столько действенность недружных залпов, сколько эффект неожиданности заставили красногвардейцев остановиться и залечь. Их минутное замешательство позволило остаткам 1-й сотни погрузиться. Эшелон тут же тронулся с места и, набирая ход, провожаемый артиллерийскими выстрелами противника, выскочил, наконец, из окружения и проследовал в направлении на Зверево. Не надеясь удержать станцию силами нескольких десятков остающихся в строю штыков, «чернецовцы» в тот же день оставили Зверево и отошли к Сулину, взорвав перед посёлком железнодорожный мост.

Из 165 партизан 1-й сотни, вышедших в поле в атаку на ст. Заповедное, погибли в бою 39 человек, ранения различной степени тяжести получили 68 человек (в том числе, тяжело ранен был командир сотни сотник Курочкин), контужено было пятеро. Итого – 112 человек, или 70 % личного состава...

9-часовой встречный бой под ст. Заповедное, в котором удача склонялась попеременно то на одну, то на другую сторону, был проигран 1-й Чернецовской сотней по одной лишь причине: подавляющего численного превосходства противника. Бой под Заповедным, незаслуженно забытый³⁸⁰, по накалу, по мас-

³⁸⁰ Автор вынужден признаться вот в чём. Когда он впервые ознакомился с содержанием статьи А. Ленинова, описанные в ней события не показались ему безусловно исторически достоверными. Настораживали нескрываемые симпатии, излишне эмоциональный стиль повествования. Ещё большие сомнения вызывало то, что другие упоминания о бое под Заповедным как-то не находились. Сомнительным выглядела и способность по существу усиленной роты в течение 9(!) часов вести бой со стрелковой бригадой, поддержанной многочисленной артиллерией и бронепоездами. Причём, вести его с переменным успехом, когда удача, казалось бы, предопределённая изначально, то и дело склонялась то на одну, то на другую сторону...

В то же время, факт разгрома красногвардейцев под Лихой, произведённого приблизительно такими же силами «чернецовцев», косвенно подтверждал, что нечто подобное могло случиться в другое время и на другом участке «внутреннего» фронта.

И всё же, для того, чтобы относиться к описанному Лениновым боестолкновению, как к реальным событиям, необходимо было хотя бы ещё одно его

штабу, по последствиям вполне сопоставим с такими яркими эпизодами боевого пути Чернецовского отряда, как налёт на Дебальцево, занятие Лихой и неудача под Глубокой...

И всё же это было поражение, и поражение решающее. Оно завершило наметившийся под Глубокой перелом и повлекло за собой самые негативные последствия. Единственная сила, защищавшая ещё Войсковое правительство, Чернецовский партизанский отряд, был разгромлен, рассечён надвое и на 2/3 уничтожен. Лазарев оказался изолированным, оставление Каменской оставалось лишь делом времени. Остатки «чернецовцев» и наспех собранные дружины и «отряды», все вместе насчитывавшие в своём составе не более двух-трёх сотен штыков, остановить Саблина и защитить Новочеркасск не могли. Вопрос об оставлении добровольцами Дона был решён Корниловым окончательно и бесповоротно.

И ещё. Думается, именно получив известия о бое под Заповедным, Каледин понял, что дело его проиграно и психологически был уже готов принять последнее в его жизни решение...

документальное подтверждение. И оно, на взгляд автора, обнаружилось. Вот что пишет в своих «Записках» Антонов-Овсеенко:

«29 января Саблин сообщил официально: «...26 января с утра бой начался на правом фланге, где наши отряды продолжали продвигаться к Звереву, встречая сильное сопротивление противника. К 3-м часам дня, когда была занята ст. Заповедная и введены в дело все резервы, наша обходная колонна, заняв ст. Черевково, в 10-ти верстах южнее Звереву, заставила противника оставить станцию и отступить на юг. Отсутствие у нашей обходной колонны артиллерии, подрывного материала и быстрота отступления противника не дали возможности захватить его эшелоны, которые успели проскользнуть на юг, обстрелянные с обеих сторон железной дороги пулемётным и оружейным огнём и понеся крупные потери. К 6-ти часам вечера наши войска вступили на ст. Звереву...»

И ещё один аргумент. Саблин, заняв Лихую, Звереву и выйдя 28 января к Сулину, имел, казалось, все возможности ускоренными темпами двигаться к Новочеркаску. Однако действовал он более чем осторожно, и даже не попытался занять столицу Дона до 4(17) февраля. Не потому ли, что под Заповедным 1-я Чернецовская сотня оказала ему столь отчаянное сопротивление, что приходилось считать с возможностью того, что ещё одной *такой* атаки красногвардейцы и стрелки могут просто не выдержать?..

Всё это требует, конечно, уточнения и куда более серьёзного изучения. Но на то и существует история. Проходит время, она сама задаёт себе вопросы и рано или поздно на них отвечает. Хотелось бы, чтобы пораньше...

В то же время, несмотря ни на что, несмотря на разгром, на поражение и отступление 1-я сотня «чернецовцев» не ударила напоследок лицом в грязь. Моральное превосходство над многократно превосходящим противником было очевидным. У непредвзятого читателя не может не вызвать восхищения искренний порыв этих юношей, юнкеров, кадет, реалистов, семинаристов. Порыв, подтверждённый действием и готовностью к самопожертвованию. Они в свои 20, 18, 16 лет легли в степи и были наспех захоронены победителями в братских могилах, место которых вряд ли известно. Их жизнь, отданная за правое, в чём были они уверены, дело, оборвалась в самом начале, не успев войти в пору зрелости. И всё же было в ней такое, столь яркий и светлый эпизод, о котором подавляющему большинству из нас остаётся только мечтать...

Борьба на Новочеркасском фронте, между тем, ещё не была окончена.

В тот же день 26 января командир 1-й Юнкерской батареи подполковник Миончинский прибыл в Новочеркасск с шестью казачьими орудиями, захваченными на х. Астахов. Оставлены для батареи были четыре орудия, а два сданы в Донской запасный артдивизион за неисправностью. Была произведена новая разбивка расчётов. Принимали и новых добровольцев. Пополнившись несколькими десятками гимназистов и реалистов, заменившими взвод охраны, теперь уже 4-х орудийная батарея 29 января проследовала в эшелоне в северном направлении. Миончинский, видимо, ещё рассчитывал оказать помощь остаткам Чернецовского отряда и донским партизанам, сумевшим восстановить фронт под Сулином, а возможно даже, и перехватить утраченную инициативу. Однако на станции Шахтной батарею догнал приказ немедленно возвращаться в Ростов, что и было незамедлительно исполнено.

Едва подтвердились известия о поражении и смерти Чернецова, добровольческие подразделения стали стягиваться к Ростову. К концу января Корнилов уже принял решение. 26 января Каледин собирал расширенное совещание Войскового правительства и членов Круга. Были приглашены и Алексе-

ев с Корниловым, однако оба сослались на занятость и на совещание не прибыли. От Добровольческой армии присутствовал генерал Лукомский. Члены Круга, совершавшие объезд занятых округов, сообщили, что поднять казаков на отпор советским войскам уже невозможно. Со своей стороны Лукомский заявил, что Армия Дону помочь не может, так как сама нуждается в помощи. И обратился с просьбой отправить в Ростов, всё ещё находившийся в Новочеркаске взвод 1-го Офицерского батальона. Падение Донской столицы в этих условиях представлялось неизбежным. Последовало предложение Правительству оставить Новочеркасск и перейти в одну из станиц, однако Каледин наотрез отказался.

После занятия Лихой и Зверево³⁸¹ Саблин осторожно, не торопясь и с оглядкой продвигался к югу. Сопrotивление «калединцев» ослабевало. Они лишь отходили, взрывая мосты и железнодорожное полотно.

Однако, на этот раз Антонов-Овсеенко, наученный горьким опытом и желающий действовать только наверняка, не торопил Саблина. Более того, по совету Сырцова, в ещё меньшей степени осведомлённого о настроениях расхившихся по домам станичников, Донревком объявил 22 января мобилизацию казаков. Из этой затеи, конечно же, ничего не вышло, однако Подтёлков сразу же затребовал для её обеспечения 10000 комплектов обмундирования и вооружения, а также два вагона боеприпасами.

Из Петрограда пришёл запрос о желательности направления в Область 1-го, 4-го и 14-го Донских полков. В Донревкоме с энтузиазмом поддержали это предложение и немедленно выслали делегацию для вывода полков на Дон. Ещё и 28 января Сырцов сообщал из Миллерово: «Зверево, Саблину – Дебальцево. Недостаток сил мешает занять Каменское. Мобилизация не оправдала надежды. Ждём казачьи полки из Петрограда. Чрезвычайно важно кончить (4)17 февраля, к открытию Войскового круга».

³⁸¹ Обе станции были заняты в течение 26 января. К этому времени Саблин, чьи отряды вынесли всю тяжесть январских боёв, был назначен «командующим на Новочеркасском направлении», что весьма уязвило Петрова.

Между тем отряд Мокроусова, несмотря на взорванный 28 января перед посёлком мост, уже 29 января занял посёлок и станцию Сулин. К этому времени к Саблину были направлены новые резервы: отряд кронштадтцев³⁸² во главе с «главнокомандующим» Каллисом и комиссаром-анархистом Ярчуком и подразделения 435-го полка.

Но и без того агония Донского фронта достигла своего апогея, а положение Каледина становилось безвыходным. И определялось оно не столько выходом советских войск на ближние подступы к Новочеркасску, не столько даже гибелью Чернецова, сколько окончательным отходом Донского казачества от своего правительства. Последняя попытка что-то изменить, связанная с переформированием казачьих полков, в которых были оставлены на службе лишь четыре младших возраста, с мобилизацией офицеров и с организацией партизанских и добровольческих казачьих частей, также ни к чему не привела. Дон не откликнулся.

28 января Атаман Каледин обратился к казакам с последним призывом:

«Граждане казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью Казачеству, я, ваш Войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом – может быть, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска из красногвардейцев, наёмных солдат, латышей и пленных немцев, направляемых правительством Ленина и Троцкого. Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станице Каменской, и станциям Зверево и Лихой. Железная дорога от Глубокой до Чертково в руках большевиков.

Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и, в союзе с вторгшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами, сделали нападение на отряд полковника Чернецова, направленный против красно-

³⁸² Прибыв в Харьков, анархисты сразу же потребовали выдать каждому по револьверу и придать отряду батарею и пулемётную команду. Лишь пристыженные упрёком Антонова-Овсеенко в недостаточно сознательном отношении к делу и обстановке, балтийцы выдвинулись на фронт.

гвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

В Усть-Медведицком округе, вернувшиеся с фронта полки в союзе с бандой красногвардейцев из Царицына, произвели полный разгром на 108 линии железной дороги Царицын-Себряково, прекратив всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

В слободе Михайловке, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, причем погибло, по слухам, до 80-ти одних офицеров.

Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение. Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского Края.

В таких обстоятельствах, до завершения начатого реформирования полков, с уменьшением их числа и оставлением на службе только четырех младших возрастов, Войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед Родным Краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложение и других частей нашей Области – главным образом, учащейся молодежи – для образования партизанских отрядов.

Усилиями этих последних частей и, главным образом, доблестной молодежи, беззаветно отдающей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах, части Области. Ростов прикрывается частями особой Добровольческой организации.

Поставленная себе Войсковым Правительством задача – довести управление Областью до созыва и работы ближайшего (4(17) февраля) Войскового Круга и Съезда неказачьего населения – выполняется указанными силами, но их незначительное число и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки

не придут немедленно в составы добровольческих частей, формируемых Войсковым правительством.

Время не ждет, опасность близка, и если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников – изменников долга перед Доном, то спешите на поддержку Войсковому правительству посылкой казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство – тяжёлый долг. Я остаюсь на посту по глубокому убеждению в необходимости сдать пост, при настоящих обстоятельствах, только перед Кругом.

28 января 1918 года Войсковой атаман Каледин»

В ту же ночь Атаман получил от Корнилова телеграмму, в которой генерал сообщал, что Добровольческая армия покидает Ростов. Был разработан план захвата станции Тихорецкая и уже подготовлены для этой цели эшелоны, которым так и не суждено было двинуться к цели.

Всё для атаманской власти было кончено. И нагляднее всего об этом свидетельствовал тот факт, что снялась и рассеялась казачья наружная охрана Дворца. Лишь продолжал сидеть на входе дежурный офицер.

К 9 часам утра 29 января по приглашению Атамана на экстренное заседание прибыли члены Объединённого правительства. Уже не в полном составе. Помимо самого Каледина и Богаевского от казачьей части правительства присутствовали Мельников, Елатонец, Епифанов, Карев, Агеев и из Войсковых есаулов – Янов. От неказачьей – Светозаров, Шошников и эмиссар Брыкин.

Каледин в краткой форме доложил обстановку:

– В моём распоряжении, – говорил он, – находится 100–150 штыков, которые и сдерживают большевиков на Персияновском направлении. Перед вашим приходом я получил сведения от приехавшего помещика, что сильная колонна красной кавалерии, по-видимому, обойдя Добровольческую армию, движет-

ся по направлению к станице Грушевской³⁸³. От генерала Корнилова мною получена телеграмма, извещающая о его намерении покинуть г. Ростов и, ввиду этого его настоятельная просьба срочно отправить офицерский батальон с Персияновского фронта в его распоряжение. Дальше, как видите, борьба невозможна. Только лишние жертвы и напрасно пролитая кровь. Прихода большевиков в Новочеркасск можно ожидать с часу на час. Моё имя, как говорят, «одиозно»... Я решил сложить свои полномочия, что предлагаю сделать и правительству. Предлагаю высказаться, но прошу, как можно короче. Разговоров было и так достаточно. Проговорили Россию...

Обсуждали недолго. Богаевский заявил о том, что и он слагает свои полномочия и предполагает, что со стороны членов Правительства возражений по поводу сложения своих полномочий также не последует. Возражений не последовало. Паритетное Донское правительство перестало существовать.

На повестку дня встал вопрос, кто будет правопреемником. После краткого обмена мнениями решили передать власть Городской Думе, совместно с «демократическими организациями», которые, как предполагалось, возьмут на себя защиту раненых и вообще граждан города перед большевиками.

Каледин заявил, что устраивает перерыв, так как ему необходимо выехать в город. Помимо прочих дел, он заехал в штаб Походного атамана, где продиктовал начальнику штаба полковнику В.И. Сидорину свой последний приказ:

«Части Добровольческой армии сосредотачиваются в районе города Ростова. Перед Донскими партизанами на Сулинском фронте встает роковая необходимость стрелять в своих же донских казаков... Это недопустимо ни при каких условиях. Объявите моё приказание, что каждый партизан, каждый отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению. Кто из них хочет, может присоединиться к Добровольческой армии, кто хочет, может перейти на положение обывателя и скрыться. Этим

³⁸³ Назаровым были высланы в сторону Грушевской конные разведчики, которые, вернувшись уже после самоубийства Каледина, доложили, что за кавалерию противника была принята толпа беженцев из-под Ростова и гурты скота.

я открываю фронт с единственной целью: не подвергать город всем ужасам гражданской войны».

Между тем во Дворце доктор Брыкин высказал предположение, что Атаман может покончить жизнь самоубийством. Тут же решено было послать в штаб Походного атамана Войскового есаула Янова с целью «организовать спасение Атамана хотя бы и против его воли».

Узнав о происшедшем, Походный атаман генерал А.М. Назаров, начальник походного штаба полковник В.И. Сидорин и начальник Новочеркасского юнкерского училища П.Х. Попов выразили солидарное мнение, что передачу власти Атаманом и Донским правительством городской Думе и любому «Комитету» они считают недопустимой, так как власть немедленно попадёт в руки местных большевиков, что приведёт к резне.

– Передайте Атаману, что мы считаем такую передачу невозможной, – заявил Назаров.

Вместе с тем, было решено вывезти, если понадобится, то и силой, Каледина из Новочеркасска. Эта задача возлагалась на случайно оказавшегося в штабе командира только что сформированного офицерского конного отряда полковника Каргальского, которому было предложено прибыть с отрядом во Дворец и действовать по обстановке.

Когда Каледин прибыл в Атаманский дворец, Янов доложил ему о мнении Штаба и заявлении Назарова. Каледин лишь махнул рукой и высказался в том смысле, что это их дело, а он своё решение уже принял...

После мало что значивших фраз было решено к 16 часам собрать совместное заседание правительства и городской Думы, для передачи последней власти и окончательно к тому времени отредактированного акта. Все встали и начали прощаться с сохранявшим полное спокойствие Калединым. В это время кто-то из казачьей части правительства вполголоса обратился к Войсковому есаулу Янову с просьбой поднять как-нибудь вопрос о выделении средств для представителей неказачьей части, многие из которых приезжие.

Каледин заметил перешёптывания и резко спросил от стола:

– В чём дело?

Янов пояснил.

– Денег у меня нет... – бросил жёстко Каледин и добавил вдруг. – Надоело...

И поднялся к себе.

Все расходились. Богаевский передал Янову 14 тысяч рублей, которые тот вручил в вестибюле Светозарову. Не успел Светозаров уйти, как с верхнего этажа по лестнице нелепыми прыжками, с криками: «Доктора.. сердце ещё бьётся...» спускался Е.П. Молдавский. Никто не слышал не то, что выстрела, но даже и хлопка, и не понимал, что случилось.

– Алексей Максимович застрелился, – зарыдав, проговорил Молдавский.

Через несколько мгновений все, включая ординарцев, столпились у маленькой комнатки, рядом с кабинетом Атамана. Комната была вся в дыму. У окна не мог сдержать рыданий Карев. У кровати – жена Каледина, Мария Петровна...

На походной кровати, со сложенными на груди руками, лежал вытянувшись, будто во фрунт, Атаман войска Донского Алексей Максимович Каледин. Рядом с ним «кольт». На спинке стула аккуратно повешенный френч. На столике часы-браслет...

Богаевский приблизился и с робкой надеждой приник к груди Атамана. Сердце уже не билось...

Почти наверняка, он совершал ошибки. Как и все. Но зато шёл по раз и навсегда избранному пути и избегал крутых поворотов. И личной выгоды при этом не искал.

Весьма вероятно, он мог бы скрыться или даже уйти с добровольцами. Мог... Но тогда это был бы другой человек, а никак не Каледин.

Утверждают, что со смертью Каледина ушла и его эпоха. Думается, это не совсем так. Калединская эпоха пережила человека, давшего ей своё имя, на десяток безнадежных дней. Хотя бы уже потому, что его преемник, в силу создавшейся ситуации, в той или иной форме, неизбежно вынужден был продолжать все начинания покойного Атамана. И, прежде всего, защищать вверенную ему Область.

5.2. Атаман Назаров. Войсковой круг 4-го созыва

Жизнь, как известно, такая штука, которая не заканчивается, несмотря ни на что, до самого конца. И власть такая вещь, которая бесхозной долго не остаётся.

После смерти Каледина назначенное на 16 часов «Объединённое заседание» не состоялось. Акт о передаче власти подписан не был. Но Паритета, тем не менее, уже не существовало. Большинство членов правительства поспешили покинуть Новочеркасск. На похоронах за гробом Каледина из состава Донского правительства шли лишь Карев, Светозаров, Епифанов, Войсковые есаулы Сиволобов, Янов и эмиссар Брыкин.

Городская Дума к взятию власти оказалась не готова и готовилась уже к сдаче города. В этих условиях собрался казачий сход Новочеркасской станицы и постановил до созыва Войскового круга передать власть генералу А.М. Назарову³⁸⁴. Военная власть и так находилось в руках Походного атамана.

Бои между тем продолжались. 30 января у Шахтной отряды Саблина натолкнулись на более упорное сопротивление. Несколько часов продолжалась перестрелка и лишь в результате подавляющего превосходства и обходного манёвра станция и пос. Александровск-Грушевский к 1(14) февраля были заняты советскими войсками.

Накануне, уверовав, что дело идёт к развязке, напомнил о своём существо-

А.М. Назаров

³⁸⁴ После занятия Ростова генерал Назаров получил назначение на должность Командующего войсками Ростовского округа, где, в отличие от сменившего его на этом посту генерал-лейтенанта Гилленшмидта, проявил себя с самой лучшей стороны. Не заигрывая ни с рабочими, ни с городскими социалистами, он сразу же дал понять, что заставит выполнять свои приказы. В итоге, порядок и законность в городе были восстановлены, что большинство жителей вполне удовлетворило. Через десять дней Назаров был назначен Походным атаманом войска Донского. То, что именно Назаров станет преемником Каледина, считалось само собой разумеющимся.

вании Донревком³⁸⁵. В Воронеже им было опубликовано следующее официальное сообщение:

«Всем, всем, всем.

На Дону 31 января 1918 г. в 19 час. сообщают, что революционные войска находятся в 25 верстах от Новочеркаска. В наших руках Шахтная, Каменоломня³⁸⁶. Донской военно-революционный комитет принялся за организацию транспорта угля, первый поезд (в) 60 вагонов уже нагружен и отправлен через Лихую в Царицын. Из Царицына сообщают, что борьба с партизанами в Северных Округах ликвидируется... Организатор партизанских отрядов Попов³⁸⁷ убит в Обливской. Путь Лихая – Царицын в революционных руках... Мы призываем всех к революционной бдительности. Наша победа близка

Председатель Областного В.Р.К.
Донской области
Подтёлков»

Не забыли ревкомовцы упомянуть, что и они претендуют на долю власти. Вот какое заявление получил от них 2(15) февраля Антонов-Овсеенко:

«Во избежание излишнего возбуждения среди казачьего населения, Донской военно-революционный комитет считает, что высшая власть в борьбе с Новочеркасском официально принадлежит ему. Фактически же план всей кампании войны должен исходить от командующего советскими и казачьими войсками, которые действуют в неразрывной связи друг с другом

Председатель Подтёлков,
Секретарь Кривошлыков»

Но в тот же день Антонов-Овсеенко получил *из газет* подтверждение слухов о самоубийстве Каледина. Эта новость была куда важнее. Он сам немедленно телеграфировал в Петроград:

³⁸⁵ 30 января Донревком вернулся в Каменскую.

³⁸⁶ Каменоломня была занята отрядами Саблина лишь 3(16) февраля.

³⁸⁷ Речь идёт о сотнике 4-го Донского полка Попове, чей партизанский отряд «имени Степана Разина» в конце января был полностью уничтожен советскими войсками.

«Официально подтверждается в приказе походного атамана войска Донского генерал-майора Назарова от 31 января 1918 г. самоубийство Каледина. В документе говорится: «...в заседании своём 29/1 правительство, выяснив отсутствие реальной помощи со стороны населения и войск исполнять волю кругов и Съезда, а также невозможность управлять всей областью, ввиду перерыва связи с Новочеркасском, постановило: всему Объединённому Правительству во главе с Войсковым Атаманом сложить свои полномочия и передать управление, в городах – городским самоуправлениям, а в округах – окружным управлениям и, впредь до созыва должных собраться 4(17) февраля Большого Войскового Круга и Съезда неказачьего населения, Управление общими делами области возложить на временный Областной комитет общественного порядка. Через полчаса после этого решения Объединённого Войскового правительства, Войсковой Атаман, генерал от кавалерии Каледин покончил свою жизнь самоубийством...»

Поспешил сообщить о своей осведомлённости и Донревком:

«2(15)/II революционные войска передвигаются со ст. Шахтная на ст. Каменоломня. Со стороны Таганрога реввойсками заняты Морская и Синявская. Со стороны Тихорецкой – Кавказская. Революционная дивизия стоит в 15 верстах от Ростова. По сообщению «Приазовского края» и по донесениям, Каледин застрелился. По проверке этот факт подтвердился. Повод самоубийства – *решение Войскового правительства сложить полномочия*. Военная власть самочинно перешла к умирителю Ростова генералу Назарову. Из Войскового правительства исчез Богаевский. Уланов и Логичев пошли в отставку, крестьянская часть разъехалась. В Новочеркасске паника, наличные части, стоящие там, *обещают поддержку революции*. В Ростове движение. Положение на фронте и в области Военно-революционного комитета уладилось. *Распространившееся было мародёрство, благодаря решительным мерам, почти уничтожено*. Приехавшая из Петрограда сотня делегатов-агитаторов снабжена инструкциями и разослана по области для организации советов

Председатель Бюро Областного В.Р. Комитета»

Однако паники в Новочеркасске уже не было. Смерть Каледина на многих подействовала отрезвляюще. В своём приказе №1, обрисовав создавшееся положение, Назаров сообщал, что согласился принять на себя бремя власти лишь после обещания делегатов от станиц дать в его распоряжение несколько тысяч бойцов. За ним последовал приказ №2, который объявлял всеобщую мобилизацию «всех, способных носить оружие».

Из того немногого, что можно ещё было сделать, деятельный Назаров спешил выжать всё. Им направлена была телеграмма Корнилову с просьбой не оставлять в беде Дон и Донское войско. И Корнилов, для которого понятия «взаимовыручка» и «фронтное братство» были определяющими, и который воочию наблюдал охвативший казачество подъём и очень на него рассчитывавший, принял решение остаться в Ростове³⁸⁸.

Положение Назарова усугублялось ещё и тем, что Донское правительство *действительно* перестало существовать. Большая часть членов казачьей части кабинета, включая и Богаевского, поспешили покинуть Новочеркасск. Остальные желания вновь войти во власть не проявили. Область, по существу, оставалась без административных структур. Назаров и здесь действовал быстро и решительно. Уже утром 30 января он прибыл в здание Областного правления, занял для себя кабинет Старшего помощника Войскового атамана и вызвал остававшихся на местах советников правления. В ходе короткого совещания и обмена мнениями генерал назначил на должность старшего помощника советника Ф.Ф. Карташова, возложил на Областное правление всю административную власть и «предложил продолжать служить Донскому войску впредь до особых его о том распоряжений, делая ему доклады по особо важным делам, дабы не отвлекать его от напряжённой работы по обороне Края...»

В отличие от Каледина, у Назарова сразу же оказались развязаны руки, и он смог сосредоточиться на военных делах. Другое дело, что это не могло уже иметь определяющего значения для развития последующих событий...

³⁸⁸ На это решение повлияли также обращения местных и пришлых общественных и политических деятелей, и в частности, Милюкова, Струве, кн. Г. Трубецкого, ростовского градоначальника Зеелера и др.

Для Советского командования смерть Каледина ничего не изменила. Антонов-Овсеенко по-прежнему нацеливал Саблина на взятие Новочеркаска до открытия Войскового круга, до 4(17) февраля. К нему направлялись возвращённый на фронт отряд Рухимовича и подразделение Заамурского кавалерийского полка. Кроме того, в Александровске-Грушевском был сформирован вполне боеспособный отряд местной Красной гвардии в 500 штыков³⁸⁹.

3(16) февраля после многочасового боя Саблину удалось занять станцию Каменоломни. Однако продвинуться дальше он не сумел. Более того, 6(19) февраля казаки сами перешли в контрнаступление³⁹⁰. Фланговое движение им не удалось, но в центре был опрокинут Харьковский отряд Рухимовича, потерявший при отходе три орудия. Положение смогли восстановить лишь подошедшие черноморцы Мокроусова, кронштадтцы, а также и контратаковавшие сотни 27-го Донского полка.

В результате Саблин остановился в Каменоломнях, «смущённый сведениями о серьёзных приготовлениях калединовцев в Персиановке и Казачьих лагерях». Вскользь упоминает Антонов-Овсеенко о беспокойстве, внушаемом «каким-то хмурым настроением Голубова и других казачьих командиров», и «о саботаже со стороны штабных работников отряда Петрова, избитых подчинением их «командарму» Саблину». Вполне допустимо предположение, что «избит» больше чем кто бы то ни было, был сам Петров, командир весьма амбициозный.

Что касается Донревкома, то о нём Антонов-Овсеенко высказывался куда определённое. «Наши союзники казаки, – писал он, – поскольку я к ним присмотрелся, внушали мне столько недоверия, что я предупредил Саблина следующей шифрованной запиской:

«Казакам доверять можно, лишь когда они идут впереди в бой, для атаки. Испытайте их при Персиановке, или при другом

³⁸⁹ Один лишь отряд Мокроусова выдал шахтной Красной гвардии до 600 винтовок.

³⁹⁰ Общее руководство казачьими частями на Персиановском направлении (так называемая, «Северная группа») осуществлял назначенный Войсковым атаманом генерал Ф.Ф. Абрамов. На должность Походного атамана был назначен П.Х. Попов.

поручении на виду. Не оставляйте их в тылу у себя, укажите на необходимость демонстрации солидарности, а поэтому и похода в авангарде казаков».

Вполне вероятно, *главная* причина приостановки наступления состояла вот в чём. Поскольку, помешать созыву Круга не успели, решили посмотреть, чем он закончится. А потом уже действовать в зависимости от его результатов.

Так или иначе, но, пока Саблин «занился серьёзной подготовкой к бою за Новочеркасск», а Петров подтягивал «окружавшую его кучку бездельных штабных Щелкошпоров», 4(17) февраля 1918 г. в Новочеркасске начал свою работу Войсковой круг 4-го созыва³⁹¹. Собрался он не в полном составе, так как Дон к тому времени в значительной степени был уже занят советскими отрядами. Войсковой круг был пополнен бывшими депутатами Кругов первых трёх созывов и приступил к работе. Председателем был избран первый Атаман Донского войска Е.А. Волошинов.

В первые дни Круг занял непримиримую позицию по отношению к большевикам. 6(19) февраля депутаты вынесли постановление, в котором говорилось:

«1. Войсковой Круг единогласно постановил: защищать Дон до последней капли крови³⁹².

³⁹¹ Фактически делегаты собрались в хоть сколько-нибудь приемлемом количестве и приступили к работе лишь 6(19) февраля. Съезд казацкого населения Области не состоялся ввиду неприбытия делегатов.

³⁹² В этот же день, выступая перед делегатами Круга, Атаман Назаров сообщил, что им получена телеграмма от Корнилова, в которой генерал требовал дать категорический ответ: будет ли казачество защищать себя и способно ли оказать немедленную поддержку Добровольческой армии?

«Мы должны ответить, – говорил Атаман, – можем ли мы дать помощь тем немногим рядам Добровольческой армии, которая мала численностью, но крепка силой духа, спаяна дисциплиной и идеей, сдерживает банды, в десятки раз большие по количеству. Добровольческая армия с 13 января в непрерывных боях сильно устала, из её рядов часть вышла из строя, а оставшимся требуется дать отдых. На поставленный вопрос нужно дать немедленно определённый ответ, ибо если мы не дадим основательной и скорой поддержки, то генерал Корнилов снимается и уходит с армией» («Донская волна» №6 от 15 июля 1918 г.).

Круг сформировал комиссию, которая успела прибыть в Ростов, была принята Корниловым и заверила последнего, что Войсковое правительство, проведя мобилизацию казаков 1-й и 2-й очереди, будет сражаться до конца и окажет поддержку Добровольческой армии. После этого члены комиссии проследовали в ст. Гниловскую, где им удалось склонить казаков выступить на защиту станицы совместно с добровольцами.

2. Войсковой Круг объявляет себя верховною государственною властью в Области войска Донского со всею присущей ей властью.
3. Войсковым атаманом должен быть донской казак, которого Войсковой Круг облакает всей полной власти.
4. Немедленно формировать боевые дружины для мобилизации 1-й, 2-й и последующих очередей до всеобщего ополчения включительно; арестовать и изъять из станиц и хуторов агитаторов против защиты Дона и предавать их суду по законам военного времени.
5. Сформированные дружины немедленно выставить на фронты.
6. Мобилизовать работающих на оборону, оставив в предприятиях и учреждениях лишь самый необходимый состав.
7. Войсковой Круг единогласно просит и настаивает, чтобы генерал Назаров в этот грозный час не слагал с себя полномочий Войскового атамана и тем самым исполнил бы долг истинного сына Тихого Дона.
8. Учреждённым военным судам немедленно приступить к исполнению обязанностей³⁹³.
9. Настоящее постановление Войскового Круга опубликовать во всеобщее сведение».

Однако масштабного притока казаков не случилось, да случиться и не могло. К ноябрю на границах Области стояло несколько десятков тысяч вооружённых, экипированных, крепко сколоченных в сотни и полки, объединённых, казалось, единой волей, казаков. И причины, вследствие которых все они разошлись к февралю по станицам, были неизмеримо весомее любых побудительных стимулов вновь организовать и вернуться.

В известном смысле делегаты Круга уже мало кого реально представляли. Мобилизация провалилась, несомненный порыв,

³⁹³ Новочеркасск был объявлен на осадном положении. В близлежащие станицы, Кривлянскую, Заплавскую, Бессергеновскую, Мелеховскую, Богаевскую, Раздорскую и Кочетовскую, посланы были конные отряды с приказом выступать и полномочиями арестовывать отказавшихся. 11 казаков ст. Грушевской успели даже предать военному суду.

вызванный смертью Каледина, вспыхнув, как костёр на ветру, уже угасал... И вскоре Круг, резко сбавив тон, решил направить к советскому командованию делегацию со следующим наказом:

«Наказ представителям Войскового Круга войска Донского, командируемым к Штабам войск Совета народных комиссаров, наступающим на войско Донское.

По имеющимся у Круга точным сведениям причинами посылки на Дон карательной экспедиции Советом народных комиссаров послужили следующие политические обстоятельства:

1. Недемократичность состава Войскового Круга, по мнению Совета народных комиссаров.
2. Неучастие казацкого населения в управлении областью.
3. Возглавление Войскового правительства генералом Калединым и обвинение его в контрреволюционности.
4. Присутствие на Дону группы политических деятелей, не пользующимся доверием широких демократических масс.

В настоящее время общеполитические условия в государстве вообще и на Дону в частности коренным образом изменились, а именно:

1. Согласно полученной радиотелеграмме установлен факт наступления немцев в глубь России, угрожающий самостоятельности страны и неприкосновенности завоеваниям революции.
2. Войсковое правительство распустило в январе месяце Большой Войсковой Круг первого состава и созвало на 4(17) февраля сего года Круг в новом составе с целью проверить в настоящее время настроение и волю населения и выявить его отношение к современным событиям.

Волею предыдущего Круга постановлено привлечь всё казацкое население Области к законодательству и управлению ею на равных с казаками условиях, для чего ещё в декабре прошлого года было образовано временное правительство в Области. Одновременно с созывом Войскового Круга на 4(17) сего февраля был созван Областной Съезд казацкого населения на одинаковых с Кругом демократических основаниях для установления общего управления краем. Частная же обстанов-

ка Области в настоящее время исключает возможность проведения указанных начинаний в полной мере.

3. Генерала Каледина нет, а Войсковое правительство, выбранное Кругом первого созыва, сложило с себя полномочия.
4. Группы политических деятелей, не пользующихся доверием широких демократических масс в Области, также нет, а соглашение Войскового Круга с партией народной свободы Кругом же были расторгнуты и в настоящее время между ними никакой связи не существует.

Приняв во внимание всё изложенное, Войсковой Круг желает знать точно и правдиво:

- 1) Какие же причины в настоящее время заставляют войска народных комиссаров быть на положении войны с Доном.
- 2) Какие цели они преследуют.
- 3) По чьему распоряжению производится это наступление на Дон.
- 4) Почему в рядах войск народных комиссаров присутствуют военнопленные австрийцы и германцы.

Войсковой Круг уполномочивает своих представителей вести вопросы и ответы в форме акта, который должен быть зафиксирован фамилиями обеих сторон. То же остаётся в силе и при переговорах с народными комиссарами...»

Текст «Наказа» произвёл на делегатов самое тягостное впечатление. По сути, это было предложение начать переговоры о капитуляции. И многие это понимали. Круг принял было решение о переносе своей работы в ст. Константиновскую, но вскоре его отменил. Казацкая делегация успела ещё прибыть к Саблину. После изучения «Наказа» был составлен Протокол, текст которого говорит сам за себя и также заслуживает быть приведённым полностью:

«Протокол 1918 года, 12(25) февраля, 12 час. 20 мин. дня. Мы, нижеподписавшиеся, составили сей протокол в том, что мы, делегаты Нового Войскового Круга Области войска Донского казаки: А.М. Ершов, И.М. Марков, А.И. Ивановский и Петров, с одной стороны, и с другой – Главнокомандующий войск Север-

ного фронта Юрий Владимирович Саблин, обсуждали вопросы, заданные мне вышесказанными делегатами, а именно: 1) Почему воюете вы с нами теперь, так как Каледина нет – он умер (застрелился), 2) Войсковой Круг старого созыва распущен во главе с крестьянством и на 4(17) февраля назначен новый, который 6–7(19–20) февраля с.г. и собрался на новых началах, 3) Почему у вас воюют с вами вместе немцы и австрийцы военнопленные, 4) *На каких условиях вы бы прекратили войну с нами?*

На первый вопрос последовал ответ: потому, что вы не признаёте Советскую власть, т.е. народных комиссаров в лице Ленина, Троцкого и других; с признанием вами сказанной власти военные действия сейчас же будут прекращены – да вообще мы с казаками, да ещё с трудовым казачеством, не воюем.

На второй вопрос последовал ответ: первый Круг мы бы и не приняли и не разговаривали с ним, как с реакционным, а вы только собрались и прибыли к нам. Это для нас важно. Затем ещё имейте в виду обязательное условие: *казачество, как таковое, должно быть уничтожено с его сословностью и привилегией, это обязательно.* Примечание: Хотя земля у казаков не отбирается и остаётся у них постольку, поскольку это требуется.

На третий вопрос последовал ответ: австрийцы и немцы имеются в наших рядах потому, что эти немцы и австрийцы дали нам подписку в том, что они также будут воевать и против своих австрийцев и немцев, какие идут против России, так как они революционны и исповедуют интернационал и если их правительство будет поступать одинаково, как и русское³⁹⁴.

На четвёртый вопрос последовал ответ: при разоружении добровольческого и партизанского войска такое не немедленно должно быть удалено вместе с Родзянко, Милюковым, Алексеевым и Корниловым и всем пришлым и беглым офицерством за

³⁹⁴ Антонов-Овсеенко пишет, что в составе войск Сиверса были сформированы две роты (до 250 штыков) из числа военнопленных австрийцев и немцев. Причём, одну из них пришлось вскоре распустить, в связи с тем, «что немецкие военнопленные оказались весьма невосприимчивы к нашей агитации». В любом случае, число военнопленных Центральных держав, сражавшихся на стороне большевиков, в сравнении с общим количеством советских войск, ничтожно.

пределы Обл. В. Д. и самое главное, чтобы нам, когда будем входить в город Новочеркасск, не чинили препятствий, т.е. не было бы выставлено войско около города и чтобы с домов и крыш и на улицах не стреляли в нас. При этих условиях мы городу Новочеркасску гарантируем всякую безопасность, не будет расстрелов и самосудов и город будет цел и невредим, – словом, чтобы не раздражать наших войск.

Подписал Главнокомандующий Северным Отрядом
Революционных войск Юр. В. Саблин
Ершов, Ивановский, Марков, Петров»

Через несколько часов после подписания приведённого документа ни Войскового Круга, ни Атаманской власти на Дону уже не существовало...

5.3. Падение Новочеркаска

В конце января 1918 г. пробивался с фронта в родные станицы боевой 6-й Донской казачий полк полковника Тацина. Отделившись от других казачьих эшелонов, постановивших разоружиться, полк оружия не сдал, и после стычки под Пятихаткой продолжил продвижение к Новочеркасску. Лишь 4-я его сотня заявила о желании примкнуть к Донревкому, и была пропущена большевиками на Миллерово.

Появление крупной, крепко сколоченной казачьей части в тылах продвигающихся к Ростову войск вызвало немалое беспокойство, как в ревкомах Рудничного района, так и в штабе Сиверса. Антонов-Овсеенко предписал комиссару Изюмского района Шарову встать во главе сводной кавалерийской группы и разоружить казаков. Прощупывая возможность продвигаться в эшелонах по железной дороге, полк вышел к Межевой, где и наткнулся на отряд Шарова. Завязалась перестрелка. Убедившись, что магистраль прочно занята советскими войсками, казаки ушли в степь и продолжили движение походным порядком.

27 января полк попытался пересечь линию железной дороги Иловайская-Таганрог у ст. Ряженое, но встретил серьёзное

сопротивление подошедшего к станции отряда Шимановского³⁹⁵. Полк отошёл к Матвееву Кургану и 28 января³⁹⁶ вновь выдержал серьёзный бой с подоспевшей группой Шарова. В итоге казаки прорвались на восток и далее никем не тревожимые³⁹⁷ проследовали напрямую к Новочеркасску. Не имея сведений ни о противнике, ни об обстановке, продвигался полк медленно. То и дело высылались по сторонам разведки и только после этого казаки совершали очередной переход. 4(17) февраля³⁹⁸ 6-й Донской полк, сохранив вооружение и всех офицеров, прибыл в столицу Области.

Принят полк был восторженно. С приветственным словом обратились к казакам Назаров и Волошинов. Выступали жители Новочеркаска. Рассказывали об одиночестве оставленного всеми Каледина и о подвижнической борьбе Чернецова. И казалось, слова их не остаются не услышанными.

6-му Донскому предоставили двое суток на отдых, по прошествии которых он, пополнив убыль людей и конского состава, должен был выступить к Персиановке. Казалось, угасающие надежды готовы были возродиться вновь. Конечно, один, пусть даже и фронтовой казачий полк не мог заметно изменить соотношение сил. Но он вполне мог стать первой ласточкой. За ним, благодаря его примеру, могли, как представлялось, вы-

³⁹⁵ Шимановский, командир одного из отрядов Сиверса, был до этого отряжен Антоновым-Овсеенко для сопровождения из Иловайской в Таганрог аэропланной команды военлёта.

³⁹⁶ Даты боестолкновений 6-го Донского полка с отрядами Шарова и Шимановского у Межевого, Ряженого и Матвеева Кургана требуют уточнения.

³⁹⁷ 28 января Шарову была поставлена новая задача: разоружить 3-ю кавалерийскую дивизию. Ещё 18 января Антонов-Овсеенко прибыл в расположение дивизии в Гришино и застал там совершенный развал. Солдаты открыто занимались распродажей дивизионного имущества. Дивизионный комитет смотрел на это сквозь пальцы, обещал сделать всё возможное для выступления на фронт, но реально за всё время дивизия выставила до двух эскадронов и одну батарею. Большая часть дивизии вскоре заявила «о нейтралитете в гражданской войне» и постепенно рассеялась. Шаров, ввиду полного разложения 3-й кавдивизии, проблем с разоружением её остатков не имел. Уцелевшее дивизионное имущество было сдано

³⁹⁸ Дату прибытия 6-го Донского в Новочеркасск называет в своих воспоминаниях Лукомский. По сравнению с другими источниками, она представляется наиболее реальной.

ступить и другие фронтовые части. Могли рассеяться и казаки Голубова. И тогда уже всё действительно вполне ещё могло и перемениться. С пятью-шестью тысячами закалённых Великой войной бойцов столь решительный генерал, как Назаров, способен был растрепать советский фронт. Не стоит забывать, что тому же Чернецову не раз и не два удавалось поколебать его с горсткой юнкеров и реалистов.

Однако случилось обратное. На отдыхе полк, тщательно ограждаемый членами Круга «от присутствия неблагонадёжных элементов», не подвергся большевистской агитации. Но от разговоров со знакомыми, родными и близкими уберечь казаков было невозможно. И в общении с ними постепенно прорисовывалась реальная обстановка. Полк, пробиваясь через большевиков, наблюдавший и на себе ощутивший всю собранную ими мощь, наверняка рассчитывал, что и Дону есть, чем ответить. И вдруг, выяснилось, что противопоставить Советам нечего, что полк – по существу единственная строевая часть, все остальные уже разошлись по станциям и на помощь не придут. Что положение, безусловно, проигрышное, шансы на победу отсутствуют напрочь, Каледин застрелился от безысходности, и в этом смысле, смерть его ничего не изменила...

И произошло то же, что и с казаками Краснова под Петроградом. По сравнению с августом 1914 г. ситуация изменилась и изменилась кардинально. В ноябре 1917 г., тем более, в феврале 1918 г. казаки уже могли выбирать, выступать им, или уклониться, погибнуть в бою, или, не принимая его, просто рассеяться и разойтись по домам. И 6-й Донской казачий полк свой выбор сделал. Через два дня его представители заявили о том, что полк выступает, но не на фронт, а в родную станицу. И там «клянётся вновь собраться под своё знамя для защиты родной земли». 6(19) февраля на рассвете сотни 6-го Донского проследовали в конном строю мимо Войскового Собора по Крещенскому спуску и покинули город. Никто им не препятствовал. 8(21) февраля полк дал знать, что воевать за атаманскую власть не станет.

Всё, по сути, было кончено. Однако под Персиановкой стояли немалые силы. В основном, из казаков, откликнувшихся на

призыв Назарова. По оценке Антонова-Овсеенко Атаман, не считая казаков-юнкеров военного училища, всё ещё располагал дружинами: Новочеркасской (до 500 штыков и сабель), Аксайской (до 150), Богаевской (до 250), Мелеховской (до 200), Раздорской (свыше 100) и Сусатовских хуторов (100).

Вечером 9(22) февраля под председательством Атамана было проведено заседание Военного совета с единственным вопросом, вынесенным для обсуждения: что делать? Назаров предлагал дать генеральное сражение, разгромить советские отряды и, оставив Новочеркасск, перейти в ст. Константиновскую, где и продолжить борьбу. По его мнению, удачный бой и серьёзное поражение противника под Персиановкой могли ещё «образумить» казаков-фронтвиков близлежащих станиц и вернуть их в строй, равно как и побудить казаков Голубова оставить большевиков и разойтись.

Остальные члены совета ему возражали, и доводы их представлялись весьма здравыми. Не было никакой гарантии, что разношерстным, наспех сформированным дружинам удастся серьёзно потеснить в разы превосходящего их как вооружением, так и численно, противника. Весьма вероятно, что наступление в этих условиях не удалось бы, и вместо притока фронтвиков случилось бы массовое оставление позиций казаками старших возрастов. Но, даже, если бы и удалось вновь занять Каменоломню, это ничего не изменило. И, прежде всего, не изменило бы психологию казаков, бегством своим от границ Области, в большинстве, уже проголосовавшим «за нейтралитет». А без массового участия казаков рассчитывать на победу и даже удачное сопротивление набравшим силу советским отрядам не приходилось. Что касается казаков Донревкома, то в силу относительной малочисленности и подчинённого положения, от их участия, или неучастия в боях к этому времени уже мало что зависело.

Назаров, в конце концов, с высказанными соображениями вынужден был согласиться. Походный атаман П.Х. Попов, не возражая в принципе против переноса центра тяжести дальнейшей борьбы в Константиновскую, предложил генерального сражения не давать, оставить оборонительный рубеж под Пер-

сиановкой без боя, но подразделения не распускать, а, объединив их в отряд, отойти в глубь Области. Мотивировка была понятной: вывести, всех тех, кто готов ещё был сопротивляться, из-под удара превосходящего противника, сохранить их, как боевую единицу, и дожидаться неизбежного, по мнению присутствующих, возмущения казаков «новой властью».

Предложение было принято. Назаров приказал генералу Попову организовать эвакуацию раненых, вооружения, ценностей и всего, что необходимо было перевезти в ст. Константиновскую. На этом заседании Военного совета было объявлено закрытым.

Назаров тут же позвонил генералу Лукомскому и сообщил о принятом решении³⁹⁹. При этом он высказал намерение остаться в Новочеркасске. Лукомский предостерег его от этого шага и посоветовал не подвергать жизнь опасности, на что Назаров ответил в том смысле, что если уж придётся погибнуть, он, как и покойный Каледин, уйдёт из жизни Атаманом войска Донского.

Утром 11(24) января Атаман доложил о решении Военного совета Войсковому Кругу. Круг принял решение направить в Ростов делегацию с целью обсудить условия капитуляции Новочеркаска и... продолжил заседание. Настроение членов Круга, их готовность прекратить сопротивление наглядно продемонстрировали всю иллюзорность возможности продолжительной обороны Константиновской. Вероятно, с чисто военной точки зрения предприятие и не выглядело заранее обречённым на неудачу. Крупные советские силы в то время с большой неохотой удалялись от железных дорог. Но очевидно было, с оставлением Новочеркаска привязанные к одной точке в глухой степи, казачьи дружины в несколько дней разойдутся по домам. Не случайно в последующем Попов в качестве способа существования отряда выбрал рейд. Лишь в непрерывном движении он мог сохранить свои силы и укрепить их боевой дух.

Назаров приказал Попову свернуть мероприятия по эвакуа-

³⁹⁹ Ещё 7(20) февраля Назаров сообщил в штаб Добровольческой армии, что «казаки никакой помощи оказать не могут, и что он больше не смеет задерживать на Дону Добровольческую армию». Корнилов убедился, что уходить из Ростова следует немедленно.

ции⁴⁰⁰, стать во главе отряда из всех подразделений, готовых продолжить борьбу, отойти к ст. Старочеркасской и далее действовать по своему усмотрению.

Днём 11(24) февраля Попов организовал собрания офицеров Новочеркаска и казаков Новочеркасской станицы. На обоих собраниях большинство выступающих высказывалось за присоединение к отряду. Впрочем, немало было и таких, кто предпочитал мирные переговоры с Голубовым. В итоге собравшиеся поговорили и разошлись. На призыв влиться в ряды защитников Атаманской власти из нескольких тысяч присутствующих откликнулись единицы. Начальник донского офицерского резерва генерал Груднев обещал Попову переговорить с офицерами, но первым же заявил, что сам покидать столицу Дона не собирается. Командующий Северной группой донских партизан Ф.Ф. Абрамов сложил свои полномочия и заявил, что также остаётся в Новочеркасске.

В ночь на 12(25) февраля делегаты Круга, полагаясь «на доброе сердце командующего «казачьим революционным отрядом» Голубова и его казаков⁴⁰¹», приняли решение остаться в Новочеркасске. Оставался с ними и Войсковой атаман Назаров⁴⁰².

⁴⁰⁰ В этих условиях эвакуация раненых становилась невозможной. Все они, раненые и больные, находившиеся на излечении в госпиталях, были оставлены в Новочеркасске на попечение Войскового круга и городского самоуправления.

⁴⁰¹ Назаров располагал сведениями, что первыми войдут в Новочеркасск именно казаки Донревкома.

⁴⁰² В ночь с 11(24) на 12(25) февраля Лукомский имел последний телефонный разговор с Назаровым, в котором вновь пытался убедить Атамана присоединиться к Добровольческой армии. Назаров подтвердил свою решимость остаться с делегатами Круга в Новочеркасске. При этом он утверждал, что большевики, тем более, «голубовцы», не посмеют тронуть выборного Атамана и Войсковой круг, и их присутствие уберёжет город от разграбления. Лукомский привёл последний аргумент: «Если Вы останетесь, то Вас растерзают, – убеждал он Атамана. – Я понимаю, что можно было бы на это идти, если бы Вы этим что-нибудь спасали. А так погибнуть – совершенно бесцельно». На это Назаров ответил, что если он заблуждается в своём оптимизме, и если ему суждено погибнуть, то погибнет он, как завещал покойный Каледин, сказавший перед смертью, что выборный Атаман не смеет покидать столицу Области войска Донского...

Лукомский успел ещё распределить среди остающихся в Новочеркасске раненых и больных добровольцев незначительные, выделенные Алексеевым денежные суммы и на рассвете 12(25) февраля на санях покинул город. Присоединился к Армии он уже в Ольгинской.

Ощущение близкого конца овладело всеми.

Среди всеобщей апатии лишь Попов, не опуская рук, энергично и настойчиво выполнял возложенное на него поручение. С рассветом 12(25) февраля начался отход казаков от Персиановки, который своевременно обнаружен красновардейцами не был. После полудня отряд Походного атамана в полном порядке, захватив с собой часть войскового золотого запаса⁴⁰³, покинул столицу Области и проследовал к Старочеркасской. Туда же постепенно подтягивались все те, кто посчитал своим долгом присоединиться к партизанам. Никто из них даже и не подозревал, что уже является участником легендарного похода, позже названного «Степным»...

На 9(22) февраля штаб Саблина находился на станции Шахтная. Группировка его войск была следующей. В центре, севернее Персиановки, железную дорогу седлали главные силы, включая отряды черноморских и балтийских моряков и несколько казачьих сотен Донревкома под командованием Голубова.

Правый фланг с 6(19) февраля обеспечивала так называемая «колонна Медведева». История её создания и появления на фронте такова. При перемещении штаба Антонова-Овсеенко в Никитовку, в Харькове продолжал функционировать «тыловой» штаб. Однако вместо помощи, штаб, штаты которого разрослись до размеров усиленной роты, начал заниматься несвойственной ему деятельностью и вмешиваться как в распоряжения «Харьковского» правительства⁴⁰⁴, так и в оператив-

⁴⁰³ Попов с разрешения Назарова согласился взять из казначейства лишь незначительную часть золота и ценностей, и в этом была своя логика. Громоздкий транспорт с золотым запасом потребовал бы усиленного внимания и охраны, без сомнения лишил бы отряд подвижности и манёвренности. В условиях отхода в степи, где проблем хватало и так, не золото являлось главным, но сохранение боевого духа. Всё, что не способствовало этому, Назаровым и Поповым было отринуту без раздумий и сомнений.

⁴⁰⁴ Конфликт Антонова-Овсеенко с харьковским ЦИК то затухал, то разгорался, не прекращаясь, практически на протяжении всей компании. Любопытно, что Ленин, высоко ставивший Антонова-Овсеенко и безусловно ему симпатизирующий, в этом случае неизменно занимал сторону «харьковских товарищей». Вот текст его телеграммы, отправленной в разгар боёв Антонову-Овсеенко:

«21/1.1918

Тов. Антонов! Я получил от ЦИК (харьковского) жалобу на Вас. Крайне жа-

ные планы Главкома. В частности, «представитель Наркома» Медведев, вопреки приказу Антонова-Овсеенко, успел перенацелить прибывающие пополнения с Калединского фронта на Украину. Получив прямые указания, Главком во второй половине января раскассировал Харьковское представительство, оставив в городе лишь тыловые учреждения. Работники тылового штаба были распределены на советскую и партийную работу, Медведев же был направлен к Саблину командиром. Вскоре Саблин докладывал Антонову-Овсеенко следующее:

«С правого фланга у меня 600 штыков с 6-й конной 2-х орудейной батареей. Выгрузились с Рудничной ветки, идя на запад от Горной. Заняли Кошкин, Несветайск и идут на юг с тем, чтобы левым флангом войти в связь с моим отрядом, стоящим в Кутейникове, отдельные люди которого у меня были, а правым флангом наступать на Персиановку с запада на восток.

Командует этим отрядом Медведев. Кстати сказать, Медведев пока помощи приносит мало: больше чешет языком и не особенно умно, зато особенно нетактично. Мне с ним хлопот много, особенно, когда он в присутствии казаков начинает говорить о том, что, покончив с Калединым, мы примемся за зажиточных казаков или, придя в Кронштадтский отряд, где много левых эсеров и анархистов, начинает им доказывать, что для успешного хода русской революции их всех надо перевешать...»

Слева, в районе Костюково – Ягодин стал отряд Петрова, который также успел создать дополнительные проблемы. В разгар боёв за Каменскую, Лихую и Зверево он с отрядом красногвардейцев и даже при артиллерии неожиданно выехал в Воронеж, якобы, на подавление «восстания монахов». Там его едва не арестовал председатель ВРК Моисеев и его же собственный

лею, что моя просьба к Вам объясниться не дошла до Вас. Пожалуйста, поскорее свяжитесь со мной... чтобы мы могли поговорить с Вами толком и объясниться хорошенько. Ради бога, приложите все усилия, чтобы *все и всяческие* трения с ЦИК (харьковским) *устранить*. Это *архиважно в государственном* отношении. Ради бога, помиритесь с ними и признайте за ними *всяческий* суверенитет. Комиссаров, которых Вы назначили, убедительно прошу Вас сместить.

Очень и очень надеюсь, что Вы эту просьбу исполните и *абсолютного* мира с харьковским ЦИК достигнете. Тут нужен *архитакт национальный*...

Ваш Ленин»

штаб, который, как оказалось, из Воронежа и не выезжал, разросся до 140 человек, и вообще, непонятно чем занимался за сотни километров от фронта. Счастливо избежав неприятностей и «помирившись» с Моисеевым, Петров 8(21) апреля прибыл с отрядом на ст. Зверево.

Здесь он, углядев опечатку в тексте приказа⁴⁰⁵, опубликованного в газете «Известия», спровоцировал на выступление солдат своего отряда. Разгорячённые бойцы заявили, что их командир обойдён, и что, если его имя не будет упомянуто в приказе, отряд фронт оставит. Саблин, создавший и имевший уже за собой реальную силу на этот раз действовал решительно. Переговорив предварительно с командирами моряков Мокросовым и Каллисом, он предъявил Петрову ультиматум: либо тот подчиняется приказам и выступает на фронт, либо в отношении его лично и его отряда будут применены репрессии. Петров, ни минуты не раздумывая, поспешил заверить Саблина в том, что он всецело в его распоряжении, 9(22) февраля разгрузит отряд на станции Шахтная и будет двигаться на удалении до 10 километров от железной дороги, прикрывая левый фланг основных сил.

Несмотря на то, что в этот раз Петров сдержал своё обещание, Антонов-Овсеенко вынужден был прямо от только что взятой станицы Гниловской добираться к Саблину и мирить «своих командующих». При этом Петрову было обещано «более самостоятельное задание», на чём всё и успокоилось.

Вполне вероятно, и Медведев, и Петров разошлись, или же были разведены, по флангам не столько для их обеспечения, сколько для того, чтобы лишний раз подтвердить независимый статус и избежать по возможности конфликтов с «командармом» Саблиным. Все эти нелепые пререкания не способствовали, конечно же, решительному продвижению войск.

---

⁴⁰⁵ В опубликованном в №5 газеты «Известия» приказе от 4(17) февраля говорилось о назначении командующих фронтами: Северным – Саблина, Западным (Ростовским) – Сиверса, Юго-Восточным – Автономова. Но вкралась опечатка, и вместо фамилии «Автономов» в тексте значилось «Антонов». Имя же Петрова, который с первых дней именовал себя «командующим армией» и даже «командующим Юго-Восточным фронтом», не упоминалось вовсе.

Так, или иначе, но судьба Новочеркасска решилась ни Петровым, ни Медведевым, ни даже Саблиным, а войсковым старшиной Голубовым. Ворваться в Новочеркасск первым желали все. Но если для советских командиров это был вопрос честолюбия, то у Голубова находились и другие, куда более значимые, стимулы. Он лучше других понимал, что с падением Атаманской власти, *всё только и начнётся*, и почему-то был уверен, что человек, пленивший Чернецова и взявший Новочеркасск, «новой властью» забыт не будет. Вопрос был в том, как это осуществить.

За время боёв Саблин, следует признать, кое-чему научился. И, прежде всего, глубоким фланговым охватам. Но под Персиановкой казаков было больше полутора тысяч. Обойти их, в силу растянутости фронта и достигнутой глубины обороны, не представлялось возможным. Лобовой же удар был чреват, как большими потерями, так и поражением. Отойти от железнодорожного полотна *на достаточное удаление* никому и в голову не приходило. Дорога была всем, и всё обеспечивала. Резервы, боеприпасы, возможность быстрого отхода. Степь, заснеженная и пустынная, ничего хорошего очевидно не сулила.

Голубов, образцовый кавалерийский командир, увидел всё это, едва прибыл на позиции. Но главное, догадался, все силы Назаров сосредоточил у Персиановки и в Казачьих лагерях. Новочеркасск наверняка пуст. Достаточно только обойти растянутый казачий фронт и город можно будет брать голыми руками. Уже 8(21) февраля он испросил у Саблина разрешение на производство первого в гражданской войне конного рейда. Саблин согласился, так как вполне резонно рассчитывал одним ударом закончить всё без большого боя и больших потерь. То, что Новочеркасск будет взят войсками *бывшего* Донревкома⁴⁰⁶, было

⁴⁰⁶ 6(19) февраля казачий (Каменский) ВРК объединился с напомнившим о своём существовании Донским областным ревкомом, образовав единый Областной Военно-революционный комитет. Председателем его оставался Ф.Г. Подтёлков. Заместителем стал С.И. Сырцов. В одном из первых постановлений говорилось следующее: «Областной Военно-революционный комитет верит, что объединение казачьего и неказачьего комитетов является отражением того единства, которое спаяло трудовые массы». Влияние и значимость Каменского Донревкома сводились к минимуму. Формально самостоятельной роли он уже не играл.

ему лишь на руку. Более того, он поставил Голубову условие, что в обход пойдут только казаки.

10(23) февраля 1918 г. Голубов во главе нескольких сотен 27-го и 44-го Донских полков выступил из Шахтной. Первоначально планировалось двигаться по маршруту Шахтная – Мелиховская – Бессергеновская – Новочеркасск, выйти к Бессергеновской 13(26) февраля, а дальше, действовать по обстановке. Однако Голубов, желая подстраховаться и выяснить вначале обстановку, взял левее. В то же время, следовал отряд ускоренным маршем. К вечеру прошли Раздорскую.

Убедившись, что опасаться нечего, уже ночью добрались до Мелиховской, где и заночевали. Голубов, наблюдая безразличие казаков к происходящему, опасаясь опоздать, торопился сам и торопил других. На рассвете 11(24) февраля проследовали дальше. В сумерках миновали Бессергеновскую, но не заночевали в станице, лишь дали отдохнуть лошадям. Тронулись дальше и в темноте сбились с пути. Покружив в темноте, нашли свою дорогу, но Кривянской достигли лишь с рассветом 12(25) февраля. Здесь, перед последним переходом устроили короткую днёвку.

Круг в этот день продолжал свою работу. От казаков получены были сведения о движении отряда Голубова. Кругом навстречу с целью начать переговоры о капитуляции⁴⁰⁷ был направлен есаул Сиволобов. Однако о результатах своей поездки Сиволобов Кругу доложить не успел. Едва есаул вернулся назад, сразу вслед за ним, не встречая сопротивления, в город вошёл отряд Голубова. Сам войсковой старшина в сопровождении вооружённых казаков проследовал к зданию Судебных установлений, где работал Круг, и ворвался в зал заседаний.

Здание судебных установлений

⁴⁰⁷ Ранее делегаты Круга с теми же полномочиями были направлены в занятый уже отрядами Сиверса Ростов.

– Встать! – громко и размеренно, будто на плацу, скомандовал Голубов от распахнувшихся дверей и направился к столу президиума.

Разом, отодвигая стулья, поднялись все. Лишь Назаров остался сидеть.

– Как вы смеете прерывать заседание Круга? – крикнул он.

– Вы арестованы! – также сорвался на крик Голубов. Он вдруг подобрался к генералу и сорвал с его плеча погон. – Молчать! Берите его...

Тут же арестовали и увели Назарова и Волошина. Думается, будь Голубов с Назаровым⁴⁰⁸ наедине, войсковой старшина повёл бы себя иначе. Но прилюдно ему необходимо было продемонстрировать «революционность». В такие моменты о благопристойности своих поступков Голубов не задумывался.

Депутаты Круга продолжали стоять, боясь и шевельнуться.

– Как же нам быть? – спросил негромко один из них, стоявший ближе.

– Нам не до вас, – махнул рукой Голубов. – Убирайтесь к чёрту.

С этими его словами в 17 часов 12(25) февраля работа Войскового Круга, названного за отсутствием большего числа депутатов Малым, была завершена.

Лишь ночью в Шахтной стало известно о занятии Голубовым Новочеркасска. Красногвардейские отряды, убедившись, наконец, что казачий фронт под Персиановкой брошен, начали продвигаться к городу. В 12 часов 13(26) февраля в Новочеркасск вошёл, проявивший большую расторопность Медведев. В 14 часов, расстроенный, что его опередили, – Петров.

Саблин назначил комендантом города Медведева. То ли он не подумал о последствиях, то ли решил с самого начала указать Донревкому его место, но Голубов воспринял это, почти как личное оскорбление. И назначение это было первым шагом к конфликту местного значения с войсковым старшиной Голубовым, но также, и к конфликту куда более масштабному. С большей частью затаившегося до поры Донского казачества.

⁴⁰⁸ Каледин освободил Голубова с гауптвахты, благодаря ходатайству генерала Назарова. И войсковой старшина об этом знал.

Прошло уже больше суток, как Ростов был оставлен Добровольческой армией...

5.4. Последние бои. Батайск

Как и в Новочеркасске, на Ростовском фронте, если не всё, то многое, также решила конница. Вернее, её наличие у большевиков, и почти полное отсутствие у добровольцев.

Для того чтобы двинуть 4-ю кавдивизию на фронт, Антонову-Овсеенко пришлось лично выезжать в Бахмут. С комдивом Жуковым 22 января договорились о следующем: дивизия, оставаясь в непосредственном подчинении Главкому, должна была сосредоточиться в Голодаевке, а затем, выдвинуться на левый фланг Сиверса и, обеспечивая его, наступать в общем направлении на Бабинское – Султан Салы – Ростов. Для этих целей в Иловайской развёртывалась продовольственная база. 25 января Жуков докладывал, что Драгунский и Уланский полки уже находятся в Голодаевке, Стрелковый полк выгрузился у Закадычного и следует дальше в походном строю. 4-я кавалерийская стягивалась постепенно к Козлово.

Подходили подкрепления и непосредственно подчиняемые Сиверсу. За короткий срок прибыли 3-й Вяземский латышский (до 400 штыков) и 18-й Сибирский стрелковый полки, 1-й Донецкий революционный полк Красной гвардии (до 2-х рот), рота, сформированная из германских военнопленных (100 штыков при 4-х пулемётах) и две 4-х орудийных батареи 13-го тяжёлого артдивизиона.

Впрочем, не изжиты ещё были и проявления иного рода. Так, командир бронепоезда Годлевский, ссылаясь на недостаток снарядов к морским орудиям, увёл бронепоезд, вместе с командой на Никитовку и далее на Москву. И задержать его не смогли.

Серьёзной проблемой стало решение СНК провести демобилизацию Старой армии⁴⁰⁹. И Сиверс, и Саблин к этому времени уже имели в своих отрядах значительное количество красногвардейцев, не подлежащих мобилизации, но без снятых с

⁴⁰⁹ Приказ Главковерха Крыленко о демобилизации Старой армии был опубликован 30 января 1918 г.

фронта пехотных полков, вне всякого сомнения, обойтись не могли. Что касается Автономова, то он мог двинуть на Батайск от Тихорецкой почти исключительно части регулярной 39-й пехотной дивизии. Нетрудно было догадаться, что станут делать по несколько лет отсидевшие в окопах Великой войны стрелки, представься им возможность на законных основаниях разойтись по домам.

«...заменить фронтовые части, – свидетельствует Антонов-Овсеенко, – наша рабочая гвардия не могла.

Главной силой нашей против корниловцев по-прежнему являлись фронтовики, особенно кавалерийские, артиллерийские и, вообще, спецчасти. Поэтому извещение, что Совнаркомом объявлен роспуск призывных нескольких годов, действовало на нас тягостно.

Чрезвычайно удручённый тем, что, при объявлении *этой демобилизации*, совершенно не были приняты во внимание потребности внутреннего, гражданского фронта, я обратился к Ленину и члену Наркомвоен, тов. Подвойскому, со следующей недопустимо резкой телеграммой:

«Петроград, Совет Народных Комиссаров, Ленину и Подвойскому.

Неужели сделана такая оплошность, что сразу освобождают по 1906 г.?.. Увольнение сразу трёх годов расстроит совершенно наши войска, которые готовы нанести решительный удар, и буквально спасёт калединцев от разгрома, затянув надолго борьбу. Все формирования, особенно артиллерийские, кавалерийские и пулемётные, расстроятся, и придётся долго чинить прорехи и недочинить их никак. Не следовало без запроса нашего делать такого шага, его мог сознательно сделать только, либо узкий кабинетчик, либо друг Каледина. Прошу немедленно разъяснения, *равно и об оплате командного состава*. Сделайте разъяснение, что на наших фронтах (на) Дону и Украине, демобилизация будет постепенная, каждые две недели и по одному году, начиная с 1904, который отпустят 11(24) февраля с. г. и что задержанные получают суточные по рублю за просрочку. *Дела идут успешно, не портите их*».

На эту телеграмму я получил следующий ответ:

«В Никитовку, Наркому Антонову.

Демобилизация с 1904 по 1906 г. после совещания в Петрограде представителей всех фронтов, Главнокомандующих и Военного Комиссариата в виду совершенного единогласия, принята. Удержите контингенты в вашей армии, повысив им жалование до 50 руб. в месяц и обещав полное обеспечение их семейств со стороны государства.

Ленин и Подвойский»

Мобилизация была проведена потому, что затягивать с ней далее было просто опасно. После того, как о её проведении было объявлено, остановить демобилизацию было уже невозможно. Ни на «внутреннем» фронте, ни, тем более, в масштабах всей страны.

Антонов-Овсеенко вынужден был издать следующий приказ: «26 января 1918 г. Согласно разъяснений Совета Народных Комиссаров объявляю:

- 1) Призывные сроков 1904, 1905, 1906, если не пожелают остаться в рядах революционной армии – подлежат увольнению в запас. В специальных частях, артиллерии, сапёрных, железнодорожных батальонах, телеграфных ротах, пулемётных командах и т.д. подлежащие увольнению могут быть задержаны до их смены, если от увольнения пострадает часть в боевом отношении.
- 2) Призывные 1904 г. увольняются от 26 января. Призывные 1905 г. с 1(14) февраля, призывные 1906 г. с 5(18) февраля...»

Известия о последующей демобилизации, 1907 – 1909 годов призыва Антонов-Овсеенко парировал приказом, в котором уже от своего имени разъяснил, что *эта демобилизация* «на революционный фронт... не распространяется».

Всё это негативным образом сказалось в ближайшие дни, когда 112-й Бакинский полк вместо того, чтобы выдвинуться от Батайска и грудью встать на путях отхода Добровольческой армии под Ольгинской, в полном составе отправился демобилизовываться в Ставрополь...

А ожесточённые бои на «внутренних» фронтах между тем

продолжались. 29 января в Мариуполь прибыл, наконец, десант черноморцев. Два тральщика доставили в город 196 моряков при 5 орудиях (одно из них – зенитное) и 16 пулемётах. Отряд незамедлительно был направлен под Таганрог.

Непрестанные стычки многому научили и Сиверса. Антонов-Овсеенко отдавал ему лишь общие директивы и почти не вмешивался в оперативную работу. Сиверс медленно, но настойчиво продвигался на восток. 24 января его штаб был уже в Неклиновке. 29 января, после отхода Кутепова – в Вареновке. 27 января Сиверсом была взята Морская, 29 января – Генеральская Слобода, 31 января – Недвиговская.

К 1(14) февраля передовые подразделения Уланского полка 4-й кавдивизии продвинулись до Генеральского Моста. Драгунский полк двумя эскадронами занял Султан-Салы, оставшимися четырьмя эскадронами с артиллерией – Петровское. 4-я кавалерийская всей массой выходила на правый фланг добровольцев, вынуждая их к постепенному отходу...

В середине января Корнилов переехал со штабом в Ростов и начал концентрировать для последующего похода разбросанные тут и там подразделения.

28 января отряд Кутепова отошёл на ст. Хопры, где в тот же день был сменён отрядом генерала Черепова⁴¹⁰. В состав отря-

⁴¹⁰ Отряд был отведён в Ростов и развернут в 3-й Офицерский батальон четырёх ротного состава. 1-я и 2-я роты 2-го Офицерского батальона составили роты с 1-й по 3-ю (всего в трёх ротах до 200 штыков). Гвардейская рота стала 4-й (до 40 штыков). Сдав оружие Офицерской батарее, взвод юнкеров присоединился к батарее Юнкерской. 23 января прибыл в Ростов и 1-й Офицерский батальон. В его состав, вошли остатки 4-й Офицерской роты, пополнившие 2-ю роту батальона. Полковник Морозов при этом по этическим соображениям отказался стать командиром 2-й роты, но оставался в её составе рядовым бойцом. Батальон расположился в здании Технического училища на Темернике и нёс патрульную службу и службу охранения, выставляя патрули на вокзале, железнодорожном мосту через Дон, в Государственном банке, на электростанции и на разъезде Заречная на левом берегу. До выступления при батальоне были сформированы команды связистов и подрывников, а также, и несколько железнодорожных бригад. 5(18) февраля 1-й Офицерский батальон был привлечён для обеспечения доставки золотого запаса из Ростовского банка на вокзал для передачи Донским властям. Передача золота прошла без задержек и нареканий. Большая часть вывезенных в Новочеркасск ценностей вскоре попала в руки большевиков, так как Попов брать их с собой в поход с согласия Назарова отказался.

да входили Корниловский ударный полк капитана Неженцева, Казачья дружина станицы Гниловской, партизанские отряды хорунжего Ф.Д. Назарова и сотника Грекова⁴¹¹, позже, есаула Лазарева, 2-я Офицерская батарея и блиндированный поезд. Всего до 820 штыков и сабель при 2-х орудиях.

С прибытием свежих сил была предпринята последняя попытка отбросить советские отряды от Ростова. 31 января Корниловский полк завязал бой у Синявской и потеснил отряд красногвардейцев Трифонова. В тот же день Гниловская дружина атаковала Стрелковый полк 4-й кавдивизии и поначалу имела успех. Полк был сбит и в беспорядке отошёл, потеряв до 10 пулемётов. Однако во фланг ударили подоспевшие кавалерийские эскадроны. Казаки были смяты и отброшены. Одновременно Латышский полк обошёл «корниловцев» и нанёс фланговый удар. В результате глубокого охвата и угрозы выхода конницы противника в тыл, Корниловский полк вынужден был отойти на Хопры.

3(16) февраля хорунжий Назаров по собственной инициативе предпринял атаку только что занятого селения Султан-Салы. Здесь его отряд нарвался на всю массу конницы подошедшей 4-й кавалерийской и после короткого боя был рассеян. Порыв угас, а вместе с ним и вера казаков в возможность успешного сопротивления. После неудачи под Султан-Салы казаки разъехались по домам, и вновь собрать их так и не удалось.

4(17) февраля Сиверс возобновил наступление и занял Хопры, село и ст. Чалтырь. Черепов вынужден был отойти за реку Сухой Чалтырь. Но обеспечить надёжную оборону и этого рубежа было невозможно. Над правым флангом отряда продолжала нависать многочисленная конница 4-й кавалерийской. Противопоставить ей было нечего.

Задержал дальнейшее продвижение Сиверса весьма кстати прибывший из Ростова, отряд сотника Грекова. В ночь на 5(18) февраля он совершил набег на х. Недвиговский, занимаемый

⁴¹¹ Отряд Грекова насчитывал до 150 сабель. Сотник Греков, прозванный «Белым дьяволом», отличался дерзостью, бесстрашием и склонностью к жестокости и мародёрству. Когда остатки отряда позже влились в Добровольческую армию, сам Греков, по словам Деникина, предпочёл «исчезнуть».

2-м Петроградским отрядом Красной гвардии. Несколько десятков его партизан, используя в качестве средства устрашения трещотки, произвели нападение на одну из сторожевых застав. Застава атаку отразила, но отдыхавшие в хуторе красногвардейцы, приняв шум от трещоток за интенсивную пулемётную стрельбу, подверглись панике и в беспорядке отошли. Потребовалось немало времени, чтобы привести отряд в относительный порядок.

К этому времени шансов удержать Ростов у добровольцев уже не оставалось. Советскому командованию удалось открыть и ещё один фронт наступления на Добровольческую армию.

Эшелоны 5-й Кубанской казачьей дивизии наконец-то достигли Кубани, но казаки тут же разошлись по родным станицам. Комиссар дивизии Мирошниченко докладывал, что на 12(25) февраля намечено собрание Съезда фронтового казачества Кубани и просил предоставить ему полномочия для формирования отрядов из казаков, в том числе и 5-й Кубанской. Антонов-Овсеенко просьбу Мирошниченко удовлетворил, но если комиссару и удалось к весне собрать что-либо, потребовались эти силы для решения уже других задач и на другом театре военных действий.

Куда более обнадеживающие известия пришли из Царицына. Сообщалось, что казачья секция при Царицынском Совете, так называемый «Штаб обороны г. Царицына» и Бюро Областного ВРК Донской области, образованное в городе в начале января, организовали штаб «Юго-восточной армии» и избрали её командующим хорунжего Автономова. Последний, уже на ст. Тихорецкой издал приказ №1, в котором сообщал о своём вступлении в должность командующего. Приказ был подписан им самим, а также начальником штаба Коротковым и секретарём штаба М. Равиковичем. Дополнительно Равикович сообщал, что войска к Тихорецкой стягиваются, и поставленная задача по взятию Батайска к 1(14) февраля будет выполнена.

В Батайске, крупнейшей в России узловой станции, расположенной на левом берегу Дона в 10 километрах от Ростова, обстановка оставалась относительно спокойной. На станцию от

Добровольческой армии был выдвинут лишь усиленный караул. Однако направление оставалось совершенно неприкрытым и в 20-х числах января в Батайск был направлен Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии с приданными десятью офицерами 2-го Офицерского батальона (всего 120–130 штыков и сабель). Дивизион помещался на путях, в вагонах железнодорожного эшелона, нёс дозорную службу на станции и в посёлке и выставлял посты в южном направлении, вплоть до ст. Каял⁴¹². Командир дивизиона полковник Ширяев находился на вокзале и имел телефонную связь с постами и Ростовом.

29 января на патруль в 9 человек было совершено нападение местных красногвардейцев, в результате которого 8 добровольцев убиты, а один тяжело ранен. Нападавших обнаружить не удалось. Однако были взяты заложники и объявлено требование выдать виновных. На следующий день в дивизион прибыл назначенный «начальником обороны г. Ростова с южной стороны» генерал Марков. Он, почему-то в штатском, побеседовал с командиром и чинами и пообещал поддержку. 31 января в качестве таковой в Батайск прибыла Морская рота в 60 штыков во главе с капитаном 2-го ранга Потёмкиным и два орудия 1-й Юнкерской батареи, по традиции приспособленных к стрельбе с железнодорожных платформ. Общее командование над «Батайским отрядом», сосредоточившимся у здания вокзала в южной части станции, оставалось за Ширяевым. Сам посёлок по существу оставался вне контроля отряда, предоставленный вновь формируемой Красной гвардии, а больше, сам себе.

Утром 1(14) февраля под свистки многочисленных паровозов и рёв гудков железнодорожных мастерских от посёлка перешли в наступление густые цепи батайских красногвардейцев. Дозоры отошли к вокзалу. Отряд занял позиции для боя. Морская рота укрепилась на вокзале. Ударный дивизион, прикрывшись вагонами, рассыпался в цепь вдоль путей справа от неё. Однако станционные пути протянулись от вокзала далеко в сторону Ростова. Цепь дивизиона прикрывала их едва на

⁴¹² Позже посты были вынужденно сняты, что повлекло за собой самые негативные последствия.

треть. Отряд обречён был на обход с правого фланга и на бой в отрыве от основных сил. Едва полковник Ширяев успел доложить о случившемся и получил из Ростова приказ держаться до подхода подкреплений, связь оборвалась.

Завязалась перестрелка. Эшелон с установленными орудиями взвода Юнкерской батареи, сам, будучи под ружейным огнём, не мог стрелять в ответ. Ему мешали стоявшие на путях вагоны и станционные здания. Состав начал медленно отходить со станции в сторону Ростова. Тут выяснилось, что все стрелки на его пути были переведены таким образом, что приводили эшелон либо на забитый вагонами путь, либо в тупик. Командир взвода штабс-капитан Межинский под огнём лично переводил стрелки одну за другой. Наконец, состав покинул территорию станции и открыл пулемётный и орудийный огонь.

Однако остановить наступление красногвардейцев он не мог. Отряд Ширяева был обойдён и отрезан от Ростова. Около 11 часов со стороны ст. Каял подошли ещё три эшелона. Они остановились в 2–3 километрах от Батайска и высадили свыше 1500 человек. Пехотинцы развернулись в цепи, которые стали обходить станцию с юго-запада. Навстречу им, выставив все свои четыре пулемёта, выдвинулась Морская рота.

То, что выступление местной Красной гвардии было приурочено к подходу войск от Тихорецкой, не вызывает сомнения. К Батайску Автономовым направлено было два пехотных полка, 112-й Бакинский и запасный из состава Ставропольского гарнизона, а также, отряд Красной гвардии ст. Тихорецкой. Численное превосходство советских войск было подавляющим, более, чем двадцатикратным (!). Ударный дивизион отбивался с двух направлений, как со стороны посёлка, так уже и со стороны Ростова.

Вскоре один из командиров позвонил на вокзал.

– Откуда говорят? Кто у телефона? – надеясь, что связь восстановлена, запрашивал Ширяев.

– Сдавайтесь! Или мы всё равно придём и всех перевешаем! – ответили ему.

– Приходите и вешайте!

Разговор на этом закончился, но советский блиндированный поезд начал выдвигаться к станции, ведя огонь из двух орудий по зданию вокзала. За ним следовала стрелковая цепь в несколько сот штыков. Остальные пехотинцы, взяв влево, соединились с местными красногвардейцами. Морская рота открыла огонь, заставила цепь противника залечь и отойти, но с блиндированным поездом ничего поделаться не могла. Снаряды ложились кучно, в щепы разбивая вагоны, под которыми прятались моряки, и разрываясь в непосредственной близости от здания вокзала. Был тяжёло ранен командир роты Потёмкин. Осколком снаряда ему выбило глаз.

Однако на отошедшем от станции эшелоне Юнкерской батареи наблюдатели уже заметили выдвижение советского блиндированного поезда. Оба орудия юнкеров сосредоточили на нём свой огонь. После нескольких разрывов у полотна последовало прямое попадание в паровоз. Воодушевлённые моряки произвели частью сил вылазку. Под огнём пехотной цепи они добежали до остановившегося состава, перебили не пожелавших отойти артиллеристов и пулемётчиков и, приведя в негодность, всё, что успели, с пулемётными лентами и патронами, взятыми в качестве трофеев, возвратились к зданию вокзала.

Тем временем генерал Марков высадился с Юнкерским батальоном на подступах к станции. Юнкера пытались атаковать, но красногвардейцев было больше в разы. Раз за разом они пресекали продвижение юнкеров фланговым обходом со стороны Батайского посёлка. Вскоре Юнкерский батальон уже не наступал, а сам отбивал атаки противника. Марков не отводил юнкеров лишь в надежде, что Ширяев услышит стрельбу, предпримет попытку прорваться, и батальон сможет её поддержать.

Однако Батайский отряд и сам отбивал атаки красногвардейцев со стороны Ростова, подхода юнкеров не обнаружил и ожидал помощи, оставаясь в районе вокзала. Едва стемнело, Марков отвёл Юнкерский батальон за реку Бейсужок на удаление в 4–5 километров от станции и держал его в боевой готовности на случай прорыва отряда Ширяева.

Перестрелка стихла. Батайский отряд весь сосредоточился

у здания вокзала, прежде всего, с той целью, чтобы дать личному составу возможность принять пищу и отдохнуть в тепле. То же самое сделал и противник. Стрелки и красногвардейцы частью отошли в посёлок, частью заняли отдалённые станционные постройки.

Полковник Ширияев собрал начальников для обсуждения создавшегося положения. Хотя потери отряда были относительно невелики (6 убитых и до 30 раненых, из них 5 – тяжело), в строю оставалось всего 140 человек. Главное же, несмотря на захваченные трофеи, подходил к концу запас патронов. В ходе обсуждения пришли к единодушному мнению – прорываться⁴¹³. И прорываться в направлении, ещё не перекрытом красногвардейцами, в противоположную от посёлка сторону, на восток.

Отряд был разбит на три группы. Группа в 40 штыков под командой ротмистра Дударева выходила первой и прикрывала отход главных сил с севера. Она должна была выйти на отходившую от станции дорогу на станицу Ольгинскую и следовать по ней на восток. В случае же обнаружения, завязать бой с красногвардейцами, занимавшими северную часть станции. Вторая группа в 50 штыков во главе с самим Ширияевым и с ранеными, должна была выйти через 30 минут после убийства первой и отходить через степь прямо на восток. Третья группа, Морская рота, уходила последней, через полчаса после отхода второй. Маршрут моряки могли выбирать самостоятельно, ориентируясь по обстановке. Условлено было, что в случае боестолкновения группы Дударева с *крупными* силами противника, две другие группы придут к ней на помощь, и что после оставления станции, каждая из групп станет выдвигаться к разъезду Заречная самостоятельно.

Тут удача улыбнулась, наконец, добровольцам. Во время совещания станционные пути вдруг осветились включёнными

⁴¹³ В отряде было известно, что, в случае оставления Ростова, планируется отходить вдоль железной дороги на Тихорецкую. И с этой точки зрения удержание вокзала имело определённый смысл. Решили всё же, что в создавшейся ситуации, отступление Армии через Батайск было уже невозможно. В любом случае, наличными силами вряд ли было возможно удержать вокзал и станцию, вне зависимости от принятого решения.

кем-то электрическими фонарями. У вокзала они тут же были разбиты прикладами, возле станционных построек, занятых красногвардейцами, продолжали светить. Сам, оставаясь в темноте, отряд получал возможность наблюдать за всем происходящим у противника.

В 22 часа 1(14) февраля группа ротмистра Дударева выдвинулась на восточную окраину станции, встреченному солдатскому дозору заявила себя, как солдатскую же заставу, и без единого выстрела ушла в степь. Повернув за станцией на север группа без происшествий вышла вскоре к Заречной.

Группа Ширияева, с большим трудом протащив под десятками составов раненых, вышла к кирпичной стене, отделяющей станционные пути от степи. Здесь добровольцы наткнулись на случайный караул противника. И те, и другие не стали открывать огонь. Красногвардейцы поспешили скрыться, добровольцы, через пролом в стене вышли в степь. Тяжёлых раненых приходилось нести. Люди выбивались из сил, и полковник Ширияев повёл группу прямо на станицу Ольгинскую. В станицу прибыли, потеряв четырёх отставших, во второй половине дня 2(15) февраля, в Ростов – на следующий день.

Морская рота в полной тишине оставалась на Батайском вокзале ещё 30 минут. В командование ротой после ранения Потёмкина вступил офицер 2-го Офицерского батальона штабс-капитан Фёдоров. Он, опасаясь засады, не рискнул следовать путём Ширияева, вывел роту в южном направлении, и лишь затем, обошёл станцию с востока. В здании вокзала были оставлены тела погибших. Вынести их было невозможно, с трудом выносили на себе раненых. Раненый в голову и лишившийся глаза капитан 2-го ранга Потёмкин оставался в строю, помогал нести раненых и ослабевших и, как мог, подбадривал людей⁴¹⁴. Следуя на разъезд Заречная, рота шла вдоль железнодорожного полотна и натолкнулась на охранение Юнкерского батальона. Юнкера, не разобравшись, открыли огонь и успели ранить двух моряков.

⁴¹⁴ Из-за ранения В.Н. Потёмкин не смог принять участие в Ледяном походе и до весны скрывался в Ростове.

В целом, отход отряда Ширяева со ст. Батайской прошёл весьма успешно. Об этом говорит и тот факт, что Корнилов наградил впоследствии всех его участников Георгиевскими отличиями.

Юнкерский батальон оставался на позициях, пресекая при поддержке двух орудий взвода Юнкерской батареи, атаки красногвардейцев. Генерал Марков неотлучно находился с юнкерами. В ночь на 3(16) февраля батальон отошёл ближе к Ростову.

4(17) февраля на смену юнкерам прибыл 2-й Офицерский батальон полковника Лаврентьева в составе двух рот: полковника Семёнова (40 штыков) и полковника Зудилина (47 штыков). Прибыли и два орудия Офицерской батареи, которые сменили взвод юнкеров-артиллеристов. С 5(18) по 8(21) февраля батальон отбивал атаки красногвардейцев от Батайска. Выучка офицеров, открытая местность и отсутствие дисциплины в рядах прибывших из Тихорецкой пехотных полков, способствовали тому, что с юга Ростов оставался надёжно прикрытым до самого конца⁴¹⁵.

5.5. Падение Ростова

В первых числах (в середине) февраля предпринималась последняя попытка привлечь к защите города ростовских офицеров. Заранее было широко оповещено о собрании офицеров. В назначенное время прибыли до 200 человек, большинство, в штатском. Устроители попытались произвести подсчёт прибывших и обратиться к ним с призывом помочь Армии. Однако

⁴¹⁵ 9(22) февраля Антонов-Овсеенко телеграфировал из штаба Сиверса в Батайск Автономову с предписанием занять станицу Ольгинскую, отрезав пути отхода Добровольческой армии от Аксайской. Доклада о получении приказа он не получил и уже после взятия Ростова вечером 11(24) февраля лично переправился через Дон и прибыл в Батайск. Здесь выяснилось, что Ставропольский полк самовольно оставил позиции и отошёл в тыл. На импровизированном митинге Главком объяснил ситуацию и убедил солдат 112-го полка выдвинуться к Ольгинской. При нём полк принял постановление – выступать. Однако едва Антонов-Овсеенко убыл в Ростов, 112-й Бакинский погрузился в эшелоны и убыл в Ставрополь на расформирование. В своём приказе от 15 февраля (2 марта) Антонов-Овсеенко «заклеймил поведение 112-го полка и приказал предать его командира и комиссара Сухоцкого ревуду Юго-Восточной армии».

с самого начала собрание больше напоминало митинг. Бывшие офицеры криками срывали выступления ораторов. Общее настроение было: «В поддержке Добровольческой армии отказать!» Мотивировка: «Русский офицер призван защищать границы своего государства, а не честь отдельных генералов».

Тут же большая часть собравшихся поспешила удалиться. Немногие оставшиеся, в ком возобладала вдруг совесть, записывались у регистрационного столика...

Узнав об этом случае, генерал Марков сказал:

– Так чего же они не защищают границ государства, а болтаются в Ростове? Ну, вольному – воля, спасённому – рай и... к чёртовой матери их! Мыто без них не пропадём, а им плохо придётся...

С.Л. Марков

Возмутились и добровольцы. На следующий

после собрания день в прессе был опубликован ультиматум, в котором говорилось:

«Вам объявляет 1-й Офицерский батальон: кто не с нами, тот против нас. В трёхдневный срок предлагаем всем офицерам, находящимся в Ростове, или вступить в ряды армии, или покинуть Ростов». От имени батальона подписал ультиматум полковник Борисов.

В итоге записалось в Армию два-три десятка офицеров, зато с улиц и бульвара исчезли щеголявшие в золотых погонах и парадных мундирах праздные франты. Многие, без погон и кокард на фуражках, с оторванными золотыми пуговицами на шинелях, поспешили на вокзал, чтобы при первой же возможности покинуть город.

Зато получилось другое. Доброволец капитан Немечек из пленных чехов и словаков сумел сформировать Чехословацкий батальон численностью в 250 человек. Последовав его приме-

ру, из пленных галичан создали Русско-галицкий взвод силою до 35 штыков.

7(20) февраля Атаман Назаров сообщил Корнилову, что отстоять Новочеркасск не надеется и Добровольческую армию задерживать, более не смеет. Тщательно всё взвесив, Корнилов принял решение оставить Ростов в ночь с 9 на 10(с 22 на 23) февраля. Предполагаемый ранее путь отхода вдоль Владикавказской железной дороги с занятием противником Батайска становился невыполнимым. Решено было отходить на станицу Аксайскую, там перейти Дон и уходить на восток, в степи.

5(18) февраля Антонов-Овсеенко подчинил Сиверсу 4-ю кавалерийскую дивизию с задачей отрезать её силами пути отхода добровольцев на Аксай. Против неё из Ростова был выдвинут 3-й Офицерский батальон, сменивший под Султан-Салы уже месяц сдерживающих советскую кавалерию Ростовскую и Георгиевскую роты. Задача поставлена была батальону одна: не ввязываясь в серьёзные бои, задерживать продвижение противника и отходить к железнодорожной объездной ветке Ростов-Нахичевань, которую отстаивать до конца. Левее стал впервые выдвинутый на фронт Студенческий батальон. Своим левым флангом он сомкнулся с 3-й Киевской школой прапорщиков, позиции которой протянулись уже до Темерника.

8(21) февраля Корнилов начал снимать с Таганрогского фронта отдельные подразделения. В Лазаретный городок вечером были отведены Студенческий батальон и Корниловский ударный полк без одной роты, оставленной в отряде Черепова. К концу этого дня фронт от Султан-Салы сместился уже к самому Ростову. Однако 3-й Офицерский батальон, отбив все атаки, не только не позволил 4-й кавалерийской дивизии выйти к станциям Аксай и Кизитеринка, что требовал Антонов-Овсеенко, но даже приблизиться к железнодорожному полотну. Попытку более глубокого охвата города с севера своевременно осуществить не удалось. Отчасти из-за распутицы и усталости людей и конского состава. В большей степени от нежелания конников становиться на пути всей массы уходящей из Ростова Добровольческой армии.

9(22) февраля на позициях оставались:

- 3-й Офицерский батальон и Школа прапорщиков – фронтом в направлении на Султан-Салы;
- партизанский отряд есаула Лазарева (остатки Чернецовского отряда) – Темерник;
- Морская рота⁴¹⁶, рота Корниловского ударного полка, отряд сотника Грекова и два орудия Офицерской батареи – западнее станицы Гниловской, фронтом в направлении на Хопры;
- 2-й Офицерский батальон с приданной 2-х орудийной Офицерской батареей – южнее разъезда и станции Заречная, фронтом к Батайску;
- Чехословацкий батальон с Русско-галицким взводом, занявшие оборону вдоль реки Дон, прикрывавшие Ростов и Нахичевань с юга.

Все части, за исключением 3-го Офицерского батальона, подчинены были непосредственно генералу Маркову, которому была поставлена задача, оборонять Ростов весь день 9(22) февраля. В резерве у Маркова находились 1-й Офицерский батальон и взвод 1-й Юнкерской батареи.

К этому времени подразделение Технической роты уже выдвинулось к станице Аксайской и под прикрытием Партизанского батальона имени генерала Корнилова вело работы по обеспечению будущей переправы.

И это было всё, чем располагала Добровольческая армия перед уходом...

8(21) февраля Сиверс от станции Хопры и Генеральского моста повёл решительное наступление на Ростов. Сильные бои завязались у хуторов Олимпиадовки и Куренева. На следующий день фронт приблизился к станице Гниловской. Отчаявшись отстоять свою станицу, остававшиеся ещё казаки разошлись по домам. Советские батареи расстреливали станицу, огонь тяжёлой артиллерии достигал уже Силикатного кирпичного завода Попилова, расположенного на окраине города.

⁴¹⁶ Была направлена из Ростова для поддержки отряда Черепова 7(20) февраля.

В середине дня 9(22) февраля добровольцы оставили Гниловскую и отошли к Темернику. Вот что пишет об одном из эпизодов «внутренней» войны Антонов-Овсеенко, бывший в тот день в штабе Сиверса: «Наши цепи двинулись вскоре вперёд, и штаб за ними. В станице все как вымерли. Корниловцы отступили. На площади у церкви следы разрушения от наших гранат. На путях – разгромленный санитарный поезд корниловцев. Он, было, уходил от нас к Ростову, но состав оторвался и пошёл под уклон навстречу нашим цепям. Санитарный персонал и раненые встретили наших выстрелами и гранатами и все были перебиты. Тут же у вагонов, на снегу валялись они – две женщины, несколько мужчин, и люди-гиены копошились около них»⁴¹⁷.

Гниловская нами взята в 12 час., следом был взят кирпичный завод, к 14 час. разбит цементный завод».

Тот факт, что Сиверс приложил все усилия, чтобы ворваться в этот день в город, не вызывает сомнений. Но и добровольцы сделали всё возможное, чтобы этого не допустить. Не исключено, не в последнюю очередь из-за их упорного сопротивления, на следующий день Сиверс уже не торопился.

Штаб генерала Маркова 9(22) февраля располагался на вокзале. Помимо руководства боем он успевал проследить за всем. По его приказу, всё, что возможно, было испорчено и повреждено на вокзале. Батарея с левого берега переведена в Ростов. Железнодорожный мост через Дон разведён. Мост между ст. Заречной и Батайском взорван⁴¹⁸.

⁴¹⁷ К чести Антонова-Овсеенко следует признать, что он, куда чаще других, позволял себе замечать как случаи нерадивости своих, так и проявления героизма и самоотверженности добровольцев. Иногда в его строчках прорывается почти восхищение. Тем большего уважения заслуживает и он сам, один из тех несомненных самородков, которые вытянули начальный период войны для большевиков.

⁴¹⁸ Эту задачу Марков лично возложил на начальника подрывной команды при 1-м Офицерском батальоне старшего портупей-юнкера Козлова. Команде были выделены 11 ящиков пироксилина, который, однако, оказался отсыревшим. Козлов с риском для жизни сушил его в голландской печи, запершись в помещении кондукторов. В ночь с 8(21) на 9(22) февраля подрывники под прикрытием 2-го Офицерского батальона заложили взрывчатку под опорами довольно протяжённого моста и, подорвав, повредили его весьма основательно. Когда Антонов-Овсеенко следовал вскоре в Батайск, он с сопровождающими вынужден был идти по неокрепшему льду пешком.

С утра взрывали стрелки, станционные здания и постройки. Подрывали и паровозы. Чины Технической роты, оставшиеся без паровозов, связи и оборудования, группами уходили из депо в Лазаретный городок. Не обошлось без нелепой случайности. При взрыве был убит наповал инженер-путеец поручик Лысенко. Ледокол начал ломать лёд на реке Дон. Но треск от льдин заглушался рёвом советской артиллерии, крушившей заводы и строения на окраине города.

После полудня красногвардейцы усилили давление, потеснили юнкеров Школы прапорщиков и уже готовы были ворваться в Темерник, но контратакой 3-й роты 1-го Офицерского батальона при поддержке орудий взвода Юнкерской батареи поручика Казанли были отброшены. Не задерживаясь, 3-я рота проследовала на юго-западный участок обороны, где помогала отбивать атаки партизанам есаула Лазарева.

В это время красногвардейцы подтянули к месту расположения взвода Юнкерской батареи шесть своих орудий. Поднялись в новую атаку и густые цепи противника. Партизаны вновь подались назад, но орудия Юнкерской батареи остались на позиции и открыли по наступающей пехоте огонь картечью. До самого вечера продолжалась артиллерийская дуэль. Лишь когда в стволе одного из орудий заклинила граната, поручик Казанли приказал взяться на передки. В этот момент пришёл приказ, отходить к зданию вокзала⁴¹⁹.

На Темернике тут и там разгорались пожары. Горели подожжённые артиллерийскими разрывами дома. В районе вокзала стояли три роты 1-го Офицерского батальона. Изредка им в спину стреляли от Темерника рабочие. Роты высылали на выстрелы дозоры. Пойманных расстреливали на месте. Мимо проходили оставлявшие свои позиции части.

⁴¹⁹ Взвод отходил боковыми улочками Темерника, частично занятого уже красногвардейцами. Выйти к вокзалу и Большой Садовой юнкерам помог знавший город, недавно записавшийся в батарею штабс-капитан Рудницкий. На переезде взвод наткнулся на брошенные, по-видимому, под обстрелом, орудия 2-й Офицерской батареи. Юнкера предложили взять их с собой, но поручик Казанли, ввиду отсутствия лишних упряжек и лошадей, скорее даже, ввиду общего отхода Армии, запретил.

Проскакала в тыл 2-я Офицерская батарея. Прошла ничуть не расстроенная рота Корниловского ударного. Затем отряд сотника Грекова и Морская рота с броневым автомобилем. Лишь 3-я рота 2-го Офицерского батальона не смогла оторваться от противника и отходила по узким темерницким улочкам, едва ли не вперемежку с ворвавшимися в предместье красногвардейцами. Дым от пожаров, да сгустившиеся сумерки поспособствовали добровольцам достигнуть вокзала.

Ночью все части получили указания и маршруты дальнейшего следования. Рота Корниловского батальона, Школа прапорщиков, Чехословацкий батальон, 2-я Офицерская батарея и взвод поручика Казанли 1-й Юнкерской батареи направлялись в Лазаретный городок. Местом сбора для остальных частей был определён угол Таганрогского⁴²⁰ проспекта и улицы Большой Садовой. Прикрывать отход оставался 1-й Офицерский батальон, включая присоединившуюся к нему у вокзала 3-ю роту.

2-й Офицерский батальон у ст. Заречная в течение дня 9(22) февраля отбил атаку красногвардейцев от Батайска и остановил продвижение отряда из группы Сиверса от станицы Гниловской, против которой большевики переправились по льду на левый берег Дона. Батальон получил приказ в ночь на 10(23) февраля оставить позиции и отойти по левому берегу к станице Ольгинской, что он в точности и исполнил.

3-й Офицерский батальон был выдвинут к ст. Нахичевань с задачей сдерживать возможное наступление противника с севера. В течение дня 9(22) он, при поддержке юнкеров Школы прапорщиков, отбивал попытки красногвардейцев прорваться к железнодорожному полотну. В 21 час был получен приказ отходить в Лазаретный городок. Батальон в ротных колоннах начал вытягиваться на дорогу, и тут вновь был атакован противником. Атаку отбила 4-я (Гвардейская) рота, прикрывавшая отход батальона и потерявшая 16 человек убитыми и ранеными.

Штаб генерала Корнилова весь день 9(22) февраля находился в Парамоновском доме и лишь к вечеру, к 17 часам перешёл

⁴²⁰ В настоящее время – проспект Будёновский. Большая Садовая одно время называлась улицей Энгельса. В последствии, вернула себе прежнее наименование.

в Лазаретный городок. Было подтверждено принятое ранее решение: Армии в течение ночи выдвинуться в станицу Аксайскую, переправиться там через Дон и отходить на Ольгинскую. В Аксайскую заблаговременно был направлен эшелон с боеприпасами и армейским имуществом. С запада станицу прикрывал Партизанский батальон с орудием, обслуживаемым юнкерами 1-й Юнкерской батареи. Силами Технической роты обустраивалась переправа. Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии также прибыл уже в станицу с задачей набрать необходимое число подвод и телег, в которые позже перегрузили из эшелона всё то, что удалось вывезти из Ростова.

Все понимали, что Армия отправлялась в неизвестность. Пеший поход в степи, в условиях зимних холодов, при весьма вероятном преследовании многократно сильнее противника мог перенести не всякий, и уж точно, не больные и раненые. Взять их с собой Армия не могла. Оставить, по понятным причинам – тоже. Среди жителей Ростова и Нахичевани нашлось немало таких, кто с риском для собственной жизни изъявил желание приютить у себя добровольцев. В обстановке максимально возможной в суматохе отхода секретности изъявившие желание остаться были распределены по городским квартирам. До 200 человек больных и раненых оставаться отказались категорически, и ушли вместе с армией.

Корнилов не забыл и о том, что не менее пятой части Армии составляла учащаяся молодёжь. Он освободил её от службы, предоставив каждому студенту или реалисту самостоятельно решать, уходить с Армией, или оставаться⁴²¹. Остались два-три десятка. Позже, многие из них пожалели о своём решении.

⁴²¹ Вот, что говорил генерал Боровский перед строем вверенного ему Студенческого батальона:

– Предоставленной мне властью освобождаю вас от данного вами слова. Вы свой долг уже выполнили, охраняя Ставку и город. Кто из вас хочет остаться в батальоне, оставайтесь. Но... раньше, чем окончательно решить, вспомните ещё раз о ваших семьях... Мы уходим в тяжёлый путь. Так решили наши вожди. Придётся пробиваться по степям и горам... Нести жертвы... Быть может на время мы уйдём далеко от ваших родных мест... Подумайте! – и после минуты, данной на размышление. – Кто решил остаться дома, выйдете из строя!

Вышли единицы. Большинство из них вечером вернулись в батальон.

В 23 часа 9(22) февраля части и следом за ними обоз начали выдвигаться из Лазаретного городка на Аксайскую. Впереди колонны – генерал от инфантерии Корнилов. Весь путь до Аксайской он прошёл пешком. За ним генералы. Далее, в ротных колоннах, добровольцы. Удивительно, но очевидцы в один голос утверждают, что настроение, несмотря ни на что, было приподнятое. Люди вдохновлены были осознанием того, что нашли в себе силы пойти до конца, и сделать это оказалось вдруг так просто. И выяснилось вдруг, что выбор свой сделали они не сейчас, а давным-давно. Они просто не знали этого до поры... И перед величием этого выбора всё остальное, все опасности и неизбежные лишения, даже и то, что с ними станет, меркло, растворяясь в заснеженной степи, становясь малозначимым и третьестепенным...

В затаившемся, погасившем огни городе, на углу Таганрогского и Садовой выстраивал свою колонну генерал Марков. В ставшей вскоре знаменитой в Армии большой белой папаше он продвигался вдоль колонны. И с неизменной, появляющейся в критических ситуациях некоторой весёлостью в голосе отдавал последние распоряжения. Ему доложили, что нет горючего для броневедомости и нет вообще.

– Когда тронется колонна – взорвать! – ни секунды не раздумывая, приказал генерал.

Возле строящегося 1-го Офицерского батальона стояли грузовики, в которые загружали пулемёты.

– Это ещё что? – остановился Марков. – Да вы с ума сошли? Перегрузить на лошадей!

Ему доложили о невозможности найти в городе среди ночи повозки и лошадей.

– Чушь! – ответил генерал, приблизился к столбу с пожарным сигналом и разбил стекло. Через пятнадцать минут прибыла команда пожарных во главе с бранд-майором.

– Распрячь лошадей! – крикнул Марков, и тут же, несмотря на протесты пожарных, стали выпрягать. Тем временем команда, выделенная полковником Боровским, «разыскала» несколько извозчичьих пролёток и частных экипажей, вдруг превра-

тившихся в двуколки пулемётной команды 1-го Офицерского батальона.

Колонна тронулась⁴²², вытягиваясь в сторону Нахичевани. От неё то тут, то там отбегали и растворялись в ночи пришедшие проводить своих близких и родных. В арьергарде раздался взрыв. Это подорвали оставшийся без горючего броневедомость. Офицеры едва ли не силой вытащили из машины своего командира, не желавшего с ней расставаться.

Колонна шла и шла вперёд, достигнув уже окраин Нахичевани. Дорога стала труднее, снежные заносы, случалось, преграждали путь. Вслед постреливали нечасто и неточно в сгустившейся темноте. Добровольцы не отвечали...

О том, отчего советские войска «прочно заняли» оставленный добровольцами Ростов лишь к вечеру 11(24) февраля 1918 г., остаётся только догадываться⁴²³. Антонов-Овсеенко утверждает, что «части Сиверса, в том числе и 4-я дивизия, были так утомлены, что оказались неспособными преследовать противника».

Однако тут же, мимоходом, он сообщает, что к Сиверсу прибыла делегация от городской Думы с просьбой не обстреливать город и уверениями, «что корниловцы его покидают без боя».

Напрашивается следующее предположение. Сиверс мог «выпустить» Добровольческую армию из Ростова вполне осознанно. Ориентированный Антоновым-Овсеенко, он знал, что дерётся с добровольцами по существу один на один. Ожесточённые бои 8–9(21–22) февраля показали, что Добровольческая армия задешево себя не отдаст, и если Сиверс не позволит Корнилову оторваться и выйти из города, добровольцы вполне могут развернуться и обрушиться всей сконцентрированной

⁴²² Упоминание Деникина об «отряде генерала Маркова, пробившегося мимо Батайска левым берегом Дона», заставляет предположить, что Марков, отправив колонну в составе Студенческого и 1-го Офицерского батальонов, сам переправился на левый берег и к Ольгинской отходил в составе 2-го Офицерского батальона от Заречной. Об этом же прямо говорит и А.П. Богаевский.

⁴²³ «10-го(23-го) я направлялся вновь к Сиверсу, – пишет Антонов-Овсеенко. – Вечером получил следующую телеграмму: «Экстренно. Антонову. Сегодня во что бы то ни стало взять Ростов. Ленин». Мы запоздали на несколько часов против этого приказа».

обстоятельствами мощью на советские отряды. И, что бы из этого вышло, предугадать было невозможно.

Кроме того, Сиверс был информирован о предполагаемом занятии Ольгинской войсками Автономова и мог вполне резонно рассудить, что, придя в Аксай, Добровольческая армия будет зажата между тремя советскими группировками: Саблина от Новочеркасска, Автономова от Ольгинской и его, Сиверса от Ростова. Такая, тактически, безусловно, выигрышная ситуация, представлялась куда более предпочтительной. И просьба делегации Думы, не завязывать уличные бои оказалась вдруг к месту.

Так, или иначе, но в ночь на 10(23) февраля красногвардейцы, заняв Темерник и городские окраины, остановились на достигнутых рубежах и вошли в Ростов лишь через сутки. Добровольческая армия, никем не преследуемая, вышла из города и подходила вскоре к станице Аксайской.

Что станется с ней, долог ли окажется её путь, не мог предугадать никто. Зачем, во имя чего отходят они в ночь, знали все добровольцы.

Генерал Алексеев писал: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была, хотя одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

ЭПИЛОГ

Всё это было так давно... Но и так недавно. В то мчащееся на всех парах время, когда не было ещё ни красных, ни белых. А были только эшелоны, да полустанки, да рельсы манящие вдаль. А были люди, подвигнутые убеждениями или обстоятельствами, или и тем и другим, или чем-то ещё, ускользнувшим потом, развеянным всеобщим ожесточением...

И казалось, одни пересилили окончательно других. А те, другие, если и уцелели, то по нелепой случайности, и неизбежно будут истреблены, застигнутые среди враждебной им природы и многочисленных солдатских гарнизонов. И дело их, казалось, угаснет вместе с ними, будто смелый огонёк, вспыхнувший обречённо на задувающем его ветру. И будет тут же забыто, как и тысячи других дел, не успевших воплотиться в значимые свершения. Казалось, для жизни отведены им недели, если не считанные дни...

Но жизнь наша, как известно, сложна, многогранна и всегда противоречива. И поэтому часто то, что кажется нам уже свершившимся, вдруг отдаляется, становясь почти недоступным. И наоборот, что представляется потерявшим и всякий смысл, и само право на существование, волшебным образом приобретает цель и значимость.

И история такая штука, которая, несмотря ни на что, имеет характерное свойство *продолжаться*.

Продолжения не могло не последовать...

Ростов-на-Дону,
2009–2010 гг.

СПИСОК КАРТ

- Карта 1. Область войска Донского в 1914 г.
 Карта 2. Группировка частей 3-го конного корпуса под Петроградом.
 Карта 3. Выход советских войск к границам Дона к 25.12.17.
 Карта 4. Боевые действия в Донбассе 25.12.17. – 06.01.18.
 Карта 5. Боевые действия в Донецком округе 15.01. – 04.02.18.
 Карта 6. Боевые действия в Таганрогском округе 12.01 – 02.02.18.
 Карта 7. Бой за Батайск 01.02.18.
 Карта 8. Бои за Ростов и Новочеркасск 30.01. – 12.02.18.

Список использованной литературы

1. История гражданской войны в СССР. Том 1. Подготовка Великой пролетарской революции (от начала войны до начала октября 1917 г.). – М.: ОГИЗ, 1936.
2. История гражданской войны в СССР. Том 2. Великая пролетарская революция (Октябрь-ноябрь 1917 года). – М.: Госполитиздат, 1942.
3. История гражданской войны в СССР. Том 3. Упрочение Советской власти. Начало иностранной интервенции и гражданской войны (Ноябрь 1917 г. – март 1919 г.). – М.: Госполитиздат, 1957.
4. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
5. История Дона. Эпоха капитализма. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1974.
6. *Толмачев И.П.* В степях Донских (военные мемуары). – М.: Военное издательство МО СССР, 1959.
7. *Борисенко И.* Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1991.
8. *Тарасов Е.П.* Николай Ильич Подвойский (советские полководцы и военачальники). – М.: Военное издательство МО СССР, 1964.
9. *Мельников Н.М.* А.М. Каледин. Герой Луцкого прорыва и Донской атаман. – Издание «Родимого края», 1968.
10. *Венков А.В.* Донское казачество в гражданской войне /Отв. ред. д-р ист. наук А.И. Козлов.– Ростов н/Д: Изд-во Ростунта, 1992.
11. *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне. Т. 1. Октябрь в походе. – Высший Военный Революционный Совет. М., 1924.

12. *Туроверов Н.Н.* Конец Чернецова. – Казачьи думы, № 23, 1924.
13. *Богаевский А.П.* Ледяной поход. Воспоминания 1918 г. – Нью-Йорк: Союз первопоходников, 1963.
14. *Денисов.* Гражданская война на юге России 1918–1920 гг. Кн. 1 – Константинополь, 1921.
15. *Добрынин.* Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. – Прага, 1921.
16. Флот в Белой борьбе (сборник) – М.: Центрполиграф, 2002.
17. *Будённый С.М.* Пройдённый путь. Книга первая. – М.: Воениздат, 1958.
18. *Дыбенко П.Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. – М.: Воениздат, 1958.
19. *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте. Архив русской революции. Т. 1. – Берлин, 1922.
20. *Владимирова Вера.* Год службы социалистов капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. под ред. Яковлева А.Я. – М.: Государственное издательство, 1927.
21. Северо-кавказцы в боях за Родину. Краткий военно-исторический очерк о боевом пути Северо-Кавказского военного округа. – М.: Военное издательство МО СССР, 1966.
22. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. (февраль-сентябрь 1917 г.) – Париж, 1921.
23. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. (август 1917 г. – апрель 1918 г.) – Париж, 1922.
24. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Т.1. – Берлин, 1922.
25. Краснознамённый Северо-Кавказский. Очерк истории Северо-Кавказского военного округа. – Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1971.

26. Донская летопись. Сборник материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. Т. 1, 2, 3. – Издание Донской Исторической Комиссии, 1923 – 24.
27. *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 1. 1917–1918 гг. Зарождение Добровольческой армии. 1-й и 2-й Кубанские походы. – Париж, 1962.
28. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. – М, 1993.
29. *Раскольников Ф.Ф.* На боевых постах. – М.: Воениздат, 1964.
30. 50 лет верности России. 1917–1967. – Париж: Издательство марковцев-артиллеристов, 1967.
31. Ленин о Доне и Северном Кавказе. Ростовское книжное издательство, 1967.

А. Бугаев

**Очерки истории
гражданской войны на Дону**

(февраль 1917 г. – февраль 1918 г.)

Издаётся в авторской редакции

Компьютерная верстка *Погодиной А.Г.*

Подписано в печать 09.09.2010 г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 23,25.
Тираж 500 экз. Заказ № 062.

А. Бугаев

**Очерки истории
гражданской войны на Дону**

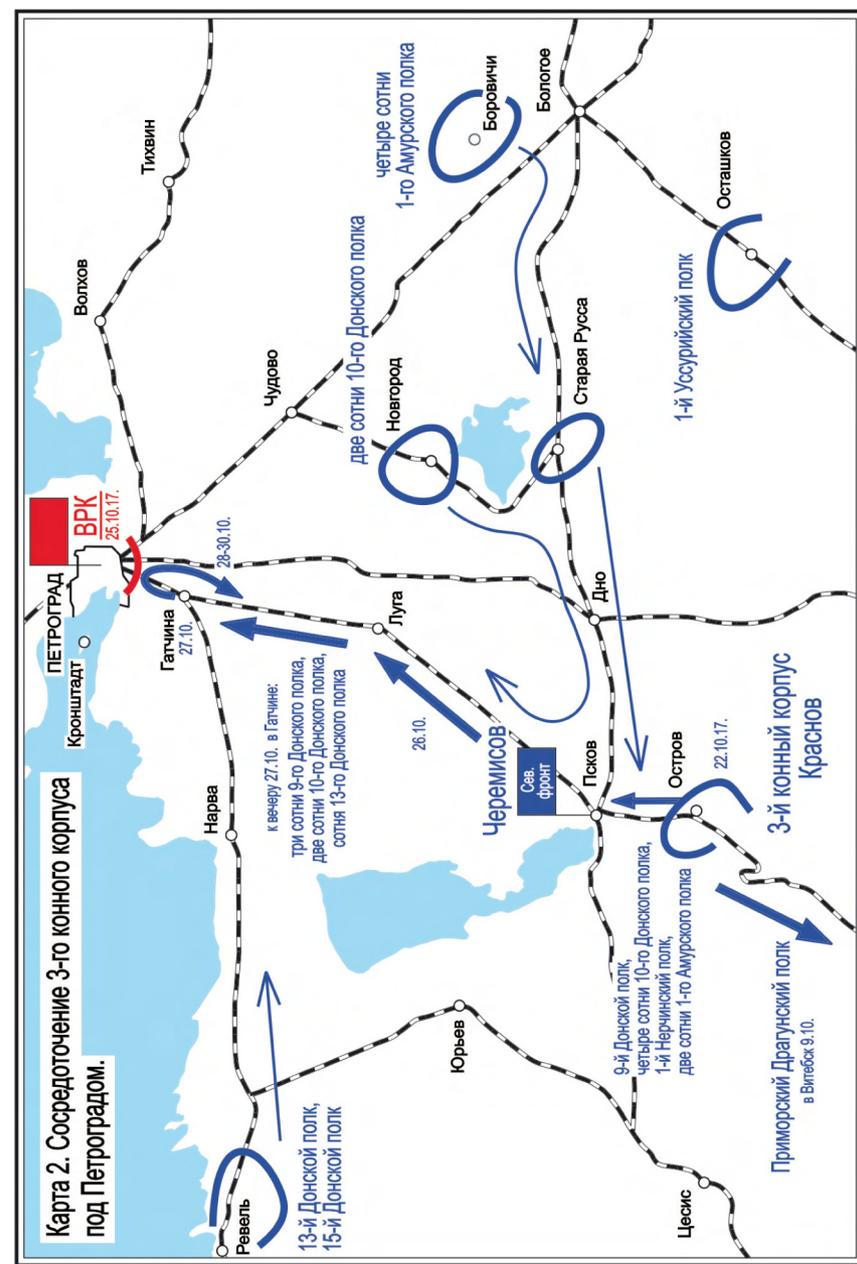
(февраль 1917 г. – февраль 1918 г.)

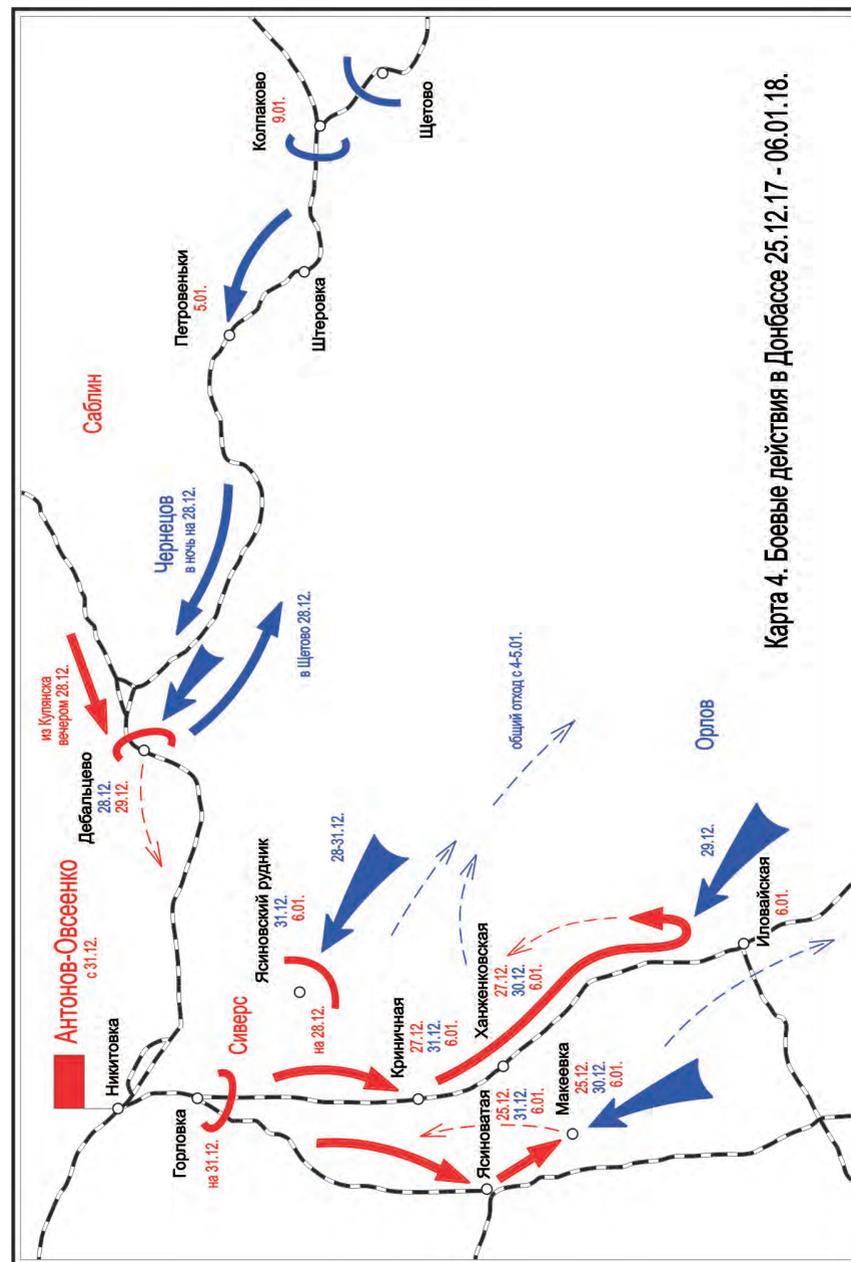
**Ростов-на-Дону
2010**

Карта 1. Область войска Донского в 1914г.

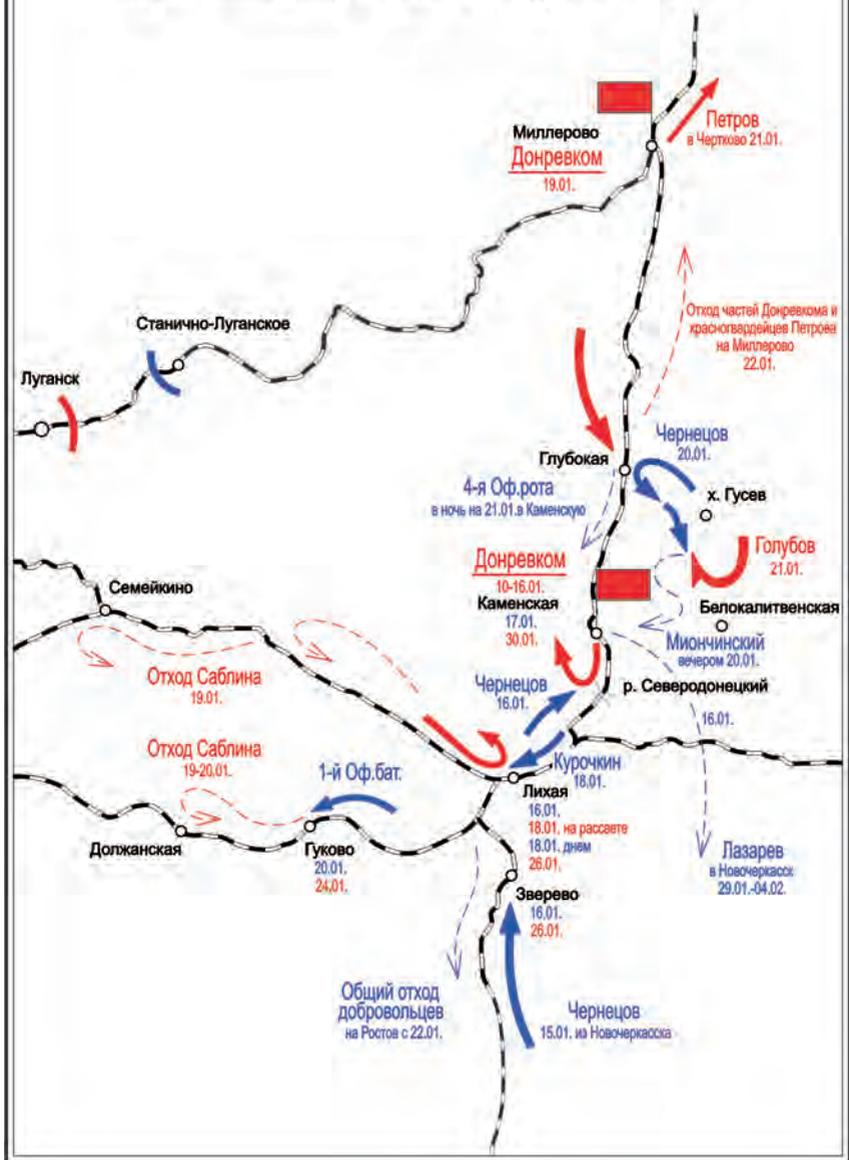
Карта 2. Сосредоточение 3-го конного корпуса под Петроградом.

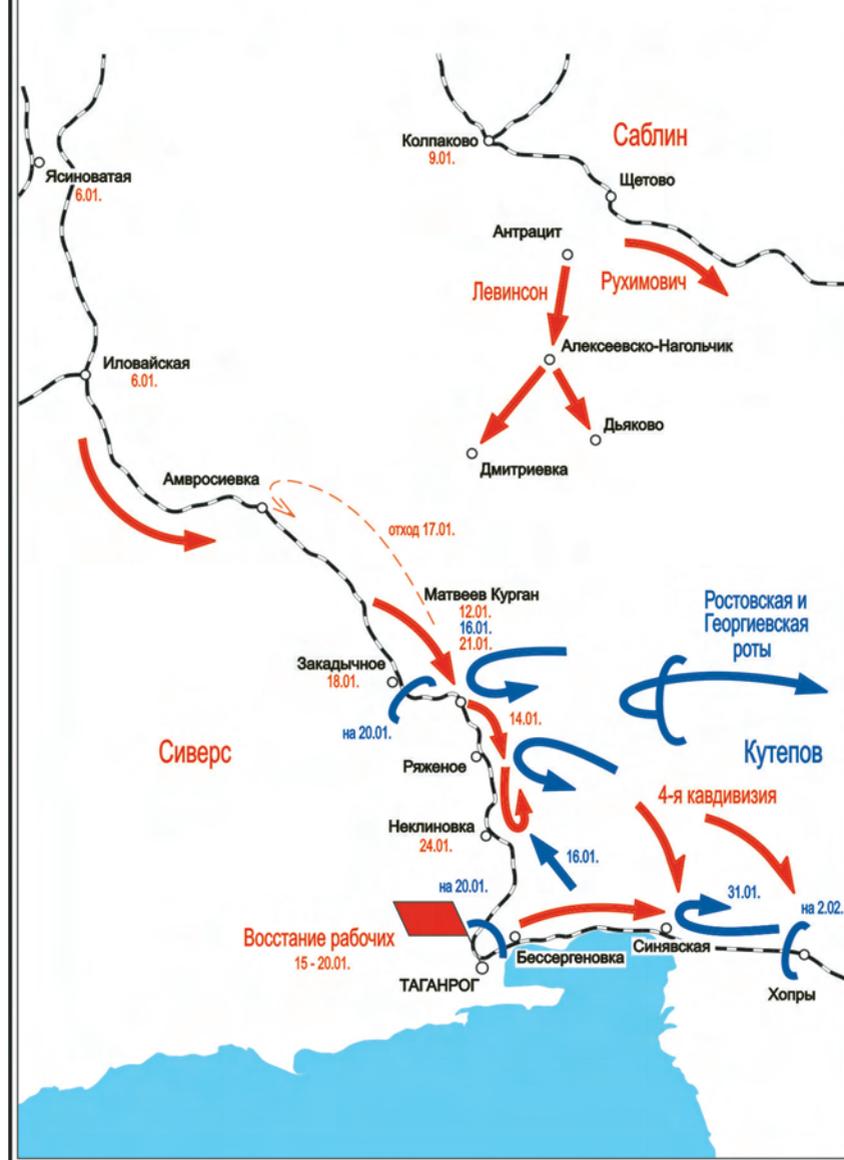

Карта 4. Боевые действия в Донбассе 25.12.17 - 06.01.18.

Карта 5. Боевые действия в Донецком округе 15.01. - 04.02.18.

Карта 6. Боевые действия в Таганрогском округе 12.01.-02.02.18.

Зак. 062.Очер.ист. 1 л.
Зак. 062.Очер.ист. 1 л.
Зак. 062.Очер.ист. 2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 3 л.
Зак. 062.Очер.ист. 3 л.
Зак. 062.Очер.ист. 4 л.
Зак. 062.Очер.ист. 4 л.
Зак. 062.Очер.ист. 5 л.
Зак. 062.Очер.ист. 5 л.
Зак. 062.Очер.ист. 6 л.
Зак. 062.Очер.ист. 6 л.
Зак. 062.Очер.ист. 7 л.
Зак. 062.Очер.ист. 7 л.
Зак. 062.Очер.ист. 8 л.
Зак. 062.Очер.ист. 8 л.
Зак. 062.Очер.ист. 9 л.
Зак. 062.Очер.ист. 9 л.
Зак. 062.Очер.ист. 10 л.
Зак. 062.Очер.ист. 10 л.
Зак. 062.Очер.ист. 11 л.
Зак. 062.Очер.ист. 11 л.
Зак. 062.Очер.ист. 12 л.
Зак. 062.Очер.ист. 12 л.
Зак. 062.Очер.ист. 13 л.
Зак. 062.Очер.ист. 13 л.
Зак. 062.Очер.ист. 14 л.
Зак. 062.Очер.ист. 14 л.

2. Зак. 062
2*
3. Зак. 062
3*
4. Зак. 062
4*
5. Зак. 062
5*
6. Зак. 062
6*
7. Зак. 062
7*
8. Зак. 062
8*
9. Зак. 062
9*
10. Зак. 062
10*
11. Зак. 062
11*
12. Зак. 062
12*
13. Зак. 062
13*
14. Зак. 062
14*

Зак. 062.Очер.ист. 1 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 1 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 2 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 2 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 3 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 3 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 4 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 4 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 5 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 5 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 6 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 6 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 7 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 7 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 8 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 8 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 9 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 9 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 10 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 10 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 11 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 11 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 12 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 12 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 13 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 13 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 14 1/2 л.
Зак. 062.Очер.ист. 14 1/2 л.

1/2 1. Зак. 062
1/2 1*
1/2 2. Зак. 062
1/2 2*
1/2 3. Зак. 062
1/2 3*
1/2 4. Зак. 062
1/2 4*
1/2 5. Зак. 062
1/2 5*
1/2 6. Зак. 062
1/2 6*
1/2 7. Зак. 062
1/2 7*
1/2 8. Зак. 062
1/2 8*
1/2 9. Зак. 062
1/2 9*
1/2 10. Зак. 062
1/2 10*
1/2 11. Зак. 062
1/2 11*
1/2 12. Зак. 062
1/2 12*
1/2 13. Зак. 062
1/2 13*
1/2 14. Зак. 062
1/2 14*